

Кристина Рой

Дорогой ценой

Роман

Издание четвертое, исправленное

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Киев
2011

УДК 821.162.4-31
ББК 84.4(Сло-44)
Р65

Перевод с немецкого *Л. Герман*

Ответственный редактор *В. Цорн*

Художник *Л. Бунина*

Дизайн и компьютерная верстка *Т. Крук*

Корректоры *И. Никольская, В. Новомирова*

Рой К.

Р65 **Дорогой ценой.** — Киев: «Свет на Востоке», 2011. — 448 с.

ISBN 978-966-2089-51-6 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-83-6 (Герм.)

Роман о пути людей к Иисусу Христу, к признанию Его своим Господом и Спасителем. На примере жизненных ситуаций автор показывает истинность евангельских заповедей о любви к Богу и ближнему, о прощении и необходимости всегда и во всем обращаться в молитве к Богу и только в Нем искать утешение и опору в жизни.

УДК 821.162.4-31

ББК 84.4(Сло-44)

Отпечатано в типографии SPI books, Ульм, Германия.

Издание четвертое, исправленное.

Изд. № 01.520

ISBN 978-966-2089-51-6 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-83-6 (Герм.)

© «Свет на Востоке», 1992, 1993, 1994.

© «Свет на Востоке», 2011.

*Не ты Его ищешь, а Он ищет тебя;
не ты Его находишь, а Он находит тебя.*

*И все, что совершает вера в тебе, —
от Него, а не от тебя.*

М. Лютер

*«А тем, которые приняли Его...
дал власть быть чадами Божиими».*

Евангелие от Иоанна, глава 1, стих 12

Глава первая

Давно уже слуги не видели своего старого пана в таком хорошем настроении, как в тот день, когда вернулся домой его любимый внук Адам Орловский. Старик так бодро рассказывал по своему имению, будто помолодел на десять лет. И неудивительно, ведь он долгие годы жил в полном одиночестве.

Пан Николай Орловский еще молодым приехал в Венгрию из Польши, где его втянули в политическую интригу, после чего он был вынужден оставить горячо любимую родину. Однако ему удалось увезти состояние и приобрести имение в стране своего прибежища, недалеко от городка Подград. Вместе с паном Николаем приехали его красавица жена и трое милейших деток.

Но счастье мимолетно. Умерла пани Орловская. Она не смогла привыкнуть к жизни на чужбине. А через несколько лет и старший сын, Адам, умер от тоски по своей любимой жене, скончавшейся при рождении их первенца Адама.

Еще до этой утраты между паном Николаем и его младшим сыном, Фердинандом, произошло нечто, что оставалось загадкой для всех. Было лишь известно, что пан Фердинанд Орловский однажды ночью покинул отцовский дом, чтобы больше никогда сюда не вернуться. При пане Николае даже упоминать его имя было запрещено. Люди предполагали, что он чем-то опозорил честь рода Орловских.

После потери обоих сыновей у пана Орловского осталось только одно дитя — младшее и самое любимое, радость и гордость отцовского сердца — дочь Наталия.

Имение Орловского, которому пан Николай дал название Орлов, находилось восточнее Подграда. Город же называли так потому, что расположился он у подножия старой крепости, возвышавшейся над ним, как памятник былой славы. Внизу, под развалинами крепости, проходила Замковая улица, на угловом доме которой золотыми буквами было написано: «Аптека „Золотая лилия“».

С давних времен эта аптека принадлежала семье Коримских и переходила от отца к сыну. Коримские были очень богаты, и у Ивана Коримского был только один наследник, Манфред, которого он заставил дать обещание продолжать дело отца и не продавать аптеку даже после его смерти. Трудно себе представить, чего стоило гордому Манфреду Коримскому сдержать это обещание!

Вся округа была удивлена, когда пан Орловский, старый, гордый дворянин, позволил своей единственной дочери, имевшей многочисленных обожателей, остановить свой выбор именно на Манфреде Коримском, который ни по своему положению, ни по чину, ни даже по вероисповеданию не подходил молодой Орловской. Зато он всех превосходил своим богатством, образованием и красотой.

Возможно потому, что у пана Николая было только единственное дитя и он своей дочери ни в чем не хотел чинить препятствий, он дал согласие на этот брак. Но прошло шесть лет, и он об этом горько пожалел. Шесть лет длилось счастье молодых Коримских. Но вдруг между ними возникла необъяснимая неприязнь, и молодая женщина снова вернулась в Орлов с твердым намерением никогда больше не возвращаться к мужу. Все попытки образумить ее: мольбы отца, просьбы Коримских, уговоры священника — были бесполезны. Дело закончилось разводом. У Манфреда остался старший сын, Николай, у Наталии — маленькая дочка, Маргита.

Распался заключенный пред Богом союз двух людей, которые по воле Его должны были быть вместе всю жизнь. Так как пан Николай, не согласившийся с разводом, в гневе заявил, что дочь у него жить не будет, Наталия с ребенком уехала в Вену. Для гордого, чувствительного пана Орловского это было ужасным ударом. Однако худшее ждало его впереди.

По прошествии трех лет он получил от дочери, с которой переписьвался время от времени, письмо, в котором она сообщила, что принимает евангелическую веру, так как намерена вступить в брак с инженером Райнером. Это письмо пан Николай оставил без ответа: он больше не считал Наталию своей дочерью.

Всю любовь своего огорченного сердца он с тех пор отдавал внуку Адаму. И вот Адам после долгих лет учебы, наконец, вернулся домой. И не на каникулы, как обычно, а насовсем! Ему дед решил

передать все, что накопил в трудах и заботах, чтобы радоваться счастьем любимца и пожить в свое удовольствие на старости лет.

Банкет по случаю приезда внука закончился, гости разъехались. Николай Орловский сидел с Адамом в зале возле камина: он — на диване, внук — в кресле. Отблески огня освещали мужественную фигуру старика, напоминавшую мощное, бурями покореженное, но не сломленное дерево. Седые волосы и такая же борода обрамляли его загорелое, изрезанное морщинами лицо с энергичными чертами, гордым лбом и плотно сжатыми губами. Вдруг старик поднял голову.

Из-под седых бровей он устремил свой взор, полный любви, на задумавшегося юношу. Адам Орловский был очень похож на деда: тот же гордый лоб, те же черные глаза и сжатые губы. Вся его внешность говорила об аристократическом происхождении.

Адам почувствовал на себе испытующий взгляд деда. Глаза их встретились.

— Дедушка, я хотел бы знать, что означают высказывания господина Ц. и доктора Раушера о твоих планах относительно меня, — начал разговор молодой Орловский.

— Вот как? — улыбнулся старик. — Мои планы просты. Ты станешь хозяином Орлова. Я готов передать тебе все, что имею. А поскольку я хотя бы на старости лет хочу увидеть вокруг себя жизнь и радость, нужно подумать и о хозяйке. Короче говоря, я тебя воспитал и теперь хочу тебя женить.

— Меня? — молодой человек вскочил как ужаленный. — Прости, но из этого ничего не выйдет! Я не думаю жениться! И против своей воли не позволю связать себя!

— Тише, Адам! — пан Орловский нахмурился. — Ты меня не понимаешь. Сначала послушай. Относительно твоей женитьбы у меня особые намерения. Во-первых, ты должен спасти свою родственницу и привести ее туда, где ей положено быть, то есть — домой. И, во-вторых, то, что с такой легкостью отняли у католической церкви, должно быть ей возвращено.

— Я тебя действительно не понимаю. Как я женитьбой могу спасти душу для католической церкви? Спасать души — это дело священников, но не мое.

Старик махнул рукой:

— Если бы не было необходимости, я бы даже не вспомнил об этих неприятных делах.

Адам удивленно посмотрел на деда. Дрожащим и необыкновенно мягким голосом тот продолжал:

— Ты знаешь, что у меня есть внучка, Маргита. Но с тех пор как ее мать приняла евангелическую веру, она вырвана из лона нашей церкви, где ей положено быть, так как крещена она в католической... Если мы не спасем Маргиту теперь, когда ей нет еще восемнадцати, то ее принудят к официальному переходу, и она для нас будет потеряна навсегда. К тому же надо помнить, что бедная девочка вынуждена при живом отце жить в доме отчима.

— Так спаси ее! Зачем я тебе для этого? У твоей внучки в твоём доме столько же места и прав, как у твоего внука. Зачем же нас обоих лишать свободы?

— Ты прав, но разве мать Маргиты добровольно нам ее отдаст? Мы ее даже через суд не сможем заставить, — продолжал пан Николай с раздражением. — Есть только один путь: просить для тебя руки Маргиты и пообещать оставить вам все, если вы поженитесь.

— Но она мне двоюродная сестра! Церковь этого не позволит, — возразил Адам.

— Это сделают деньги, а церковь заинтересована в том, чтобы ваше намерение осуществилось. Я хочу, чтобы вы — ты и Маргита — были со мной до конца.

— Но ведь это может осуществиться и без твоего условия. Если ты пообещаешь ей наследство, они тебе ее и так отдадут, и мы сможем жить с тобой.

— Ах, не болтай! — рассердился дед. — Сегодня вы согласны жить у меня, а завтра появится кто-то, за кого Маргита выйдет замуж, и ты тоже женишься на ком-нибудь. А я? Нет, нет, я не дам разорвать имение, не позволю! — вскричал он, ударив кулаком по спинке дивана. — Либо вы вместе получите все, либо никто ничего не получит!

— Так отдай все ей! — воскликнул молодой человек. — Выдай ее замуж, тогда у тебя будет зять. Они с радостью останутся у тебя. А я не продаюсь. Одна мысль об этом мне отвратительна!

— Ах, вот как! Значит, я тебя покупаю? — с горечью произнес старик. — Это твоя благодарность за все, что я для тебя сделал? Так ты мне хочешь отплатить? Хотя чему тут удивляться! Если собственные дети отравили мне жизнь, почему бы и внуку не забить еще один гвоздь в мой гроб? Ты, стало быть, не можешь исполнить мою единственную просьбу? Хорошо, сын мой...

Пан Николай встал и направился к выходу. Рука его уже лежала на ручке двери, когда молодая сильная рука обвила его плечи.

— Не сердись, дедушка! Требуй, чего угодно, я жизни для тебя не пожалею, но только не это!

— Я уже ничего не прошу, — ответил дед, отстраняя внука. — Но ради того, за кого ты жизнь готов отдать, можно и чем-то пожертвовать. Оставь, сын мой! Забудь, что твой неразумный дед, после стольких разочарований в жизни, на старости лет захотел немного счастья. Это был лишь сон. Годами я его вынашивал, однако он исчез, как утренний туман.

— Не говори так, дедушка, не мучь меня! — Адам обеими руками схватился за голову. — Ты еще не знаешь, почему я не хочу и не могу жениться. Я не хотел об этом говорить, но теперь придется, чтобы ты меня понял. Присядь, пожалуйста, и послушай!

Старик поспешно сел в ближайшее кресло и с выражением ужаса уставился на бледное лицо внука.

— Не хочешь ли ты мне сказать, что у тебя где-то уже есть жена?! — простонал он.

— Как ты мог такое подумать! Разве я обманщик или лицемер? Уверяю тебя, у меня и времени не было, чтобы заниматься подобными делами. — Адам гордо выпрямился, откинув прядь волос со лба. — Я знаю, дедушка, чем тебе обязан за твою любовь и заботу. Когда ты сказал мне, что я должен провести с тобой последние годы твоей жизни, я решил отказаться от своего сокровенного желания. Я намеревался отправиться с профессором Герингером в археологическую экспедицию. Но я не отказался от своего плана навсегда, ибо это означало бы отступление от избранного пути. Если же теперь ты будешь настаивать, чтобы я женился, ты разрушишь все мои надежды осуществить задуманное. Но поскольку я у тебя в долгу, я подчиняюсь твоей воле.

В комнате стало тихо. Шла борьба двух сердец. Которое из них победит? Склоненная на руки голова старика вдруг резко поднялась, глаза его сверкнули в твердом решении.

— Я благодарю тебя, Адам. Твои слова — награда за все мои труды. Я правильно тебя воспитал. Однако жертва за жертву. Ты исполнишь мое желание и женишься на Маргите Коримской. Я же помогу тебе осуществить твои планы. Маргита останется у меня... А ты сразу после свадьбы отправишься в путешествие. Не будем обращать внимания на толки людей. Я хочу, чтобы ты совершил свое путешествие, пока я жив.

— Дедушка!..

От счастья Адам не мог произнести больше ни слова.

Глава вторая

Адам Орловский, несмотря на вечерние сумерки, отправился на верховую прогулку по заснеженным тропам, а пан Николай, закончив письмо внучке, долго еще расхаживал по своей спальне, рассуждая сам с собой: «Да, замуж тебя надо выдать, потому что и ты могла бы поступить так, как он... Мальчик мой неразумный, ты думаешь, что приносишь жертву? Ну-ну, посмотрим. Кто знает, сколько я еще проживу; тебя тоска одолеет, и ты сбежишь, а я останусь один. Так уж лучше я отпущу тебя сам, только со связанными крыльями, чтобы ты вернулся... Ах, почему на этом свете счастье так недолговечно! Зачем я, собственно, жил? И что изменится, когда я умру? Хоть бы знать, где он?.. Глупости! Ничего я не хочу знать! У меня никого нет, кроме тебя, Адам, и тебя, Маргита. И вы должны быть счастливы!»

В этот момент в соседней комнате послышались шаги. Старик вышел.

— Ах, это вы, доктор Раушер? — удивился он, приветствуя гостя, который только недавно оставил гостеприимный дом в Орлове. — Почему вы вернулись?

— Я принес очень неожиданное и печальное известие, которое касается и вашей милости.

— Меня? Присядьте, пан доктор, и рассказывайте.

— Николай Коримский, ваш внук, несколько часов назад отравился.

— Кто? — старик был поражен, однако сохранил спокойствие.

— Молодой Коримский. Около недели назад он приехал домой навестить отца, а после этого хотел отправиться в путешествие, чтобы пополнить свои знания по химии. Когда я приехал от вас домой, меня уже ждали сани... Теперь, возвращаясь, я свернул к вам, чтобы сообщить о случившемся. Бедный молодой человек еще жив: удалось сразу дать ему противоядие. Но он очень страдает, и пан Коримский в отчаянии.

— А какое мне до всего этого дело, пан доктор? — сухо спросил Орловский.

— Ваша милость!.. — доктор с упреком смотрел в холодное лицо старика. — Ведь бедный Николай — ваш внук, который ни в чем не виноват.

— Так что мне, идти спасать самоубийцу?

— Кто вам сказал, что он самоубийца, пан Орловский? Коримские вместе работали в лаборатории, где было очень жарко. Николай с дороги был немного нездоров и вдруг упал в обморок. И бедный Коримский в замешательстве подал ему вместо лимонада сильный яд, который, по несчастью, стоял рядом в таком же стакане. Молодой Коримский уже немного глотнул, когда заметили ошибку, но было поздно. Бедный аптекарь!

— Значит, Манфред сам его отравил! — воскликнул старик, дрожа от волнения. — Это невозможно!

— Теперь, я думаю, вам понятно, зачем я пришел сюда с этим известием. Кто позаботится о несчастном Коримском, если не вы? Если вы этого не сделаете, он может лишиться рассудка, он и так уже близок к этому.

— Вы пешком пришли, доктор?

— Приехал на санях.

— Тогда подождите немного!

— Я знал, — пробормотал доктор, — он слишком благороден, чтобы в таком несчастье не простить обидчика.

Через несколько минут сани мчались по заснеженным улицам небольшого городка, пока не остановились перед аптекой «Золотая лилия».

По ступеням лестницы доктор едва поспевал за своим спутником. Но наверху, на лестничной площадке, старик остановился.

Его одолели воспоминания... Двадцать четыре года назад он бежал по этой лестнице, подгоняемый радостью, счастьем и желанием увидеть своего первого внука — дитя любимой дочери. Там, за этой дверью, счастливый молодой отец передал ему в руки своего первенца. И почти шестнадцать лет прошло с тех пор, как он в последний раз видел внука и разговаривал с его отцом. Теперь же он пришел, чтобы увидеть их страдания...

Доктору показалось, что старик хочет вернуться. Но вдруг кто-то отворил дверь, и в освещенном проеме показался юноша, всем своим видом олицетворявший силу и молодость. Густые черные волосы обрамляли его глубоко опечаленное лицо.

— Вы вернулись, коллега? — спросил доктор обрадованно. — Кто мог представить вчера, когда вы прощались со своим другом, что случится с ним сегодня?

— Если бы я знал, то никогда бы его не оставил, — промолвил молодой врач, поклонившись.

— Позвольте, ваша милость, представить, — сказал доктор Раушер. — Пан доктор Аурелий Лермонтов — друг Николая... Пан Орловский.

Пан Орлов и Лермонтов с интересом посмотрели друг на друга.

— Как чувствует себя мой внук? — спросил старый пан неуверенным голосом, протягивая молодому человеку руку.

— Он без сознания.

Они молча вошли в спальню и остановились возле постели. Дед склонился над внуком, вглядываясь в его бледное, с тонкими чертами и полузакрытыми глазами лицо. Высокий лоб больного обрамляли влажные светло-золотистые волосы.

Старик обхватил голову юноши руками и, тяжело вздыхая, со слезами на глазах, поцеловал его в губы и в лоб.

— Никуша, мой Никуша!

Старый доктор отвернулся, скрывая слезы; молодой опустил голову.

— Ведь он мертв! — воскликнул старик, выпрямляясь и растерянно оглядываясь вокруг. Только теперь он увидел выскокую фигуру мужчины, стоявшего в тени. Короткая борьба

отразилась на лице Орловского; еще мгновение, и произошло то, что еще вчера было невозможно: два человека, казавшиеся разделенными навсегда, бросились друг другу в объятия.

— Мужайся, Манфред, ты невиноват, — произнес старик. — Это несчастье и великая боль, но ты не виноват.

— Да, пан Коримский, — сказал молодой врач, — пан Орловский прав.

В этот момент аптекарь поднял глаза и растерянно, словно проснувшись, посмотрел на пана Николая.

— Отец! Ты здесь? Ты видишь, что со мной случилось? — стонал он. — Это невозможно!

— Да утешит тебя Бог, Манфред!

— О, мой сын погибает, и я — виновник его смерти!..

Глава третья

В известном пансионе в А. было весело. Воспитанники праздновали именины директрисы. В слабо освещенном салоне, в стороне от веселящейся молодежи, сидела девушка, погруженная в размышления. Она была стройна и красива. Но особенной красотой отличались ее черные глаза с длинными ресницами, задумчиво смотревшие на горящий в камине огонь. Строго сомкнутые губы свидетельствовали о самостоятельности и силе характера.

О чем думала она в то время, когда ее сверстницы развлекались играми и танцами?

Она мысленно прожила еще раз всю свою жизнь. Ведь ей теперь нужно было думать о своем будущем. Она вспоминала первые годы детства, когда так горячо любила свою мать и доброго отца, который из своих путешествий всегда привозил ей сласти, игрушки и красивые платья. Он предоставлял ей полную свободу и никогда не перечил ей. Он даже добился для нее у матери разрешения уходить на полдня к подругам, когда он бывал дома.

Служанки всегда сразу уводили маленькую барышню, когда хозяин, возвратившись в очередной раз, одаривал ее. Потом она уже сама уходила, чтобы не мешать родителям.

Так прошли первые семь лет. Однажды между маленькой госпожой и служанкой случилась ссора. Девочка топнула ножкой и пригрозила пожаловаться отцу.

— Отцу? — засмеялась прислуга. — Далеко бы вам пришлось идти, чтобы пожаловаться ему!

И девушка-прислуга объяснила ей:

— Пан инженер не ваш отец, Маргита. Ваша фамилия не Райнер, как у вашей матушки, а Коримская. Когда вы пойдете в школу, вы увидите, как вас запишут.

Но Маргита не хотела ждать. Она выбежала в коридор и на лестнице лицом к лицу столкнулась с отцом.

— Лена сказала, — вместо приветствия пожаловалась она возмущенно, — что ты не мой отец, что у меня другой отец, который далеко отсюда, и что моя фамилия Коримская. Ты скажи ей, что это неправда, я твоя дочь...

До сего дня она не забыла выражения его лица в тот момент: он словно облегченно вздохнул, одновременно искренне пожалев ее.

— Лена глупа, если рассказывает тебе такие вещи, — ответил он ласково и нежно убрал прядь волос у нее со лба. — Однако, — добавил он так, будто разговаривал со взрослым, — она права: я твой отчим. Но, полагаю, мы были и останемся добрыми друзьями... А теперь походи в свою комнату, там ждет тебя книжка с красивыми картинками. Только маме не говори, о чем мы с тобой сейчас беседовали, она очень огорчится.

После этого разговора Маргита к матери пойти не могла и осталась наедине со своими мыслями. Вскоре она начала думать, что является для отчима лишь обузой. Ведь он не любил ее так, как любил бы родной отец. И хотя она понимала, что должна быть благодарна этому благородному человеку, который так заботливо ее воспитывал, любовь к нему в осиротевшем сердечке угасла, и ничто уже не могло ее разжечь.

Только теперь маленькая Маргита увидела то, что раньше она могла лишь чувствовать: ее мать никогда не была веселой — ни в присутствии отца, ни в обществе, ни даже тогда, когда они оставались вдвоем. Почему? Маргита стала следить за матерью, за каждым ее шагом, пока однажды не застала ее горько плачущей над какой-то фотографией. Больше того — она целовала

это изображение! Сердце девочки сильно забилося, она страстно обняла мать и воскликнула в слезах:

— Мама, не плачь!

Мать, испугавшись, отстранила ее от себя.

— Что тебе нужно, Маргита? Иди спать! — сказала она строго.

Но всегда послушная девочка на сей раз проявила настойчивость.

— Я пойду, мама, но покажи мне сначала этот снимок и скажи мне, кто это и почему ты так плачешь.

— Кто это? — в слезах переспросила мать. — Это мой сын, это мой дорогой, золотой ребенок, мое невозместимое сокровище. Он у него, а ты у меня. Ах, почему ты не похожа на него? Почему на твоём лице это невыносимое...

Она замолчала. Её остановил полный ужаса взгляд дочери, которая поняла только одно: она меня не любит! Она меня не выносит! Мать привлекла её к себе и поцеловала. Но в тот момент уже ничто не могло утешить это маленькое несчастное сердечко.

В то время Маргите было десять лет. Она решила, что родной её братик лежит в могиле.

— Почему умер он? Почему не я? — воскликнула она, оставшись одна. — Мама любила его, а меня она не любит, потому что я не похожа на него!

На тринадцатом году жизни Маргита наконец узнала, что её брат живет у их родного отца. Но из-за развода родителей между ней, братом и отцом — для неё самыми близкими людьми — лежит непреодолимая пропасть. С этой скрытой болью в сердце она четыре года назад пришла в пансион.

Первое время она в труде искала лишь забвения от своего детского горя. Однако вскоре Маргита ощутила радость учебы. В ней все более возрастало желание приобрести какую-либо профессию, чтобы в будущем самой обеспечить свое существование. Она твердо решила не возвращаться в дом отчима, где никому не была нужна. При этом Маргита мечтала, как однажды она вернется к родному отцу и к брату и там найдет желанную любовь.

Обо всем этом думала и теперь молодая девушка, но мысли её снова и снова возвращались к письму, которое она получила

несколько недель назад. Оказалось, что есть на земле кто-то, о ком она никогда не думала, но этот «кто-то» признавал ее своей внучкой. Это отец ее матери, дедушка Орловский. Она наизусть выучила дорогие слова, которые говорили, что он тоскует по ней и желает, чтобы она приехала к нему скрасить последние годы его жизни. Маргита с радостью приняла предложение деда.

С нетерпением она ждала ответа на свое письмо. Вчера, наконец, он пришел! Дедушка понял, почему после пансиона она не хотела возвращаться к отчиму, и одобрил ее решение. Но самое главное — он хочет помочь ей окончательно освободиться от каких-либо обязательств по отношению к отчиму. Он писал, что у него только двое внуков и что он желал бы видеть их обоих счастливыми под своим кровом. Он считает необходимым, чтобы они вступили в брачный союз. Тогда он сможет доверить им все, что накопил за долгую жизнь. «Адам слишком меня любит, чтобы отказать мне в этой просьбе, и я надеюсь, милое дитя мое, что и ты ее исполнишь и тем самым освободишься от твоего недостойного, зависимого положения», — писал дедушка.

Так заканчивалось письмо, и к нему была приложена фотография красивого молодого человека. При первом же взгляде на фотографию одинокое сердце молодой Маргиты радостно забилось.

Мысль о том, что этот молодой человек должен стать ее мужем, казалась девушке прекрасным сном. И все же она не могла сразу дать ответ. Ухаживать за дедушкой — к этому она была готова. Но как согласиться на брак, если письмо написано не самим Адамом Орловским? И не у кого ей было спросить совета. Другая девушка написала бы своей матери, у нее же не было такой возможности.

«Если ты согласишься, с твоей матерью я сам договорюсь», — писал дедушка. За это она должна быть ему благодарна. У нее не хватило бы смелости говорить с матерью о дедушке, с которым та столько лет назад порвала отношения из-за своего второго замужества.

Вдруг она услышала приближающиеся шаги, и перед ней появилась одна из младших воспитанниц, которая с веселым возгласом: «Маргита, это вам!» — подала ей письмо и, подпрыгивая

в такт доносившейся музыки, ускакала. Маргита долго рассматривала конверт. Это послание было написано мужским почерком, но не рукой деда. Дрожащими пальцами она вскрыла конверт и, сразу заглянув в конец письма, увидела подпись: Адам Орловский.

Но что он написал! Прочитав до конца письмо, Маргита побледнела, глаза закрылись, а руки бессильно упали на колени.

Девушка сидела перед камином, как цветок, которого коснулся иней, а пламя освещало написанные твердой рукой строки:

«Многоуважаемая сударыня!

Так как я не в состоянии отказать дедушке, который в силу известных Вам обстоятельств желает нашего союза, я прошу Вашей руки, если она еще свободна, как моя. Однако, поскольку это слишком серьезный шаг, а в нашей семье достаточно причин остерегаться ошибок, я считаю своим долгом, досточтимая сударыня, сообщить Вам, что с Вашей стороны любви, которой Вы и не можете испытывать ко мне, не требую и со своей стороны не обещаю. Однако я требую верности, и ни о каком разводе в будущем речи быть не может.

Все это затевается главным образом ради нашего дедушки, о котором мы должны заботиться. Но дело это касается и Вас: эта затея даст Вам возможность покинуть дом инженера Райнера...

Еще я должен Вас предупредить, что сразу после свадьбы отправлюсь в давно запланированную исследовательскую экспедицию.

Пока я вернусь, Вы привыкнете к новым условиям, а в остальном — будем полагаться на судьбу. В надежде, что Вы, как и я, подчинитесь желанию нашего деда, в добрых намерениях которого мы можем не сомневаться, остаюсь, с уважением преданный Вам,

Адам Орловский».

Если бы знал пан Николай Орловский, как его внук выполнил это щепетильное дело, он был бы доволен!

Через час после прочтения письма Маргита вернулась в зал. Она была уже совсем другим человеком. Да, пан Николай может быть доволен: он соединит под крышей своего дома внуков и будет видеть их около себя. Да, она выполнит его желание, но какой ценой!

Глава четвертая

От станции в городок Подград шел молодой человек с маленьким чемоданом в руке. Резкий ветер швырял колючий снег ему в лицо. Пальто на нем было довольно легкое и явно не защищало от зимнего холода, да и руки были без перчаток, но он, казалось, не обращал внимания на непогоду. Не замечал он и любопытных взглядов женщин, которые, борясь с ветром, старались идти с ним в ногу. Станция была довольно далеко от городка, и путешественники зимой зачастую сильно мерзли, возвращаясь домой.

Молодой человек остановился, поставил на снег чемоданчик и подышал на свои руки; сняв свою неказистую шапку, он поправил сбившиеся на лоб волосы. При этом взгляд его остановился на лежащих впереди развалинах крепости. В тот момент вечерний звон колоколов торжественно и печально прозвучал в долине, как будто хотел поведать о большой любви и еще большей жертве. Юноша закрыл глаза. Тень печали пробежала по его лицу... А через минуту наш путешественник, уже с выражением твердой решимости, продолжал свой путь. Вдруг он увидел перед собой на заснеженном холмике маленького крестьянского мальчика. Тот сидел, прислонив голову к своему узелку. Было видно, что он замерзает.

— Что ты здесь делаешь? — склонился к нему молодой человек.

Мальчик открыл глаза.

— Я отдыхаю, я устал.

— Нельзя тебе здесь оставаться — замерзнешь! Вставай, идем со мной!

Мальчик послушно встал, но был словно в полусне. Застывшие ноги его подкашивались, и, если бы добрая рука не поддерживала его, он снова опустился бы на землю. Тогда молодой человек, не колеблясь, быстро привязал узел мальчика к своему чемодану, закинул эту ношу на плечи, поднял плачущего ребенка на руки и, сгибаясь под тяжестью, понес его к городу. Бледные щеки юноши покраснелись, от напряжения он часто дышал, но в глазах его светилось счастье.

Наконец он добрал до окраины городка и постучался в первый же дом. Женщина, живущая здесь, тотчас выразила готовность позаботиться о мальчике. Не успел мальчик поблагодарить своего спасителя, как тот уже шагал по улице навстречу ветру и метели.

Пройдя немного, он услышал за своей спиной звон колокольчиков и обернулся. Мимо него промчались красивые сани с парой горячих коней в упряжке. В санях рядом с пожилым паном сидела молодая дама, заботливо укутанная в теплый плед. Вуаль ее белой шапочки была откинута назад, и юноша успел заметить горящие, как черные агаты, глаза на цветущем лице.

Молодая пани тоже успела разглядеть одинокого путешественника, его бедную одежду и бледное лицо, и в глазах ее мелькнуло глубокое сострадание.

Сани умчались. Молодой человек ускорил шаг и остановился лишь около двери аптеки «Золотая лилия». Ему открыла пожилая, просто одетая женщина с красным лицом. На его вопрос, может ли он говорить с паном Коримским, она покачала головой. Но когда юноша представился, лицо ее осветилось радостью.

— Ах, пан — наш новый провизор? Наконец-то вы приехали! Однако вы совсем застыли! Я сейчас же велю протопить вашу комнату, а пока идите ко мне. Наверное, вы с дороги проголодались; мы уже поужинали, поэтому, уж не обессудьте, накормлю вас чем придется...

Не дожидаясь ответа, женщина открыла дверь не очень большой, но хорошо протопленной комнаты и вскоре принесла ужин, который нельзя было назвать «чем придется». Она пригласила гостя к столу.

— Пану Коримскому я о вас уже доложила. Сразу после ужина вы можете пойти к нему, — сообщила разговорчивая женщина, наливая в чашку горячий чай. — Он ждал вас еще вчера.

— Очень сожалею, что я раньше не мог прибыть, — ответил молодой человек, вставая. — Аптека сегодня, наверное, уже закрыта?

— Ах, она уже целую неделю закрыта, с тех пор как случилось это большое несчастье. Но вы же ничего о нем не знаете?

— Нет, знаю.

Они вышли из комнаты.

— Вы знаете? Тем лучше. Пан наш с тех пор не может и не хочет больше делать лекарств, да и неудивительно! А ученики его продают только мелочь, рецептов не принимают. Нам очень неудобно перед людьми, да и перед врачами тоже.

— А как молодой пан Коримский? — спросил молодой человек с искренним состраданием в голосе.

— Со вчерашнего дня, слава Богу, немного лучше. Доктор Лермонтов говорит, что смертельная опасность миновала. Дал бы милосердный Господь, чтобы доктор не ошибся!

— Он врач этого городка?

— Ах, нет. Наш врач — доктор Раушер — уже пожилой пан. Доктор Лермонтов — друг нашего Никуши. Не удивляйтесь, что я его так называю. Ведь я за ним ходила, когда он лишился матери, и воспитывала его, а теперь мне приходится видеть его страдания.

Женщина тихонько заплакала.

— Он все еще так сильно страдает? — спросил молодой человек все так же сочувственно.

— Этого мы не знаем. Он теперь уже в сознании и скрывает свое самочувствие, чтобы отец не огорчился. Но вот и ваша комната, пан провизор.

— Благодарю вас. Комната пана Коримского на втором этаже, не так ли?

— Да, вторая дверь справа от лестницы.

Молодой человек вошел в отведенную ему комнату. Открыв свой чемодан, он вынул из него и привел в порядок одежду.

Вдруг он опустился на колени, закрыв лицо руками, и оставался так некоторое время. Когда он встал, на его лице были видны следы слез, но глаза его снова светились. Он поднялся по лестнице, никого не встретив; большой дом казался пустым. Но как только он коснулся ручки двери, она отворилась, и из нее, со склоненной головой, вышел сам хозяин дома. Выражение его тонкого лица было скорбным.

— Я Мирослав Урзин, — представился молодой провизор.

— Очень рад. — Коримский протянул ему руку. — Войдите.

Он пропустил его вперед, и сам вошел следом в богато обставленную, освещенную большой люстрой комнату. Они сели в кресла.

— Исходя из ваших рекомендаций, я думал вы старше, — сказал аптекарь приветливо, но с сомнением в голосе. — Можете ли вы управлять всей аптекой?

— На моем последнем месте из-за болезни владельца мне было доверено самостоятельное управление, — скромно ответил молодой человек.

— Тем лучше для меня и для вас. Условиями оплаты вы довольны?

— Вполне, пан Коримский!

— Тогда я вас больше не задерживаю. Вы, наверное, устали с дороги и должны отдохнуть. Надеюсь, о вашем удобстве позаботились; если нет — обращайтесь к пани Прибовской, моей домоправительнице. — Коримский встал, за ним поднялся и молодой человек.

— Вы позволите, пан Коримский, еще сегодня осмотреть аптеку, чтобы завтра с утра приступить к работе; я не устал. Коримский немного побледнел и провел рукой по лбу.

— Я пришлю доктора Лермонтова, он вам все покажет и передаст. Я вам доверяю, надеюсь, что не ошибусь в вас. Спокойной ночи!

Спешивший уйти Коримский в дверях еще раз обернулся. Ему показалось, будто молодой человек не все еще сказал. Глаза их встретились.

— Вы еще чего-то желаете? — спросил Коримский.

Этот вопрос вызвал в Мирославе некоторую растерянность. Покраснев, он сказал:

— Я хотел вас попросить позволить мне сегодня ночью сменить вас у постели молодого пана Коримского. Я бы точно выполнил все врачебные предписания.

— Сменить меня у постели сына? Но почему?

Холодное лицо аптекаря смягчилось.

— Потому, пан Коримский, что вам необходим отдых.

— А вам после дороги?

— Я молод.

— Да, конечно, но вам здесь все незнакомо. Вы мне очень поможете, если снимете с моих плеч бремя аптеки. Приступайте к исполнению ваших обязанностей.

Едва заметный поклон, и молодой человек остался один.

Вскоре в дверях появился доктор. Приятно пораженный благородным видом нового домочадца, он сразу начал разговор.

— Простите, господин Урзин, что я вас так долго заставил ждать. Но наш пациент только что проснулся, и невозможно было уйти. Извините, я забыл представиться: Аурелий Лермонтов.

Беседуя, молодые люди вместе спустились вниз.

— Если бы вы не приехали сегодня, — сказал врач, открывая аптеку, — завтра здесь пришлось бы работать мне. Так что я вам сразу же могу показать все наши сокровища.

— Я вам очень благодарен. К сожалению, я не смог приехать раньше: мой хозяин умер, и пришлось передавать аптеку его наследнику.

— А вы не могли ее принять?

Урзин улыбнулся.

— Я, наверное, этого никогда не смогу...

Молодой врач смутился.

— Извините за этот бестактный вопрос, — произнес он и начал показывать аптеку. Заметно было, что он отлично разбирался здесь в книгах, химикалиях, во всем. — Так, основное я вам показал.

— Я благодарю вас, пан доктор, и надеюсь вернуть аптеку пану Коримскому в том же безупречном порядке, в каком я ее принял.

— О, пан Урзин, Коримский вряд ли когда-нибудь заглянет в провизорскую! Постарайтесь обрести его благосклонность и доверие, и ваше будущее обеспечено. Сегодня вы провизор, затем вы станете компаньоном, а там, глядишь, и владельцем. Простите, но я вынужден вас оставить: Никуша отпустил меня ненадолго. Не удивляйтесь, что называю его этим именем, оно ему подходит. До свидания, до завтра!

Было уже довольно поздно, когда дверь за доктором закрылась, и новый провизор в первый раз лег спать в доме с вывеской «Аптека „Золотая лилия“», где ему прочили блестящее будущее.

Глава пятая

— Отец, где Аурелий так долго? — спросил слабый голос с постели, у которой, подперев голову руками, сидел Коримский.

— Он скоро придет, Никуша. Только что приехал наш новый провизор. Аурелий показывает ему аптеку.

— Вот как? Провизор? Это хорошо! — Лицо больного оживилось. — Теперь тебе можно будет отдохнуть, — сказал юноша, лаская руку отца.

Пан Коримский молчал, явно не решаясь сказать сыну что-то.

— Забудь эту неприятность, которую я тебе причинил. Я ведь до сего дня не понимаю, как это случилось.

— Ты не понимаешь? — Коримский тяжело вздохнул.

Юноша, глядя на отца, дрожащим голосом проговорил:

— Не будем об этом. Однако не думай... Не надо... Нет, ты же не виноват! Все случилось из-за моей неосторожности. Если бы я сказал тебе, что я вылил яд в такой же стакан, в каком был лимонад! Ты вообще не хотел готовить эту смесь, а я настоял! Моя это вина, моя! Но ведь я поправлюсь. Аурелий сказал, что будет со мной до тех пор, пока я снова не смогу ходить. Посмотришь, мне станет лучше после первой же прогулки! А потом лучше всего оставить все мои планы на будущее и принять аптеку, чтобы, наконец, снять с тебя обязанности, которыми ты всегда тяготился. Я останусь с тобой и буду аптекарем, как мои предки.

— Никогда!

— Что ты сказал?

— Ничего, Никуша. Все будет так, как ты хочешь, — успокаивал его отец. — Смотри, вот уже идет пан Лермонтов!

— Я к вашим услугам, пан Коримский. Этот новый провизор — ваша удача.

— Вы думаете?

— Конечно. У него опыт и хороший характер, а это всегда отличное поручительство. Никуша, как твои дела? Ты плохо лежишь, дорогой! — Врач наклонился к больному.

— Я лежу хорошо, Аурелий. А провизор молодой?

— Приблизительно моего возраста.

— Жаль, что ты не привел его с собой!

— Ты хочешь его видеть?

— Хорошо бы, но уже поздно. Пусть отдохнет с дороги. Значит, завтра.

— Да, конечно, завтра он тебе представится. Тебе, дорогой мой, тоже пора спать, нельзя нарушать режим.

— Отец, я прошу тебя, иди и ты спать, ты такой бледный, — сказал больной озабоченно. — Аурелий, пожалуйста!

— Пан Коримский, эта просьба для меня приказ, и в силу этого высочайшего повеления я, как распорядитель в этой комнате, высылаю вас отсюда до завтрашнего дня и налагаю на вас в наказание за проведенные здесь ночи постельный арест на одну ночь!

Бледные губы больного растянулись в улыбке. Впалые глаза засветились озорством. Он обеими руками обхватил шею отца, когда тот склонился над ним.

— Я подчиняюсь высочайшему приказанию в надежде, что и ты будешь спать, — произнес отец тихо, поцеловав сына.

— Я буду спать.

Когда врач, выпроводив хозяина дома, вернулся к своему другу, тот лежал с закрытыми глазами, но тотчас открыл их.

— Это ты, Аурелий? Один?

— Да, дорогой!

— Ах, я себя опять так странно чувствую. Прямо плакать хочется.

— Плакать? У тебя что-нибудь болит?

— Нет, но мне чего-то очень не хватает. В душе моей так пусто и темно.

— Это твоё состояние рождает у тебя такие мысли, — успокоил его друг. — Болезнь сдерживает стремление твоего духа вывысь, угнетает его. Как только мы выйдем из этих четырех стен, все будет опять хорошо. Поверь мне.

— Нет, Аурелий. Подумать только, какие планы у нас были на будущее! Чего только я не хотел добиться в области химии, как я хотел прославить эту науку! И вот — одна лишь ошибка, незначительный промах и — ужасная ночь... Если бы я умер тогда, моя гордая, одаренная душа распалась бы в прах вместе с телом. Она превратилась бы в ничто, если бы не было вечности. А если есть вечность, что тогда ждет за пределами этой земной жизни того, кто об этом не думал?

В комнате стало тихо.

— На эти вопросы, Никуша, я не могу тебе ответить, — сказал Аурелий печально. — Было время, когда для меня в этом отношении все было ясно, но сейчас этого нет. Но не будем сегодня думать об этом. Ты еще слишком слаб, чтобы решать такие вопросы. Когда ты поправишься совсем, мы вместе с тобой будем искать истину.

— Правда? О, как я рад! Скажи мне только одно: ты веришь в вечность?

— Да, я верю, Никуша, потому что моя мать верила и жила для нее. И такая крепкая вера, какую она имела, когда умирала, не может быть напрасной.

— Видишь, вот и я верю и не могу избавиться от страха, от уверенности, что если бы я умер, вечность для меня стала бы страшной...

— Не говори так, — перебил его доктор, вставая со стула. — И чтобы ты больше не предавался своим мрачным мыслям, я тебе лучше расскажу новость: пан Николай Орловский взял к себе свою внучку, и сегодня вечером она прибыла в Орлов. Так, по крайней мере, сообщил мне Раушер. Завтра вечером в Орлове должна быть свадьба. Адам Орловский женится на своей кузине.

— Вот как? — Щеки больного покраснели от волнения. — Но ведь Адама не было дома!

— Он вернулся. Сейчас его тоже нет дома, он только к свадьбе вернется. После женитьбы молодые поселятся в другом имении, в Горке, которое пан Николай дарит своей внучке на свадьбу. Оттуда Адам отправится в экспедицию.

— А Маргита? — Больной приподнялся в постели, уставившись на своего друга.

— Маргита Орловская станет хозяйкой и будет ухаживать за дедом.

— Она останется здесь? А мой отец!..

— Никуша!

«Что я делаю?! Кому я все это рассказываю? — Аурелий ударил себя по лбу. — Ведь она его сестра!»

Он поспешно принялся выводить из глубокого обморока своего юного друга. Вскоре тот пришел в себя, но разговор не был продолжен. Больной устал, слабость клонила его ко сну.

Во сне он еще раз со вздохом сказал: «Она придет, наша Маргита, она придет, но не к нам...»

Глава шестая

По ярко освещенному залу расхаживал пан Николай Орловский, заложив руки за спину и поглядывая на дверь, будто с нетерпением кого-то ожидал.

Наконец зашуршал занавес, и перед паном Орловским оставилась в ярком свете стройная миловидная девушка. Старик с радостью разглядывал это изящное, но так серьезно выглядящее существо.

— Извини, дедушка, что заставила тебя так долго ждать: я была на кухне, там просили моего совета по одному делу.

— Маргита, что я слышу? Ты взяла в свои руки скипетр власти, едва вступив в этот дом? — сказал старик, улыбаясь. — Не успела ты приехать, они уже просят у тебя совета?

Он протянул руки к внучке и привлек ее к себе.

— Очень просто, — ответила она, целуя его. — Я увидела, как кухарка и ключница о чем-то очень серьезно рассуждали, спросила о причине спора и пошла с ними. Ты же меня позвал сюда, дедушка, а я приехала не бездельничать.

— Конечно, конечно, однако в приготовлениях к собственной свадьбе тебе незачем участвовать, это наше дело.

На мгновение тень пробежала по ее лицу.

— Не забывай, дедушка, что наша свадьба лишь второстепенное, хотя и необходимое дело, которое позволит мне остаться у тебя.

Пан Николай испуганно посмотрел на внучку.

— Разве для тебя главное — быть со мной? — спросил он.

Она своими большими глазами посмотрела на него и спокойно сказала:

— Да, ты первый и единственный человек, который любит меня и который нуждается во мне, поэтому я хочу жить для тебя.

— А Адам?

— Адам? Зная, что я у тебя, он спокойно может путешествовать. Он, наверное, будет очень доволен.

Тяжесть легла на сердце пана Николая: не таким он представлял себе этот союз. Впрочем, он себя успокоил: «Да она его просто не знает, поэтому так говорит! Главное, что они согласились, остальное приложится». А когда внучка так спокойно стала расспрашивать о приглашенных гостях и рассматривать свое приданое, подвенечное платье, фату и венки, дед окончательно успокоился.

На следующий день старик прямо-таки расцвел, когда увидел, как она управляется с домашними делами. Звонкий голос молодой хозяйки оживил старый дом.

В Орлове не заметили, как пролетел день приготовления к этой странной, как выражались слуги, свадьбе. К вечеру приехал пан Адам с тремя друзьями, а следом за ним начали съезжаться гости.

Венчание было назначено на шесть часов в Подграде, затем в Орлове должен был состояться ужин, утром — торжественный завтрак, после чего молодоженам надлежало отправиться в Горку. Таков был план пана Орловского.

Примерно через полчаса после прибытия в Орлов пан Адам, уже одетый в свадебный костюм, нарядный, как и полагается жениху, вышел на балкон, чтобы немного прохладиться. Молодой человек был взволнован, как ни старался он внушить себе, что этот шаг, к которому его принудил дед, для него лично не имеет ни малейшего значения. Ему было противно играть роль жениха. Он злился на самого себя за то, что в угоду деду согласился связаться с такой юной девушкой, которой он сегодня даст обет верности и которая всю жизнь будет ему в тягость, не говоря уже о том, что он предоставляет ей право владеть им. Он был рад, что не видел ее до сих пор, и все же ему хотелось, наконец, узнать, какова была эта навязанная ему невеста. Балкон освещался двумя розовыми светильниками. Вокруг все было так красиво! Вся округа, засыпанная снегом, была погружена в таинственную тишину, как зачарованная. Однако пан Адам не замечал этого, его раздражение все больше росло. Если бы это не было связано с его собственной честью и честью деда, он бы не сделал этого шага. Конечно, он завтра же отправится в путешествие, о котором столько лет мечтал, но не свободным молодым человеком, а мужчиной, которого общественные отношения принуждали хотя

бы в письмах заботиться о жене. И, кроме того, он был обязан вернуться к ней!

В волнении он провел рукой по волосам, повернулся и произвольно отступил, увидев рядом с собой девушку, которая стояла, прислонившись к перилам балкона, в белоснежном платье, в фате, ниспадавшей из-под флердоранжевого венка. Ее черные глаза с тоской смотрели на виднеющиеся невдалеке горы.

Адама охватило странное чувство. Мысли в его голове стали путаться: «Это — твоя невеста! Неужели это она, Маргита?» Нет, этого не может быть! Но ведь это лицо пана Коримского! Фигура и глаза когда-то столь любимой тети Наталии! Как зачарованный, смотрел молодой Орловский на свою невесту. В этот момент она обернулась. Краска залила ее лицо, потом оно побледнело; Маргита отступила назад, и между молодыми людьми, хоть их разделяло всего три шага, возникла пропасть.

— Добрый вечер, Маргита! Целую вашу руку, — поприветствовал ее молодой человек.

— Добрый вечер, — прозвучал равнодушный ответ.

— Адам Орловский, — представился он.

— Узнаю вас по фотографии.

— Вот как?

Они замолчали. Его обескуражила эта холодность. Такой он себе эту девочку из пансиона в А. не представлял. Адам достал часы.

— Наверное, пора, — сказал он, глядя на циферблат, хотя не видел при этом ни стрелок, ни цифр.

— Прошу в дом, дедушка перед венчанием хочет представить нас обществу.

Он вежливо открыл перед ней дверь. Она подняла свой длинный шлейф и легкими шагами прошла мимо него. Его коснулся аромат резеды и ландыша. И вновь овладело им это странное чувство...

Молча они прошли коридор до первого зала. Там навстречу им вышел пан Орловский. Адам увидел, как засветились глаза невесты и как она прильнула к деду.

Официальное представление молодых закончилось, настала пора отправляться в церковь. Маргита, белее своей фаты, с помощью жениха села в карету. Не было благословляющей руки

над ее головой. Она почувствовала себя сиротой: у нее не было никого на всем белом свете, кто мог бы оградить ее от этого страшного обета, связывающего ее на всю жизнь с чужим человеком. По дороге в церковь молодые не сказали друг другу ни слова. А от церемонии венчания у Маргиты остались лишь мрачные воспоминания. Адам уже не стеснялся роли жениха такой красивой невесты. Скорее наоборот — эта роль начинала ему нравиться...

Пышный свадебный пир подходил к концу. Гости уже разбегались. Все они были очарованы красотой невесты, и за молодой четой затворилась дверь салона Маргиты.

— Наконец мы можем поговорить наедине, — начал Адам. — До сих пор у нас не было этой возможности. Дедушка хочет, чтобы мы завтра посетили твое имение Горку. Ты не возражаешь, если мы перейдем на «ты»?

Маргита кивнула в знак согласия и впервые посмотрела ему в глаза.

— Двоем? — спросила она.

— Да.

— Зачем, если дедушка с нами не поедет? Если Горка мое имение, я его осмотрю в другой раз.

Он смешался.

— Ты знаешь, — сказал он, — по традиции мы теперь должны были бы отправиться в свадебное путешествие... Но это невозможно из-за моей экспедиции. Однако будет приличнее, если я хотя бы отправлюсь в путь из Горки.

— Почему? Нам не нужно свадебного путешествия, ты волен поступать, как тебе угодно. Зачем тебе задерживаться ради мнения чужих людей?

— Не ради людей! — возразил он, проведя рукой по волосам. — А разве ты не обидишься, если я оставлю тебя сразу после свадьбы?

— Я? — Она посмотрела на него, и ему показалось, что сейчас он утонет в глубине ее черных глаз. — Мы исполнили желание дедушки. Речь идет о нем, а не о нас. Только он связывает нас.

Адам вскочил со стула.

— Маргита, что ты говоришь? Ведь мы только что дали обет! Она тоже выпрямилась.

— О, обет верности я сдержу. И ничего не потребую взамен. Можешь не опасаться, что я тебе буду мешать. Извини, я тебя оставлю, но ненадолго: мы еще должны поговорить о наших делах.

Когда девушка вернулась, Адам Орловский все еще стоял на том же месте, где она его оставила, мрачный и задумчивый. Чего он, собственно, хотел? Раньше он боялся оков, а теперь, когда она ему так спокойно сказала, что совершившееся было лишь официальной церемонией, которая их не сближала и не могла сблизить, он был обижен до глубины души. Воспитание у него было довольно поверхностное, хотя дед привил ему определенные моральные принципы, которые, как считал сам Адам, хранили его от падения до сего дня. Однако он был старше и имел на брак более зрелые взгляды, чем она. Он знал, что подобные отношения между ними не могут продолжаться долгое время. Ее отношение к создавшемуся положению его не удивляло, ведь ей не было и восемнадцати, и она не знала жизни. Но он был оскорблен тем, каким образом она давала ему понять, что он ей не нужен так же, как она ему.

Лишь только он успел решить, что делу необходимо придать другой оборот, как она вернулась, уже без венка и фаты, села у камина, поставив свои маленькие, обутые в белые туфли ножки на низенький стульчик, и предложила ему кресло напротив.

— Я бы хотела знать, в чем могу заменить тебя у дедушки.

— Я тебя не понимаю. Кроме как на каникулах я у него не был и всегда занимался своими научными делами. — Адам стоял, прислонившись к камину и скрестив руки на груди. — Я слышал, что сразу по прибытии ты взяла на себя роль хозяйки Орлова, — добавил он с легким поклоном.

— Я приехала, чтобы помочь дедушке, — возразила Маргита. — И сделаю все, чтобы он чувствовал себя хорошо; я буду жить для него.

— Удивительно, что ты говоришь мне это всего через несколько часов после венчания, — заметил он насмешливо.

Она даже не посмотрела на него.

— Удивительно? Благодаря твоей откровенности, между нами еще до свадьбы все было определено, и мы знали, что ты будешь жить для своей науки, а я — для дедушки. Ты ведь сам этого хотел.

— О да, — ответил он, гордо выпрямляясь. — Я благодарен, что ты предоставляешь мне такую свободу, ибо я думал, что, вступая в брачный союз, мы свяжем друг друга.

— Право, не знаю, чем я могла бы тебя связать, — ответила Маргита серьезно, убирая волосы со лба.

При этом она была столь прелестна, что Адам готов был забыть о своей гордости. Однако он ответил:

— Что касается меня, то я это знаю еще менее.

— Ну и прекрасно! Ты завтра же уходишь вместе со своими друзьями — тебя им, наверное, уже сейчас не хватает, — а я остаюсь с дедушкой, — сказала Маргита, вежливо давая ему понять, что хочет остаться одна.

Адам простился и ушел, но не к своим друзьям.

«Какая она странная, — думал он в своей комнате. — Может, лучше было бы не уезжать сразу после свадьбы и не оставлять ее здесь одну. Или хотя бы отложить путешествие до тех пор, пока мы привыкли бы к новым условиям? Ах, как жаль, что я уже не могу отказаться от своих слов! Что подумают дедушка и профессор, если я вдруг передумаю? Экспедиция продлится не более двух месяцев, и я вернусь. Книгу можно и дома написать. А потом, когда-нибудь, отправлюсь в более длительное путешествие».

Так размышлял пан Адам. А Маргита? Девушка, стоя на коленях возле своего кресла, в котором она только что сидела, горько плакала... Ни единым словом он не извинился за обиду, нанесенную в письме. Как они могли пойти друг другу навстречу? Нет, никогда! Этого он от нее не дожидается! Никогда она не простит ему обиды. А он даже не знает или не хочет знать о том, как он оскорбил ее. Он смотрел на жизнь с ней как на необходимость, с которой необходимо примириться. Это она ему постарается облегчить. Они могут жить рядом, но друг для друга — никогда!

Глава седьмая

Утро. Торжественный завтрак прошел. Гости группами расположились в большой библиотеке пана Орловского. Недалеко от двери в столовую, оживленно беседуя, стояла одна такая группа.

— Вы знаете, — сказал пастор Г., добродушный толстяк, — аптека опять открыта!

— Что вы говорите! Наверное, молодому Коримскому стало лучше.

— А вот идет наш доктор Раушер... Скажите, пан доктор, Николаю Коримскому лучше?

— Да, господа. А почему вы спрашиваете?

— Потому что пан Коримский снова открыл аптеку.

— Так он же не сам работает — у него теперь есть провизор.

— Вот как? Это другое дело, — сказал адвокат Краус. — Да и странно было бы, если бы он сам работал теперь.

— Это почему же? — полюбопытствовал молодой профессор П.

— Разве вы не знаете, что случилось с молодым Коримским?

— Я ничего не слышал.

— Произошел несчастный случай: он отравился при составлении лекарства.

— Тише, господа, не будем здесь об этом говорить! — предостерег всех доктор.

— Почему же?

— Да как бы там ни было, а Николай Коримский — родной брат молодой пани Орловской, и она об этом несчастном случае ничего не знает.

— Что вы говорите! Скажите нам только — он поправится?

— О да, но не так скоро.

Господа отошли от двери, продолжая беседу. Если бы кто-то из них обернулся, он бы увидел, как чья-то маленькая рука отпустила занавес, который крепко сжимала во время разговора гостей. И если бы они не ушли, то, наверное, услышали бы стихий стон.

«Мой единственный брат отравился, а я и не знала!..»

После обеда, к большому удивлению слуг, со своими друзьями уехал и пан Адам, но без молодой жены. Она проводила его вместе со старым паном только до железнодорожной станции.

— У господ свои странности, — шептались слуги. — Таковую красивую молодую женщину оставить после свадьбы

одну и отправиться скитаться по свету! Наш брат так бы не поступил!

Во время уборки дома молодая хозяйка уже сама распорядилась, а старый пан отправился осмотреть свои владения.

К вечеру Маргита, одетая в шубу и шапку, вышла из дома, сказав слугам, что хочет пойти прогуляться и чтобы ей навстречу к кладбищу выслали сани, когда вернется хозяин. То, что она захотела пойти прогуляться в такую хорошую погоду, а не сидеть дома, слуг не удивило. Но что бы они сказали, если бы увидели, что она направилась не к кладбищу, а в сторону города, и как она легкими шагами пересекала улицы, пока не остановилась возле ярко освещенной аптеки на Замковой улице?

До этого места Маргита Коримская дошла, но дальше идти у нее не было сил. Дома она скрывала свою боль, твердо решив: «Я должна увидеть брата!» Теперь она была у цели и все же так далеко от нее. Ведь она брата совсем не знала. Может быть, он никогда и не думал о ней? Ведь он не был одинок. Там, за теми занавешенными окнами, жил и страдал ее родной отец, которого она тоже не знала. Отец, который, якобы, был виновен в том, что она сирота, и которого она все равно любила. Если бы сейчас она вошла и представилась, то напонила бы ему прошлое и его вину. А ему и так тяжело — ведь у него нет никого, кроме сына. Но если дело обстояло так, зачем тогда мать связала свою жизнь с другим человеком? Может быть, отец принял бы ее теперь, будь она свободной, и она могла бы помочь ему ухаживать за больным братом... Но между ними — глубокая пропасть...

Молодая женщина, не в силах больше думать и обессилев, прислонилась к стене. Вдруг она вздрогнула: кто-то открыл дверь аптеки. В освещенном дверном проеме стоял высокий мужчина.

— Я скоро вернусь, — сказал он, — скажите это моему сыну, когда он проснется.

— Хорошо, пан Коримский, — ответил изнутри спокойный мужской голос.

Маргита поняла, что перед ней ее родной отец. Он шел, низко опустив голову, прямо к ней, не видя ее. Она затаила дыхание, ей казалось, что он услышит биение ее сердца. О, как ей было жаль

отца, как бы она хотела прильнуть к его груди! Она увидела, что он печален и несчастен. Когда он поравнялся с ней, она едва удержалась от того, чтобы не броситься к нему и не крикнуть: «Отец, отец! Не проходи, остановись, ведь мы не чужие!»

Отец был уже далеко, когда она, наконец, собралась с духом и, прижав обе руки к лицу, шагнула к двери аптеки. Она решила во что бы то ни стало хотя бы спящим увидеть незнакомого брата.

Она попросит того, кто проведет ее к нему, не говорить об этом отцу.

Она вошла. Два практиканта спросили ее сразу, чем они ей могут служить. Она купила первое попавшееся — духи «Резеда», хотя у нее дома духов было достаточно, и зубной эликсир. Убирая дрожащими руками свой кошелек, она обернулась. К ее удивлению, в дверь заходил тот самый молодой человек, которого она увидела на дороге, когда они с дедушкой ехали со станции, и почувствовала, что ему приходилось идти пешком в такой холод. Она глянула в его доброе лицо, и ей сразу стало спокойнее. Сразу почувствовав к нему доверие, она осмелилась обратиться:

— Позвольте, пан, — произнесла она тихо, чтобы практиканты не слышали, — узнать, как чувствует себя больной пан Коримский?

— Слава Богу, ему уже лучше, и теперь он спит, — ответил тот с поклоном.

— Если он один, не могли бы вы провести меня к нему? Я его не потревожу, — попросила она.

Молодой человек снова поклонился и молча отворил дверь в коридор.

— Вам моя просьба, наверно, кажется странной? — спросила Маргита, когда они поднимались по лестнице.

— О нет, я вижу по вашему лицу, что вы поступаете так по велению сердца.

Она крепко пожала его руку.

— Вы правы, ведь он мой брат! — и склонила голову, не в силах скрыть своих чувств.

Несмотря на волнение, она ощутила, как рука молодого человека, которой он держал ее за руку, похолодела, и он вздрогнул,

словно от электрического тока. Он ее понял. Она посмотрела в его бледнее загадочное лицо.

— Вы, должно быть, удивлены тем, что я здесь?

— Нет, пани, я бы удивился, если бы вы не пришли, — ответил он тихо.

О, какой у него приятный голос! В глазах ее появились слезы.

— Значит, вы меня уже знаете, и нет необходимости представляться и объясняться? Но кто вы, пан?

— Сейчас я провизор у пана Коримского, Мирослав Урзин.

Они пришли.

— Странно, — сказала Маргита, оглядываясь, — я здесь родилась, а вы здесь недавно, и мне приходится просить вас проводить меня к моему брату и не рассказывать о моем посещении.

— Я сделаю все, как вы желаете, вот его комната, большой один. Пан доктор Лермонтов пошел к доктору Раушеру, а пан аптекарь совершает прогулку.

Через несколько мгновений сестра уже склонилась над постелью больного брата. Годами она мечтала увидеть его. Со всем иначе представляла она себе эту встречу!

Маргита горько заплакала. Встав возле постели на колени, она поцеловала брата в лоб. Так же тихо, как пришла, она оставила родительский дом, где, кроме молодого провизора, никто не узнал о ее визите... Вечерние сумерки скрывали боль девушки, которой неузнанной пришлось покинуть родимый кров.

Глава восьмая

Три недели прошли с того холодного вечера, когда молодой провизор впервые переступил порог дома на Замковой улице и принял аптеку «Золотая лилия». И уже всем казалось, будто он всегда был здесь. Никто в доме уже не мог теперь представить себе жизнь без этого человека.

В первые дни, кроме доктора Лермонтова, мало кто замечал его, а потом и доктор вынужден был по делам уехать в Вену. Во время его отсутствия молодой провизор использовал каждую свободную минуту, чтобы побыть с больным. Молодой Коримский

после первого же продолжительного разговора очень привязался к нему.

Затем, как и можно было предвидеть, заболел и слег пан Коримский, хотя он долго сопротивлялся. Тревога за сына и напряжение бессонных ночей сделали свое дело. Но и тогда врачу всего три дня удалось удержать его в постели. «Но что бы мы, — говорила пани Прибовская, — в то время делали без пана провизора?»

Он заботился обо всем: ухаживал за молодым паном, замещал пана Коримского днем и ночью и руководил всеми делами в аптеке, да так, что и заметно не было. При этом он постоянно что-то делал в химической лаборатории и часто о чем-то советовался с молодым Коримским. Видимо, речь шла о том лекарстве, из-за которого случилось несчастье. Практиканты в аптеке тоже полюбили молодого провизора и выполняли все, что он говорил, беспрекословно, хотя младший, Ферко, был порядочным разгильдяем.

Люди, приходившие за лекарствами, давно привыкли к некоторой надменности хозяина аптеки. Тот никогда сам не отпускал лекарства, никогда ни с кем не разговаривал, ограничиваясь приветствием. И вот теперь все приятно поразились приветливости молодого провизора. Его приятный спокойный голос действовал благотворно. А ведь люди, приходящие в аптеку, так нуждались во внимании. И чем беднее был посетитель, тем приветливее его встречал провизор. Об этом особо свидетельствовала вдова Мала, которая в большой бедности жила в крохотной хижине со своими тремя детьми. Она рассказывала, как провизор спросил ее о сыне-калеке и как он вечером сам пришел, чтобы посмотреть на него. И когда она ему пожаловалась, что, на беду, еще и сама руку обожгла, он смазал ей руку мазью, наколот дров и принес воды из колодца. С тех пор он приходил каждый вечер после работы, чтобы поговорить с маленьким Мартышкой и утешить его. Он научил его хорошим песням и много рассказывал ему. И не только Мартышка, все слушали его с радостью, когда он говорил об Иисусе Христе, Сыне Божьем. К сожалению, он приходил всегда ненадолго, и все же вся семья радовалась его приходу.

От них, как узнала вдова Мала, он отправлялся вниз, на Кладбищенскую улицу, где в одном доме лежал мальчик с

отмороженными пальцами на ногах. Это был тот самый мальчик, которого он спас, направляясь в Подград. Каждый вечер он приходил к нему, чтобы сделать перевязку.

С появлением молодого провизора аптека в Подграде по воскресеньям перестала работать. Если кому-нибудь лекарство было необходимо, то ему, конечно же, готовили лекарство и в воскресенье.

Когда Раушер выразил свое удивление по поводу этого нового порядка, пани Прибовская сказала, что она слышала, как пан провизор просил пана Коримского разрешить аптеку по воскресеньям закрывать, чтобы отучить людей покупать что-либо в эти дни. Пан Коримский тогда с удивлением посмотрел на него. «Попробуйте, — сказал он, пожимая плечами, — удастся ли это без убытков и неприятностей».

— Кто знает, удастся ли это пану провизору, — добавила она. — Если да, то это будет хорошо для всех.

Врач пожал плечами и ничего не сказал.

Пани Прибовская обрадовалась, когда узнала, что пан провизор не католик, потому что она чувствовала себя очень одинокой среди католиков. Урожденная Градская, родом она была из долины Дубравы. С четырнадцати лет она жила у Коримских. Здесь, в Подграде, она вышла замуж за Прибовского, но и тогда приходила к Коримским помогать, особенно когда было много работы. Но вот скончался ее муж, и она осталась одна — детей у них не было, — и молодые Коримские взяли ее экономкой к себе в дом, потому что пани Наталия ничего не понимала в домашнем хозяйстве, да и пан Коримский не позволял ей работать и портить свои белые ручки.

Пани Прибовская пережила со своими господами хорошее и плохое, большое счастье и еще большее несчастье. Она прижилась в этой семье, стала как бы ее членом и уже не могла без них.

Пани Прибовскую в доме ценили за ее верность и трудолюбие. И вроде бы уже давно она жила в христианской семье, однако пользы от этого не было никакой, потому что ее господа веру ни во что не ставили.

В Подграде не было евангелической церкви. Приходилось отправляться в Раковиан, и она ходила туда раз в год. Покойный

Прибовский оставил ей Евангелие и молитвенник, и этим она утешалась, когда случалось свободное время.

До сих пор пани Прибовская считала, что главное — жить порядочно и честно, тогда и Бог не оставит. Это было ее религией. Но с того времени, как появился пан провизор, она увидела, что заповеди Божьи можно понимать иначе.

Ей показалось очень странным, когда однажды, зайдя в его комнату, она увидела его молящимся на коленях. Он ее не заметил. Он молился вслух и просил Господа о ком-то, как она поняла, ему очень дорогом. Он просил, чтобы Господь настаивил его на путь истины и простил его грехи.

Когда заговорили о том, что в дом придет новый провизор, пани Прибовская подумала, что у нее прибавится работы. У них уже дважды были ассистенты. Этим господам приходилось прислуживать больше, чем самому пану Коримскому. С паном Урзиным же у нее работы не только не прибавилось — ее стало меньше. Комнату свою он убирал сам: заправляя постель, приносил себе дрова и часто, уходя к молодому Коримскому наверх, брал с собой охапку дров и протапливал его комнату. Очевидно, он был из бедной семьи. Белые у него были хорошие, только мало. Было у него всего два костюма, зато много книг.

Когда она ему пожаловалась, что ей приходится жить как язычнице, он в первое же воскресенье сказал:

— Так как здесь нет церкви, а в Раковиан вы не можете идти, то после завтрака приходите в мою комнату. Я и Ферко позову, ведь он тоже евангелической веры, и мы вместе проведем богослужение. Церковь везде. Где двое или трое собраны во имя Иисуса Христа, там Он среди них. Она охотно согласилась и принесла с собой свой песенник. Они спели две песни, затем помолились, и пан провизор читал и разъяснял текст из Евангелия так просто, что понятно было бы и ребенку.

Радостно было его слушать. Под конец он молился еще раз о том, чтобы Господь исцелил молодого пана Коримского. Впервые за много лет пани Прибовская почувствовала воскресный день.

В понедельник Урзин помогал молодому Коримскому учиться ходить. Как тяжело это было в первый раз! Больной был

еще очень слаб. Они упражнялись в ходьбе и в последующие два дня. Пан Коримский об этом ничего не знал, они жалели отца: от прежнего Николая осталась одна тень. Есть он мог с большим трудом, и как бы ни натапливали комнату, как бы ни кутали его в теплые одежды и ни усаживали в мягкое кресло возле камина, он все время мерз, румянец на щеках выдавал лишь внутренний жар.

Так прошли первые три недели. Был вечер понедельника. В уютной комнатке, где жила когда-то его мать, сидел Николай Коримский, освещенный пламенем камина. Юноша был один. Отец, по назначению врача, отправился на прогулку. Больной знал, что он не очень скоро вернется, поэтому не нужно было делать веселое лицо, и голова его устало покоилась на спинке кресла. Как ужасно в молодости так болеть! Неудивительно, что молодой провизор, стоявший в дверях, смотрел на него с глубоким состраданием. Он потихоньку подошел к камину и склонился над больным.

— Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего, — произнес он тихо.

Удивленно посмотрел Николай в лицо говорящему.

— Это вы, Мирослав? Что это вы сказали?

Юноша подал ему свою холодную руку, и провизор еще раз тихо повторил сказанные слова, садясь на низенький пуфик и согревая своим дыханием протянутую ему холодную руку.

— Урзин, вы действительно верите в Бога?

— Да, пан Коримский, верю.

— И вы представляете Его себе строгим и страшным, не правда ли?

— Позвольте вопрос: когда вы бывали далеко от своего отца, вы представляли его себе страшным?

— Станный вопрос! Как я могу представить себе отца страшным, если он всегда добр ко мне? Но какое отношение это имеет к моему вопросу?

— Самое прямое. — Загадочные глаза молодого человека смотрели прямо и убежденно. — Бог, в Которого я верю, одновременно и мой Отец, Который до сего дня проявлял ко мне тоже одну лишь любовь.

— Ну да, это так говорится. Меня тоже учили, что Бог — наш Отец. Но как мне поверить в это, когда я Его никогда не видел? — проговорил юноша задумчиво.

— Многие дети никогда не видели своих отцов и даже никогда не ощущали их любви, однако они не сомневаются в том, что у них есть отцы.

— Вы правы. Но как вы можете знать, что тот Бог, Которого вы не можете понимать и Который от вас так далек, вас любит и что все доброе в вашей жизни — от Него?

— Я не верю в судьбу, я верю в Бога, пан Коримский! Я верю, что Он все знает и видит. Для меня Он не далек и не высок. Он Сам говорит мне: «Не бойся, Я с тобой, Я тебе помогу!» Его святую близость я чувствую в каждом деле, на каждом шагу.

— Это странно. Однако если вы считаете, что Бог всем руководит, то Он в тот момент должен был управлять и рукой моего отца...

На лице молодого Коримского отразилась короткая внутренняя борьба, прежде чем он дрожащим голосом снова произнес:

— И все же Он это допустил! Вы верите, что Он имел возможность уберечь моего отца от этой ужасной ошибки, которая будет теперь преследовать его всю жизнь? Он же мог и меня сохранить от этого умирания? Но Он не сделал этого! Почему?

Голова юноши склонилась на грудь.

— Этого я не знаю, пан Коримский, — отвечал провизор. — Он имел возможность спасти и Своего Сына Иисуса, но все же из бесконечно великой любви ко мне и к вам, непонятной для человека, Он послал Его на смерть. Поэтому я считаю, что Он допустил и эту скорбь из любви к вам. О, верьте: все, что Он делает, — хорошо, даже если мы Его не понимаем.

В маленькой комнате стало тихо.

— Пан Коримский, если вам мои слова кажутся слишком смелыми, то извините меня, пожалуйста, — прервал Урзин тишину, собираясь уйти.

— Оставайтесь, Мирослав! Убеждение никогда не бывает слишком смелым, даже когда ваше убеждение кажется странным. Однако вы говорите так, потому что не знаете наших семейных обстоятельств. Может быть, сегодня или завтра вам

кто-нибудь о них расскажет в искаженном виде, и вы поверите. Поэтому я вам лучше сам все расскажу.

Лицо говорившего при этом становилось все печальнее.

— На шестом году моей жизни наша мать заставила отца развестись с ней и оставила нас. Она услышала что-то нехорошее о нем и поверила слухам, хотя их достоверность никто не мог доказать. Она ушла не одна. Взяла с собой судом присужденную ей мою сестру — ребенка, которого мой отец так любил! Она навсегда забрала у него дочь. Я остался с ним. На меня он возлагал все свои надежды, а теперь!.. Подумайте только! Тогда его обвиняли в разводе, из-за которого он потерял ребенка, и теперь он может — и опять по своей же вине — потерять меня. Если можете, то скажите еще раз, что это — пути Божьи!

Урзин стоял, закрыв лицо руками,

— И вы никогда не встречались со своей сестрой, пан Коримский? — спросил он тихо.

— Нет, с того страшного момента, когда меня, плачущего, оторвали от нее, я никогда... С тех пор прошло уже семнадцать лет. Но теперь вы должны знать и все остальное. Наверное, вам уже приходилось слышать о молодой пани Орловской. Это не такая тайна, чтобы вы о ней не узнали. Так вот, она — моя сестра, это наша Маргита! Она теперь так близко от нас! Сердце мое изнывает от тоски, но я все равно не могу с ней встретиться, мне нельзя даже упомянуть ее имя, потому что, — юноша оглянулся вокруг, — я не один тоскую по ней. Вы думаете, что отец заболел только от волнения за меня? Не верьте этому! Здесь, в Подграде, состоялась свадьба его дочери, которая, вероятно, самого худого мнения о нем и которую, как я слышал, молодой Орловский сразу после свадьбы оставил одну. Наверное, они ее купили за деньги! И теперь его дочь живет лишь в получасе пути отсюда, а он не может пойти к ней и спросить, как она живет, счастлива ли она. Я знаю, что он постоянно думает о ней, а ее теперь будут учить презирать нас! Но зачем я все это вам рассказываю? Извините, что обременяю вас нашими горестями. Однако мне так легко было говорить с вами о том, о чем я уже давно размышляю. Знаете, я был так наивен: в первые недели, когда она приехала в Орлов, я каждый день

надеялся, что она придет и навестит меня. Но теперь это прошло. Неудивительно, ведь я ей совершенно чужой и она ко мне равнодушна, хотя нас связывают самые близкие родственные узы. Когда нас разлучили, она была еще совсем маленькой.

Провизор немного помедлил, затем, оглянувшись вокруг, встал, подошел к двери и запер ее.

— Что вы делаете? — спросил Николай с удивлением.

— Я хочу вам что-то сказать, пан Коримский, если позволите, но только вам.

— Разумеется.

— Вы не напрасно ждали. Пани Орловская действительно посетила вас.

— Маргита? Невозможно! — воскликнул юноша, то ли ликуя, то ли ужасаясь.

— Пани Орловская приходила в аптеку купить какие-то мелочи... Потом она попросила позволить ей увидеть вас, и я ее привел. Вы тогда спали, пан Коримский. Она знала это и хотела только взглянуть на вас. Она стояла на коленях у вашей постели и плакала... Потом она попросила меня извещать ее о вашем самочувствии и ушла, никем не замеченная.

— Мирослав! А отец?.. — Молодой Коримский судорожно сжимал руку провизора.

— Пана аптекаря не было дома.

— О, что вы о нас подумали!

Они смотрели в глаза друг другу.

— Мне было вас жаль от всего сердца.

— А отца? — настаивал Николай.

— Его еще больше.

— Благодарю вас! Я вижу, как глубоко вы нам сочувствуете.

И то, что Маргита была здесь, доказывает, что она ко мне все равно равнодушна, о нет! — Почти счастливая улыбка заиграла на устах больного. — Ну и как? Вы уже послали ей известие и через кого?

— Однажды ваша сестра прислала слугу за покупкой, и я послал с ним записку. В другой раз я сам ходил в Орлов, и мы встретились. Она теперь не в Орлове, а в Горке.

— А как вы думаете, она счастлива?

Юноша с надеждой посмотрел на Мирослава.

— Я думаю, она станет счастливой. Больше я сейчас ничего не могу сказать. Мы говорили только о вас.

— А отца она не вспоминала?

— Как же, вспоминала! Это было как раз в то время, когда ваш отец болел. Она расспрашивала о нем, причем с нескрываемой любовью.

— О, Мирослав! — Руки больного обвили шею молодого человека. — Я вам рассказываю тайны, а вы знаете больше меня и приносите мне такие радостные, добрые вести! Не напрасно я надеялся на зов крови. Ведь она — наша! Ее взяли у нас и присвоили себе, однако она не стала нам чужой! Если вы уже столько сделали, то еще и привет передадите, не так ли?

— Да, пан Коримский.

Молодой провизор осторожно освободился от объятий и встал.

— А что именно мне передать вашей сестре?

— Что я ее люблю и уже годы по ней тоскую, и что я ее прошу: что бы ни говорили люди о нашем отце, не верить никому. Он неповинен в нашей разлуке. Он бы ее, свою дочь, никогда не отдал, если бы ее не отняли у него.

— Извините, но я не могу сказать это дочери, имеющей не только отца, но и мать, — мягко возразил Урзин.

— Мать, которая ее при жизни родного отца отдала отчиму! — возмутился юноша. — Не удивляйтесь, что я так говорю о своей матери. Вы не знаете, как преданно я ее любил. Мое детство было отравлено известием, что она больше к нам не вернется, что ей больше нельзя к нам вернуться. Я не могу ей простить, что она, оставив нас в несчастье, сама развлекалась. Напрасно пани Прибовская заступалась за нее, да и сам отец находил для нее передо мной оправдание. Если уж она разорвала святейшие узы, то на этом должна была остановиться. А благороднее было бы, если бы грех со стороны отца действительно имел место, простить его, вместо того чтобы детям и отцу ее детей принести такое горе. Бедная моя Маргита! Может быть, она любит ее так же, как я!

Наступившую тишину прервал стук в дверь. Пришел доктор Раушер, и провизор, протрившись, ушел.

Глава девятая

В тот же вечер пан Николай Орловский лежал на диване и предавался размышлениям. Свет не был зажжен, комната освещалась только огнем камина.

В течение долгих лет он привык к одиночеству, но сегодня он тосковал по внучке. Тосковал даже больше, чем по внуку, когда тот после каникул уезжал в школу. Маргита была всего три недели у него, но как он привык к ней, он почувствовал только теперь, когда отвез ее в Горку, а сам вернулся в Орлов. И везде, куда бы он ни бросил взгляд, видел следы ее заботливых рук.

Если бы сейчас она была здесь, то, наверное, сидела бы у рояля или на пуфике рядом с ним и слушала его рассказы из истории польского государства; или она принесла бы чай с домашним печеньем и читала бы ему вслух, а он слушал бы ее милый голос.

Дед восхищался внучкой, и его любовь к ней с каждым днем возрастала. Он чувствовал себя, как внезапно разбогатевший бедняк, который не знает, что делать со своим сокровищем. Он не только знал, но и ощущал, что в ее жилах течет его кровь. Весь день занимаясь делами, она, однако, всегда готова была прервать свое занятие, когда он в ней нуждался. По совету доктора Раушера он подарил ей лошадь и научил верховой езде. Ездить с ней по имениям — для него одно удовольствие.

Дом в Горке все же не был так хорошо устроен, чтобы удовлетворить требования Маргиты... Но она получила неограниченную возможность отремонтировать его по своему усмотрению изнутри и снаружи. Весной Адам придет, и тогда...

Старик наморщил лоб, когда мысли его коснулись этого момента, он почувствовал себя нехорошо. Обо всем он мог свободно говорить со своей внучкой, но как только речь заходила об Адаме, она умолкала. Мысли его перешли на внука. «И зачем я разрешил ему уехать! — упрекал себя пан Орловский в такие минуты. — Ну уж когда он вернется, я его не отпущу до тех пор, пока они не привыкнут друг к другу. Он ей хоть привет в письме передал, она же его просто игнорирует...»

Последнее письмо Адама пришло с Суэцкого канала. Речь в нем шла об удавшемся путешествии и о результатах новых

исследований. Ах, мысли человека! Они, как птица, летят, куда хотят. «Вот куда Манфреду надо бы повезти Никушу», — подумал он и поморщился, словно вспомнил что-то неприятное.

В тот несчастный вечер впервые за много лет пан Николай, предавшись чувству сострадания к прежде столь любимому, а потом столь же ненавистному зятю, переступил порог его дома. Нет, он и сегодня не жалел о том поступке. Досадно было лишь то, что он как будто унизился перед ним. Теперь ему казалось, что Коримский не нуждался в его сострадании. Ведь иначе он мог бы, когда Никуше стало лучше, прийти в Орлов. Старик злился на зятя и изо дня в день все больше скучал по внуку.

В тот момент, когда он склонился над умирающим первенцем своей потерянной, но не забытой дочери, в его душе была затронута струна, молчавшая долгие годы, но потом уже не умолкавшая. Прогнозы доктора Раушера были неутешительными. Бедный Никуша!

Чтобы Маргита ничего не узнала о случившемся, он строго приказал слугам никогда не упоминать Коримских, а в Орлове, кроме декана Юрецкого, адвоката Крауса и доктора Раушера, приходивших играть в шахматы, никто не бывал. В городке и его окрестностях ни с кем из местной знати молодожены не были знакомы, и пани Орловскую никто из дам не мог посетить, что в данных обстоятельствах было совсем неплохо. Сама она никогда не спрашивала о Коримских. Они ей были чужими.

Пану Николаю становилось все неудобнее. Дважды он не слышал стук в дверь, когда же он раздался в третий раз, старик поднялся почти радостно и крикнул: «Войдите!» Кто-то решил нарушить его одиночество, и старый пан был рад этому. Несмотря на то что несколько минут назад он думал об этом человеке, появившемся в дверях, он явно не ожидал его увидеть.

— Манфред, это ты?

Да, в комнату вошел Манфред Коримский. Какое-то время оба растерянно смотрели друг на друга. Затем, поздоровавшись, они сели у камина. Пан Николай хотел позвонить, чтобы зажгли свет, но Коримский не позволил.

Старик помешал угли в камине и подложил дров. Он точно знал, что скажет зять в следующий момент, и заранее волновался.

— Я пришел поблагодарить тебя, отец, — начал Коримский, и его надменный, холодный голос дрогнул, — за незаслуженную любовь и сострадание, которые ты мне оказал в самый ужасный час моей жизни.

— Вот как? — Пан Орловский иронически усмехнулся. — Я думал, ты ничего не знаешь или забыл об этом...

— Я не мог прийти раньше, прости, — продолжал Коримский. — В первые дни я не мог выйти из дома, потом события в Орлове... Только теперь, когда я узнал, что ты один, я смог выполнить свой долг. Извини мое опоздание и прими мою благодарность. Я хотел бы сказать — и от Николая, но это было бы неправдой. Николай о твоём посещении, хотя оно касалось только его одного, ничего не знает. И так как ты больше не справлялся о его самочувствии, я подумал, что ты пожалел о своём благородном поступке и не хотел вселять в его душу надежду, которая могла не оправдаться.

По голосу аптекаря можно было понять, каких душевных сил стоило ему наигранное равнодушие. Старик поднял голову и решительно сказал:

— Ты думал о своём, а я о своём. Я не был в неведении о состоянии Никуши, ты ошибаешься. Раушер ко мне приходил каждый день. Однако, по правде сказать, в первые дни я ждал тебя, а потом перестал. Я забыл, что теперь у меня кое-кто есть, с кем ты не хотел бы встретиться. — Последние слова звучали очень горько. — Вообще-то было бы лучше, если бы вы двое не увиделись. Я не хочу ворошить старое. Что было, то было — это дело твоё. Однако ты должен понимать, что лестного мнения твоя дочь о тебе иметь не может...

Хотя Коримский рукой прикрывал верхнюю часть лица, видно было, что он побледнел. В комнате стояла гробовая тишина. Такая тишина действует иногда как нож, который снова режет едва зажившие раны.

— Не будем говорить об этом, — сказал пан Николай, поднимаясь. — Скажи мне лучше, как дела у Никуши и что ты собираешься делать с ним.

Коримский тоже приподнялся. Больно было смотреть в его измученное душевными страданиями лицо.

— Как только он сможет путешествовать, доктор Лермонтов отправится с ним на юг, — ответил он.

— А где теперь этот доктор?

— По семейным делам он уехал в Вену. Сегодня я получил письмо, в котором он сообщает, что на днях вернется. Я надеюсь, что к его приезду Никуша уже сможет отправиться в дорогу.

— А ты не поедешь с ними? Я слышал, что у тебя теперь есть провизор.

— Да, я мог бы поехать, но мне нужно позаботиться о летней даче, чтобы мы могли туда перебраться, когда сын вернется. Я бы что-нибудь подходящее купил поблизости.

— Не знаю, найдется ли что-нибудь поблизости. Однако недалеко от Горки мне предлагали участок ельника с крестьянским двором. Можно бы посмотреть, и если это имение окажется подходящим, я мог бы его купить и привести в порядок для Никуши. Из-за этого ты можешь не оставаться дома. Я знаю, что тебе хотелось бы поехать с ними, да и перемена климата тебе тоже была бы полезна.

— Отец, ты слишком добр! — Лицо Коримского осветилось радостью, и он крепко пожал старику руку. — А не тяжело ли это будет для тебя?

— Ах, глупости! Ведь это же нужно Никуше.

— О, я благодарю тебя!

Коримский встал.

— Ты уже уходишь?

— Мне нужно вернуться, пока он не хватился меня.

— Так передай ему привет и скажи, что я хочу его увидеть здоровым.

Пан Николай проводил зятя до дверей. Они расстались, и Коримский один шел мимо комнат, в которых когда-то жила его жена, а теперь будет жить дочь. Вдруг он остановился и прислонился к стене. Ах, что удивительного, если голова кружится от воспоминаний о прекрасном прошлом, — когда думаешь о мрачном настоящем и боишься неизвестного будущего, — когда перед внутренним взором вдруг мелькнет частица розового, золотого, навсегда ушедшего счастья молодости!

Глава десятая

Верхом на белом коне ехала Маргита Орловская по зимнему ельнику. Откинута голубая вуаль над ее белой меховой шапочкой подчеркивала свежесть ее миловидного личика. На пригорке она повернула коня и остановилась.

Перед ней простиралась долина, на пригорке по правую руку, среди большого сада, стоял господский дом с колоннадой и верандой. У подножия его расположилась небольшая деревенька Боровце. В этом имении жила теперь молодая дама Маргита Орловская. Освещенное солнцем, оно и зимой выглядело очень романтично. Как хорошо здесь будет весной, когда зацветут и зазеленеют окружающие деревню сады и луга!

Размышляя о задуманных ею изменениях в Горке, Маргита не могла не думать и о трудностях, которые встретятся ей здесь из-за незнания местного языка. Если бы она не знала своего родного польского, и если бы жены служащих не знали немецкого языка, она бы здесь ничего не смогла сделать. И в Орлове ей уже недоставало знания словацкого языка. Когда к дедушке приходили господа поиграть в шахматы, он с ними говорил обычно по-словацки, и слуги все были словаки.

«Этот язык не такой уж трудный, — подумала она, — надо научиться!» Поднявшись на самую вершину холма, она повернула коня и огляделась вокруг. Какая чудная долина! Экономка называла ее Дубравой. Домов там было немного, по сторонам долины тянулись дубовые рощи, от них и название. Около ручья, наверное, птицы поют весной!

Маргите очень хотелось спуститься вниз, но она сказала себе: «В другой раз», — кивнула долине, как бы приветствуя ее, и спустилась с холма. Она хотела вернуться в деревню, но, заметив другую дорогу, свернула на нее. Путь ее проходил мимо довольно большого крестьянского дома, стоявшего у ручья. За ним шумел водопад.

Окна дома были забиты досками. Вокруг царили тишина и запустение... Было видно, что дом покинут. Вид его действовал удручающе. Кто знает, какую историю он рассказал бы, если бы мог говорить. Здесь тоже когда-то жили люди. Может быть,

они умерли, а вместе с ними и жизнь, и счастье... Проехав мимо, она еще раз оглянулась на заброшенный дом.

Она подхлестнула коня и стрелой полетела через долину, мимо кладбища, церкви и школы.

У здания школы Маргита вдруг остановилась, соскочила с коня и, привязав его к дереву, зашла в старый дом. В лицо ей пахнул застоявшийся воздух. Из-за дверей классной комнаты слышался громкий детский голос. «Туда я теперь не могу пойти», — подумала она и постучала в другую дверь.

Вскоре она попала в квартиру учителя. К счастью, его жена знала немецкий, и Маргита смогла объяснить цель своего прихода. Когда учитель освободился и пришел домой, жена сразу же сообщила ему о цели посещения уважаемой гостьи: пани Орловская хочет учиться словацкому языку.

Через полчаса у Маргиты уже были не только необходимые книги, но и обещание учителя приходить каждый вечер в Горку для занятий. Она пригласила также его молодую жену, чтобы упражняться в разговорной речи.

От этих людей она узнала, что все село Боровце евангелическое и очень бедное.

Потом они показали ей школу. Воспитаннице изысканного пансиона в А. эти помещения показались хуже хлебов ее дедушки. Черные стены, грязные маленькие окна с плохими рамами, гнилые доски, старые скамьи в червоточинах — как дети могли там дышать, не говоря уже об учебе? «Я обязательно поговорю с дедушкой, — думала она по дороге домой. — Им надо помочь, ведь я тоже евангелической веры».

Возвратившись домой, она нашла на своем столе большую почту. Сверху лежала открытка от дедушки. Затем письмо от директрисы пансиона в А. В нем она благодарила Маргиту за пожертвование, которое та послала из Орлова в знак благодарности. Потом несколько газет и журналов и, наконец, еще письмо.

Адрес написан твердой мужской рукой, почтовый штемпель разобрать нельзя. Помедлив немного, она открыла письмо,глянула на подпись и вскрикнула от неожиданности и удивления. Опустившись в кресло, она в большом волнении стала читать:

«Родная моя, любимая дочь!

Мирской закон, который столько лет назад присудил тебя матери, не позволяет мне называть тебя так. Но здесь действует еще и другой закон — закон крови, которая течет в наших жилах и которую никто не может заставить молчать. Этот закон, несмотря ни на что, дает мне право приблизиться к законной, но насильно оторванной от меня, горячо любимой дочери».

— Отец! Отец! — воскликнула Маргита, борясь со слезами.

«Пока ты была далеко от меня и под опекой Райнера, я не имел возможности приблизиться к тебе, ибо мне пришлось бы встретиться с человеком, которого ты, конечно, уважаешь, но с которым я не могу и не хочу иметь ничего общего.

Я обманывал бы самого себя, если бы думал, что моя дочь может быть хорошего мнения обо мне и что ей неизвестны истинные причины развода ее родителей. Я не отрицаю, что когда-то не был верен своему слову и невинному, доброму существу, любившему меня, хотя я этой любви не был достоин. Но это была не твоя мать.

Если бы ты, дитя мое, осталась вдали от меня, я бы не затронул давно минувшего. Теперь же я вынужден это сделать. Жить в одном городке и никогда не встретиться невозможно, тем более, что пан Орловский протянул мне руку примирения.

Однако пренебрежение и отчуждение с твоей стороны, без попытки примирения, были выше моих сил. Итак, я должен объясниться.

Прежде чем Наталия Орловская стала моей женой, у меня была невеста, на которой отец, из-за ее бедности и низкого положения в обществе, не позволил мне жениться. По его воле мы должны были расстаться. Я послушался в надежде позднее смягчить отца. Но он ввел меня в Орлов, куда в то время как раз возвратилась из пансиона дочь хозяина и где устраивались приемы, — там я должен был забыть свою боль.

Желание моего отца исполнилось. Я не только забыл свою боль, я оставил ту бедную, обманутую девушку, которой поклялся в верности и с которой связывали меня священные обязательства. В сердце моем разгорелась любовь к «розе Орлова». Что долго рассказывать? Она стала моей. Могу тебе поклясться честью, что с этого момента

я жил только для нее и что даже во сне не вспоминал преданную мною невесту.

Однако наш шестилетний счастливый и безупречный брак был разрушен подозрением твоей матери, будто я и после свадьбы подерживал с моей бывшей невестой греховные отношения.

Но этого никак не могло быть: моя бывшая невеста сразу после моей свадьбы вместе со своим отцом бесследно исчезла. Единственное известие, которое я получил о ней через год, было то, что она тяжело заболела. До сего дня я не знаю, жива ли она. Я искал ее после развода с Наталией в надежде получить хотя бы прощение за свое преступление и тем самым что-либо исправить, но безуспешно.

Вот так, Маргита, твой отец однажды обманул женщину, однако в отношении твоей матери я невиновен. И если даже я был виноват в чем-то, то тем шагом, который она совершила потом и которым навсегда сделала невозможным примирение и соединение нашей на- сильно разорванной семьи, я думаю, она отплатила мне сверх меры.

Я не могу просить у нее прощения. Тебя же, дочь моя, я прошу: если можешь, то поверь мне и вернись ко мне, к отцу твоему, который любил тебя тем больше, чем дальше ты от него была.

Но это еще не все. Главной причиной обвинения было письмо той девушки, полученное мной еще в первый год нашей с ней совместной жизни, в котором она благодарила меня за определенную сумму денег, которой я выручил ее отца из нужды. На полях того письма я в пылу первой любви написал что-то о вечной любви, не знающей преград и т. д. Это послание позднее нашел портной, чинивший мою одежду, а его жена доставила его твоей матери. Так как письмо не было датировано, она восприняла это так, будто я содержал любовницу. Моим словам и заверениям не было веры.

Других доказательств я представить не мог, нет их у меня и сегодня, и если даже дочь моя не поверит мне на слово... Если и эта попытка примирения мне не удастся, то у меня все же будет печальное успокоение в том, что я исполнил свой долг.

В ожидании ответа, любящий тебя отец

Манфред Коримский».

Прочитав письмо, Маргита готова была тотчас бежать к отцу. Но ее застанный слезами взор упал на окно. Ах, ведь она не

в Орлове, она в Горке! Как бы ей хотелось сейчас же отправиться к нему! Он любил ее, тосковал по ней. С бабушкой он примирился, а она ничего об этом не знала! Ах, почему, когда он прошел мимо такой печальной, она не бросилась к нему на грудь!

Но что делать теперь? Вот если бы она еще успела на поезд!

Однако приехать ночью неудобно. Написать письмо? Но оно дойдет до него лишь послезавтра при такой плохой почтовой связи, как здесь. Ах, были бы у нее крылья! Вдруг лицо ее озарилось. Она быстро набросала телеграмму. Через несколько минут слуга уже нес ее на почту. Нельзя, чтобы отец ждал ответа до завтра! В телеграмме было написано:

«Приди, отец, к твоей Маргите».

Так будет лучше. Первая встреча должна произойти на нейтральной земле, без свидетелей. А пойти к отцу и не посетить брата — невозможно, но его нельзя волновать, ведь он еще так слаб. Отец освободится и приедет, и она сможет принять его у себя. О, какое счастье!

Снова Маргита принялась читать дорогое письмо. Какую душевную боль он, наверное, испытывал, когда его писал! Но почему он так обвинял себя в измене? Ведь он не был виноват. Он нарушил свое слово по воле отца. Или, может быть, он думал, что если бы подождал — отец его вскоре умер, — то мог бы жениться на своей невесте? Она его, наверное, никогда бы не оставила, не то что моя мать.

Маргита спрятала лицо в диванную подушку и горько заплакала над несчастной жизнью отца. Теперь она видела в нем страдальца. Родной отец, а потом и собственная жена ранили его сердце. Он разрушил свою мечту о первой любви, а жена в награду за верность запятнала его грязью, опозорила перед людьми.

Много лет мать заставляла ее верить в виновность отца. Теперь же вся вина лежала на матери, которая, порвав с ним якобы из-за его неверности, отдала свою руку другому человеку и сама открыто прелюбодействовала!

Как тяжело было Маргите вступить в брачный союз с Адамом Орловским, так сильно обидевшим ее. И все же, если бы

она этого не сделала, то не смогла бы примириться с отцом. Она еще не была совершеннолетней, чтобы уйти от матери, с которой ее теперь ничто больше не связывало.

Через окно до нее донесся вечерний звон колоколов. Он словно стучал в дверь ее сердца, наставляя ее: «Что Бог соединил, того не разрывай, Маргита!»

Глава одиннадцатая

На паруснике «Аврора», который шел в Египет, царило оживление. После нескольких туманных дней и бурной ночи показалось, наконец, солнце. Пассажиры выходили на палубу, чтобы полюбоваться морем.

Среди немногих, оставшихся в своих каютах, был и Адам Орловский. Он только что просмотрел свою почту и сидел теперь, задумавшись над письмом из дома. Счастливым дедушка писал, как он живет вместе со своей любимой внучкой. Пан Адам сразу представлял себе ее прелестный образ. Он видел ее так, будто она стояла перед ним: в белом платье и фате, красивая, как подснежник, и такая же холодная.

Здесь, на корабле, было много молодых, красивых дам, однако ни одна из них не могла сравниться с ней. Окажись он теперь дома, играла бы она ему вечерами на рояле или читала бы вслух? Вряд ли. Ни единого приветливого слова не передавала она ему в письме, иначе дедушка не умолчал бы об этом.

Глупости! Зачем он об этом думает? Он вовсе не скучал по музицированию и литературным вечерам этой воспитанницы пансиона!

Взяв шляпу, Адам вышел на палубу. Его спутники: профессор Мезарош, барон Драгович и доктор Герингер, шли ему навстречу.

— Чудная погода, — сказал, потирая руки, доктор — небольшого роста человек с добродушным лицом, в котором никто не мог бы признать ученого. — Как вы могли так долго сидеть там, внизу, дорогой?

— Вот я и вышел, — ответил Орловский бодро, протягивая руку.

Драгович был хорват, Мезарош — венгр, Герингер — немец, пан Адам — поляк. Из-за доктора они говорили по-немецки.

Барон, легкомысленный дворянин, искавший развлечений, надеялся найти их в путешествиях. Он выступал в роли археолога в надежде, что это повысит интерес к его личности. Мезарош, настоящий мадьяр, пытался отыскать среди других древностей самую для него главную — колыбель своего народа и исторические источники. Серьезно занимался археологией только пан Адам. Поэтому ученый-немец льнул к нему всем сердцем.

Некоторое время господа разговаривали между собой. Затем барон начал ухаживать за дамами — то на одном, то на другом конце палубы. Профессор вступил в разговор с каким-то тучным словом, и вскоре между ними завязался горячий спор по национальному вопросу, который закончился не в пользу профессора.

Доктор и Адам сидели и беседовали. Так как Герингер довольно громко разговаривал и оживленно жестикулировал, проходившие мимо англичане и русские не могли не заинтересоваться и не принять участия в беседе. Однако центром внимания он был недолго, так как взоры путешественников обратились на египетского вельможу, появившегося с небольшой свитой на палубе. Было известно, что с ним путешествует его дочь, но ее пока никто не видел. Даже пан Адам не мог остаться к нему равнодушным.

Египтянину было около пятидесяти лет. Приятные черты смуглого лица, стройная фигура и непринужденность манер вызвали симпатию. В то же время было ясно, что этот человек привык повелевать одним лишь взглядом. Сейчас он разговаривал с капитаном и не замечал всеобщего внимания.

— Приятная личность, — заметил русский.

— Сразу видна манера восточного человека, — сказал пан Адам.

Они направились к другому концу палубы, а когда повернули обратно, русский вдруг остановился.

— Посмотрите!

Навстречу им в сопровождении капитана снова шел египтянин, но на этот раз не один. Он вел под руку молодую даму небольшого роста. Лицо ее было скрыто под вуалью. Две негрятки несли за ней мягкие подушки и ковры. Пан Адам и русский с интересом наблюдали за этой группой. Непонятно

было, на каком языке они говорили между собой, но, судя по жестам молодой египтянки, она вела себя очень капризно.

«У повелителя появилась повелительница, — подумал пан Адам. — Таким же рабом скоро сделается и мой дедушка».

Он презрительно скривил губы, попрощался с русским и отправился в свою каюту. Суета ему надоела. Он решил сесть за работу и не выходить на палубу до тех пор, пока она не опустеет перед полуденным зноем.

Прислонившись к борту, Адам смотрел вдаль на необъятные морские просторы. Он вдруг почувствовал недовольство собой, словно внутренний голос укорял его: «Куда и зачем ты идешь?» Если человек живет без Бога в душе, то в минуту одиночества этот вопрос неизбежен. Человеку начинает казаться, что где-то далеко-далеко его ждет большой, важный труд, в котором весь смысл его жизни. А в пути он думает: «Зачем я иду?» В человеке живет вечная тоска по высокой цели, для которой он создан, и если он ее не достигнет, то жизнь пройдет напрасно. Адам понял, что для него этой целью сейчас было возвращение домой.

«И твоя тоска не утолится нигде, только там, дома» — шептали ему морские волны.

В трех шагах от него стоял египтянин. Его темные, печальные глаза будто говорили, что во всем мире нет счастья, которое могло бы надолго осветить это лицо.

Вдруг корабль круто накренился. Вода брызнула на палубу, и двое погруженных в размышления мужчин одновременно очнулись, глаза их встретились. Непроизвольно они поприветствовали друг друга.

— Вы тоже ищете одиночества? — спросил египтянин по-французски.

Голос его звучал вовсе не так надменно, как можно было ожидать.

— Я не люблю шума, — ответил пан Адам вежливо.

— Вы, наверное, совершаете научное путешествие?

— Да, археологическое.

— Вот как? Значит, вы направляетесь в Египет?

— Я направляюсь на родину вашей милости.

Смутный египтянин едва заметно вздрогнул.

— Если бы вы изучали археологию, вам не нужно было бы так далеко забираться, — заметил он Адаму, улыбаясь.

Орловскому было приятно, что этот человек, который до сих пор ни с кем на корабле, кроме капитана, не общался, одарил его своим вниманием.

— Я не собиратель древностей, но друг науки и ученых. Мой дом открыт для каждого из них. Если вы когда-либо будете в Каире, я буду рад вашему посещению.

После этого неожиданного приглашения египтянин достал из бумажника свою визитную карточку и подал ее пану Адаму.

«Хельмар Вернинг, маркиз Орано», — прочитал тот.

В ответ Адам подал свою. И вдруг с этим благородным человеком произошла перемена, словно в его груди что-то перевернулось. Взглянув на карточку, египтянин взволнованно посмотрел на своего собеседника, затем опять на карточку. Было видно, что ему с трудом удается сохранить самообладание.

— Не удивляйтесь моей растерянности, — вымолвил он, наконец, собравшись с силами. — Я когда-то знал некоего Орловского. Ваша визитная карточка напомнила мне о нем и еще кое о чем.

— Неужели? А не звали ли его Фердинандом? — в свою очередь взволнованно спросил Адам.

— Да, Фердинанд Орловский! Не родственник ли вы ему?

— Я сын его старшего брата. Но прошу, не удивляйтесь, если я, как его племянник, позволю себе вопрос: когда вы его знали, где вы с ним встречались и что вы вообще знаете о нем?

— Не много я вам могу сообщить о нем. И даже об этом мы не можем здесь говорить. Пройдемте в мою каюту.

Через несколько минут оба сидели в роскошном салоне.

— Я могу сообщить вам только, — сказал маркиз, — что познакомился с ним около семнадцати лет назад, с беженцем, преследуемым российскими властями. Так как почти полгода мы были в тесной дружбе, мне известны и обстоятельства, изгнавшие его из отчего дома.

— Вы о них знаете? О, прошу, расскажите мне. Что произошло между ним и моим дедом? Почему дядя ушел из дома? — воскликнул Адам с нетерпением. Он был крайне возбужден: неудивительно ли, что здесь, на чужбине, он может

узнать то, чего дома никогда не узнал бы. Таинственно исчезнувший дядя с детских лет был его кумиром.

— Если отец Фердинанда, ваш дед, не нашел нужным сообщить вам об этом, то и я не вправе это сделать. Фердинанд унес свою тайну с собой в могилу, — сказал египтянин почти холодным голосом.

— Как?! Разве он умер?

— Да, на корабле «Ксения». Я сам велел похоронить его в Каире. Когда вы приедете туда, вы можете посетить кладбище и найти его могилу. Теперь же, когда судьба свела нас таким необычным образом, я хотел бы знать, живы ли его отец и его семья?

— Кроме его отца и меня никого не осталось.

— Как? И ваш отец умер? И сестра Фердинанда? — спросил маркиз с искренним участием.

— Хотя она и не умерла, для Орловских ее нет в живых. Но об этом мне не хотелось бы говорить, — гордо выпрямляясь, ответил молодой человек.

— Мне и этого достаточно, — согласился маркиз, взяв руку Адама в свои руки. — Неожиданно мы здесь встретились. Никогда я не думал увидеть еще кого-нибудь из семьи Фердинанда. Позвольте вам, племяннику того, кто для меня был больше чем друг, выразить мою симпатию. Его семья, и особенно брат, была ему очень дорога, и он очень сожалел о том шаге, которым рассердил отца и сделал его несчастным навсегда.

Звон колокольчика прервал их разговор. Маркиз встал и поклонился:

— Извините, я должен удалиться, меня зовет дочь.

«Вот как, — подумал Адам, — повелительница!» Попрошавшись со своим собеседником, возбужденный этой интересной встречей и сообщением египтянина, он поднялся наверх и еще долго расхаживал по опустевшей палубе под шум морских волн.

Глава двенадцатая

В комнату Мирослава Урзина тихо постучали. Ответил: «Войдите!» — и вскрикнул от удивления:

— Пан Коримский!

На пороге стоял Николай.

— Вы меня не ждали, не правда ли? — сказал юноша, улыбаясь.

— Напротив, пан Коримский. Прошу вас, садитесь! Но как вы решились подняться по лестнице один, без посторонней помощи? У вас голова не кружится?

— Кружится, но я уже здесь.

— К счастью, я только что протопил комнату, будто ждал дорогого гостя. Но, пан Коримский, вы даже без жакета, а в коридоре холодно...

— Не беспокойтесь, Мирослав, радость согревает: подумайте только, Аурелий пишет, что он уже завтра или послезавтра будет здесь, а я ожидал его только в субботу. — Николай подал провизору письмо. — Прочтите, пожалуйста, у меня ведь теперь зрение слабое, может быть, я ошибся.

Мирослав прочел:

«Дорогой Никуша!

Благодаря удачно сложившимся обстоятельствам, мне в Вене оставаться дольше необязательно. Дело свое я передал адвокату. Подгоняемый тоской, я спешу к тебе. В понедельник или во вторник ты можешь меня встречать, но, разумеется, не выходя из своей комнаты. Теперь, благодаря полученному наследству, я буду в состоянии занять материально независимое положение. Чтобы быть поближе к тебе, я приму предложение коллеги Раушера и поселюсь либо в Подграде, либо где-то поблизости. Чешский язык я знаю, словацкому быстро научусь, ведь я с ним уже немного знаком.

Все это я пишу лишь для того, чтобы тебе было над чем размышлять. Коллега жалуется на тебя, но это ничего. Передай привет твоему отцу, а также Урзину и поправляйся, чтобы мы после моего приезда могли податься в теплые края.

Твой Аурелий Лермонтов».

— Это действительно хорошее известие, пан Коримский, какого вы и не ожидали, — заметил провизор, улыбаясь.

— Подумать только — Аурелий поселится в Подграде! Ну, разумеется, у нас, где же ему еще жить? Да от одного этого

известия можно поправиться! Мне и уезжать-то теперь никуда не хочется. Я боюсь путешествия. Попрошу отца оставить меня и Аурелия дома.

— О, не делайте этого, пан Коримский!

— Отчего же?

— Пан аптекарь уже все подготовил. Он ведь намеревается отправиться с вами, а ему перемена климата так же необходима, как и вам.

— Отец тоже поедет с нами? Это другое дело! Но я ничего об этом не знал.

— Он хотел вас обрадовать. Но, чтобы вы не обращались к нему со своей просьбой, я выдал его секрет.

Урзин подложил дров в печку. Пламя осветило его бледное лицо. Просветленное улыбкой и хорошим настроением, оно было привлекательным. Николай обнял его:

— Какой вы хороший, Урзин! Всегда вы приносите хорошие вести. Может быть, вы еще скажете, куда мой отец отправился сегодня?

— Посмотреть вашу летнюю квартиру, — ответил молодой человек, улыбаясь.

— Это я знаю, а еще куда? Он был так странно возбужден в последние дни. Мирослав, вы знаете, куда поехал отец.

Провизор встал.

— Я догадываюсь, куда он поехал, однако пан Коримский не поручал мне сообщать вам об этом.

— А молчать он вам велел?

Черные глаза юноши смотрели на собеседника в упор.

— Нет, потому что я только предполагал... — После короткого молчания он продолжил: — В коридоре я нашел эту телеграмму, наверное, выпавшую у него из кармана. В ней написано: «Приди, отец, к твоей Маргите! Горка».

— Маргита дала ему телеграмму, и такую странную, Мирослав! Они, наверное, уже встречались и говорили друг с другом. Но где?

— Говорить и встречаться они вряд ли могли, но, может быть, было письмо.

— Верно, и теперь она позвала его к себе, он поехал, и они помиряются! О, это чудесно! Если бы не отец, как бы я не хотел

теперь уезжать отсюда. Болезнь была мне не только во вред: она примирила дедушку с нами. Ведь он посетил меня лишь тогда, после того несчастного случая. В ответ и отец навестил его, и дедушка передал мне через него, что он хотел бы увидеть меня здоровым. Я могу пойти к Маргите, а если она примирилась с отцом, может быть, она еще раньше придет ко мне. Сеть разорвана, мы свободны!

— Позвольте, пан Коримский, — сказал Мирослав, — недавно вы были не согласны с моими взглядами, а теперь признаете, что ваша болезнь имеет хорошие последствия. Со временем вы все больше будете убеждаться в том, что все, что Господь делает, к лучшему.

По бледному лицу юноши пробежала легкая тень.

— Я вас не понимаю, Урзин. Вы так преданно, с таким самопожертвованием и любовью заботитесь обо мне и в то же время, кажется, не только одобряете то несчастье, которое разрушило всю мою жизнь, но хотите убедить меня еще и в том, что это было необходимо и что все это к лучшему.

Урзин покачал головой:

— Поверьте мне, пан Коримский, если бы я мог взять ваше несчастье на себя, я бы это охотно сделал, чтобы вы не страдали! Но я этого не могу! Единственным моим утешением является твердая вера и надежда, что вы через эти скорби получите большое благословение.

Слова молодого человека звучали так убедительно, что на глазах больного выступили слезы.

— Странные у вас взгляды, но сердиться на вас невозможно. Не будем об этом больше говорить... — Николай огляделся. — Я смотрю и удивляюсь, как хорошо вы устроились здесь, в вашей комнатке. А что это там за надписи в рамках? «Прощайте, и прощены будете» — так написано на той картине с цветами?

— Да, пан Коримский, это изречение Господа моего и мой лозунг.

— Ваш лозунг? Вы все прощаете? Ведь это не всегда возможно, не так ли?

— Своими силами это никогда не удастся.

— А как же?

— Прощающий должен любить, а любовь — лишь от Бога: только Бог может вложить ее в сердце человека и сохранить там.

— По вашим взглядам, человек никогда не должен сердиться на другого?

— Не по моим, а по взглядам Иисуса Христа.

— А вот, положим, кто-то вас обидел. Как вы поступите? Разве вы не вправе возмутиться? Неужели Христос осудит вас за это? Ведь вы правы!

— Он учит: «Любите врагов ваших!» Если я сержусь и не имею любви, я нарушаю Его завет любви.

Николай тяжело опустил голову.

— Жить и всегда только любить, только прощать — это еще ни одному человеку не удавалось, — произнес он после некоторого размышления.

— Только Ему одному! — подтвердил Мартин.

— Кто же это, скажите мне?

— Сам Законодатель — Иисус из Назарета.

— О, — юноша покачал головой, — это совсем другое! Это же был Бог, а мы говорили о людях. Или вы верите в Него только как в человека?

— Иисуса Христа невозможно разделить. Те, которые принимают Его только за человека, не в состоянии понять Его точно так же, как те, которые видят в Нем только Бога.

— Скажите мне, во что вы верите, но выразитесь так коротко и ясно, чтобы я мог вас понять сразу.

— Я, пан Коримский, верю в слово: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного». Сын Божий тоже является Богом, не так ли?

— Согласен, а далее?

— Чтобы отдать Сына, Бог должен был допустить, чтобы Тот стал человеком и принял наше тело. Итак, Сын Божий стал сыном Марии и человеком. Евангелисты описывают нам, как этот человек — Иисус — жил, страдал и умер. Его лозунгом было: любить и прощать! Он один явил нам любовь Отца и Его прощение. До Его пришествия было десять законов. Он соединил их в одном: любить Бога больше всего, а ближнего — как самого себя.

Он дал этот великий завет, но Он его Сам и исполнил. Вся Его жизнь — непрерывная цепь дел любви. Начатые в Вифлеемском хлеве, они завершились на Голгофе в самопожертвовании за врагов, отступников и предателей.

Иисус Христос выполнил порученную Ему миссию спасения на этой земле. Однако Он совершил это как человек, и поэтому Он вправе и от нас требовать: «Отвергни себя, возьми крест свой и следуй за Мной». А доказательство того, что Он был не только человеком, — через десять дней после Своего вознесения Он послал Духа Святого на апостолов и всех веровавших в Него и сделал из них новых людей, говоривших не только новыми языками, но и живших новой, до того времени незнакомой им жизнью. Эти люди жили потом на земле так, как жил Он: они любили своих врагов, молились за противников своих, благословляли тех, кто их мучил и проклинал, и прощали своих мучителей.

— Они были способны на это, потому что Он дал им Духа Своего, — перебил его Николай. — Он тоже имел эту способность, ибо Он, имея человеческое тело, имел и Духа Святого от Бога. Вы мне многое пояснили, но главного не сказали. Я согласен, что с помощью Духа Божьего можно жить по Божьему, но как без Него?

— Без Него это, конечно, невозможно, пан Коримский. Но в первой главе Евангелия от Иоанна написано, что Иисус Христос пришел в этот мир к своим, и свои Его не приняли. «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божьими». Эти слова говорят нам о том, что если Бог так возлюбил мир, что отдал единородного сына Своего, Он и тем, которые этого Сына, этот дар, в вере приняли, дал власть — и эту власть олицетворяет Святой Дух — быть чадами Божьими. Вы меня понимаете, мой дорогой пан?

— Вполне, Урзин! — Юноша встал и несколько неуверенной походкой прошелся по комнате. Вдруг он остановился и пристально взглянул на провизора.

— Мирослав, Он и вам дал эту власть? Вы уверены, что вы — дитя Божье?

— Да, пан Коримский, благодаря невыразимой любви Божьей! Бог Отец дал мне Своего Сына, моего Господа Иисуса

Христа; я Его принял; а Иисус Христос, омыв меня сперва Своей кровью от моих грехов и освятив мое сердце для Себя, дал мне Своего Святого Духа. Так Он исполнил чудное обетование: «Мы придем к нему и обитель у него сотворим».

Лицо говорившего выражало кротость и уверенность.

— Я, правда, еще не обладаю той силой, — продолжал он спокойно, — у меня нет того мужества, какое имели первые христиане. Может быть, я сегодня не был бы в состоянии принять позорную смерть и, несмотря на мучения, благословлять своих мучителей. Но я верю, что если пребуду в послушании, небесный мой Учитель научит меня жить и умереть так, чтобы не предать Христа. И потому что Он — Дух силы, Он подкрепит меня в моей борьбе. Из-за моей слабости у Него со мной будет, конечно, еще много хлопот, но Он меня не оставит, ибо Он верен...

День клонился к вечеру, заалел закат. Комната озарилась золотисто-розовым светом. Но Николай Коримский этого не замечал. Глаза его были закрыты, душа его, казалось, удалилась в неведомые дали.

Урзин смотрел на него, и хотя его губы не шевелились, видно было, что он молился.

— А где написано, что Он дал вам власть быть чадом Божьим? — произнес, не открывая глаз, юноша после долгого молчания.

Лицо Урзина осветилось радостью.

— В первой главе Евангелия от Иоанна. Если позволите, я прочту вам всю главу.

— Да, прошу!

Урзин взял в руки Новый Завет, полистал его и начал читать. В тишине воскресного вечера голос его звучал как нежная музыка. Слушая стих: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков», Николай устремил свой взор к золотисто-розовому небу, затем его взгляд остановился на устах читающего. При словах: «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли», голос читавшего задрожал, а по лицу слушавшего пробежала тень. «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились. И Слово стало плотью,

и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца».

Урзин оторвался от книги и сказал:

— Не правда ли, пан Коримский, мы видим из этих слов, что Иисуса, Богочеловека, разделить невозможно?

— Да, Мирослав, я вижу, что вы правы. Иисус Христос принес в мир благодать, любовь и истину. Понимаете, до сих пор Христос был для меня лишь символом всего высокого, благородного, доброго, а теперь Он стоит передо мной как личность, как Бог, ставший человеком. Если вы не устали, читайте, пожалуйста, дальше.

— С удовольствием.

Урзин подложил дров в огонь, прикрыл колени юноши своим старым одеялом и, придвинув свое кресло ближе, стал читать дальше. При словах: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, который берет на Себя грех мира», Николай снова прервал его вопросом:

— Как вы понимаете это название? Почему Иоанн называет Его Агнцем?

— Это мы найдем в Ветхом Завете.

Молодой человек принес Библию и прочитал сначала о назначении пасхального агнца, затем главу 53 пророка Исаии. И перед слушателем во всем своем величии и значении предстал истинный Пасхальный Агнец, который через Свою смерть искупил все человечество от рабства греха и наказания смертью.

К сожалению, начало темнеть и читать стало невозможно. Они дошли до того места, как два ученика Иоанна пришли к Христу и остались у Него и как Андрей искал своего брата Симона и сказал: «Мы нашли Мессию, что значит: Христос».

— Уже темно читать, — сказал Николай, — отложите книгу. Может быть, вы устали от меня, но с вами хорошо сидеть и говорить. Извините меня, если я еще останусь.

— Не надо извиняться, пан Коримский. Это для меня счастье.

— Вы мне льстите, Мирослав.

— Нет, пан Коримский, я говорю правду.

— А я и по вашему лицу вижу, что вы мне рады, поэтому и остаюсь. Я бы мог попросить вас к себе наверх, но там холодно... Когда я зашел к вам, вы что-то писали...

— Да, я писал свой дневник.

— Вы ведете дневник? Не слишком ли однообразна для этого жизнь здесь?

— Я только по воскресеньям записываю события прошедшей недели.

— А что вы запишете о сегодняшнем дне?

— Что я был счастлив, прочитав вам Евангелие нашего Господа, и что мой Спаситель сегодня впервые стоял лично перед вами.

— Это для вас так важно?

— Очень. Мой Господь и Спаситель ничего не делает наполовину. После того, что Он явился вам, Он и поможет вам познать Его. Дух Святой теперь не перестанет действовать, пока вы не начнете искать Его и, в конце концов, с восторженным ликованием не броситесь в Его объятия. Он примет вас в Свое сердце и сделает вас счастливым чадом Божьим. И поэтому у меня есть основание занести этот час в дневник, ибо, когда вы достигнете этого счастья, вы сами всю жизнь будете вспоминать этот воскресный вечер, когда вместе с золотой вечерней зарей первый Луч Света озарил ваше сердце.

— Вы считаете, что до сего дня во мне все было темно? — спросил юноша, нахмурившись. — Ведь вы меня до болезни совсем не знали. Слабый Николай Коримский не дает вам представления о его прежнем характере.

— Это верно, пан Коримский, но свет бывает двоякий: один — заблуждающий свет, который не может просветить ночь и облака; другой — истинный свет, светит в темноте, но мы ему не доверяемся. Я тоже годами ходил за ложным светом. Но когда мне пришлось ступить в глубокие воды страданий, он исчез. Тогда мою душу осветил истинный свет, и несмотря на то что обстоятельства мои не изменились и, может быть, никогда не изменятся, во мне свет и тепло, и я счастлив.

— По вашим словам, — прервал его юноша, — ваша скорбь еще не прошла? В чем она? Может быть, вы понесли невосполнимую утрату?

— Да, пан Коримский, я все потерял на этом свете... Однако не будем об этом говорить.

— Но мне вас жаль, и я хотел бы вам помочь, если бы мог. Может быть, утрата ваша лишь кажущаяся, или ее покрывает могила?

— Да, она похоронена.

— И вы все же счастливы? — юноша взял руку провизора в свои руки.

— Я счастлив, пан Коримский, ибо ночь во мне прошла и меня озаряет вечный свет. Когда этот свет озарит и ваше сердце, тогда и вы не будете больше чувствовать себя несчастным.

Услышь мольбу и вздох души моей,
Хочу Тебя, мой Бог, любить сильней.
Хочу любить огнем мольбы святой
Всем сердцем и умом, и всей душой.
Напрасно в тьме сует я мир искал;
Лишь Твой завет любви мне счастье дал.
Увижу ль иногда грозу скорбей,
Хочу я и тогда любить сильней.
Прервется ль жизнь моя для вечных дней,
Хочу и в небе я любить сильней.
И знаю, буду там, где нет теней,
Где вечный Бога храм, любить сильней.

— Какие хорошие слова, пан Урзин! А мотив этой песни вы знаете?

— Да, пан Коримский. Хотите, я вам ее спою?

— О, прошу вас!

Зазвучал негромкий, чистый голос Мирослава. На небе угасла последняя полоска света, и между снежными облаками засияли две звезды.

Глава тринадцатая

Эти две звезды засияли над Подградом в воскресный вечер и, как казалось, именно в тот момент, когда в красивом доме

среди ельника воцарилось счастье. Маргита, наконец, была вместе со своим отцом.

Скованность и некоторая растерянность первой встречи после семнадцатилетней разлуки вскоре исчезли. Теперь отец и дочь сидели в маленьком салоне на диване, сердечно беседуя. Одна рука Маргиты покоилась в руках отца, другой она обнимала его. Прислонившись головой к его плечу, она рассказывала ему о своих планах на будущее.

Лицо Коримского, в котором и следа не осталось от гордости, светилось счастьем и радостью. Он не отводил взгляда от дочери, словно эти часы ему должны были возместить все, что он потерял за прошедшие годы.

Маргита поведала ему, что учится словацкому языку уже неделю и что с помощью учителя Галя намеревается продолжать учебу, и как ей сейчас пригодилось знание чешского языка. Потом они говорили о доме, который отец хотел бы приобрести для Николая, чтобы он мог жить там летом. Оказалось, что это был как раз тот самый брошенный дом вблизи водопада, который недавно привлек внимание девушки.

Ей, правда, очень хотелось, чтобы Никуша жил у нее: но она должна была согласиться, это выглядело бы так, будто он с ней помирился только из-за своей выгоды. Однако она упростила позволить ей заняться обстановкой дома для своего брата и доктора Лермонтова. А про себя Маргита думала: «Лишь бы они въехали в этот дом, тогда они все равно у меня будут бывать чаще, чем там. Дедушка тоже обещал переселиться сюда на лето. И отец будет приезжать к Николаю — о, какая чудная жизнь у нас начнется!»

Тихий звон колокольчика прервал их разговор. Маргита вскочила.

— Позволь, отец, на минуту оставить тебя, — и, не дождавшись ответа, убежала.

Он смотрел ей вслед, своей девочке, и только когда она исчезла, вспомнил, что дочь его замужняя женщина...

Уже более четырех часов он находился в Горке. Они с дочерью вместе побывали в том домике, говорили все о настоящем, ибо о прошлом говорить было невозможно. Об Адаме она за

все это время не сказала ни слова, зато о дедушке очень много и с большой любовью.

Тень озабоченности омрачила лицо пана Коримского. Но тут нежная рука дочери обняла его шею.

— Родной мой, почему ты так печален?

— Ах, ты уже пришла, Маргита! — и он с любовью привлек ее к себе.

— Я пришла звать тебя ужинать.

— Но мы только что пили кофе.

— Это было давно, и ты почти ничего не ел. Зато теперь ты окажешь честь хозяйке, не так ли?

— Я постараюсь, чтобы ты осталась довольна.

Она взяла его под руку и повела по коридору в ярко освещенную, украшенную цветами столовую.

— Ты спрашивала, о чем я так задумался, — сказал пан Коримский после ужина, когда Маргита готовила чай. — Я думал о том, кого моя Маргита еще не вспомнила ни единым словом. Что бы он сказал о нашем примирении?

Словно инеем внезапно покрылось озаренное счастьем лицо молодой женщины.

— Ты говоришь об Адаме Орловском? — спросила она холодно. — Какое ему дело до нашего примирения?

Коримский с ужасом посмотрел на дочь.

— Маргита! Ведь он твой муж и самый близкий тебе человек на земле!

Она покачала головой.

— Ты ошибаешься, отец. Перед миром он действительно мой муж, но лично для меня он никто и всегда будет никем. Дедушка желал нашего союза, и мы не могли ему, на старости лет, отказать. Мы увидели друг друга за час до венчания, а после него договорились, что, дабы не уронить фамильной чести, внешне вести себя как супруги, а на самом деле он будет жить для науки, а я — для дедушки.

— Кто это придумал, Маргита? — ошеломленно спросил пан Коримский, взяв руку дочери в свою.

— Я, отец.

— И Адам согласился?

— Разумеется! Не удивляйся, это совсем неплохо.

— Нет, это нехорошо, дитя мое! Ты меня не удивляешь, но он, в его возрасте!.. Ведь жизнь такая долгая, а вы оба так молоды... Потом, сердце человеческое не может оставаться без любви.

— Я знаю, отец. Но мое сердце не останется без любви: у меня есть ты и бабушка, и Николай меня любит, а я — вас всех!

— Положим, что тебе этого достаточно, ну а Адаму?

— У Адама — наука.

— О, Маргита, такое горячее сердце, как у Адама, не может заполнить наука!

— Это меня не касается, отец. Когда он просил моей руки, он мне ясно дал понять, что не желает ничего другого, кроме верности, и я буду ему верна.

Лицо Коримского помрачнело. Он понял, какую дочери причинили обиду. Больше он не удивлялся и не говорил ничего в защиту зятя.

Маргита повернула разговор в другое русло, и он был рад этому. Она повела его обратно в салон и показала ему, насколько она уже овладела словацким языком.

Речь зашла о том, что она сможет сделать для местной школы.

Когда он заметил, что школа евангелическая, она с удивлением посмотрела на него:

— Но ведь я тоже евангелической веры...

— Ты, Маргита? — спросил он в недоумении.

— Ты удивляешься? У меня та же вера, что и у моих родителей!

— Мать твоя не всегда была евангелической веры, — произнес пан Коримский мрачно. — А девочки из смешанных браков принимают вероисповедание матери. Поэтому ты крещена в католической церкви, и она считает тебя своей.

— Это невозможно! Ведь я даже не знаю католического учения! — воскликнула Маргита. — Мои воспитательницы в пансионе были евангелической веры. Я числюсь лютеранкой. Там я обучалась религии. Только при конфирмации пастор мне сказал, что он не может подтвердить меня из-за определенных помех, наверное, имея в виду именно это. Значит, католическая церковь имеет на меня права?

Девушка задумчиво опустила голову.

— В восемнадцать лет ты сама смогла бы вступить в нашу церковь, если бы не Орловские. Однако дедушку это, наверное, очень оскорбило бы.

— Извини, отец, мою личную свободу я пожертвовала дедушке, но свободой совести я не поступлюсь. В пансионе я однажды прочитала ужасную книгу — «Испанские братья». Никогда я не смогла бы принадлежать Римской церкви, и мне очень жаль, что дедушка к ней относится.

— Маргита, того, что было в средневековье, сегодня уже нет. В настоящее время разница между религиями едва заметна, тем более в высших кругах.

— Может быть, отец. Но протестантов раньше притесняли, а меня всегда тянет принять сторону тех, кто терпит несправедливость. Кроме того, нас учат, что церковь — наша мать. Какая она мне мать — католическая церковь, если она до сих пор мне ничего не дала, кроме крещения, и не заботилась обо мне? Нет, не хочу! Пока что мне нужно достать книги, чтобы узнать разницу, потом, когда придет время, я скажу дедушке о моем решении. Он меня не станет удерживать, вот увидишь. А теперь поговорим о другом, потому что все это тебя, кажется, опечалило, отец!

Они беседовали до глубокой ночи. Когда Коримский на другой день оставил Горку, он стал богаче несколькими часами неожиданного счастья, однако унес с собой две удручающие мысли: о вынужденном браке его дочери и ее решении никогда не принадлежать католической церкви.

Глава четырнадцатая

В имени инженера Райнера был устроен блестящий торжественный вечер. Изысканное общество праздновало день рождения хозяйки дома — пани Райнер. Второй причиной торжества явилось получение паном Райнером титула барона и причисление его к дворянству. Нельзя не понять счастья человека, имеющего заслуги перед обществом, который после четырнадцати лет примерного брака может, наконец, показаться в свете в звании дворянина — на равных с женой.

Залы светились множеством огней. Воздух был наполнен тонким ароматом духов и живых цветов. Здесь было немало молодых красавиц и одетых по последней моде прекрасных дам, однако хозяйку дома ни одна из них не превзошла. Она и здесь считалась «польской розой», как ее когда-то называли дома.

Бледно-сиреневый шелк богатыми складками ниспадал по ее стройному стану; золотистые волосы были скототы шпильками с жемчужинами. Ее черные глаза завораживали. Ни одного из гостей она не обошла своим вниманием. Когда же взгляд ее падал на мужа, она вся словно вспыхивала. Ни один из гостей — потомственных дворян — внешне не соответствовал этому званию так, как он.

Общество развлекалось. Среди веселья, незадолго до ужина, пани Райнер, или как слуги ее теперь называли — пани баронесса, — отлучилась, чтобы сделать еще какое-то распоряжение насчет сервировки стола для закуски в полночь. Затем баронесса отправилась в свой будуар, чтобы омыть свои нежные пальцы розовой водой, поправить прическу и кружева вокруг шеи.

Заглянув в зеркало, она испугалась своего вида — слишком явно была выражена усталость на ее лице.

«Отдохну только одну минуту», — сказала Наталия про себя и села в кресло. Она взяла флакон духов, надушила платочек. И вдруг заметила на столике нераспечатанное письмо, которое в спешке бросила сюда, когда стали собираться гости.

«Наверное, еще одно скучное поздравление», — подумала она равнодушно, вскрыла конверт и начала читать. Лицо ее побледнело еще больше.

Выражение скуки и недовольства на нем сменилось отчаянием и болью. Она читала:

«Дорогая Наталия!

Зная, что никто не сообщит Вам о том, что случилось у нас, я, Ваша старая подруга, считаю своим долгом написать Вам. Мать всегда остается матерью, как бы не складывались обстоятельства жизни. Когда я неделю назад приехала к своей дочери в Подград, то от доктора Раушера я услышала печальное известие о том, что около четырех недель назад Ваш сын Николай Коримский отравился.

Какой ужас! Он, конечно, не преднамеренно отравился. Это был несчастный случай в лаборатории.

Благодаря скорой врачебной помощи, он был спасен от смерти, но он много страдал и сейчас еще болен. Говорят, одна лишь тень осталась от прежнего Николая. На днях его увезут на юг, может быть, с тем, чтобы он там умер. Бедный Никуша! Я помню, как Вы однажды были с ним у нас, какой это был милый златокудрый мальчик. Раушер говорит, что и до несчастья он был похож на цветок.

Коримскому это поделом, он иного и не заслуживает, но этот бедный молодой человек!

И надо же было такому случиться именно теперь, когда он сдал уже все экзамены и готовился стать профессором химии! Он домой-то приехал только в гости со своим другом, неким доктором Лермонтовым, а потом они должны были отправиться в путешествие. Ну вот, он и отправится...

Я долго думала, написать Вам или нет, так как Вы посетить его все равно не можете. Но у меня не было покоя. Каждый жалеет его, только одна мать не знает, что случилось с ее любимцем. Если Вы ничего не можете сделать для него, то хотя бы молитесь за него Матери Божьей.

Простите, что я Вас опечалила этим известием. Преданная Вам,
Клара Хорст».

Прочитав это ужасное письмо, Наталия Райнер долго еще сидела, окаменев, словно статуя. «Он отравился! Он уже несколько недель страдает и болен до сих пор! Они повезут его на юг, чтобы он там умер! А я до сегодняшнего дня ничего об этом не знала и не узнала бы, если бы эта женщина, которую я когда-то презирала, не написала мне. Она, конечно, писала с намерением ранить меня... Мой мальчик, мой дорогой сын умирает!»

Она взглянула в зеркало и сделала такое движение, будто хотела сорвать с себя украшения и платье. Тут же вскочила и, ломая руки, стала ходить по комнате. Слез на глазах не было, нет! Ей нельзя было плакать! Как она потом с заплаканными глазами предстанет перед гостями? А выйти к ним необходимо — она хозяйка дома, это ее праздник. А в это время ее сын, может быть, умирает в мучениях!

Она не может к нему пойти, и узнать она ничего о нем больше не может, но как ей жить дальше в такой неопределенности?! Это ужасно!

Она снова упала в кресло, положив сложенные руки на стол и склонив на них голову. Она не услышала шагов, стука в дверь и не заметила вошедшего мужа.

* * *

Барон Райнер от удивления застыл на месте. С того дня, как Наталия Орловская стала его женой, он пожертвовал всем и приложил все свои способности и усилия, чтобы получить дворянский титул. А теперь, после стольких лет самоотверженного труда, найти ее в таком состоянии!

В следующий момент он уже склонился над женой, которая была для него всем на этой земле.

— Наталия, родная, что случилось? Что с тобой?

Он увидел ее искаженное горем лицо, но и она увидела его, и этого было достаточно, чтобы собрать все свои силы и улыбнуться.

— Извини, Роберт, мне было нехорошо, но теперь мне уже лучше. Будь добр, извинись за меня перед гостями. Через некоторое время я оправлюсь и смогу выйти к ним.

— А что случилось? — спросил он снова и, прижав ее к себе, почувствовал, как она дрожит. — Ведь ты была здорова? Что с тобой?

— Я не знаю, — солгала Наталия. — Я только хотела помыть руки и поправить платье, и вдруг мне стало плохо...

— Может быть, от этих духов, что ты разлила на столике?

— Может быть, я не знаю. Пожалуйста, уйдем отсюда, — попросила она.

Он вынес ее в спальню и уложил на диване.

— Я пойду, извинюсь перед гостями, и если ты не сможешь выйти, приведу доктора, — сказал он, поцеловал ее холодный, влажный лоб и вышел.

Она хватала воздух ртом, как умирающий от удушья.

Сколько лет она старалась убедить мужа в том, что прошлого для нее больше не существует. Она знала, кем была для этого

человека, и не хотела давать ему повод для недоверия. Если бы он знал, какое известие так на нее подействовало!

Когда четырнадцать лет назад перед алтарем она отдала ему свою руку, то сделала это потому, что хотела быть любимой. Без любви она не могла жить. Она хотела, чтобы в объятиях любви ее несли по жизни. Райнера она не любила, но уважала за его честный, безупречный характер. Своим вступлением в брак с ним она раз и навсегда хотела прекратить сплетни и показать миру, что ее просто так нельзя бросить. Она преданно и добросовестно старалась любить мужа, который вырвал ее из того незавидного положения, в котором она, как разведенная женщина, находилась. Но все ее старания оставались тщетными. Бедное ее сердце никогда не могло согреться у сердца Райнера, потому что образ недостойного оставленного мужа, первой ее любви, не исчезал из памяти.

Есть сердца, которые любят только раз. Таким было и сердце баронессы. Как часто бессонными ночами она укоряла себя за то, что тогда не простила ему и ушла из дома под старой крепостью. И, уйдя от него, ничего нельзя было поделать с чувством...

Он до сего дня жил один, а она уже никогда не сможет вернуться к нему. Ослепленная гневом и болью, она во время судебного процесса не думала о том, что ей придется расстаться и с сыном. С разводом она потеряла его навсегда, как и любимого мужа.

Дочь — живую память о потерянном счастье, она не могла любить так искренне, как ей бы хотелось, чтобы меньше напоминать Райнеру о своем прошлом и о том, что у него самого нет детей.

Как они оба обрадовались, когда поступило неожиданное предложение из Орлова! Маргита не будет больше изо дня в день напоминать ей о невозвратном. Пусть она будет там счастлива, пусть она заменит дедушке ее — потерянную дочь. Ибо для Наталии Райнер не было пути в Подградскую долину...

Четырнадцать долгих лет жила Наталия, обманывая себя и любящего, но нелюбимого мужа, и тоска от разлуки со всем дорогим ее сердцу не убывала. Удивительно ли, что силы ее сегодня оставили. Она почувствовала почти непреодолимое желание умереть. О, если бы этим она могла спасти своего сына!

Вскоре пришел барон Райнер вместе с врачом. Осмотрев ее и назначив баронессе полный покой, он за дверью объяснил: «Нервное перенапряжение...»

Хозяйку в тот вечер никто из гостей больше не видел. Хорошо еще, что недомогание ее случилось после ужина. Поэтому гости оставили дом Райнеров, выражая сочувствие хозяйке и присовокупляя к нему множество добрых советов.

Стало пусто и тихо.

«Не может быть, чтобы это случилось без особой причины, — подумал барон, склонившись над беспокойно спящей женой, — что-то ее сильно взволновало, но что?»

Позже он нашел в платяном шкафу измятое письмо и, прочтя его, все понял.

«Бедная Наталия, — думал Райнер, — она не смогла вынести этот удар. Кровь — не водица. Он — ее первенец, она его любила и любит. И вот, после стольких лет, первое известие — и такое ужасное! Теперь, когда ушла Маргита, я думал, что она будет принадлежать только мне, а получается иначе».

Барон, с огорчением порвав письмо, бросил его в огонь и оставил комнату в твердом намерении поскорее раздобыть для жены более подробные сведения о состоянии ее сына.

Глава пятнадцатая

Перед раскрытым окном в шикарной каюте корабля на мягких коврах лежала девушка, положив белые руки под голову. Белое платье с дорогими кружевами облегло стройную фигуру. Иссиня-черные косы обрамляли ее белый лоб. Белизну лица подчеркивали и длинные густые ресницы, и изогнутые брови. Все в этой девушке было прекрасно, и в то же время в ее лице было что-то странное.

Через открытое окно доносились звуки песни о погибшем в бурном море юноше. Она слушала пение, и лицо ее словно вуалью покрывалось. Она не услышала, ни как отворилась дверь, ни быстрых приближающихся к ней шагов и очнулась только тогда, когда рядом с собой услышала голос:

— Тамара, цветок мой, что с тобой?

Длинные ресницы поднялись, и пара голубых печальных глаз посмотрела в лицо склонившегося над нею человека.

— Что с тобой? — заботливо спросил он еще раз.

Горькие складки легли у маленького рта.

— Это ты, отец? Ничего, у меня все в порядке.

— Дитя мое, ты знаешь, что я сделаю все, чего бы ты ни пожелала. Может быть, у тебя есть неисполненное желание? Ты мне только скажи!

Она покачала головой.

— Ты печальна? Почему нет Орфы и Аси? Почему они не развлекают тебя чтением или музыкой? — спросил он, насупившись.

— Я их сама отослала, я не хотела слушать их.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я тебе почитал?

— Нет, зачем? — произнесла она тоскливо. — Я слушаю пение. Там кто-то пел о погибшем корабле и о несчастном матросе. Я бы тоже хотела вместе с ним покоиться там, в мире кораллов и жемчуга, где я, хотя и ничего не видела бы, но и ни о чем не жалела бы.

— Тамара! — раздался крик измученной души. — Тамара, цветок мой, о чем ты думаешь? Ты же знаешь, что все будет хорошо. Как только мы приедем домой и я приведу свои дела в порядок, мы немедленно переселимся в Западную Европу: там мягкий климат, и ты сразу и навсегда поправишься.

Она энергично покачала головой.

— Я Египет никогда не покину.

— Дорогая моя, ведь это только на короткое время, не навсегда.

— Даже на короткое время я не поеду в Европу. Я к ней никогда не привыкну, и я не хотела бы там умереть. Оставь меня дома, я дома хочу умереть.

Растерявшись, мужчина обеими руками закрыл лицо. Видно было, чего стоило ему сохранить самообладание.

— Я пришел за тобой, Тамара, — сказал он немного погодя. — Может быть, мы выйдем ненадолго на палубу? Я хотел бы представить тебя одному археологу, который совершает путешествие в Египет. Он большой почитатель нашей родины.

Лицо девушки выразило мгновенный интерес.

— Ты можешь мне его представить, отец, но приведи его сюда, я сейчас не хочу выходить, — сказала она.

— Хорошо, милая. Но прежде я пошлю к тебе Орфу, ты, наверное, захочешь переодеться. Через полчаса мы придем.

— Хорошо, папа, — девушка обвила его шею руками.

Отец нежно прижал ее к себе:

— Ну, что, сокровище мое?

— Не сердись, мне было так грустно, поверь мне.

— Когда я сердился, родная?

— Никогда, потому что ты такой добрый, а я такая скверная.

— О, ты мое чудное, золотое дитяtko, любимица моя, ты всегда добра.

Вскоре после этого в каюту Адама Орловского постучали, и нельзя было сказать, что молодому ученому это вторжение было приятно. Но когда постучавший вошел, Адам был изумлен, ибо маркиза Орано он никак не ожидал увидеть.

— Извините, если я вам помешал, — сказал гость вежливо, когда хозяин усадил его в кресло.

— Ничего! Я все равно отвлекся от работы, слушая пение на палубе.

— Это пение, собственно, и является причиной моего прихода к вам.

— Вот как? Каким образом?

— Оно донеслось в нашу каюту и привело мою дочь в очень грустное настроение.

Адам удивленно взглянул на своего гостя.

— Может быть, маркиза не любит пение? — заметил Адам в некотором замешательстве.

— О нет, но песня была слишком грустной. И так как я не знал, чем развлечь дочь, я схитрил и пообещал представить ей вас, пан Орловский.

Адам невольно бросил на маркиза короткий, но выразительный взгляд и хотел было возразить, что не привык развлекать дам и что он не для того здесь, чтобы разгонять у женщин скуку.

Но маркиз, словно предугадав такое возражение, грустным голосом продолжил:

— У меня лишь одно дитя, пан Орловский, и оно несчастно. При всем моем богатстве, которым одарила меня судьба, и при всей врученной мне власти я не в состоянии заставить мое дитя улыбнуться в часы грусти, особенно здесь, на корабле.

— И чего недостает маркизе? — непроизвольно сорвалось у Адама с языка.

— Несколько лет назад у нее ослабло зрение. Врачи говорят, что это от перенапряжения нервов, от длительной учебы. Бывают дни, когда она и далеко довольно хорошо видит; потом зрение постепенно слабеет, и иногда мою любимицу окутывает полный мрак. Мы едем из Парижа. Врачи меня не окончательно лишили надежды, однако велели еще до наступления лета оставить Египет и переселиться в Западную Европу, года на два-три. Они надеются, что за это время нервы дочери окрепнут, и зрение поправится. Поэтому я вас прошу, посвятите сегодня немного своего времени моей дочери. Может быть, я слишком навязчив?

— О нет!

Адам взял руку несчастного маркиза в свои руки. Он больше не удивлялся, что тот так озабочен своей дочерью.

— Но о чем мне с маркизой говорить?

— Может быть, о ваших исследованиях в области археологии? Она очень любит Египет. Ваш интерес к ее родине обрадует мою дочь. И потом, я хотел бы вас попросить в беседе рассказать о красоте вашей родины — Венгрии, если вам угодно. Я очень боюсь, что она не согласится оставить Египет. А увезти ее насильно я не смог бы. Если же вам удастся заинтересовать ее, все пройдет легче. Помогите мне, пожалуйста!

— С удовольствием. Я сделаю все, на что только способен ученый сухарь.

Про себя же он подумал: «Какую миссию я взял на себя? Развлекать несчастную женщину!»

Когда через четверть часа Адам с маркизом сидели в богато обставленной каюте, к ним вышла девушка лет семнадцати. Чтобы скрыть волнение, он низко поклонился.

Представив их друг другу, маркиз сразу же завел разговор об археологической экспедиции. Заинтересовавшись, маркиза задала несколько вопросов, и вскоре завязался непринужденный разговор, чему способствовало еще и то, что отец и дочь Орано хорошо говорили по-немецки, и Адаму не пришлось мучиться с французским.

Каждое слово юной египтянки свидетельствовало о ее большой любви к родине. Она показывала Адаму один альбом с фотографиями за другим.

— На чужбине мне хотелось иметь при себе хотя бы снимки.

— Как вы это произносите: «на чужбине», дорогая маркиза, — весело возразил Адам. — У каждого из нас, европейцев, там родина и место рождения, которое мы любим так же, как вы свой Египет.

— А где ваша родина? — допытывалась она по-детски.

— Родины своей я еще не видел, я знаю только страну моего рождения. Если вы позволите, я вам ее немного опишу.

— О да, пожалуйста! Но сначала объясните мне, как это так, что вы еще не видели своей родины?

— Я сын эмигранта.

Подбадриваемый интересом слушательницы, Адам рассказал о судьбе семьи Орловских. Сочными красками он описал ей красоту Венгрии, особенно высоких Татр, горных долин. Он рассказал, как там сейчас все покрыто снегом и как чудесно там можно прокатиться на санях. Он даже немного преувеличивал, но кто бы его за это осудил? Меньше всего маркиз, сидевший рядом, подперев голову рукой.

— Как хорошо, должно быть, — сказала девушка задумчиво, — когда есть семья, братья, сестры, дедушка... У нас никого нет, все умерли.

— Уважаемая маркиза, ведь и у меня, кроме дедушки, больше никого нет.

— И родителей нет?

— Мать умерла сразу после моего рождения, отец — вскоре, а братьев или сестер у меня не было.

— Значит, ваш дедушка теперь совсем один? Может быть, ему тоже грустно, — заметила она печально.

На мгновение лицо Адама покраснело. Невольно девушка уличила его в том, что он забыл упомянуть Маргиту. Но зачем об этом говорить? Какое им дело до того, женат он или нет? Однако глаза маркизы требовали ответа, и он сказал:

— У дедушки живет теперь его внучка, моя кузина, с ней он скучать не будет.

— А ваша кузина тоже сирота, как вы?

— Да, но я ее мало знаю. Она приехала за день до моего отъезда, мы виделись всего несколько часов. Однако дедушка, если судить по его письмам, ею очень доволен.

«Так, — подумал Адам, — с этим я справился. По крайней мере, мне больше никто не напомнит о том, что у меня дома есть жена, которая, собственно, и не является моей женой».

Однако в сердце своем он чувствовал укор совести, как это бывает всегда, когда мы пытаемся что-то скрыть.

Цель визита была достигнута. Адам хорошо выполнил свою задачу. Он подбодрил, развлек и развеселил несчастную девушку настолько, что она даже поднялась на палубу, где он представил ее своим друзьям.

Вечером всех четырех господ и капитана корабля маркиз пригласил на чай. Там они познакомились со свитой маркиза и с компаньонками маркизы, высокообразованными дамами. Маркиза была в хорошем настроении. Лишь иногда вдруг подпирала голову руками, словно задумавшись о чем-то.

Оставшись после ухода гостей наедине с отцом, она сказала ему:

— Отец, мне бы очень хотелось увидеть родину пана Орловского.

— Польшу? — Маркиз привлек дочь к себе и побледнел.

— Нет, Венгрию, вернее, то место, где живет его дед. Он говорил, там высокие Татры и много озер. Ведь ты сказал, что нам нужно ехать в Европу, так поедem же!

Маркиз спрятал свое лицо в волосах дочери.

— Дитя мое, во всей Венгрии я вряд ли смогу найти достойное тебя место.

— Но если я хочу туда!

— Мы можем побывать там, все посмотреть, а пожить где-нибудь в чудесных швейцарских Альпах...

— Нет, туда я не хочу! И вообще нам никуда не надо...

— Не унывай, дитя мое, все будет, как ты хочешь.

На другой день маркиз сначала долго говорил с Адамом, а затем — со своим управляющим.

Глава шестнадцатая

— Послушайте, господа, что мне пишет Адам! — с такими словами обратился пан Николай Орловский к своим гостям: декану¹ Юрецкому, капеллану² Лангу, доктору Раушеру и адвокату Краусу. — Он просит меня арендовать, а еще лучше купить, Подолин для египетского маркиза с больным ребенком, с которым Адам познакомился на корабле. Что вы на это скажете?

— Подолин? — удивился декан. — Знатная, должно быть, личность!

— Адам заметил, что деньги для него значения не имеют.

— Значит, у вас появится богатый сосед? — сказал, улыбаясь, капеллан.

— И что же вы сделаете, пан Орловский? — спросил доктор.

— Я сегодня уже был в Подолине, у управляющего Зарканого. На днях они ожидают молодого князя. Зарканый считает, что князь охотно продал бы Подолин. Однако следует учесть, что, кроме парка и подворья, там все требует ремонта. Не знаю, что и делать. Адаму надо написать правду. Я был бы рад, если бы это имение попало в руки хорошего человека, потому что я боюсь плохого соседства.

— Что вы! Если у этого египтянина достаточно денег, он все приведет в порядок.

— Вам хорошо говорить, пан капеллан, а если мы с ним не поладим? Как потом быть?

¹ Окружной викарий (архипресвитер), выполняющий административные и пастырские функции по координированию деятельности приходов в определенной части епархии — деканате. — *Здесь и далее прим. ред.*

² Помощник приходского священника или священник, несущий служение при часовне (капелле), в армии, домашней церкви и т. д.

— Ну, пан Орловский, ведь вы с ним не рядом будете жить. Он окажется соседом пани Маргиты, — сказал доктор весело.

— Действительно. А кто знает, что за варвар этот египтянин!

— О, восточные люди с дамами очень вежливы, — засмеялся декан.

В конце концов, все, даже молчавший все это время адвокат, посоветовали пану Орловскому не отказываться от посредничества в этом деле.

— А верно ли, — спросил вдруг декан, — что покойный пан Адам Орловский должен был стать управляющим в Подолине?

Старик, казалось, не слышал вопроса. Но доктор довольно чувствительно наступил под столом на ногу декану, и когда тот посмотрел на него, многозначительно приложил палец к губам.

Когда хозяин вышел распорядиться насчет ужина для гостей, которых он сегодня не хотел рано отпускать, декан спросил:

— Я, наверное, сделал что-то не так, пан доктор?

— Почти.

— Что именно?

— Управляющим должен был стать пропавший без вести Фердинанд Орловский, хотя он этого и не желал.

— Ну, в другой раз я буду повнимательней, чтобы вы мне не наступали на мозоли.

На дворе бушевала непогода, поэтому пан Николай оставил гостей у себя на ночь. Он очень беспокоился о Маргите, опасаясь, не чувствует ли она себя одинокой в Горке, и решил больше не оставлять ее там одну. Либо он привезет ее сюда, либо сам переберется туда.

Гости разошлись по спальням, а старик с деканом остались еще посидеть у камина. Оба они обычно поздно ложились спать.

А декан уже давно ждал удобного момента для разговора.

— Что я, собственно, хотел спросить, — начал он, закуривая сигару. — Получила ли уже молодая пани Орловская святую фирмацию³?

— Нет еще, ваше преподобие.

³ Конфирмация — миропомазание; обряд приема в церковную общину подростков, достигших определенного возраста.

— Вот как раз и удобный случай будет. Летом в М. приедет его преосвященство отец епископ, и многие молодые женщины и девушки собираются поехать к нему.

— Я рад, что вы мне напомнили об этом, ваше преподобие, ибо до сего дня у меня еще не было возможности поговорить с внучкой об этом.

— Я понимаю. Я бы никогда первым не начал разговора об этом, если бы не узнал, что пани Орловская в пансионе не обучалась нашей вере. Извините, что я об этом говорю, но по другим предметам она так успевала, а этот, главный предмет, совершенно запущен. Упущенное надо наверстать. Нам также неизвестно, знает ли она порядок святой мессы и многое другое. И перед своим бракосочетанием молодые ко мне не приходили для собеседования, и причастия не принимали. Конечно, все так получилось из-за поспешности их бракосочетания, это можно извинить и исправить. Она не была к этому приучена, а к чему человек не приучен с детства, то и легко запускается.

Пан Николай помрачнел. Что правда, то правда: кроме как на Пасху и на Рождество он никогда не ходил в церковь. Но покойная его жена и Адам посещали ее прилежно. И Маргите надо бы ходить в церковь. Однако очень возможно, что она действительно не имеет понятия о святой мессе. Собственно, для того он и взял ее от матери, чтобы вернуть в лоно католической церкви.

— У вашего преподобия теперь есть капеллан — энергичный, образованный человек. Он бы мог преподавать моей внучке то, что ей необходимо знать, чтобы стать доброй католичкой.

— Похвальный план, дорогой друг! — одобрительно произнес декан. — Мы сделаем это так незаметно, что об этом никто, кроме нас четверых, не узнает. Общество будет думать, что капеллан играет с нами в шахматы, а он в это время будет преподавать молодой пани истины нашей святой церкви. Нескольких часов будет достаточно, остальное пани Маргита найдет в хороших книгах, которыми мы ее обеспечим.

— Благодарю вас, ваше преподобие! У меня камень с души упал. Договоритесь, пожалуйста, с капелланом. Разумеется, он получит достойное вознаграждение, особенно, если будет молчать,

дабы неосведомленность моей внучки в вопросах нашей веры не стала достоянием гласности.

— Разумеется, капеллан будет молчать, как могила, ведь он исповедник⁴.

До поздней ночи длился разговор о судьбе Маргиты Орловской. Если бы капеллан знал, какие новые приятные обязанности его ждут, он, наверное, от одних добрых намерений не смог бы заснуть.

А Маргита? Как все же хорошо, что будущее наше нам неведомо!

Глава семнадцатая

Примерно в то самое время, когда пан Орловский заметил наступление непогоды и распорядился об ужине, на станции Подград остановился скорый поезд. Маргита Орловская быстро вышла из вагона и стала искать извозчика. Так как она приехала в Орлов без предупреждения, дедушка не послал за ней, как обычно, экипаж.

Сегодня по почте она получила письмо, и какое!

«Дорогая, любимая Маргита!

Я не могу уехать, не простившись с тобой хотя бы письменно, незнакомая моя сестра. Как бы мне хотелось увидеть тебя! Если бы вы, отец и ты, знали, как я тосковал, вы бы не боялись расстроить меня, и ты пришла бы ко мне. А теперь уже поздно.

Завтра утром мы уезжаем. Но я верю, что желание моего сердца исполнится. А пока всего доброго желает тебе, любимая моя сестра, твой Николай».

Какое письмо! Некоторое время Маргита стояла, совершенно потрясенная. Зачем она добровольно отказалась от радости увидеть брата перед отъездом, опасаясь навредить ему? А он тосковал по ней! Каким-то образом он узнал, что отец ее посетил,

⁴ Здесь: священник, принимающий исповеди; подразумевается, что он умеет хранить чужие секреты.

что они примирились. Может быть, сам отец сказал ему об этом. А теперь действительно было поздно. Завтра он уедет с неисполненным желанием, и пройдут недели, пока он вернется.

Что делать? Писать или телеграфировать? Выйдет слишком холодно.

Но ведь сейчас только первый час, а скорый поезд будет в пять. Но он в Подолине, на последней станции до Боровцев, не останавливается, а до М. три часа езды.

Превозмогая волнение, молодая женщина пошла к пани Боровской, от которой узнала, что теперь, при хорошем санном пути, из Горки в М. можно доехать за два с половиной часа. Маргита написала учителю Галю, что ей необходимо уехать и что сегодня занятий не будет. Затем она сделала некоторые распоряжения и переделась. За это время запрягли, и добрые кони повезли ее в М.

Прибыв на станцию, она едва успела купить билет... И вот она уже почти у цели. Наконец коляска остановилась. Она расплатилась с кучером и поспешила к освещенному входу в аптеку. Сердце сильно забилося в ожидании встречи с любимым братом и отцом перед их отъездом, а также оттого, что она теперь могла войти в этот дом. Да, она шла к своим, которые ее любили, тосковали по ней. Она шла домой, домой! Волнение ее было слишком сильным. Ей пришлось остановиться, чтобы совладать с собой.

— Дома ли пан Коримский и чем он занят? — приветливо спросила Маргита вышедшего ей навстречу слугу. Как пригодилось ей сейчас знание словацкого языка!

— Они с паном доктором упаковывают вещи, — доложил слуга.

— А пан Николай?

— Он у пана провизора.

— Благодарю.

Она ласково кивнула ему и поспешила дальше. В прошлый раз Урзин показал ей дверь комнаты Николая, так что она теперь знала, куда идти.

Как хорошо, что Николай был как раз там, и они могли встретиться не при отце. Для него эта встреча после стольких лет могла бы быть очень тяжелой.

Девушка тихо открыла дверь и так же тихо прикрыла ее за собой. Ее обдало приятным теплом. Она была слишком возбуждена, чтобы заметить холод на улице, и только теперь почувствовала, как продрогла. В комнате свет не горел, но было достаточно светло: огонь из камина освещал картину, запомнившуюся ей навсегда.

В глубоком удобном кресле сидел, поставив ноги на широкую низенькую скамеечку, ее бледный, но красивый брат. У его ног сидел провизор Урзин. Маргита загляделась на них. Ей показалось, что и ее место там, около молодого провизора.

— Видите, Мирослав, — сказал Николай, — с вами всегда так хорошо. В вас есть что-то такое, что душу мою словно завораживает. Я был так возбужден, что весь дрожал. Знал бы это Аурелий, он бы меня уложил в постель и дал бы что-нибудь успокаивающее, а здесь я и без порошков успокоился.

— Это понятно, дорогой мой, — улыбнулся Урзин.

Его голос, полный любви, тронул сердце Маргиты. Она хоть немного хотела их послушать.

— Понятно? Почему же?

— Господь, Которому я принадлежу и служу, Который сказал мне: «Я с тобой», является Князем мира. Не моя, а Его близость успокаивает вас. Вы разве не знаете, что один Иисус Христос может успокоить все бури и вылечить все раны?

Маргита, широко раскрыв глаза, удивленно смотрела на говорящего. Значит, он верил, что Иисус Христос с ним, здесь! Он верил так же, как те испанские герои, мученики! Они в тюрьме, умирая, утешались Его присутствием.

— Мирослав, разве вы всегда думаете о Нем? Как это возможно?

— Очень просто, у меня ведь, кроме Него, никого нет.

Странное чувство овладело Маргитой. Ей показалось, что это должно быть большим богатством — иметь только Его Одного и при этом жить в таком свете и мире, как этот молодой человек.

Она непроизвольно шагнула вперед и нечаянно что-то задела. Урзин обернулся и увидел ее. Его лицо просияло.

— А мы и не заметили, что у нас такой долгожданный гость! Николай тоже обернулся.

— Маргита!..

Сердце не обманешь. Николай сразу узнал стоявшую в дверях. В слезах она протянула к нему руки и бросилась в его объятия.

— Никуша, родной мой!

— Маргита, ты пришла ко мне? Как чудесно!

— Ну как же мне было не прийти, когда ты так тосковал по мне! А я и не знала...

Обнявшись, Маргита и Николай заплакали. Они и не заметили, как Урзин оставил их и как он еще раз посмотрел на них, обернувшись в дверях. Его взгляд выражал и любовь, и боль одновременно. Они не увидели, как он в коридоре, обессилев, прислонился к холодной стене и прижал руки сначала к груди, потом к лицу. Постояв так немного, он взбежал вверх по лестнице и вошел в зал. С его лица исчезла бледность, утихла боль, от которой на этой земле нет лекарства.

— В чем дело, Урзин? — с удивлением спросил аптекарь, закрывавший большой чемодан. — Николаю что-нибудь нужно?

— Нет, пан Коримский! — молодой человек улыбнулся. — Для этого он теперь слишком счастлив: пришла пани Орловская.

— Маргита? — Коримский опустил крышку чемодана и поднялся. — Она пришла сегодня, в такую непогоду? Когда?

— Только что, и я думаю, что она приехала прямо из Горки. Я пришел сообщить вам об этом, потому что нужно позаботиться о горячем ужине и о спальне. Если позволите, я это сделаю за вас, пан Коримский.

Ответом был кивок и благодарный взгляд.

Провизор удалился. Вскоре узнали пани Прибовская и все люди в доме, какая дорогая гостья к ним явилась. Женщины плакали от умиления, забыв обо всем на свете. Хорошо еще, что провизор сохранил самообладание и позаботился обо всем. Он велел принести из кондитерской и ресторана все необходимое к ужину и сам проветрил и протопил комнату для гостьи.

Затем они со слугой вынесли чемоданы из зала, навели порядок и зажгли свет, чтобы все было готово, когда господа спустятся вниз.

Если бы кто-нибудь сказал Коримскому, что самый счастливый момент его жизни будет в комнате его провизора, он бы

не поверил. А на стене светились незамеченные им до сих пор слова: «Прощайте, и прощены будете!»

Доктор Лермонтов занимался уточнением маршрута путешествия, когда кто-то тихо коснулся его плеча.

— Вы — как дух, Урзин. Где вы оставили Никушу?

— У себя.

— Вы пришли за мной?

— Нет, я хочу вам что-то сказать. Приехала пани Орловская проститься с братом, я считаю, в ответ на письмо, которое он ей написал.

— Что, Маргита Орловская здесь? Вы присутствовали при их встрече? Никуше не повредило волнение?

— Счастье и любовь никогда не вредят.

— Хорошая логика. А что они говорили друг другу?

— Почти ничего. Они оба плакали.

— Бедные! — доктор опустил голову.

— Теперь и пан Коримский там. Если позволите, я закончу за вас маршрут путешествия. Дружья всегда рады поделиться счастьем. Идите, пан доктор, к пану Николаю!

— Вы очень добры, что избавляете меня от этого скучного дела. У меня и так не хватило бы терпения, а теперь и подавно. Но надо составить такой маршрут, чтобы не утомлять Николая частыми пересадками и долгим ожиданием. Вот здесь я остановился. Однако я лишь поприветствую пани Орловскую и сразу вернусь.

Конечно же, он не вернулся. Застав господ уже в салоне, доктор стал свидетелем и еще одним желанным участником семейной идиллии.

— Маргита, это Аурелий, мой единственный друг по университету, а теперь — брат и благодетель, — представил его Николай, и глаза молодой женщины тепло взглянули на него.

— Я от всего сердца благодарю вас, пан доктор, за все, что вы сделали для моего брата и отца, — сказала она, протянув ему руку.

— Да, Маргита, мы доктору Лермонтову многим обязаны, — сказал пан Коримский.

— Он и теперь, не считаясь с неудобствами, отправится с нами в путешествие.

— Не верьте этому, пани, — возразил молодой человек, — я это делаю с удовольствием. А то, что я делал до сих пор, Никуша на моем месте сделал бы тоже, и даже больше.

— Этому я верю, однако это не умаляет ваших заслуг и нашего долга перед вами. Так когда вы завтра отъезжаете?

— Приблизительно в десять часов.

— Тогда мы завтра еще увидимся.

— Ты придешь? — удивился Николай.

— Неужели ты думаешь, Маргита, что мы тебя сегодня отпустим домой? — заметил Коримский.

— И даже если бы все разрешили, я, как врач, не позволил бы вам ехать в такую непогоду, — вмешался Аурелий, и его веселое настроение разрядило обстановку.

— О, если вы меня приглашаете, я охотно останусь, — воскликнула Маргита и рассказала о своем поспешном отъезде из Горки, причем так остроумно, что веселое настроение не покидало всех и во время ужина, к которому и Урзин был приглашен. Когда после ужина он хотел удалиться, Николай задержал его.

— Последний вечер вы проведете с нами, Мирослав, не правда ли, отец?

— Да, сын мой, если пан Урзин согласен.

— Оставайтесь, пожалуйста! — присоединилась к ним Маргита. И Урзин остался.

* * *

А в это самое время старый пан Николай беспокоился о том, что Маргите в Горке будет скучно. О, еще никогда ей не было так весело! Она играла для брата на пианино, иногда в четыре руки с доктором Лермонтовым. Затем она аккомпанировала доктору, воспевавшему красоту весны. Впервые в жизни она была счастлива.

— А ведь вы мне должны, Мирослав, — сказал вдруг Николай.

— Я, пан Коримский?

— А вы забыли, что обещали спеть мне перед отъездом? Спойте теперь, пожалуйста. Завтра уже не будет времени на это.

— Если вы желаете и если остальные господа не будут против, я охотно спою.

— Мы просим вас, — сказала Маргита.

Молодой человек после краткого раздумья, прислонившись к фортепьяно, запел:

Превыше разума любовь Твоя,
Господь, Спаситель мой!
Но жажду я любви Твоей всю полноту познать
И в ней всю силу, высоту, блаженство созерцать.

Врач не мог оторвать глаз от лица поющего. Что его так поразило — красота голоса, глубина чувства или сама песня? Маргита крепко держала руку брата. Она текст песни не совсем понимала, но тем более трогали ее мелодия и нежность голоса. Николай закрыл глаза. Пан Коримский же впервые внимательно смотрел в благородное, загадочное лицо своего провизора, который продолжал петь:

Превыше слов, Господь, любовь Твоя,
Но жаждет слов живых душа моя,
Чтоб грешникам погибшим возвещать
Любовь, могущую спасти и все грехи прощать.
Любовь превыше всей хвалы земной,
Но жаждет сердце петь, Спаситель мой,
Хвалу любви, нисшедшей до меня,
Из тьмы греха призвавшей в чудное сиянье дня.

Голова Коримского поникла. Лицо его стало бледным и печальным. Ах, было время, когда мать пела сыну своему об Иисусе и учила его молиться. Уста ее замолкли в могиле, мальчик вырос и забыл о Христе. Он позабыл и данное когда-то им обещание — жить только для Него, как жила его мать, а теперь обо всем этом напомнила ему песня Урзина. А тот пел дальше с еще большим воодушевлением:

Зажги, Господь, любовь в моей груди!
К источнику Ты сам меня веди.
Дай верою мне жажду утолить

И от земных источников все сердце отвратить.
Когда ж лицом к лицу увижу я Тебя,
Спаситель мой, то песнь моя
Любви Твоей прославит широту,
И высоту, и беспредельную всю глубину.

Песня закончилась, но аплодисментов не последовало, лишь короткое «благодарю» услышал Урзин. Он и этого не ожидал. Немного смущенный, пожелав всем спокойной ночи, он удалился. Никто из оставшихся ни слова не сказал о его песне. Слишком глубоко затронула она их сердца...

Наступила ночь. Успокоенная сознанием, что она снова, наконец, в отцовском доме, Маргита спала сладким сном младенца. Николай от возбуждения немного устал. Аптекарь же почти до утра ходил по своей комнате, также и доктор не притронулся к своей постели. Он стоял у окна, прижимаясь лбом к холодному стеклу.

«Прости меня, матушка, — думал Коримский. — Если бы ты была жива и руководила мной, то я свое обещание сдержал бы. А так... Мир полон зла, и веры в нем нет, все опровергается. Я не сдержал обещания своего, а возобновить его невозможно! Я не любил Его и не служил Ему, потому что веру в Него потерял. Ах, кто вернул бы мне то время, когда я верил! В той вере было столько счастья, столько уверенности, а теперь ничего нет надо мной и душа моя пуста. Прости меня, прости недостойного сына твоего!»

На другой день в Подграде стало известно, что Коримский со своим сыном в сопровождении доктора Лермонтова отправился куда-то на юг. Говорили, что на вокзале была и Маргита Орловская и что она долго и сердечно прощалась с братом и отцом. А когда поезд ушел, она направилась прямо в Орлов. Немало удивился пан Николай, когда его любимая внучка вдруг появилась перед ним. А как бы он удивился, если бы узнал, где она провела ночь! Но об этом люди не говорили, потому что они этого не знали.

Маргита видела, как дедушка вздохнул, когда узнал, что она примирилась с отцом. Она поняла, что он рад, и этого ей было достаточно.

Глава восемнадцатая

И снова наступил вечер. На дворе было так холодно, что казалось, будто даже звезды на небе застыли. Но в библиотеке Орловских было тепло и уютно. Красноватое пламя камина освещало пол, покрытый коврами, расписанный потолок, деревянные стеллажи с книгами, этажерки, уставленные различными фигурками и кристаллами, большие бронзовые вазы и искусственные букеты. Отсвет пламени отражался в большом зеркале, ласкал темные удобные кресла и диваны и дорогие альбомы на одном из столов. Но главным образом отсвет падал на длинный шезлонг пана Николая вблизи камина, на котором в глубоком раздумье покоилась Маргита Орловская. Молодой женщине было о чем подумать.

Из Подолина директор Зарканый передал дедушке, что князь С. просит посетить его еще сегодня для обсуждения купли-продажи замка. Дедушке пришлось уехать, а вернуться он сможет только завтра. Ему было неприятно оставлять только что приехавшую внучку одну, но изменить он ничего не мог. Покупка замка и то обстоятельство, что египетский вельможа поселится по соседству, ее очень заинтересовали. Но так как посредником в этом деле был Адам Орловский, она и слышать ни о чем не желала. Она хотела помогать своему дедушке, когда он нуждался в ее помощи, но только дедушке и больше никому.

И сейчас она не думала о Подолине. Ее мысли были с теми, кто все дальше удалялся от нее. Она беспокоилась о своем брате: не утомила бы его дорога. Ах, как бы она хотела быть рядом с любимыми отцом и братом!

Она вдруг вспомнила свой уход из пансиона и путешествие сюда, как она в тот день проехала несколько станций в сопровождении своей матери. Необходимости в этом не было, однако мать хотела проводить ее хотя бы немного на ее новом жизненном пути.

Перед внутренним взором Маргиты стояла женщина — ее мать, горячо любимая мужем, но не любящая родную дочь... И все же Маргите удалось обрести ее любовь. В этом Маргита убедилась по глазам матери в последние часы перед расставанием. Маргита чувствовала это и теперь. В ушах ее звучал необычно нежный родной голос, сказавший ей на прощание:

«Маргита, будь пану Орловскому хорошей внучкой. Он очень благородный человек, он этого стоит». Тогда она не верила ей.

Теперь, когда Маргита снова обрела родного отца и знала дедушку, она лучше понимала мать. Ведь мать была дочерью деда, и, наверное, они когда-то очень любили друг друга. Однако они были разлучены навсегда, и мать, должно быть, очень страдала, хотя она этого никогда не показывала. Что она переживала, когда поезд тронулся и увез дочь к месту ее счастливого детства? Теперь Маргита жалела свою мать, вспомнив, как она стояла на перроне и с тоской смотрела вслед уходившему составу. Как ей, наверное, хотелось в тот момент вместе с ней поехать к отцу!

Но почему только к отцу? Ведь у нее здесь был сын, которого она тоже потеряла. Ах, Никуша! О, если бы мать знала, что с ним случилось! Он, ее златокудрый любимец, мог в мучениях умереть, его давно покрывала бы черная земля, а она, родная мать, ничего бы об этом не знала.

В душе Маргита теперь просила прощения у своего брата за то, что когда-то она завидовала ему и ревновала к нему мать. Он заслуживал этой любви. Теперь она не удивлялась, что мать так оплакивала его, ведь для нее он был потерян навсегда. Дом Манфреда Коримского был навсегда закрыт для Наталии Райнер. Даже поплакать над своим умершим первенцем ее бы не допустили. Как это ужасно!

В этом тихом одиночестве Маргиту охватило непреодолимое желание быть рядом с матерью, подойти к ней, обвить ее шею руками и поплакать вместе с ней. Ах, какие это были глупые, бесполезные мысли! Мать сейчас, конечно же, окружало блестящее общество, и вряд ли она скучала.

А сегодня у нее день рождения! Он всегда очень торжественно отмечался в доме Райнера. Инженер делал матери такие подарки, какие только мог придумать, потому что он действительно очень любил ее. Общество боготворило ее, и она вряд ли вспоминала Орлов или Подград, тем более что Маргита немного опоздала с поздравлением, и она его получит только завтра. Если бы все осталось, как прежде, то Маргита в этом обществе была бы лишней.

Маргита вдруг почувствовала себя рабыней, которая сбросила свои оковы. К этому чувству добавлялись горечь и обида

из-за того, что при живом отце она вынуждена была жить с отчимом. Ощущение свободы полностью вытеснило ее тоску. С этим раз и навсегда было покончено! И теперь, когда несправедливо обиженный отец все ей объяснил, между ней и матерью образовалась непреодолимая пропасть.

Разлука с матерью была печальна, но помочь Маргита ей не могла, потому что та сама разрушила священные узы, которые должны быть вечными. Она принесла несчастье людям, которые любили ее и сегодня. Нет, лучше об этом не думать!

Маргите захотелось вскочить, зажечь свет и приняться за какую-нибудь работу. Но вдруг она вспомнила, какое предстоит ей дело. После того как дедушка ушел и она вернулась с короткой прогулки в парке, пан декан Юрецкий ждал ее в библиотеке. Она поприветствовала гостя и сообщила ему об отсутствии дедушки.

— Это не имеет значения, милейшая, я пришел к вам.

— Ко мне? — спросила она удивленно. — Чем могу быть полезна?

— Мы вчера говорили с уважаемым паном Орловским о том, о чем ему, отцу пани Наталии, очень трудно говорить с вами. Однако говорить об этом необходимо ради порядка и, особенно, ради спасения вашей души. Узнав об отсутствии пана Орловского, я сам решил уладить это деликатное дело.

Маргита пристально смотрела в лицо декану, стараясь угадать, что у него на уме.

— Вы позволите мне, служителю святой церкви, несколько вопросов?

— Пожалуйста!

— Часто ли вы ходили на причастие?

— Я, ваше преподобие? Никогда! — Душа Маргиты возмутилась. Она вспомнила слова: «Католическая церковь имеет право на тебя». — Как я могла ходить на причастие, если я воспитана не в католической вере?

— А в какой вере вы воспитаны?

— Учителя мои были лютеранами. В пансионе религию мне преподавал лютеранский пастор.

— Ах, это большая ошибка! — сказал декан. — Дочь католической церкви в таком заблуждении!

— Да, ошибка, ваше преподобие! — Глаза Маргиты горели. — Если я дочь католической церкви, то эта церковь должна была позаботиться о моем религиозном воспитании прежде, чем у меня сложились мои собственные взгляды и убеждения.

Глаза господина декана округлились и уставились на Маргиту.

Твердую непреклонность выражали ее черные глаза, видно было, что она отвергает католическую церковь. В порыве гнева декан едва удержался от резкого ответа, но вовремя спохватился и смиренно склонил голову.

— Признаю, признаю, — произнес он с сожалением, — с нашей стороны произошла ошибка. Вы вправе обвинять нас. Нашу вину смягчает лишь то, что церковь насильственно не может вмешиваться в дела семьи.

Эти слова сначала подействовали на молодую женщину — он был прав. Но вдруг словно кто-то шепнул ей: «А испанская инквизиция? Разве она не вырывалась в семьи и не вырывала лучшее, чтобы уничтожить?»

— Позвольте нам, милейшая, хоть что-нибудь исправить. Вчера мы говорили с паном Николаем, для которого это положение очень мучительно. Он попросил меня приставить к вам капеллана Ланга, чтобы он преподавал вам учение нашей церкви.

Она возмутилась и уже готова была прокричать: «Зачем мне ваше учение? Я никогда не стану католичкой! Я хочу принадлежать церкви моего отца!» Но тут же вспомнила бабушку. Слова «для него это положение очень мучительно» удержали ее. Она не могла осквернить то, что для него было свято, только потому, что ей в этом отношении не было уделено должного внимания. Честнее было бы познакомиться с этой религией и затем объяснить, почему она не может принять ее.

— Каков будет ответ? — спросил декан добродушно.

— Я готова проверить учение вашей церкви, ваше преподобие.

Она открыто посмотрела ему в лицо.

— Позаботьтесь, пожалуйста, о книгах для меня. Я обещаю стать внимательной ученицей пана капеллана.

— О, конечно, — ответил декан одобрительно. — Вы станете не только внимательной ученицей, но и хорошей дочерью своей церкви.

— Да, пан декан, для церкви, которой будет принадлежать моя душа, я стану хорошей и послушной дочерью.

Маргита оставила для себя путь к отступлению, но его предподобие, декан Юрецкий, не понял ее и покинул Орлов в убеждении, что пану капеллану придется эту молодую даму научить большему, чем креститься и перебирать четки.

Где ему взять подходящие книги для нее? Теперь это не казалось ему таким простым, как вчера. Несмотря на это, он не сомневался, что они вскоре вернут эту заблудшую овечку в лоно правоверной церкви, откуда ей уже не удастся сбежать.

К счастью, Маргите мысли и чувства пана Юрецкого не были известны. Она почувствовала себя очень одинокой, когда вспомнила его посещение. Как ей сейчас недоставало человека, с которым она могла бы посоветоваться! Отец не настаивал на переходе в его церковь. Наверное, он прав: то, что было возможно в средневековье, сегодня уже невозможно. В наш просвещенный век заблуждения католической церкви исчезли сами по себе.

Может быть, нет уже других различий между протестантами и католиками, кроме как в церемониях? В обществе их, по крайней мере, незаметно. Стоит ли начинать борьбу из-за незначительных отступлений или различий в церемониях? Стоит ли оскорблять доброго дедушку? Чего она достигнет? Ах, почему она ни с кем не может посоветоваться! «Боже мой, — вздохнула Маргита, — помоги мне. Ты видишь, как я одинока!»

Она встала, чтобы зажечь свет и принести книги, по которым в пансионе училась религии. Они очень мало прошли по этим книгам, и теперь она решила проработать все с начала до конца.

Внимание ее отвлекли шаги в коридоре и стук в дверь.

— Войдите!

Драпировка на двери отодвинулась.

— Пан Урзин! — воскликнула Маргита, приятно удивленная этим неожиданным посещением. — Добро пожаловать!

Она протянула ему обе руки.

— Простите меня за смелость, пани, — извинился молодой провизор, — но я подумал, что вы, наверное, с тоской ждете известий от наших дорогих путешественников, и вот принес.

— О, не извиняйтесь, пан Урзин! Мне ваше посещение и так было бы приятно, а тем более с таким дорогим известием, — сказала она приветливо. — Я совсем одна, дедушка в Подолине. Надеюсь, вы проведете часок со мной, не так ли?

Он поклонился, снял верхнюю одежду и, заняв предложенное кресло у камина, передал Маргите телеграмму. Она наклонилась к огню и прочла:

«Все в порядке. Самочувствие хорошее. Привет Маргите.

Николай».

Она поцеловала телеграмму и села в кресло. Она совсем забыла распорядиться, чтобы принесли лампу, в помещении и так было достаточно светло. Теперь она могла с кем-то поговорить о Никуше и о своем отце.

Время за беседой шло быстро. Внезапно Маргита умолкла. Ее вдруг осенила мысль: «Он мне посоветует, как быть». Рядом с Урзиным она почувствовала себя спокойно и уверенно.

— Пан Урзин, вы евангелической веры? — прервала она молчание.

Он оторвал взгляд от огня и посмотрел на нее.

— Да, пани.

— Вы твердо придерживаетесь учения своей церкви, не так ли?

— Я придерживаюсь учения Иисуса Христа.

— А вы с вашими убеждениями могли бы принять католическую веру?

— Католическую? — он улыбнулся. — Как соединить свет и тьму? Чтобы стать католиком, мне пришлось бы сначала оставить Иисуса Христа.

— Христа? Но католическая церковь тоже проповедует Его учение.

— Да, она учит о Нем, но Он для них недосыгаем, недоступен. Он для них не является ни заступником нашим перед Отцом, ни путем к Нему, ни посредником. На Его место они ставят Марию и святых. Они считают, что заступничество Марии достигает благодати и что святые помогают получить прощение

грехов. Добрými делами можно, по их мнению, добыть место в раю. Поэтому кровь Иисуса Христа им не нужна.

— Значит, вы никогда не могли бы стать католиком? Вы их учение считаете неверным?

— Да, пани.

— А от меня требуют, чтобы я стала католичкой.

Он выпрямился.

— От вас?

Она кивнула.

— Видите ли, — сказала она печально, — у меня нет никого, с кем бы я могла посоветоваться, но у меня нет также и достаточных знаний евангелического учения. Однако внутренний голос мне говорит, чтобы я не соглашалась.

Не поднимая головы, она вкратце сообщила ему все о своем отношении к обеим религиям, о разговоре с деканом и о своих мыслях и сомнениях.

— Посоветуйте мне, правильно ли я поступила, согласившись на занятия?

— Очень правильно, пани. Пусть изложат вам все учение католической церкви, читайте притом ежедневно Библию, сначала Новый Завет, затем книги Моисея, пророков и Псалмы. Просите у Господа Иисуса Христа познания истины. Скажите Ему, что вы хотите отличить истину от заблуждения. Он услышит вас и поможет вам. Затем сравните учение Иисуса Христа и апостолов с учением пана капеллана Ланга. Если вы решите следовать воле Божьей, то узнаете путь, по которому вам идти, ибо Иисус Христос говорит: «Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно»⁵.

— Благодарю вас, пан Урзин. Считаете ли вы, что я Библию пойму и без богословских книг?

— Конечно, ведь эта Книга написана для детей.

— Для детей?

— Да, Иисус Христос сказал: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»⁶. Кто верит Библии на слово, тот поймет ее. «Славлю Тебя, Отче, Господи

⁵ Евангелие от Иоанна, глава 7, стих 17.

⁶ Евангелие от Матфея, глава 18, стих 3.

неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам», — говорит Иисус Христос. Если бы только богословы и образованные люди могли понимать Библию, то для нас, простых людей, не было бы утешения на земле. Но, слава Богу, мы видим обратное: самарянка, Мария Магдалина, Мария и Марфа из Вифании, простые рыбаки Петр, Иаков, Иоанн, мытарь Матфей и другие — все они понимали слова и речи Иисуса Христа, потому что они Ему верили. А книжники, священники и фарисеи не могли Его понять. Если вы верите Слову Божьему, то вам все станет ясно.

Глаза молодой женщины светились благодарностью. Она молча протянула провизору руку.

— Не уходите, — попросила она его, когда заметила, что он собирается встать. — Мне необходимо с вами еще поговорить.

— Если позволите, пани, я охотно останусь. Я только хотел достать свой Новый Завет. Однако вы его не поймете, он написан на чешском языке.

— Ах, я вас прошу, не называйте меня все время «пани», это звучит так высокопарно. Если иначе никак нельзя, то называйте меня просто Маргитой или «вы».

Лицо его осветилось.

— Когда мы с вами будем на нашей вечной родине, тогда и это «вы» отпадет, — сказал он невыразимо нежно. — А пока я постараюсь исполнить ваше желание.

Она улыбнулась, а на глазах ее, вроде бы без причины, выступили слезы.

— Можно мне вас попросить достать мне Библию — у меня нет никакой, и я не знаю, где ее взять.

— Я охотно позабочусь об этом, но на каком языке — на немецком или на польском?

— Немецким я лучше владею, но, может быть, и польская пригодится?

— Всегда полезно читать на двух языках и сравнивать прочитанное, поэтому я закажу обе. А до тех пор, если позволите, я pošлю вам свой Новый Завет.

— Я была бы вам очень благодарна, но как мне приступить к чтению?

— Начните читать Новый Завет с самого начала, ежедневно одну-две главы. Но перед чтением всегда нужно помолиться, ибо чтение Слова Божьего без молитвы приносит мало пользы для души.

— Я учту ваш совет, однако двумя главами я не удовлетворюсь. Когда мы вчера вечером сидели в вашей комнате, я увидела там две немецкие книги. У одной из них на переплете были крест и венец. Что это за книги?

— Книга с крестом называется «Без креста нет венца», а другая — «Испанские братья». Если желаете, я пришлю их вам для чтения. Это христианские повести, и я уверен, что они принесут вам благословение.

— Я благодарю вас заранее и сегодня еще пошлю к вам за ними и за Новым Заветом. Однако извините меня, я совсем не заметила, что мы сидим в темноте. Сейчас я вею принести лампу.

— О, пожалуйста, из-за меня не надо, мне уже пора уходить. Мне всегда приятно в сумерках посидеть, они успокаивают сердце и душу.

— Верно, я тоже люблю посумерничать. Но зачем вам сейчас уходить, ведь аптека уже закрыта?

— Это так, но мне еще нужно побывать в другом месте.

— И где же, если не секрет?

— В Тихом переулке, в одном доме, где ваше появление подействовало бы как луч солнца.

— Мое появление? Я еще плохо знаю по-словацки, и мне трудно было бы говорить с людьми.

— Большая женщина, которую я хочу навестить, собственно, полька, но она говорит и по-немецки. Она когда-то была няней у пана Орловского. Потом она вышла замуж, а теперь, после смерти мужа, дочери и зятя, она с младшим сыном и внучкой вернулась сюда. Сына осенью призвали на военную службу, и эти две женщины остались без необходимых средств к существованию. Внучка что-то зарабатывает на жизнь шитьем, но очень мало.

— Это печально. А где вы с ними познакомились?

— В аптеке часто слышишь о бедах людей.

— Вы сказали, что мое появление подействовало бы на них, как луч солнца. Может быть, женщина была бы рада увидеть

кого-нибудь из Орловских? Я бы ее охотно посетила. Но скажите мне, как можно этой семье помочь?

— Если бы кто-то заплатил за них квартирную плату за полгода. Это то, что я знаю, а остальное вам сердце подскажет, когда вы их посетите.

— А сколько нужно за полгода?

— Пятнадцать или шестнадцать гульденов.

— Я их вам сейчас отдам, пан Урзин, а вы сделаете так, чтобы они не узнали, откуда эти деньги. Хорошо?

— С радостью.

— Вот видите, если бы я случайно не спросила, вы бы мне ничего не сказали.

— Это водительство Божье, что вы спросили, пани Маргита. Я вчера уже думал о вас, что вы могли бы помочь людям, но сегодня я бы не осмелился просить вас об этом. В нашем серьезном разговоре я об этом даже забыл.

— О, пожалуйста, пан Урзин, если кому-то нужно помочь в беде и если это в моих силах, то я прошу вас всегда обращаться ко мне; я охотно помогу, поверьте. Но извините меня, я сейчас вернусь.

Маргита поспешно вышла из библиотеки, а молодой человек встал на колени возле кресла, в котором только что сидел. И если бы его сейчас видела пани Прибовская, она опять сказала бы, что молитва для него была очень важным делом. Когда он поднялся, в его глазах светилась блаженная уверенность, что молитва его услышана.

— Вот вам деньги за квартиру, на врача и лекарства, — сказала вернувшаяся Маргита, подавая ему конверт.

— Последнее необязательно. Я попросил пана Коримского, и он был так добр, что позволил открыть в его журнале счет для бедных, которые получают лекарства бесплатно.

Глаза молодой женщины радостно засияли.

— Тем лучше. А теперь запишите мне адрес. Я пойду и посмотрю, чем им еще можно помочь. У меня осталось многое из моего приданого, что можно было бы пошить. Но удобно ли это?

— О да, это им будет хорошей помощью.

Глава девятнадцатая

Давно уже Маргита осталась одна, но она все еще слышала взволнованный от благодарности голос провизора. В эту ночь она спала мало. Присланные книги так заинтересовали ее, что свет она погасила только к утру. Но по ее сияющим глазам и задумчивому выражению лица нельзя было сказать, что она не выспалась.

Выдался чудесный день, и так как Маргита своего коня оставила в Горке, она пешком отправилась на прогулку в Подград.

Когда она шла по одной из улиц городка, зазвонили колокола.

Мгновенно приняв решение, она вошла в церковь. Отпевали умершего. Пахло ладаном. Хотя она села недалеко от входа, острый глаз декана ее сразу заметил, и сердце его возликовало. В ее появлении он увидел первый отличный результат своего вчерашнего визита.

А Маргита? Выходя из церкви, она бросила взгляд на окропляющуюся и крестящуюся толпу и, словно отвергая, покачала головой. «Просвещенный век не позволяет, — подумала она, — поступать так же, как в те времена, когда они подавляли свободу. Но они остались все теми же фанатиками, какими были во времена Георгия Висхарта⁷, которого они сожгли. Этого благородного благодетеля и носителя света! Они держат народ в темноте, отобрали у него Библию, чтобы народ ее не понимал. И чтобы я принадлежала этой церкви? Никогда!..»

Погруженная в эти мысли, она вошла в узкий переулок. Через несколько минут она уже была в комнате бывшей няни своей матери. Ее действительно встретили здесь, как луч солнца. Пан провизор вчера сказал правду. Пани Х. не могла насмотреться на дочь своей любимой Наталии и принялась рассказывать Маргите, каким добрым и милым ребенком она была, хотя отец и братья ее порядком баловали.

⁷ Георгий (Джордж) Висхарт (George Wishart) — реформатский проповедник. Был схвачен по приказу шотландского кардинала Дэвида Битона, предстал перед церковным судом по обвинению в ереси и 1 марта 1546 г. сожжен в Сент-Эндрюсском замке.

А если случалось, что она в сердцах кого-то обидит, то потом каялась и не успокаивалась до тех пор, пока не получала прощения, даже от последнего слуги.

Гордости у нее никакой не было. Часто она приглашала деревенских ребятишек к себе в сад и играла с ними. Если кто-то восхищался цветами, она могла обобрать для него весь сад. Точно так же она раздаривала и свои игрушки.

Однажды зимой она увидела босого ребенка. Быстро сняв свои ботинки, она отдала их ему, а потом в слезах побежала к отцу, потому что ее ботинки ребенку были малы. Отец же, чтобы успокоить дочку, дал ребенку денег для покупки обуви.

Особенно любил Наталию брат Фердинанд. Он часто рассказывал ей необыкновенные истории о Польше, которые всегда кончались тем, что они оба мысленно уходили далеко-далеко искать помощи для своего отечества. Лишь одного она не могла вынести — когда ее обманывали. Этого она не прощала никому.

Пани Х. и не подозревала, какие чувства она пробудила в своей слушательнице.

В сердце Маргиты снова зашевелилась вчерашняя тоска по матери. Ах, в том-то и было дело, что она не могла простить обмана!

Но ведь ее никто не обманул, нет — она сама обманулась и совершила поспешный шаг, который навсегда разрушил ее семейное счастье. А в остальном она и теперь была такой, как в детстве: простой и доброй в общении с бедными. Слуги носили бы ее на руках. Как живая, стояла она перед ее глазами — как она могла не тосковать по матери!

Маргита начала разговор об одежде и обрадовала Анечку Х. тем, что для нее есть работа, причем неспешная, занимаясь которой она могла бы заботиться о бабушке и управляться с домашним хозяйством. Примерно через час Маргита возвращалась в Орлов в сопровождении Анечки, которая хотела сразу же взять работу домой.

По дороге Маргита заметила, что у шагающей рядом с ней девушки было больше познаний, чем можно было предположить. Она узнала, что отец Анечки был учителем и что он сам обучал свою дочь. После его смерти она жила с бабушкой, чтобы ухаживать за ней. В Подград они переселились лишь летом, когда ее

дядя получил там место писаря. Никто не думал, что его могут призвать на военную службу, так как он был слаб здоровьем.

Маргите пришлось сказать, кто дал ей адрес пани Х. Луч радости осветил лицо молодой девушки.

— Значит, это пан Урзин так нас осчастливил! Мы ему и так уже многим обязаны.

— Почему же?

Девушка немного смутилась, но потом скромно продолжила:

— С тех пор как он стал нас посещать, он постоянно старается нам помочь. Вот вчера он принес нам деньги на оплату квартиры. Ясно, что деньги эти были не от него, так как он сам беден. Но он не хотел сказать, от кого они. Да воздаст Господь ему и тому, кто их нам подарил, сторицею!

Маргита, смутившись, что-то начала поправлять на своей шляпке. Чтобы увести разговор в сторону, заговорила о погоде, и они незаметно пришли в Орлов. Прислуга, сморщившись при виде этой простой швеи, принесла нужные вещи.

— Я знаю, милая Анечка, что у вас из-за болезни бабушки теперь больше расходов, поэтому я дам вам часть заработка вперед, а остальное — когда закончите работу, — сказала Маргита ласково.

Благодарный взгляд и взволнованный голос молодой девушки тронули ее чуть ли не до слез.

— Сами вы все это не сможете унести, поэтому возьмите сейчас только кружева, остальное я пришло со слугой.

Вскоре после ухода Анечки вслед за ней из Орлова отправился слуга с пакетом, в котором была работа, и с корзиной, полной разных продуктов.

Возвратившись, пан Николай застал свою внучку в очень хорошем расположении духа. Она сообщила ему, кого посетила сегодня, а он рассказал ей, что покупка удалась. Князь уступил Подолин за меньшую сумму, с которой покупатель, наверное, будет согласен.

После обеда Маргита написала на французском языке письмо от имени деда управляющему маркиза Орано и обрадовалась, что она так помогла деду. И вообще сегодня ее все радовало. Даже капеллана Ланга она радушно приветствовала, когда он

пришел на первый урок, во время которого она была очень внимательной ученицей — на радость пану Николаю, а также пану Юрецкому. Он тоже посетил Орлов в этот день.

— Вот увидите, пан Орловский, — уверял декан, — она себя еще покажет. Однако дело это нелегкое.

Присоединившись к ним, капеллан Ланг заметил:

— Хорошо, что Коримских сейчас нет. Их влияние могло бы нам помешать, хоть они и мало понимают в религиозных вопросах. Ну а если нам не приходится опасаться влияния протестантов, она через короткое время будет нашей.

Глава двадцатая

Иногда дни и недели нашей жизни проходят без особых событий. А иногда каждый день имеет для нас большое значение. Такими значительными стали для Маргиты все шесть недель, что Коримские были в отъезде. Большую часть времени Маргита проводила в Горке вместе с дедушкой. Она старалась создать вокруг себя маленький рай, чтобы родные ее, вернувшись домой и приехав к ней, прекрасно чувствовали себя среди этой красоты.

Притом она старательно изучала словацкий язык — и не только по книге, а, главным образом, общаясь с людьми, которые вскоре вместе с ней стали работать над благоустройством поместья. Люди Маргиту любили.

Школу в Боровые отремонтировали за ее счет. Все было побелено, полы и окна починены, а на стенах висело много учебных пособий; дети были обеспечены бумагой, досками и всеми прочими необходимыми принадлежностями.

Пан Орловский не мешал своей внучке в этом деле, да и сам он полюбил молодого учителя и помогал ему кое в чем. Ко всем заботам прибавился еще ремонт в доме Никуши. В первые дни руководил работами сам пан Орловский, а позднее и это пришлось поручить внучке, потому что у него появились другие дела. Он сделал это охотно, когда заметил, с какой радостью она принялась готовить для брата летнее жилище, где он сможет поправиться.

В домике было три комнаты. Вначале он состоял из двух комнат и двух кладовок. Одну из них теперь перестраивали в комнату, другую — в кухню. Из хлева сделали кладовую, а в мансарде могли жить слуги. Везде были обновлены полы и вставлены большие окна и двери, ремонтировались печи.

— Не стесняйся в средствах, Маргита, — сказал дед, — ведь это первый и, может быть, последний подарок Никуше от его дедушки.

И Маргита не жалела денег, чтобы создать для брата все удобства и уют.

Маркиз Орано, при содействии Адама Орловского и его деда, действительно купил Подолин. Кроме денег на покупку, он послал также значительную сумму для ремонта.

В том, что сделка так быстро состоялась, была заслуга Маргиты. Она посоветовала управляющему Зарканому сфотографировать Подолин и послать фотографию покупателю. Это место так понравилось большой дочке маркиза, что та тут же попросила отца купить Подолин. А он своей любимице еще никогда ни в чем не отказывал.

Рассказал обо всем этом управляющий Вилье, приехавший в Подолин. Это был молодой француз, неплохо говоривший по-немецки и отличавшийся прирожденной вежливостью. Он был рад тому, что пан Орловский стал помогать ему добрыми советами в руководстве строительными работами. Ремонтировалось имение в Подолине строго по привезенному плану.

Дело это было непростое. Требования маркиза относительно удобств были велики. Внутри замка все перестраивалось. Только двор и сад должны были оставаться в своем старинном романтическом виде.

Управляющий Вилье уговорил пана Зарканого поступить на службу к его господину и уверил, что служить ему будет нетрудно. Хотя маркиз Орано-Вернинг и привык к безоговорочному подчинению своих людей, они, поближе узнав его, хорошо с ним ладили. Кроме того, он едва ли намеревался долго оставаться в Европе, так как на родине его ждала государственная служба.

Управляющий Зарканый, его жена и дочери восхищались тем, что приходило из-за границы: обоями, занавесками и коврами,

которые превосходили по своей красоте все, до сих пор ими виданное. Когда же прибыли ящики с фарфором, стеклом и серебром, восторгам не было конца.

Пан Вилье навестил Маргиту в Горке и рассказами о своей молодой госпоже возбудил к ней живой интерес. Когда Маргита узнала, что единственной дочери маркиза Орано грозит абсолютная слепота, она забыла, что это были знакомые Адама Орловского. Сердцем ее овладело искреннее участие в судьбе несчастной маркизы.

Поднимаясь на холм позади дома, она видела горную долину, в которой стоял романтический замок с колоннадой, летом утопающей в зелени. Парк был обнесен высокой стеной, посредине бил фонтан, который окружали громадные древние липы. Под ними — каменные скамьи с видом на старейший красивый сад. Через него, от черных решетчатых ворот, к замку вела тенистая аллея из каштанов и лип.

Часто Маргита теперь стояла на холме и смотрела на замок. Она желала своей будущей соседке, чтобы та смогла увидеть эту красоту.

Маргита пообещала пану Вилье, что после окончания ремонтных работ в Подолине она поможет при расстановке мебели в замке. Так что дел и обязанностей у нее было достаточно. Но не это было для нее самым значительным за эти шесть недель.

Раз четырнадцать приходил к Маргите за это время капеллан Ланг, чтобы преподать ей учение католической церкви. Она прочитала все книги, которые он ей принес. Он видел, что она была внимательной ученицей, ибо каждый раз, когда он объяснял ей что-то новое, она брала карандаш и записывала все в тетрадь.

Станным казалось капеллану лишь то, что эта красивая молодая женщина, сидя перед ним, никогда не делала замечаний, никогда ничему не противилась. К нему она относилась подчеркнуто почтительно и всегда, приезжая в Орлов, приглашала его к себе. Как бы он хотел узнать, о чем она думала! Принимала ли она его учение так, как это подобает послушной дочери церкви, или у нее были сомнения? Спросить ее об этом он не смел, потому что иногда, когда она записывала что-нибудь новое, глаза ее

как-то странно светились. К концу занятия ее голос порой становился ласковым, как это бывает в разговоре с человеком, которому мы искренне сочувствуем. Это его раздражало. Когда он объяснял святость священства и безбрачия, ему показалось, будто она хотела что-то возразить. Однако она промолчала.

От пана Орловского капеллан получал хорошее вознаграждение. Он и без вознаграждения приходил бы на занятия, ибо эта обязанность становилась ему все приятнее день ото дня. Ему не хотелось признаться самому себе, что он, собственно, уже все вопросы разобрал с Маргитой, что ему больше нечего объяснять, что все остальное молодая женщина могла самостоятельно прочитать в книгах. Однако пан капеллан продолжал приходить на занятия, а Маргита продолжала усердно записывать его лекции.

Но что бы он сказал, если бы смог заглянуть в другую тетрадь, где были записаны выдержки из первой, а под ними замечания, раскрывавшие истинные взгляды и убеждения Маргиты?!

Вот, например, что было написано под объяснением учения о заступничестве святых: «Один у нас заступник: Иисус Христос, Сын живого Бога».

«Нет праведного ни одного, все отступили. Вера нам вменяется в праведность, а не дела» — можно было прочесть под другим разделом, учением о том, что человек только добрыми делами может спастись.

Под объяснениями о божественности Марии: «Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись, кроме Иисуса Христа».

Под разделом учения о Папе: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах», «Се, Я с вами до скончания века» — Христос не нуждается в заместителе. Далее под записью о мессе и содержащейся в ней ежедневной жертве Христа было подчеркнуто: «И не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище каждого дня с чужой кровью; иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира. Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею» (Евр. 9:25–26).

Она возражала против преклонения перед святыми реликвиями, крестом и статуями, против молитвы по четкам, безбрачия священников и т. д.

Не осталось ни одного важного пункта учения римско-католической церкви, под которым не было бы замечания, доказывавшего его противоречие Слову Божьему. На тетради была красивая надпись: «Основания, по которым я не хочу принадлежать к римско-католической церкви».

Молодой женщине это стоило многих усилий. Не одну бессонную ночь провела она в размышлениях. Как она была благодарна своему советчику! Чем больше она познавала учение Христа, тем легче могла отличить истину от заблуждения. Ей казалось, что кто-то зажег свет для нее. Дважды она писала из Горки письма Урзину по поводу неясностей. Однажды он посетил ее в Орлове, и она показала ему свою тетрадь.

Долго они вместе исследовали Слово Божье. Она жалела, что не может участвовать в чтении Библии и ее разборе, которые он начал проводить с одинокими евангелическими христианами в доме пани X. и которые посещало все больше людей, как ей сообщила Анечка.

Приходить туда она пока не могла, но дала денег, чтобы они могли снять более просторное помещение, и очень обрадовалась, когда нашелся подходящий отдельный домик. Здесь поставили деревянные скамьи, стол и лампу, а также Анечкину фисгармонию, унаследованную от отца, на которой она аккомпанировала.

После почти двухнедельного отсутствия Маргита возвратилась в Орлов, чтобы замещать дедушку в его отсутствие. Весь день проходил в труде, но вечером ею овладевало желание беседовать с Урзиным. Назавтра она должна была пригласить капеллана, чтобы отблагодарить его за труды. Она не знала только, сказать молодому священнику лишь то, что свои занятия он может считать закончившимися, или открыть ему всю истину.

Она вдруг вспомнила, что сегодня разбор Слова Божьего в евангельском собрании. Ее глаза засветились. «Я пойду туда и спрошу его», — подумала Маргита.

Приблизившись к домику, она услышала пение. Войдя, девушка заглянула в открытую дверь. Комната была наполнена

людьми. Чтобы не мешать, она села на стул около дверей в коридоре и стала слушать.

Как трогательно звучала мелодия песни, которую Анечка исполняла на фисгармонии! Таких песен она еще никогда не слышала. Урзин помолился и стал читать, объясняя текст из Слова Божьего, в котором шла речь о страданиях Иисуса Христа.

Она впитала эту простую истину Евангелия с такой жадностью, как иссушенная зноем почва впитывает долгожданный дождь. Она сама рассуждала точно так же... Вдруг она услышала совершенно незнакомый голос и вздрогнула. Взглянув на говорившего, она удивилась: у стола, на месте Урзина, стоял молодой крестьянин в одежде, какую носят в Боровце. Но этому серьезному лицу с высоким лбом и красивыми чертами лица подошло бы и княжеское платье. Он держал Евангелие в руке и читал: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. Иуда — не Искарriot — говорит Ему: Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру? Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца»⁸.

Закрыв Евангелие, он продолжал:

— Ваш и мой дорогой друг, пан Урзин, просил меня сказать вам несколько слов. Мне это нетрудно, ибо текст этот нас всех касается. Все собравшиеся здесь имеют заповеди Иисуса Христа, но как мы их соблюдаем? Мы только что слышали, как нас любит Сын Божий и что Он за Свое великое страдание от нас ничего не требует, кроме нашей любви. Иисус Христос говорит, что тот, кто имеет Его заповеди и соблюдает их, тот и любит Его. А мы? Любим ли мы Его? Как мы это проявляем? Я боюсь, что не все Его любят.

Я еще так молод, но позади у меня жизнь, полная грехов. И у вас такая жизнь позади. Вы начали уже новую жизнь? Если это так, то где любовь к Иисусу Христу?

⁸ Евангелие от Иоанна, глава 14, стихи 21–24.

«Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим» — говорит Иисус Христос далее. Вы думали когда-нибудь о том, что означает быть возлюбленным Отцом? Быть любимым — днем на работе, на поле, на каждом шагу, ночью во сне? Вы представляете себе это?

О, это блаженство, когда знаешь, что Бог на меня, ничтожного червя, не только не гневается, но что Он меня любит, как Отец.

Что со мной может случиться плохого, если со мной эта любовь? Бог, благословляя, держит Свою руку над моей головой; кто мне может повредить? Страдания Он облегчает, в бедности Он помогает каждый день, в болезни подкрепляет, а когда смерть придет, она послужит для того, чтобы отпустить меня отсюда на мою прекрасную вечную родину.

Когда я был солдатом, я тосковал по родине, по ее горам и лесам. Теперь я дома. Я люблю горы и леса, как прежде, но сердце мое тоскует по вышним горам в моей небесной родине, потому что там мой Небесный Отец, Который любил и любит меня. Если мы соблюдаем заповеди Иисуса Христа, то Отец наш Небесный будет нас любить, и мы будем счастливы.

«И Я возлюблю его и явлюсь ему Сам». Когда Иисус Христос это сказал, ученики удивились, ибо они не могли понять, что Он хотел явиться им, несведущим, бедным людям, а не высокопоставленному и ученому миру. Ибо это большая разница — знать лишь что-нибудь об Иисусе Христе или когда Он Сам нам является. Здесь у нас все знают об Иисусе Христе, но лишь немногим Он явился. Например, я знаю много трав в лесу, а целебные свойства их мне не известны. Но бабушка моя их знает. Когда мне встречается такая трава, я, может быть, наступлю на нее или пройду мимо; бабушка же поднимет ее и будет лечить ею людей.

Кому Иисус Христос не явился, тот попирает Его или даже отталкивает. Явился ли Он вам всем? Знаете ли вы Его исцеляющую силу? Он исцеляет все греховные раны.

Я наблюдал, как моя бабушка обращается с травами. Она их моет и растирает между двумя камнями, чтобы весь сок вытек.

Тогда только получается лекарство для ран. Так жил и Иисус Христос — чистым и незапятнанным в этом мире, а потом Он

отдал Свою кровь для исцеления нас от ран греха. Примите этот бальзам в ваши сердца, и вы исцелитесь, и будете любить Его.

Недавно у меня была рана. К ней приложили мазь из какой-то травы, на которую я прежде не обращал никакого внимания. Но теперь я знаю, как она мне помогла и как она заживила мою рану. Теперь я на это растение никогда не наступил бы, оно стало мне дорогим.

Примите и вы кровь Иисуса Христа в ваши раненые сердца, и вы никогда больше не будете попирасть Его. Вы узнаете, как Он благ, и будете Его любить.

Когда ученики спросили Христа, почему Он хочет явиться им, а не миру, Он им ответил: «Кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое». Этим человеком могу быть я, можешь быть ты и всякий, кто хочет соблюдать заповеди Господни. «И Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим». Это слова Истины. Когда я был омыт и исцелен кровью Иисуса Христа и начал соблюдать заповеди Его, Бог исполнил на мне Свое обетование. Я отдал Ему свое сердце, а Он через Духа Святого сотворил обитель во мне. Раньше в сердце моем жил дьявол, и я исполнял волю дьявола. Сегодня же во мне то, что угодно Господу, и в этом блаженство!

Смотрите, мы здесь почти все несведущие, бедные люди, но Иисус Христос хочет явиться нам. Высокопоставленные и образованные не хотят Его иметь. Не равняйтесь с ними и не думайте, что если они Его не знают, то и вы Его не можете познать.

Я на военной службе видел таких мудрецов и великих мира сего. Ни один из моих офицеров не верил в Иисуса Христа или в Бога, и я подумал: если эти господа не верят, то и мне, глупому крестьянину, не нужно верить. Однако это привело меня на край ада. И если бы не милость Божья и не любовь Иисуса Христа, я сегодня, наверное, шатался бы по улицам с тяжким бременем греха на душе!

Из этих образованных господ еще ни один не познал Иисуса Христа, хотя я им этого от души желал бы. Они до сих пор, как рабы, служат плоти, миру и дьяволу, и если не обратятся, то

погибнут. А я, недостойный, спасен! Так и вы все можете быть спасены. Просите Господа Иисуса Христа, чтобы Он исцелил вас Своей кровью. Но не думайте, что вы так просто можете сказать: «Я Его люблю». Ибо Он говорит: «Кто Меня любит, тот соблюдает заповеди Мои». Любовь нужно доказать, и если ее у вас пока нет, то это говорит лишь о том, что Он еще не смог явить вам Свою любовь. Аминь.

— Аминь, — тихо повторило несколько голосов из собрания.

Если Маргита иногда не понимала Урзина, а лишь догадывалась, о чем он говорит, то этого молодого крестьянина она понимала полностью, потому что он говорил просто, и ей казалось, что все им сказанное касалось только ее одной.

Последней она пришла на собрание и первой ушла. Туда она торопилась, обратно же шла медленно, погруженная в размышления.

Прежде она гордилась своим чистым евангелическим убеждением, тем, что она различала истину и заблуждение, а теперь Маргита должна была признать, что была одной из тех, кому Иисус еще не явился, и что она еще не отдала Ему своей любви за Его страдания. Теперь она знала, что отличало Урзина от остальных ее знакомых. Он от всего сердца любил Иисуса Христа, Который явился ему. И этот молодой крестьянин — тоже. Как ясно он это объяснил: Иисус — врач, а Его кровь — лекарство от греховных ран.

«Но я не знаю, в чем состоит моя греховность, — подумала молодая женщина, — кроме того, что я не любила Иисуса Христа. Но ведь я Его не знала, и виноваты в этом те, кто неверно меня воспитал».

«Те, кому Иисус Христос еще не мог явить Себя, попирают Его. Омой Его кровью свое сердце, чтобы оно исцелилось, и ты полюбишь Его», — говорил ей внутренний голос.

«Но мое сердце уже освобождено от мрака, и я определенно буду Его любить, — уговаривала себя Маргита. — А завтра я признаю Его перед людьми, во что бы то ни стало!»

В глубоких размышлениях Маргита пришла домой. Здесь ждала ее почта, письмо от дедушки, к которому было приложено письмо от Адама Орловского. Тень негодования омрачила

лицо Маргиты. Ей хотелось оставить письмо непрочитанным, но так как этого желал дедушка, она его прочла.

Адам писал, что он в начале мая или в конце апреля вместе с Орано придет домой, чтобы в Орлове вместе с ним написать научный труд. После его завершения они снова отправятся в путешествие. Он писал, что Орано сердечно благодарит за помощь в приобретении имени. Он осведомился о самочувствии дедушки, состоянии здоровья Николая Коримского. Затем он спрашивал о двух друзьях, но ни единым словом не обмолвился о ней, лишь к концу письма поблагодарил ее за привет и ответил ей тем же.

Здесь же следовала дедушкина приписка:

«Так как ты ему еще ни разу не передавала привета, я это сделал за тебя, дитя мое».

Это ее рассердило. Она отбросила письмо.

«Теперь он подумает, что она пытается приблизиться к нему или намерена изменить свое поведение в отношении него, и они после его возвращения помирятся! О нет, никогда! Пусть он работает вместе с профессором в Орлове, а она с дедушкой переселится в Горку, и они останутся там до тех пор, пока он не уедет».

«Это невозможно, — говорил ее разум. — Дедушка на это не пойдет; ты почаще должна приезжать в Орлов, нельзя давать повода для сплетен».

«Это верно, но и в Орлове можно так жить, чтобы не видеть того, кого не хочешь видеть. Да, но где же та новая жизнь, о которой говорил молодой крестьянин? Иисус Христос заповедал прощать и любить, в том числе и врагов своих, и: „Кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое“».

«Ах, мой Иисус, я могу и хочу делать все, что угодно Тебе; только его я не могу простить! Слишком сильно он меня обидел. Я бы его любила, но он оттолкнул меня и мою любовь, прежде чем мы встретились. Он осмелился намекнуть на мой долг верности ему. Он не доверял мне, так как я дочь человека, которого он подозревает в супружеской неверности. Нет, такое не прощают!»

Маргита долго и горько плакала. Да, она вправе ненавидеть мужа, но мира у нее в душе не было.

Глава двадцать первая

В роскошном дворце маркиза Орано-Вернинга в Каире после двух дней опасений и забот царила великая радость. Молодая госпожа появилась без сопровождения в крытом саду, затем одна отправилась в оранжерею, что свидетельствовало о том, что она видела хорошо.

«Что скажет хозяин, когда вернется от вице-короля? Вчера было невозможно смотреть на его бледное, измученное лицо!» — шептались слуги. Между тем их повелительница прохаживалась в похожей на райский сад оранжерее, где зеленый, собранный под стеклянным куполом занавес приглушал слишком яркий свет.

Ах, какая здесь была красота! Но девушка ее словно не замечала. Она ходила как во сне. Маленькие, украшенные жемчугами руки не выпускали фотографию: она то ее прижимала к своей груди, то подносила к глазам и смотрела на нее, словно ожидая от нее ответа на все вопросы. Девушка мечтала о далекой стране, куда отец хотел ее повезти, мягкий климат которой должен был ее исцелить. Ах, скорее бы отправиться туда! Если пройдет слишком много времени, то она не увидит уже той волшебной красоты, о которой рассказывал Орловский. Для нее наступит ночь, и как тогда жить? Две слезы скатились по ее щекам.

Девушка была еще так молода. У нее было все, что только можно было иметь. Но если бы она лишилась зрения, то потеряла бы весь мир, ибо она знала только один свет. О том свете, который светит во тьме, она не имела представления; ведь не было никого, кто сказал бы ей об этом. Собственно, это было довольно странно, потому что ее бабушка со стороны отца была француженкой. Род Орано во время преследования христиан в Испании был среди других мучеников. Отец был последним его потомком и принадлежал, как и его предки, к евангелической церкви. Мать девушки, княгиня Вернинг, была англичанкой, и весь ее род принадлежал к англиканской церкви, — и все же дочь не имела понятия о Свете, который никогда не меркнет.

В европейских кругах Каира маркиз Орано-Вернинг — имя это он получил в день свадьбы вместе с большим состоянием

жены — считался одним из открытых людей, которые даже не стараются скрывать свою ненависть к христианству. Если он раздавал на благотворительные цели большие суммы, то вкладывал на какое-либо религиозное дело у него никто не мог просить. Так как маленькая маркиза очень рано осиротела, он сам руководил воспитанием своей любимицы, причем он следил, чтобы головка его дочери не засорялась, как он сам выражался, каким бы то ни было нездоровым учением.

Зато головка эта была наполнена различными иностранными языками и некоторыми научными знаниями. Тамара Орано свободно владела испанским, английским, арабским, французским и немецким языками. Не знала она лишь того, что написано на всех языках: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»⁹.

Ее учили любить природу и преклоняться перед законами ее. Но когда закон природы лишил ее зрения, это не могло ее утешить.

И если уж не миновать той страшной ночи, то она хотела бы оттянуть ее хотя бы до их переезда в Европу. Ведь она еще никогда не видела шумящего ручья и прекрасной весны, которые Орловский ей описал. Еще никогда она не слышала соловья и кукушку в лесу. Ах, хотя бы еще год прожить при свете перед наступлением ночи!

Девушка бросилась в кресло и закрыла лицо руками, ей стало страшно. Ей хотелось плакать, это принесло бы ей облегчение, но плакать ей запретили. Она протянула руку к серебряному колокольчику на мраморном столике и позвонила. Из-за мирового куста выскочила и подбежала к ней девочка лет семи в пестрой одежде.

— Что прикажете, госпожа?

— Господин маркиз уже дома?

— Нет еще. Ваша светлость прикажет его позвать?

— Нет, позови Орфу.

Девочка исчезла. Вскоре перед печальной госпожой стояла стройная молодая дама, полуегиптянка-полуиспанка.

⁹ Евангелие от Иоанна, глава 3, стих 16.

— Почитать вам вслух, дорогая госпожа? Только что прибыли новые книги и ноты. Ася уже играет. Нельзя вам быть такой печальной. Ваш отец очень обрадуется, когда узнает, что вы сами сюда пришли!

— А что это за новые ноты и книги? — спросила девушка с интересом. — Есть ли среди них жизнеописание Вашингтона, которое я заказала?

— Я еще не все пересмотрела, дорогая госпожа, однако, мне кажется, что нет. Если позволите, я принесу книги сюда.

— Нет, я пойду с тобой. Это жизнеописание должно быть! Лицо ее омрачилось.

Через несколько минут обе дамы находились в холле, являвшемся продолжением оранжереи. Выражение лица молодой госпожи становилось все мрачнее. На вопрос компаньонки: «Что прикажете прочесть?» — последовал полукапризный-полупечальный ответ:

— Когда не выполняют моих заказов, я должна слушать то, чего не хочу, да? Ничего мне из этих книг не надо читать! Отнеси их в библиотеку отца!

— Но, госпожа, маркиз будет опечален. Ведь он хотел вас обрадовать.

— Меня обрадовать? Никто не хочет меня обрадовать, никто!

— Госпожа, дорогая, не плачьте, ах, не плачьте!

В растерянности молодая дама стояла перед своей рассерженной госпожой. Искреннее сострадание и любовь выражало ее смуглое лицо.

— Ах, что я вижу — моя маркиза плачет! — проговорил вдруг рядом с ней заискивающий голос. — А я разучила такую чудную пьесу! Вы позволите мне, не правда ли, вам ее сыграть?

Другая компаньонка, по внешности настоящая француженка, с живыми глазами и хорошими манерами, наклонилась к маркизе, опускаясь на одно колено.

— Можно, я сыграю? Эта музыка, этот божественный дар, вас утешит.

Молодая дама подбежала к дорогому роялю, открыла его и начала так завораживающе играть, что госпожа встала и подошла к играющей.

Между тем Орфа, расставляя книги на полке, с большим интересом углубилась в чтение одной из них.

Музыка сделала свое дело. Печаль и огорчение исчезли с нежного лица госпожи. Оживленно беседуя, она едва услышала, что ее прислуга уже во второй раз объявила о чьем-то приходе.

— А кто пришел? — спросила маркиза.

— Его милость пан Орловский.

Голубые глаза девушки загорелись.

— Прошу его войти!

— О, это очень учтивый господин, — похвалила его молодая француженка. — Вчера и позавчера он осведомлялся о нашем самочувствии, а сегодня пришел сам.

— Он спрашивал обо мне?

Видно было, что внимание молодого человека ей по душе. Он за короткое время стал их добрым другом. Как она радовалась его приходу! Ведь пан Орловский каждый раз приносил ей добрую весть или рассказывал что-либо интересное, над чем она долгое время размышляла в одиночестве. И сегодня она с радостью протянула ему руку.

— О, я и не ожидал, — удивился пан Адам, усаживаясь в предложенное кресло, — что маркиза сама меня встретит!

— Увы, — покачала она головой, — это только на время, а потом снова наступит ночь.

— Зачем об этом думать, дорогая маркиза? Уже скоро мы отправимся в путь.

— Вы думаете, что снег там уже растаял?

— Наверное. Но вы же знаете, что сначала мы посетим Италию, затем Германию, а там и весна наступит, и мы с ласточками прилетим на мою родину. Только что я получил телеграмму от вашего управляющего. Ремонт в Подолине идет полным ходом. Однако, дорогая маркиза, как бы они там ни старались, такую красоту, как эта, они не сумеют создать.

— И не надо. Интереснее находить новое.

— О, это верно!

— Я вот что хотела спросить, пан Орловский. — Тамара достала фотографию. — Что вот здесь, перед замком?

— Маленькая узкая долина, а на ней — бедная деревушка, а на другой стороне — горы.

— А за горами? — Девушка не заметила, как внезапно помрачнело лицо пана Адама, однако это не ускользнуло от компаньонки маркизы. — Что там? — спросила она еще раз.

— На другой стороне находится имение Горка, оно принадлежало моему деду.

— Вот как? — сказала маркиза удивленно и заинтересованно. — А кому оно принадлежит сейчас?

— Он подарил его своей внучке.

— Вашей кузине? И она там живет?

— Да, иногда, по крайней мере, я так думаю.

И снова компаньонки заметили растерянность на лице гостя.

— Тогда мы с ней будем почти соседями. Вы как считаете, посетит она меня когда-нибудь?

— Конечно, если вы пожелаете, но только в том случае, если и вы нам окажете честь и посетите Орлов.

— Мы обязательно придем, — пообещала девушка по-детски. — Только я не знаю, понравится ли моим компаньонкам у вас, — добавила она, мило улыбаясь.

— О, для нас везде рай, где вы, дорогая маркиза, — уверила ее Ася.

— Мы с удовольствием побываем в незнакомой стране, — сказала Орфа немного спокойнее.

— Однако мы отвлеклись. Мы говорили об имени, в котором живет ваша кузина. Как ее зовут?

— Маргита Орловская.

— Маргита? Какое красивое имя! Орловская — значит, она дочь вашего дяди, не правда ли?

— Нет, тети — дочери дедушки.

— Значит, она была замужем за Орловским?

Ему было трудно ответить. Если бы Тамара не так скоро должна была оказаться вблизи Горки, он мог бы ответить коротким «да». Сказать же теперь: «Она моя жена», когда он раньше об этом ничего не говорил, было Адаму слишком неприятно. Оставить дело невыясненным, пока Тамара не приедет в Подолин, тоже было нехорошо. Что бы она подумала о

нем? Да, положение было трудным. И вдруг за дверью послышалось: «Тамара, любимая, ты здесь? И у тебя гость?»

Пожалуй, пан Адам уже давно никого так радостно не приветствовал, как сейчас входящего маркиза Орано. И вскоре он забыл этот неприятный для него момент. И вообще, он изо дня в день все больше забывал все, даже свои археологические исследования, ибо его постоянно занимала несчастная судьба молодой дочери востока с печальными голубыми глазами.

Глава двадцать вторая

— Добрый день, тетя, как тепло у вас! Позвольте мне немного погреться.

— О, пожалуйста, пан Урзин! Откуда вы идете? На улице такой ветер, будто зима хочет вернуться.

— Бог даст, этого не будет.

Молодой человек снял свой плащ и подсел к огню. Пани Прибовская подложила в печь дров.

— Вот посмотрите, пан Урзин, — сказала она, разворачивая довольно большой пакет, — какую я сделала покупку. Пан Коримский мне поручил купить материал на костюмы для своих учеников. А сегодня приходил сюда знакомый человек с мануфактурой, так я у него и купила. Что скажете?

— Хорошее сукно, и цвет красивый.

— Верно? И только по два гульдена за метр. Это же недорого! Он мне так дешево уступил материал, потому что это был остаток. У него было также очень хорошее черное сукно, и я подумала, что оно вам очень подошло бы, пан Урзин.

— Мне? — удивился провизор. — Мне, слава Богу, одежды сейчас не нужно, у меня достаточно.

— Так уж и достаточно! — возразила пани Прибовская недовольно. — У вас всего два костюма, и ваш выходной костюм уже далеко не новый.

— Вы знаете, тетя, сколько одежды было у Иисуса Христа? Едва ли две, а ученик не больше своего учителя.

— Это так, но если я закажу для учеников костюмы, они будут лучше одеты, чем вы, пан Урзин.

— Только из-за этого меня никто не примет за ученика — для этого я уже слишком стар.

— Это отговорка. Но почему вы так скупитесь для себя? Люди подумают, что вы так мало зарабатываете у пана Коримского, что не в состоянии даже прилично одеваться.

— Если это вас так беспокоит, дорогая тетя, — сказал молодой человек, приветливо улыбаясь, — то я еще сегодня отдам свой выходной костюм погладить, и вы увидите, что он будет как новый, потому что он сшит из хорошего сукна. Новый костюм я сейчас действительно не могу купить, да если бы и мог, я бы не хотел этого. Но раз уж мы говорим об одежде, вы не считаете, что у меня слишком мало белья?

— О нет, белья у вас достаточно, пан Урзин.

— Тем лучше!

— Но, пан Урзин, вы говорите, будто вы самый бедный человек. А я однажды слышала, как пан Коримский сказал доктору Лермонтову, сколько он вам будет платить. Скоро уже четверть года, как вы здесь, вы получите заработанные деньги и тогда сможете приобрести все необходимое.

Женщина еще что-то хотела сказать, но вдруг умолкла. Ей показалось, что слова ее больно задела молодого человека. Едва заметное выражение боли промелькнуло на его лице, но пани Прибовская это заметила. Она была рада, что пан Урзин начал другой разговор, и решила никогда больше не говорить с ним на эту тему.

Стук в дверь вскоре прервал их разговор.

— Это вы, Генрих? Скоро мы все соберемся у пани Прибовской, — приветствовал Урзин старшего ученика.

Улыбка осветила серьезное лицо юноши.

— Я только хотел спросить пани Прибовскую, не знает ли она, где вы, пан Урзин.

— Ах, Генрих, оставьте пана Урзина! Он не успел еще приступить, а вы его уже ищете.

— Дело зовет, пани Прибовская. Мы получили несколько рецептов, и один из них я не могу разобрать.

Молодые люди отправились в лабораторию.

— Я вам ничего не буду подсказывать, Генрих. На моих глазах вы самостоятельно приготовите эти лекарства.

— А если я ошибусь, пан Урзин?

— Но ведь я буду следить за вами и, если надо, помогу.

Через полчаса все было сделано. Юноша так старался, что ему даже жарко стало.

— Ну вот и хорошо! — похвалил его Урзин. — Все правильно сделали. Вам уже можно поручать самостоятельно готовить лекарства.

— О, конечно, если я знаю, что вы рядом, я действую увереннее.

— Со мной было то же самое. Вы удивляетесь? Не думайте, что я хоть один порошок от кашля делаю без надзора. Мой Господь стоит рядом со мной и вовремя поправляет меня. Всю ответственность я возлагаю на Него. Прежде чем приступить к приготовлению лекарства, я предаю Ему свои руки, свою память, свой разум и все свое внимание. Ему предаю я свои глаза, чтобы они хорошо видели весы, и свои руки, чтобы они не дрожали. Тогда я чувствую себя уверенно. Под этим надзором и вы, дорогой Генрих, с сегодняшнего дня будете готовить лекарства. И я уверен, что вы никогда не повредите человеку, ибо мой и ваш Господь, Иисус Христос, этого не допустит. У вас уже достаточно опыта и знаний. Когда вернется пан Коримский, я буду просить его аттестовать вас и произвести в помощники. А вы, Генрих, обещайте мне, что будете стараться освоить руководство всей аптекой.

— Я обещаю вам, пан Урзин, что я всему научусь у вас, — сказал юноша преданно, — потому что знаю, что вы желаете мне добра. Только не просите пана Коримского, чтобы он меня теперь уже снял с ученичества.

— Это почему же? Разве вам не хочется поскорее помочь вашей матери?

— Это так, но пан говорит, что он пошлет меня тогда в город в большую аптеку и даст мне свою рекомендацию. Однако я не хотел бы разлучиться с вами. Вы привели меня к новой жизни, к Иисусу Христу, но у меня еще так мало опыта.

О, помогите мне, чтобы я, пока вы здесь, мог оставаться с вами.

С умилением Урзин провел рукой по лицу юноши и привлек его по-братски к себе.

— Я сказал вам, что буду просить пана Коримского про-
извести вас в помощники. Я тоже хочу быть с вами столько,
сколько это угодно Господу. А сейчас упакуйте и отправьте,
пожалуйста, лекарства, а я посмотрю, что делает Ферко.

— А потом вы позволите прийти к вам, пан Урзин?

— Разумеется! До свидания!

— Ах, пан провизор, ну как тут не злиться, — воскликнул
чуть не плача ученик Ферко, когда Урзин вошел в аптеку. —
Этот олух пришел и попросил порошок от головной боли, а те-
перь принес его обратно и говорит, что ему нужен был другой.
Откуда я могу знать, что ему нужно, если у него нет записки!

— Успокойся, Ферко! — сказал провизор ученику, затем
повернулся к мальчику в рваной одежде и спросил его привет-
ливо, кому нужен этот порошок и от чего.

— Для мышей!

— Разве у вас так много мышей?

— Хватает, везде бегают.

— Что ж ты сразу не сказал, что тебе нужен порошок от
мышей, — вмешался раздраженный Ферко, — а попросил по-
рошок от головной боли?

— А мне как раз такой порошок и нужен, чтобы мыши за-
болели и не могли выходить из своих норок.

Веселый смех пана провизора развеселил и Ферко. Он тоже
засмеялся, а вместе с ними и мальчик.

— Неплохо ты придумал, — сказал Урзин, глядя мальчика
по взъерошенной голове. — Но такой порошок тебе не помо-
жет. Ты пойдй домой и поставь мышеловки. Вот тебе твоя мо-
нета. Купи за нее кусок сала, на него мыши сразу пойдут.

— Его я лучше сам съем, — пробормотал мальчишка и,
смеясь, выбежал из аптеки.

— Он ведь только посмеялся над нами, — сказал Ферко
обиженно. — Я ему этого не прощу.

— Что ты, Ферко! «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

— Но ведь он над вами смеялся, пан Урзин!

— Если Господь Иисус Христос из-за меня вынес столько насмешек, то кто я, чтобы меня не мог высмеять такой мальчишка?

Разговор прекратился из-за прихода покупателей.

— Этот мальчишка настоящий проказник, — рассказывал потом Ферко Генриху. — Он развеселил даже пана провизора, а я думал, что он и смеяться-то не умеет.

Глава двадцать третья

Прошло несколько дней. Была ночь. В доме спали, только в комнате провизора еще горел свет. Часы показывали одиннадцать, когда вдруг кто-то позвонил у ворот.

Звук колокола прозвучал по всему дому, но крепко уснувшие слуги его не услышали.

Через минуту провизор открыл дверь: перед ним стоял пан Коримский.

— Вы еще не спали? — Коримский подал молодому человеку руку. — Добрый вечер, пан Урзин.

— Что случилось, пан Коримский? Почему вы возвращаетесь раньше и без предупреждения? — спросил Урзин удивленно.

Он взял из рук кучера тяжелый чемодан и сумку аптекаря и понес их в дом.

— Не трудитесь, — попытался остановить его Коримский.

— Позвольте, я это сделаю с удовольствием.

Во взгляде Урзина было столько радости и просьбы одновременно, что ему нельзя было отказать.

— Прошу, зайдите ко мне, — сказал Коримский, открывая дверь своей комнаты.

Поставив чемодан и сумку, Урзин помог хозяину раздеться, взял у него шляпу и перчатки. Коримский устало откинулся на угол дивана.

— Как вы все здесь поживаете? — спросил аптекарь, которому внимание провизора пришлось по душе.

— У нас, слава Богу, все хорошо; только пани Прибовская получила печальное известие: ее золовка тяжело заболела; она пошла ее навестить и вернется только завтра к десяти часам.

— Вот как? Это печально, — сказал Коримский участливо.

— Сегодня поступило несколько писем. Я не успел переправить их вам. Меня это огорчило, а теперь я вижу, что и это рука Господа, — сообщил провизор. — Хотите их посмотреть? Прошу!

Просматривая почту и читая письма, Коримский не заметил, как провизор достал из шкафа маленький чайник, наполнил его водой, поставил на огонь и затем вышел. Он поднял голову лишь тогда, когда дверь отворилась и молодой человек начал накрывать на стол.

— Что вы делаете, Урзин? Мне кажется, что вы приготовили мне ужин, но мне не хочется есть.

— Это вам только так кажется, пан Коримский. стакан чаю и что-нибудь к нему не помешает с дороги.

— Вы так быстро все приготовили! Как вам это удалось, когда дома нет пани Прибовской?

— О, — улыбнулся молодой человек, — меня произвели в экономы! Прошу, отведайте! Мясо хорошее и пирог свежий.

— Вы так аппетитно все подали, что и не откажешься. Но почему нет прибора для вас?

— Спасибо, я ужинал.

— Но чашку чаю вы все же выпейте со мной.

— Благодарю вас. Но позвольте спросить, как поживает молодой пан?

Пан Коримский опечалился.

— Я не могу сказать, что хорошо. Он все еще очень слаб. Кроме того, как он мне признался, его угнетает тоска по родине. Поэтому я и приехал посмотреть, как продвигаются работы в Боровском доме и какая у нас здесь погода.

— Все готово, пан Коримский, и почти уже неделя, как здесь чудесная весенняя погода; если она не изменится, то через несколько дней все зацветет. Тоска — скверная болезнь. Пусть

молодой пан вернется домой. Я уверен, что близость любимой сестры для него будет полезнее всего остального.

— Вы считаете? Но у нас весной так холодно, а он и так постоянно мерзнет.

— Если холодно, то надо топить, а еще лучше дома греет любовь. Чужбина есть чужбина. Это так же, как с нашими душами. По-настоящему они могут согреться только дома, на нашей вечной родине.

Коримский смотрел в лицо говорящего: в нем было что-то трогательное. Под впечатлением этого чувства он взял руку молодого человека в свои.

— Я забыл вам еще что-то сказать. Никуша тоскует не только по родине и по сестре, но, как он мне сказал, и по вас.

Бледное лицо молодого человека покраснело. Загадочные его глаза засветились счастьем, и все его лицо на мгновение засияло.

На тонких губах осталось невысказанное слово.

— Оба они вас часто вспоминали, — сказал Коримский далее. — Если бы вы была с нами, Никуша, может быть, не так торопился бы домой. Подействовало и то, что с Аурелием что-то случилось. Хотя он это и скрывает, Николай уже заметил, что ему трудно казаться веселым. Он мне рассказал, что тот наследовал от своего дяди имение, но вместе с тем — и семейную тень, которая ляжет теперь и на его жизнь. Больше он ничего не рассказал, и я не стал его спрашивать. Я думаю, что ему было бы хорошо иметь доверенное лицо. Никуша им теперь не может быть. Вот если бы вы могли войти в его доверие и узнать, что моего благодетеля угнетает. Вы знаете, что я ему многим обязан. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы узнали, чем я мог бы ему помочь.

— Я это знаю, пан Коримский.

Урзин высвободил свою руку из рук Коримского, убрал волосы со лба и сказал:

— Однако есть обстоятельства и «тени», о которых мы никому не можем рассказать, и тогда мы считаем счастьем, что можем унести их с собой в могилу. Если это подобный случай, то я не смогу выполнить вашу просьбу, пан Коримский. Тяжелее всего обвинять своих родных перед другими. Семейные «тени» имеют всегда один и тот же корень: грех.

Последнее слово было произнесено так тихо, что Коримский скорее догадался, чем услышал его. Но он не стал дальше расспрашивать провизора. Выпив чай, он начал читать последнее письмо и не заметил, как Урзин, взяв чемодан и сумку, вышел с ними. Когда Коримский через четверть часа зашел в свою спальню, он нашел ее проветренной, освещенной, с раскрытой постелью. А Урзин как раз наливал воду в умывальник и приготавливал все необходимое.

Аптекарь невольно наблюдал за ним. С каким нежным вниманием он заботился о его удобствах! У него уже было два провизора: первый — после свадьбы, а второй — десять лет назад. Но с Урзиным ни одного из них нельзя было сравнить. Они выполняли свои обязанности, получали свои деньги и больше ни о чем не заботились. Яркий свет лампы освещал двигающуюся фигуру молодого человека. Вот он стал на колени возле кровати, доставая из ночного столика домашние туфли. Затем он сложил руки над углом подушки и склонил на них свое лицо. Прислонившись к двери, Коримский видел и чувствовал, что этот добрый чужой юноша молился за него, за которого еще никто никогда не молился и который сам никогда не молился ни за себя, ни за других.

Урзин поднялся, поправил подушку. Они ни о чем не говорили друг с другом. Урзин только попросил позволения снять обувь своему господину. Он взял ее и, пожелав спокойной ночи, вышел. Когда Коримский уже лег, ему показалось, что он видит возле своей постели склонившуюся голову молящегося.

Вернувшись в свою комнату, провизор увидел на столе два письма и под ними коробочку. Вскрыв ее, он обнаружил в ней чудесные золотые часы и карточку с надписью: «На память моему дорогому провизору. Манфред Коримский». Часы лежали в раскрытой коробочке на столе, а Урзин, прочитав карточку, стоял перед столом со склоненной головой. Отчего у него выступили слезы на глазах? Потом он сел, положил голову на стол и, прижав часы к бледной щеке, долго сидел с закрытыми глазами.

Лишь одни глаза видели, что происходило в его сердце и в его душе, и только одно сердце понимало его и без слов...

Письма, привезенные Коримским своему провизору, были от доктора Лермонтова и от Николая. Доктор писал:

«Дорогой Урзин!..»

Если бы пан Коримский знал содержание этого письма, он его не взял бы с собой.

«...Мы настояли на том, чтобы он отправился домой, потому что Никуша в его присутствии совершает насилие над собой. Чтобы отец не беспокоился, он ест больше, чем желудок его может принять, а потом ночью у него начинаются боли. Утром же он страдает от недосыпания. И вообще — это я пишу только Вам — я о нем очень беспокоюсь. Я желал бы, чтобы пан Коримский взял для него другого врача, потому что на моем лечении нет благословения. Кроме того, он мой друг, и я его слишком горячо люблю, а врач должен быть беспристрастен и лечить хладнокровно.

Удержите, пожалуйста, Коримского, чтобы мы хотя бы одну неделю были одни. И попытайтесь подготовить пани Маргиту, женщина легче преодолевает трудности. Я надеюсь, что она нам поможет.

Так как Вы умеете молиться, молитесь за нас обоих, ибо мы оба больны, хотя телом я здоров. Я знаю, что Вы не станете спрашивать меня. Но я задохнулся бы, если бы не мог поделиться с кем-нибудь: лучше я уехал бы на Северный полюс, чем еще раз в долину Подграда. Если бы Никуша знал, какую жертву приносит ему Аурелий, он бы не настаивал на его пребывании в Подграде.

Но довольно. Всего Вам доброго! И вспоминайте иногда, когда Вы радуетесь миру Вашей души, несчастного и лишенного мира Аурелия.

Что меня утешает, так это то, что Никуша ничего не знает о своем опасном состоянии. Он очень хочет домой, а я...»

В письме Николая после нескольких слов приветствия Урзин читал:

«Вы когда-то сказали, Иисус Христос слышит все, о чем мы Его просим. О, попросите Его, пожалуйста, чтобы Он помог мне вернуться домой! Я так боюсь смерти! Мне хотелось бы умереть дома, а не на чужбине.

Я в Библии нашел стих, который меня сильно взволновал: „Проща жатва, кончилось лето, а мы не спасены“¹⁰. Я не могу сказать, что это такое, но в моей душе что-то мне говорит, что неспасенные — это мы, Аурелий и я, ибо мы еще не приняли Иисуса Христа. Он нам еще не дал власти быть чадами Божьими. И еще я прочитал в Библии: „Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете“¹¹. Мирослав, неужели я погибну? Неужели для меня нет милости и спасения? О, смерть ужасна без надежды на вечную жизнь!

Но я надеюсь, что Вы мне поможете, когда я вернусь домой, ибо Вам Он дал власть быть чадом Божьим. Вы обрели веру. Вы спасены! Вы не упустили время благодатное, как я. Если бы я знал, что мне так рано придется умереть, я бы раньше искал Бога, а теперь я не знаю, как быть. Небо так высоко, а меня никто не научил молиться. Но Вы меня научите, не так ли? У меня шумит в голове, я не могу больше писать... Я так завидую ласточкам. Если бы у меня были крылья и я мог так летать! Но, может быть, я скоро буду летать, но куда?..

Мирослав, помогите своему бедному Николаю».

Понятно, что такие письма радости не приносят. Хорошо, что провизор прочитал их только утром. Затем он так долго молился о помощи этим молодым, еще не спасенным душам, пока его собственная душа не обрела уверенность: «Как ты веровал, да будет тебе»¹².

Глава двадцать четвертая

На следующий день Маргита Орловская в боровском доме, прикрепляя украшения к занавескам на окнах, услышала за своей спиной чье-то приветствие. Она соскочила со стула и, радостно удивленная, протянула провизору руку:

— Добро пожаловать, пан Урзин! Как хорошо, что вы пришли, хотя я знаю, что вы не придете без причины. Что вас привело сюда?

¹⁰ Книга пророка Иеремии, глава 8, стих 20.

¹¹ Евангелие от Иоанна, глава 8, стих 36.

¹² Евангелие от Матфея, глава 8, стих 13.

— Сердечный привет от пана аптекаря, — улыбнулся молодой человек.

— Отец вам написал? Когда они приедут?

— А им уже можно приехать? Разве дом уже готов к их приему?

— О да, были бы они только здесь!

— Вам недолго придется ждать и скучать по ним. Пан аптекарь вернулся вчера. Он сегодня хотел прийти к вам, но получил известие от одного владельца, который хочет его сегодня посетить по одному делу, поэтому он остался дома. Ему нелегко было отложить приход к вам до завтра, поэтому он позволил мне сделать это за него. И если я увижу, что здесь все готово, я отсюда же должен написать пану Лермонтову и спросить, могут они отправиться в обратный путь или нет.

— О, это чудесно! — воскликнула Маргита, от восторга хлопая в ладоши. — Они приедут! О, как я рада! Мы им вместе напишем: вы — доктору, а я — Никуше, чтобы они там не задерживались. А вы, пан Урзин, как находите этот дом? Вот это гостиная. Светлая комната, не правда ли?

— О да, света достаточно, и вид из окна красивый, мебель хорошая, и столько цветов! Все здесь радует сердце.

— Вы находите? Я рада! А вот спальня. Они хотели иметь одну на двоих.

— О, отсюда вид еще лучше! И эти светло-розовые занавески, и белая мебель — как раз то, что надо для их тонкого вкуса. Господь вам помог устроить все очень хорошо.

— Вы еще не все видели, — сказала Маргита, — пойдете дальше! Вот здесь кухня. Она расположена немного в стороне, чтобы чад не попадал в комнаты. А здесь еще комната для гостей и комната для слуг. А там кладовая и выход во двор. Уж пришлось поработать, чтобы его очистить! Теперь у меня все есть, даже запасы в кладовой, только прислуги мне еще не хватает, и я не знаю, кто бы мне посоветовал в этом деле.

— Если вы ничего не имеете против, я бы в Дубраве мог найти надежного человека. Это бабушка моего друга Степана Градского. Она теперь живет у своей дочери, но еще здорова и

в силе. Если у вас будет время, мы можем вместе отправиться к Градским. На лошадах это полчаса пути.

— Да, конечно. Когда я поднимаюсь на холм, внизу вижу эту прекрасную долину. Я с удовольствием отправлюсь вместе с вами и была бы рада, если бы эта женщина нам не отказала. Пищу готовить ей не придется, а прислуживать — дело нетрудное. Но теперь я вас прошу отправиться со мной в Горку. Вы сейчас немного освежитесь, я велю заложить лошадей.

Вскоре домик был заперт. Хотя там еще никто не жил, снаружи он уже не казался брошенным.

— Сегодня я пришла сюда пешком. Это так хорошо! — рассказывала Маргита.

А потом она стала расспрашивать Урзина об отце и о брате.

Когда они, разговаривая, шли по дороге к лугу, молодой человек вдруг остановился и Маргита тоже.

— Я вам еще что-то хотел сообщить, — сказал он серьезно, — но только вам.

— Только мне? Говорите, мы одни.

— Доктор Лермонтов очень обеспокоен состоянием вашего брата. От пана Коримского он скрыл свое беспокойство, но просил сообщить вам.

— Как? — лицо молодой женщины побледнело. — Значит, наши надежды были напрасными? Никуша не поправится?

— Нет, сударыня. Пан Николай в последнее время часто страдал от болей в желудке, и бессонные ночи его ослабили. Перед отцом он храбрился и потратил слишком много сил, чтобы только отец не беспокоился. Пан Лермонтов просит меня задержать пана аптекаря здесь, дома, чтобы хотя бы неделю остаться с больным наедине. Но Николай в своем письме выражает такую тоску по родине, что, я думаю, это ему тоже вредно. И потом, я думаю еще, что когда ваш брат и Лермонтов будут вблизи от вас, пан Коримский их оставит одних, особенно если вы им будете помогать.

— Я все сделаю, — произнесла она печально. С грустью она оглянулась на домик. Разве для того она его так благоустроила, чтобы Никуша там страдал?

— Значит, вы считаете, что мой брат опасно, может быть, смертельно болен и что доктор Лермонтов не может вылечить его?

— Да. Но я доверяюсь самому главному Врачу и молюсь Ему каждый день. Я уверен, что Он слышит меня, и верю, что брат ваш поправится. Но это случится только здесь, дома, когда душа его выздоровеет.

— Вы так считаете? — Она крепко держала его за руку, словно хотела опереться на него. — О, если бы Иисус Христос вас услышал! Я тоже молюсь, но мои молитвы несовершенны, Христос мне еще не открылся. Скажите мне, как достичь этого? Вы сказали, что душа Никуши должна выздороветь. Моя душа тоже нездорова. Видите, теперь, когда я отличаю истину от заблуждения, я не смею сказать капеллану, декану и дедушке, что я никогда не стану католичкой, что я собираюсь выйти из той церкви, которая считает меня своей не по праву. Ибо у меня нет сил. Если бы Христос мне открылся. Он мне обязательно дал бы силы. Ведь я себя знаю, из любви я на все способна.

Она склонила голову и не заметила удивленного взгляда молодого человека.

— Вы употребляете слова, которые говорил мой друг Степан Градский на собрании, но ведь вы их не слышали?

— Как не слышала, я тоже была на собрании, только сидела в прихожей, потому что опоздала. Я слышала вашу и его проповеди и не могу их забыть. О, скажите, что мне делать, чтобы Иисус Христос и мне открылся? Научите меня Его любить и быть Ему послушной! Вам я признаюсь: Христос заповедал прощать, а я не могу простить человека, который меня сильно обидел. Я хотела бы знать, обязательно ли всем прощать?

Живые глаза ее смотрели на молодого человека с детским доверием.

— Да, пани Маргита. Поверьте мне, как только вы сможете сказать: «Иисус Христос, я прощаю ему все, как Ты мне простил» — любовь Христа овладеет вашим сердцем. Это прощение является границей, стеной, через которую свет божественной благодати не может проникнуть. Как только эта стена падет, вокруг и внутри вас станет светло.

— Простите! — она обеими руками закрыла лицо. — Я знаю, я чувствую, что вы говорите правду, но я не могу, поверьте, я не могу!

— Я буду просить Господа Иисуса Христа, чтобы Он вам помог!

Она вздрогнула, руки ее опустились. Она смотрела на него пристальным взглядом.

— Прошу, Урзин, не делайте этого, ибо Господь может вас услышать, и мне пришлось бы простить, и он победил бы меня. Это меня очень унизило бы. Если я ему прошу, я должна быть приветливой к нему. Он это заметит и подумает... Кто знает, что он подумает? Нет, не могу!

— Вы не хотите, сударыня, а это грех, который вы совершаете перед собой, перед тем человеком и, прежде всего, перед Господом Иисусом Христом.

— Как так?

— Очень просто: перед собой, потому что вы сами себя исключаете из Царства Божьего, ибо: «Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших»; перед противником вашим, потому что вы, вместо того чтобы всепрощающей любовью приобрести его душу для Божьей Истины, ожесточаете его сердце. Как аукнется, так и откликнется — будь то доброе или злое слово. Любовь порождает любовь, жестокость порождает жестокость. Холод никого не согревает. И, в конечном счете, вы грешите перед Господом Иисусом Христом. Он хочет сделать вас Себе подобной, чтобы через вас прославиться и чтобы Он мог открыться перед душой грешника, но вы мешаете Ему в этом.

Урзин замолчал. Они уже подошли к имению. Разговор на эту тему прервался и больше не возобновлялся. Сразу после кофе Маргита велела запрячь лошадей. Она переделалась, и вскоре они уже ехали по лесам к Дубраве и остановились перед домом Градского. Маргита всю дорогу молчала. Урзин рассказывал ей немного о своем друге Степане Градском, о его обращении и о том, как отец чуть не убил его из-за верности Иисусу Христу. Она слушала, затаив дыхание. Значит, те раны, о которых он говорил, причинил ему его собственный отец? Как же ему, наверное, было больно вынести такое от собственного отца! Как Степан теперь на него смотрит? Как они теперь относятся друг к другу?

Словно подслушав ее мысли, Урзин проговорил:

— Степан мне о своих страданиях не говорил ни слова, потому что он любит своего отца. Но я знаю, что он прощением и любовью примирился с ним. А как они теперь относятся друг к другу, мы сейчас увидим.

Глава двадцать пятая

Был чудесный весенний вечер. Свет луны, словно жидкое серебро, разлился по долинам, вырисовал длинные тени гор и высветил старое здание замка Подолин. На широком балконе, скрестив руки на груди, стоял пан Николай Орловский и, погрузившись в раздумья, смотрел вдаль. Освещенная лунным светом маленькая деревушка с небольшой церковью на холме, окруженная со всех сторон горами, лежала перед его взором, как зачарованная.

Он ждал новых хозяев Подолина. Пан Орловский хотел с присущей ему польской любезностью лично встретить египетского вельможу, который ради своей бедной дочери совершил такое далекое путешествие. Поэтому после окончания приготовлений он остался в замке, чтобы встретить хозяев и своего любимого внука, который сопровождал их.

Когда старик остался один, когда умолкли смех и веселые речи дочерей Зарканого, в обществе которых он с другими господами провел вечер, вокруг него воцарилась сказочная тишина. Его седая голова клонилась все ниже — им овладевали воспоминания, от которых пан Николай, бывая в Подолине, никогда не мог освободиться. Теперь он вспоминал об одном давно прошедшем вечере.

Светила такая же полная луна, и он стоял на этом же балконе, но не один. Покойный пан Зарканый сидел возле него в кресле и рассказывал пану Николаю о своих планах. Он говорил, что его дочь Илона любит Фердинанда — сына пана Орловского. Если бы молодые люди поженились, и имения семей Зарканых и Орловских соединились, они со временем могли бы купить Подолин. Сын Зарканого думал поступить на службу в одно из княжеских имений, а Фердинанд Орловский сначала мог бы стать управляющим в Подолине.

У Зарканого было двое детей. Сам он уже стремился на покой и намеревался поселиться с женой в своем имении на юге Венгрии.

Да, план был хороший. Пан Николай протянул руку Зарканому и пообещал поговорить с сыном, который после двухлетнего пребывания на чужбине в тот вечер должен был вернуться в Орлов. В его согласии отец не сомневался, потому что Фердинанд Орловский и Илона Зарканая дружили с детства.

Каким счастливым был пан Николай в тот вечер! Он уже видел своего сына хозяином этого прекрасного имения; он видел его счастливым супругом обаятельной Илоны. Фердинанд, узнав, что отец в Подолине, приехал из Орлова прямо туда. Но он был таким задумчивым, словно душа его все еще была где-то вдали.

«Если я ему скажу, что мы с Зарканым решили, это у него пройдет», — утешал себя пан Николай. Неприятно было лишь то, что Фердинанд относился к Илоне в этот вечер, хотя и дружелюбно, но все же несколько холодно.

Пан Николай едва мог дожидаться возвращения домой. Когда они на другой вечер ехали в экипаже — железных дорог в то время еще не было, — он рассказал сыну, что Зарканый намеревается сдать управление имением и на свое место хочет рекомендовать князю Фердинанда, добавив, что это его очень радует.

— Ты прости меня, отец, — прервал его сын, — что я омрачаю твою радость, но я не могу вступить в эту должность, потому что я в России принял на себя определенные обязательства, которые не позволят мне долгое пребывание здесь. Я тебе раньше об этом хотел сказать, но, зная твои великопольские взгляды, долго не мог решиться на это.

— Ты, сын эмигранта, принял в России обязательства!? — воскликнул пан Николай возмущенно. — Сложи их немедленно. Орловский никогда не станет русским рабом!

— Конечно, отец, но и княжеским слугой тоже! Я не понимаю, как ты, со своей дворянской гордостью, можешь желать, чтобы сын твой стал панским...

Пан Николай растерялся и одновременно обрадовался: сын его не хотел служить! Он поспешил рассказать ему весь свой план, пояснив, что нескольких лет службы было бы достаточно.

И если бы к состоянию Орловского добавилось приданое Илоны, он мог бы стать и владельцем Подолина.

Сын слушал без возражений. Меж тем они прибыли домой, и разговор продолжался в спальне пана Николая. Когда же он закончил его словами: «Итак, завтра ты пойдешь к Зарканому и будешь просить руки Илоны!» — Фердинанд гордо поднял голову и твердо сказал:

— Этого я не сделаю, отец! Я не могу стать управляющим в Подолине. Тот порог я переступлю либо владельцем, либо никогда. На дочери Зарканого, которую я никогда не любил и не люблю, я жениться не могу. Я не могу на ней жениться еще и потому, что у меня уже есть жена, — продолжал он, не обращая внимания на ужас отца, вызванный его словами. — Моя жена — дочь знаменитого рода, прекрасна, как цветок, добра, как ангел. Я не сообщил тебе об этом раньше, потому что боялся твоего гнева из-за того, что она русская и евангелической веры. Теперь уже ничего нельзя изменить. Семья моей Фенечки вместе с нами борется за освобождение Польши. Если наш план удастся, если мы достигнем желаемого влияния и широкого разветвления нашего союза, тогда я со своей женой приеду к тебе, отец, и мы без Зарканого и заработанных у его князя денег купим Подолин. А до того времени потерпи, пожалуйста! Теперь, когда я тебе все рассказал, для чего, собственно, и приехал к тебе из России, я завтра же отправлюсь в обратный путь. Ты должен понять: счастье мое там, где я оставил сокровище сердца моего.

Когда сын замолчал, пан Николай повелительно указал рукой на дверь.

— Уходи! — сказал он, оскорбленный. — Без моего разрешения и благословения ты женился. Русскую взял в жены, еретичку, дочь народа, который твоего отца изгнал из страны его предков. Ты с русскими связался — нам с тобой не о чем больше говорить! Уходи и не смей больше появляться мне на глаза! Ты мне больше не сын! У тебя больше нет отца! Однако я скажу тебе наперед, что ты будешь проклинать тот час, когда так согрешил против меня и ради женщины попрали все, что для тебя должно было быть священным. Иди и не показывайся мне на глаза, я тебя видеть больше не хочу.

— Отец, не прогоняй его так, прости его! — взмолился молчавший до сих пор свидетель, старший сын Адам.

Но отец оттолкнул его.

— И тебя я тоже изгоню, если ты заступишься за него!

— Фердинанд, не уезжай! Отец простит тебя!

Брат обнял брата. «Всего хорошего тебе, Адам!» — произнес Фердинанд, и мраморно-бледное лицо его осветилось братской любовью. Затем он освободился из его объятий и вышел. Утра он не дождался и исчез из отцовского дома навсегда.

Все это вспоминал теперь опечаленный отец. О, как часто он жалел о своей жестокости! «Надо было мне подождать и простить, — думал он и сейчас. — Он был так молод и неопытен. Они его совратили. Он был гордым, настоящим сыном своего рода, он хотел освободить свой народ».

Долгие годы пан Николай считал, что сын его находится где-то в сибирской тюрьме, так как о нем не приходило никаких известий. Может быть, у него была семья, дети, и кто знает, в каких условиях они жили! Да, долгие годы он так думал, а теперь? Ах, какое известие прислал ему Адам! Его любимый Фердинанд покоился в египетской земле, может быть, как несчастный беженец, чтобы скрыться от наказания в Сибири. И тот человек, который, возможно, знал всю историю жизни Фердинанда, ехал теперь сюда как владелец Подолина!

О, как хотелось пану Николаю увидеть этого человека и узнать от него правду, пусть даже скорбную! Разве удивительно, что голова старика при этих мыслях опускалась все ниже? Он не видел прелести майского вечера; он видел только одинокую могилу, песчаный холмик, покрывавший останки его дорогого сына, которому он сам заказал возвращаться домой. Если бы он его не проклял, сын со своими друзьями мог бы скрыться у него, а так он, может быть, годами скитался, пока не погиб.

«Ах! — вздыхал старик, прижимая руки к своему бледному, осунувшемуся от горя лицу. — Фердинанд, сын мой, если бы я мог быть на твоём месте!» И он заплакал. Как Давид плакал над мертвым Авессаломом.

Он не услышал приближавшегося глухого грохота повозок и приглушенных голосов, словно слух и зрение его умерли вместе

с сыном, и испуганно вздрогнул, когда молодые руки обняли его и родной голос воскликнул:

— Дедушка!

— Адам! Ты уже здесь! Когда же ты приехал?

Наконец печальное прошлое отступило перед прекрасным настоящим. Любимый внук был здесь, живой и невредимый, и держал его в своих объятиях.

— Когда мы приехали? Да уже некоторое время назад, но ты был так погружен в свои мысли, что ничего вокруг себя не замечал.

— Да, действительно! И, кроме того, зрение мое слабеет.

— Ах, дедушка, мы ведь не одни. Его светлость маркиз Орано хочет тебя приветствовать.

Пан Адам отступил в сторону, и перед паном Орловским в лунном свете предстал человек, смуглое лицо которого своей гордой, холодной и безрадостной красотой поразило старика. Холодным оно, правда, сейчас не было, потому что маркиз был взволнован, точно так же, как и пан Николай. Они словно замерли шагах в трех друг от друга — на таком расстоянии, что между ними могла бы поместиться могила.

Адаму пришлось повторить представление, и тогда, наконец, господа поклонились друг другу. Пан Орловский, как старший, протянул гостю руку.

— Я очень рад, — заговорил Орано, — что сразу по прибытии сюда могу приветствовать вашу милость и поблагодарить вас за оказанные нам услуги.

— Не стоит благодарности, — ответил старик. — Как вы доехали? Не слишком ли тяжелой была дорога для вашей дочери?

Лицо Орано оживилось.

— Благодарю вас! Тамара не жаловалась. Не знаю, как с ней дальше будет.

— Будем надеяться на лучшее, — пожелал пан Николай сердечно. — Однако теперь, встретив вас, я отправлюсь домой, вернее, к моей внучке в Горку.

— О, я не допущу, чтобы вы ночью уходили. Я воспринял бы это за оскорбление, — сказал маркиз и попросил господ войти в дом.

Через полчаса маленькая компания уже сидела за столом, но, конечно, без дам — маркиза после долгого пути очень устала. Зарканый был весьма благодарен пану Николаю, за то что Орловские остались. Новый хозяин показался ему слишком гордым и надменным. За столом много говорили о путешествии. После ужина господа разошлись отдыхать. Конечно, пану Николаю очень хотелось еще поговорить с внуком, но не хотел лишать его сна.

Сам он в эту ночь спал очень мало. Все время перед его мысленным взором вставало гордое, печальное лицо маркиза, во взгляде которого была какая-то скрытая боль. Когда они пожали друг другу руки, глубокое сострадание и расположение к этому чужестранцу овладели сердцем старика.

Глава двадцать шестая

На другое утро Адам проснулся очень рано. Не прошло и четверти часа, как он уже прогуливался по парку замка.

Весеннее небо было голубым и безоблачным, только на востоке утренняя заря предвещала восход солнца.

«Какое чудесное майское утро!» — подумал молодой ученый. Деревья в саду стояли еще почти без листьев. Зато там было множество весенних цветов: гиацинты, нарциссы, целые ковры из фиалок и подснежников. Он прошел вдоль ручейка, протекавшего через сад, и остановился у боковых ворот.

Перед ним расстилалась живописная долина, и в ней — деревня, утопающая в цветущих садах. У ручья соловьи пели свою утреннюю песню, из леса доносился голос кукушки.

Да, это было чудесное утро первого мая, и все же молодой человек не был вполне счастлив. Все его мысли вертелись вокруг одного: что скажет Тамара Орано о всей этой красоте, и увидит ли она ее вообще? О, если бы хоть сегодня глаза ее не затуманились! Она увидела бы всю эту прелесть и, пусть ненадолго, забыла бы о своей печали. Но она добьется исполнения всех своих желаний. Она захочет увидеть Маргиту, и ему придется все-таки признаться, какие узы связывают его с этой интересной соседкой из Горки. При этой мысли молодого человека

бросило в жар. Он знал, что поступил непорядочно, и не мог придумать, как выйти из этого положения с честью.

Внутренняя дисгармония омрачила всю прелесть майского утра, Адам же так жаждал мира в душе. Он вышел из сада и пошел в задумчивости дальше.

Почти в то же время на склоне холма остановилась всадница.

Она соскочила с белого коня и пешком поднялась вверх. Перед ней открылся вид на долину Подолин. На границе двух имений стоял старый каменный крест, к которому вели две высокие ступени, а рядом с ним цветущая вишня склоняла свою крону. От креста вниз шла окаймленная боярышником дорога. Белый цвет его и темная зелень молодых елей живописно смешивались. Трава вокруг креста была усеяна фиалками и одуванчиками.

Над этим прелестным уголком земли склонилось голубое небо, подсвеченное тающей утренней зарей и лучами восходящего солнца. Здесь тоже слышно было пение птиц.

Ночью Маргита, как и Адам, не могла спать. Мысль о том, что он вчера вечером приехал, подняла ее из постели и привела сюда.

Он был здесь, и сегодня она с ним встретится — это она знала. Но до сих пор она не могла решить, как себя вести. Но самое главное — она не знала, как они должны впредь относиться друг к другу. Если она его встретит так, как она решила вначале и как подобало бы после разговора в день их венчания, то есть если она встретит его так же холодно, как она с ним простилась, то между ними образуется непреодолимая пропасть.

Однако если она поступит так, то Иисус Христос ей никогда не откроется, и она никогда не увидит истинный свет и мир. А если она встретит его с любовью, как посоветовал ей Урзин, то Адам восторжествует, а может быть, он высмеет или снова унижит ее.

В душе Маргиты происходила жестокая борьба. Она припала к почерневшему от времени кресту. Лишь Он, Который однажды умер на таком кресте за нее, Он один мог ей помочь! Она закрыла глаза, и ей вспомнилось, как она с Урзиным была у Градских, где она поближе познакомилась со Степаном и его семьей. Она увидела, что Степан своего отца не только простил, но и полюбил, и уважал так, будто ничего между ними не произошло.

Как она любила вспоминать то короткое, проведенное в долине Дубравы время!

О, среди людей, знавших Иисуса Христа, было так хорошо! Они хотели пробыть там недолго, а вернулись только поздно вечером вместе с бабушкой Степана. Урзин еще проводил собрание на мельнице. Степан опять говорил, и Маргите опять показалось, что все это касалось только ее.

«Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим».

— Иисус Христос был Сыном Божьим, — говорил Степан, — но Он был так кроток, что Иуде, который предал Его, и всем Своим ученикам омыл ноги. Он был так смирен, что не ответил ни единым словом, когда плевали Ему в лицо и клеветали на Него. Он это мог, потому что сердцем Он был кроток. А нам Он говорит: «Учитесь у Меня!» Он Своей любовью победил всех людей, и хотя фарисеи, книжники и священники, Пилат и Ирод не верили в Него, они признавали, что Он добр. Дорогие друзья, научимся же у Иисуса Христа. Никто из людей не может нас оскорбить и унижить так, как Его унизили, ибо Он был Сыном Божьим. Поэтому ответим же на всякую несправедливость любовью и прощением, чтобы люди увидели, что мы добры.

Эти слова сопровождали Маргиту день и ночь. Она хотела быть доброй, и ей это удавалось. Но как ей быть доброй к Адаму?

«Если ты к нему недобра, тогда ты вообще недобра, — говорила ей совесть. — Если же ты будешь к нему доброй даже тогда, когда он высмеивает тебя, то ты любовью победишь его, и он узнает, что ты принадлежишь Иисусу Христу».

— О, Иисус Христос! — вздохнула Маргита. — Я хочу быть Твоей, я хочу быть достойной Твоей смерти. Ты простил меня, Ты любишь меня. Ради Тебя я все прощаю, что бы ни случилось. Помогите мне быть доброй и победить любовью.

Она умолкла. Долго стояла молодая женщина, прислонившись к кресту. Но что это? Какой чудный свет, какой мир, радость и блаженство наполнили ее сердце! Маргите вдруг показалось, что у нее любви достало бы для всего человечества.

Теперь только она услышала пение соловьев, сладкий аромат фиалок, и душа ее запела вместе с природой:

Душа, торжествуй во Иисусе,
Грехи твои смыл Он с тебя,
Любовью тебя окружает,
Добром осыпает любя.
Как счастлива я с Иисусом!
Я отдых нашла у Него.
Он дал мне спокойствие, радость,
Участие в Царстве Его.

Маргита не знала, что была уже не одна и что недалеко от нее, прислонившись к дереву, стоял Адам Орловский. И он не знал, куда он забрел, задумавшись, и что ту, от которой он бежал из парка, чтобы не думать о ней, найдет именно здесь.

Однако он ее встретил. И точно так же, как тогда, на балконе в Орлове, он и теперь не мог оторвать от нее взгляд. Маргита была прекрасна, а он от нее отказывался! Она была ему вверена перед алтарем. Имел ли он сейчас право приблизиться к ней?

Адам почти желал, чтобы обаятельное лицо его жены приняло прежнее равнодушное, холодное выражение — против него он был защищен, но не против этого чистого, невинного величия, сквозившего во всем ее облике. Он, конечно, не знал, что иной он Маргиту больше никогда не увидит.

Он поздоровался с ней. Она вздрогнула от неожиданности. Щеки ее побледнели, но тут же лицо ее зарделось, как маков цвет. Она сбегала по ступеням и протянула ему руку.

— Добро пожаловать, Адам! — сказала она просто и приветливо.

Он растерялся, но поцеловал ее руку.

— Я не предполагал, что мы здесь встретимся. Я думал, что еще рано идти в Горку, — вежливо лгал он.

— Хотя я встаю рано, однако, в этот час я тебя не ожидаю, — призналась она. — Я думала, что вы с дедушкой приедете только после обеда.

— Дедушка даже не знает, куда я пошел, он еще спит. И так как мы здесь встретились, то мне сейчас, наверное, не нужно идти в Горку, а только попозже, с ним вместе.

— Это по твоему желанию, — сказала она сердечно. — Однако подожди немного, я сейчас приду.

Она оставила его одного. Когда Маргита вернулась, она принесла с собой большую красивую попону и расстелила ее на ступеньках.

— Здесь сыро. Присаживайся!

Ему все это показалось сном.

— Пожалуйста, расскажи мне, как госпожа Орано перенесла дорогу? Не повредило ли ей путешествие?

— Я еще не знаю, но думаю, что нет, — ответил он, ощущая растерянность от ее по-сестрински участливого вопроса. — Я бы желал, чтобы она хотя бы сегодня видела, ведь день выдался такой чудесный.

— А разве бывают дни, когда она вообще ничего не видит? Пан Вилье говорил, что зрение ее только ослаблено.

— Иногда оно ослаблено, а иногда она совсем не видит.

— Бедная! Я много думаю о ней. Но я надеюсь, Господь даст, что она здесь поправится.

— Все надеются на наш климат.

«Климат ее не вылечит», — подумала Маргита и спросила:

— А как твои дела? Далеко ли ты продвинулся в своих исследованиях?

— Как странно, что ты об этом спрашиваешь, — ответил он с усмешкой.

Она немного побледнела.

— Почему это странно? — спросила она и посмотрела на него добрым взглядом.

— По твоей воле, которую ты выразила при нашем прощании, эта формальность ни к чему.

— Одна формальность, конечно, ни к чему, но я действительно хотела бы знать, как тебе жилось на чужбине.

— Очень хорошо, — ответил он, откинув голову назад. — Хотя исследования наши особенно не продвинулись, но результатов достаточно, чтобы написать труд, когда придет профессор Герингер.

— Разве он с вами не приехал?

— Нет, он задержался и придет только через два-три дня. А так как маркиз предложил нам свою помощь, труд мы напишем

в Подолине. Мне это будет тем приятнее, что хозяйке Орлова мы будем меньше надоедать, — добавил он, улыбаясь и кланяясь.

Она взглянула на него. Адам ожидал увидеть в ее глазах гордое равнодушие, однако он ошибся.

— Мне бы вы не помешали. Я вам приготовила все, что необходимо, чтобы вы могли спокойно работать, а сама я не намеревалась жить сейчас в Орлове, — спокойно сообщила Маргита.

— Это почему же?

— Как ты, наверное, знаешь, Николай еще болен. Он сюда приедет на поправку. Жить он будет вблизи Горки, и я хочу быть около него.

Он наморщил лоб. Как спокойно она говорила об этом!

— А дедушка согласен жить один в Орлове?

— О, если ты будешь в Подолине, то он приедет ко мне, и мы здесь будем все вместе. И тебе, когда утомишься от работы и соскучишься по дедушке, недалеко будет прийти сюда.

— Это так, но ты едва ли будешь желать моих посещений, а я не хочу быть навязчивым.

Она опустила голову. Силы ее иссякли, она видела, что он не желал примирения.

«Нет, он тебя не понимает, — говорил ей внутренний голос, — ты должна с ним объясниться». Подняв голову, Маргита посмотрела на Адама. Их глаза встретились.

— Адам, — сказала она тихо, — письмо, которое ты написал мне в пансион, меня очень обидело. Я сердилась, и если бы не дедушка, я бы тебе никогда не подала руки. В день свадьбы я вела себя, как думала тогда, наилучшим образом. Однако это было недостойно и не по-христиански. Я долго боролась с собой, пока смогла тебя простить. А теперь я тебя прошу простить мне мое недостойное поведение. Если мы друг для друга не можем быть большим, то будем хотя бы друзьями, ведь мы близкие родственники. Позаботимся же о том, чтобы дедушка не заметил, что мы принесли ему жертву.

Она встала. Он вскочил на ноги. Взволнованный, он начал складывать попону. Ее слова были для него так неожиданны, что он не знал, как на них реагировать.

— Ты сердисься, Адам? — услышал он голос рядом с собой, и маленькая рука легла на его плечо.

— Да, я сержусь, — сказал он, морща лоб, — потому что из-за твоего оскорбительного поведения, а также из-за того, что ты не ответила на мой привет, я не смог признаться Орано, что женат, хотя и сказал, что у дедушки живет моя кухня... А что я мог сказать? Что жена меня сразу после свадьбы отравила из дому, лишь бы только не видеть?

На ее глазах появились слезы. Маргита почувствовала, что она проиграла. Вышло так, как она и предполагала: она унизилась, но безрезультатно. Теперь оставалось только молчать и на деле доказать свою доброту. Она не обиделась на него за его ложь. Ее чистая душа даже не поняла, как он ее этим обидел.

Почувствовав себя увереннее, он продолжал:

— Теперь я не знаю, как поправить дело. Что подумает Орано?

— Не беспокойся, — сказала она тихо, — когда я встречу с Тamarой Орано, я объясню ей, как все это получилось.

Это для него было слишком. Он вдруг остановился и взял ее руку в свои.

— Ты мою вину хочешь взять на себя?

— А почему бы нет? Господь Иисус Христос умер за мои грехи, как мне не следовать Его примеру? Предоставь это мне, я все улажу. Тамара мне поверит.

Она хотела отнять свою руку, но он не отпустил, а привлек ее к своей груди. Сердце его забило от незнакомых ему до сих пор чувств. Она вздрогнула, почувствовав напор, словно что-то черное приближалось к ней. Ее потянуло обратно к кресту. Там душе ее было гораздо свободнее и блаженнее.

— Адам, еще так рано. Господа после путешествия долго будут спать. Идем со мной. В Горке ты потом можешь взять повозку или дедушкиного коня, пойдем!

— Как мне не пойти, если ты меня зовешь? Но у тебя же лошадь здесь, ради меня хочешь идти пешком?

— Я с удовольствием пройду, — завершила она его, — это даже очень полезно.

— О да, ведь наш климат самый лучший!

Они шли по лесу. Он положил попону на спину лошади, взял поводья и повел ее, рассказывая Маргите о своем путешествии по Египту.

— Подумать только, — сказал он, остановившись недалеко от Горки, — я стоял там у могилы дяди Фердинанда Орловского... Но ты, наверное, не знаешь, кто это?

— Знаю, няня твоего отца рассказывала мне о нем.

— Разве она еще жива?

— Да, она живет в Подграде. Она мне много о нем рассказывала, и о том ужасном вечере, когда он покинул Орлов. И ты видел его могилу? Кто тебе ее показал? Ты точно знаешь, что он там покоится?

— Конечно! Маркиз послал своего камердинера со мной, и тот показал мне то место. На могиле стоит памятник с его именем. Камердинер рассказывал, что дядя Фердинанд на корабле сильно заболел и только одного желал: чтобы достичь берега... Маркиз Орано и дядя Фердинанд были очень близкими друзьями. Орано и сейчас еще не может говорить спокойно о нашем дяде. Однако вот и Горка. Как здесь все изменилось!

— Тебе не нравится?

— Очень нравится! Верно писал дедушка. Ты сделала такой хороший ремонт, что дом не узнать.

— Снаружи не так, как внутри.

— Посмотрю!

Пани Боровская и остальные слуги немало удивились, когда ранним утром увидели приближавшуюся мирно беседовавшую молодую пару. Все подозрения слуг в неудаче этого брака исчезли мгновенно.

Хозяйка показала Адаму весь дом.

Затем, вместе позавтракав, в наилучшем настроении они верхом поехали в Боровце, где и расстались. Адам поскакал в Подолин, а Маргита такой счастливой пришла домой, какой ее не видели с того дня, как посетил ее пан аптекарь.

И действительно, в чем они могли различаться? Ведь они словно были созданы друг для друга.

Глава двадцать седьмая

По тихой аллее подолинского парка несколько раньше прогуливался пан Николай Орловский, обдумывая вчерашние впечатления. Сегодня он проснулся с этими мыслями. Вдруг с утопающей в цветах террасы раздался чей-то ликующий возглас. Пан Николай обернулся и, словно зачарованный, застыл на месте: на верхней ступеньке, протянув руки, будто намереваясь объять весь этот чудесный весенний мир, стояла девушка. Нежный стан ее облегало белое шелковое, с богатыми кружевами платье, вокруг шеи и талии украшенное кораллами. Иссиня-черные волосы обрамляли бледное лицо, слегка оживленное нежным румянцем. На розовых устах играла счастливая улыбка. Удивление и радость были в ее широко раскрытых глазах, своей темной синевою напоминавших южное небо.

Все в этой девушке дышало молодостью и весенним счастьем, когда она, не боясь замочить в росе свои туфельки, побежала вниз к цветочным клумбам. Она сорвала два белых нарцисса, бледно-розовый гиацинт и полной грудью вдохнула их сладкий аромат.

Старый пан не мог оторвать от нее взгляда. Как прекрасна была эта дочь юга! Неудивительно, что отец так боялся за нее, свою единственную.

Вчера вечером пан Николай видел ее лишь мельком, она же его, наверное, и вовсе не заметила.

— Тамара! — раздался вдруг голос маркиза.

Девушка оглянулась и тут же, как лепесток цветка яблони на ветру, полетела навстречу отцу и бросилась в его распростертые объятия.

— Как здесь хорошо! — воскликнула она.

— Тебе здесь нравится? — Орано привлек дочь к груди, и на его безрадостном, холодном лице отразилось ее счастье. — Ты довольна?

— Отец, довольна ли я? Я тебе бесконечно благодарна за то, что ты привез меня сюда! Здесь все ново — мягкий климат, чудесная местность, эти цветы! Ах, родной мой, дорогой отец, я так счастлива!

И тут она увидела пана Николая. Орано, проследив за ее вопросительным взглядом, взял дочь за руку и повел ее вниз, где еще раз представил своему дорогому гостю.

— Я очень рад, — сказал старик с волнением, — видеть вас такой счастливой, дорогое дитя. Бог даст, что вы здесь совсем поправитесь на радость вашему отцу.

На глазах девушки заблестели слезы. Непроизвольно она наклонилась к морщинистой руке старика и поцеловала ее.

— Теперь я больше ничего не хочу, — сказала она немного погодя, — как только увидеть вашу внучку, пан Орловский, которая живет где-то недалеко.

— Маргиту? — произнес пан Николай, приятно тронутый. — Мою Маргиту вы хотите видеть? О, это желание легко выполнимо!

— Вы думаете, пан Орловский, что она придет к нам?

— Нет, Тамара, — покачал головой пан Орано. — Обычай запада требуют, чтобы прибывшие первыми посетили соседей. Пан Орловский нам скажет, когда ты сможешь посетить эту милую девушку.

— Я хотела бы познакомиться с ней сегодня же или завтра, возможно ли это?

— О, конечно, дорогое дитя! Маргита в любое время будет рада увидеть вас, и пан Адам будет польщен, если вы его жене окажете честь сразу после вашего прибытия.

В этих словах не было ничего особенного, но пан Николай, заметивший уже, что Орано назвал Маргиту девушкой, теперь явно почувствовал что-то неладное. Некоторое время Орано и Тамара молчали и лишь удивленно смотрели друг на друга.

— Маргита — жена пана Адама? — наконец спросила Тамара. — Почему он нам об этом не сказал?

— Он вам не говорил об этом? — спросил пан Николай озадаченно.

— Нет, он упоминал о ней только как о своей кузине. Когда я его спросила, одиноки ли вы, он сказал, что с вами живет ваша внучка.

Трудно выразить, как ранили эти слова сердце старика. Маркиз это заметил.

— Тамара, ты забываешь, что Адам Орловский не был обязан рассказывать нам, женат ли он, а мы его об этом не спрашивали. — Заметив компаньонку дочери, он добавил: — Наши восточные девушки восхищены здешней местностью. Может быть, они ищут тебя?

Тамара посмотрела в их сторону.

— Извините меня, я пойду к ним.

Она кивнула и побежала к спешившим ей навстречу молодым дамам.

Мужчины смотрели вслед удаляющимся фигурам, пока они не скрылись в еловой аллее.

Пан Николай первым нарушил молчание:

— Ваша светлость, не думайте ничего худого о моем внуке. Он, верно, неправильно поступил, но он поступил необдуманно. Во всем этом, собственно, виноват я. Я хотел, чтобы молодые люди поженились, — у меня на то были веские причины. Они исполнили мое желание. Но так как они прежде друг друга не знали, и Адам сразу же после свадьбы отправился в путешествие, у них не оказалось времени привыкнуть друг к другу.

— Благодарю вас за объяснение, — сказал Орано. — Я не хотел бы подозревать пана Адама в непорядочности, так как полюбил его за время нашего знакомства. Теперь же я представляю себе его положение и не осуждаю его. Но с Тамарой пусть он сам объяснится.

— Пусть это ему будет наказанием, — сказал пан Николай. — Ибо когда вы познакомитесь с моей Маргитой, сами увидите, что у него не было оснований отказываться от нее. А теперь, когда я увидел ваше счастье и мои опасения относительно вашей любимицы оказались напрасными, вы меня отпустите к моей внучке, которая с нетерпением ждет весточки.

— Как ни дорого мне посещение вашей милости, я не имею права дольше задерживать вас, — произнес маркиз вежливо. — Я только распоряджусь насчет завтрака и экипажа. Однако

надеюсь, что не в последний раз выпало мне счастье видеть вашу милость в Подолине.

— О, если ваша светлость посетит меня в Орлове, то с удовольствием!

Орано поклонился.

Когда после завтрака, к которому напрасно ждали пана Адама, господа еще беседовали с управляющим Зарканым, Тамара вышла на балкон и, прислонившись к оббитой плющом колонне, стала размышлять: «Почему Орловский не сказал, что Маргита его жена? Хотя мы его об этом не спрашивали, но несколько раз говорили о ней. Почему он это скрыл?»

Мысли ее прервались, так как дверь отворилась, и предмет ее раздумий предстал перед ней.

— Доброе утро, ваша светлость! Я слышал радостные вести и пришел, чтобы вместе с вами порадоваться! — произнес он оживленно, не заметив, как холодно посмотрела на него девушка. — И, — добавил он, целуя протянутую ему руку, — я принес вам привет от Маргиты.

Маркиза вздрогнула.

— Вы были у вашей кухни? — спросила она, глядя ему прямо в глаза.

— Да, я был у моей кухни. Ну а то, что она мне больше, чем кухня, вам, наверное, уже сказал мой дедушка.

— А почему вы мне сами об этом не сказали?

Она смерила его с головы до ног холодным взглядом.

— Вы позволите мне оправдаться?

— Да, я хочу, чтобы вы объяснились.

— Я с Маргитой расстался в гневе, и когда вы впервые спросили о моей кухне, я сказал правду, но наша с ней ссора не позволила мне сказать всю правду.

— А теперь вы уже не сердитесь друг на друга? — Холод из ее голоса исчез.

— Нет, и я прошу простить меня и позволить проводить вас в Горку.

Когда через полчаса господа Орловские оставили Подолин, они везли в Горку привет с известием о том, что завтра можно ожидать посещения дам.

Глава двадцать восьмая

В тот же апрельский вечер, когда пан Николай в Подолине ожидал новых владельцев имения, от подградской станции отъехали дрожки. Сидевшая в них элегантно одетая дама, по-видимому, была в большом волнении. Она то выпрямлялась и глядела вперед, то наклоняла голову, убирая вуаль с лица и вытирая слезы.

Когда дрожки, наконец, остановились у ворот орловского парка, она, взяв свою дорогую сумочку, расплатилась с кучером, причем руки ее заметно дрожали. Дрожки уже исчезли из вида, а она все еще стояла, прислонившись к решетке, словно ей надо было собрать все свои силы, чтобы перешагнуть порог Орлова.

Да и неудивительно, ибо у порога своего родного дома стояла женщина, дважды оставившая его: первый раз — счастливой невестой с благословением отца, а во второй — несчастной, противящейся всему миру разведенной женщиной.

А теперь она вернулась... Что ей здесь было нужно? Защиту ли она искала? Была ли снова обманута? Надеялась ли, что отец сменит гнев на милость и примет ее, как блудную дочь? Нет!

Любящий муж, день и ночь беспокоившийся о ней, думал, что сейчас она наслаждается теплым климатом курорта, куда он отвез ее для поправки здоровья и где оставил в хорошем обществе, в то время как ему самому пришлось вернуться на службу.

Нет, она пришла сюда не как обманутая жена и не как раскаявшаяся дочь, а как несчастная мать, истосковавшаяся по своему бедному сыну.

Когда страх и тоска переполнили ее сердце, она поборолла свою гордость и отправилась в путь. Она предполагала, что даже если разгневанный отец не смиростивится, он все же скажет ей правду о состоянии сына. Все свои надежды она связывала с Орловым. И вот она добралась сюда, а переступить его порог у нее уже не было сил — воспоминания слишком разволновали ее.

Наконец баронесса Райнер открыла калитку и, как прежняя Наталия Орловская, побежала к знакомому дому. Она хотела сразу подняться к пану Николаю, однако приветствие слуги оставило ее в слабо освещенном коридоре.

— Где господа? — спросила она с едва заметной дрожью в голосе.

Ноги ее подкашивались от волнения — пришлось прислониться к перилам.

Слуга дважды повторил, что старый хозяин в Подолине, а молодая хозяйка в Горке, и что они на этой неделе вряд ли вернутся сюда, прежде чем Наталия поняла смысл сказанного. Он еще спросил, не угодно ли пани войти в дом, и хотел позвать экономку. Но она, кивнув головой и странным взглядом оглядев коридор, повернулась и вышла.

Медленно дойдя от дома до калитки, она закрыла ее за собой и, обессилев, опустилась на каменную ступеньку. С исчезнувшей надеждой иссякли и ее силы. Она даже не плакала, ее глаза уставились в пустоту. Если бы из ее груди не вырывались стоны страдания и душевной муки, могло показаться, что она мертва.

Большая неудача не могла постигнуть бедную женщину. Она рискнула всем: семейным счастьем, домашним миром, своим слабым здоровьем — и все оказалось напрасным. Наталия почувствовала только теперь, что привело ее сюда не только желание узнать что-нибудь о Никуше — она надеялась снова припасть к груди дорогого отца и обрести его прощение.

А от родного дома веяло холодом и пустотой. Другая на ее месте могла бы велеть отпереть комнату для гостей и, по крайней мере, переночевать в доме, а потом отправиться дальше искать своих родных. Но баронесса Райнер и этого не могла. Нельзя, чтобы ее кто-нибудь увидел здесь, на пороге, как нищую. Надо было уходить. Но куда?

Для привыкшей к удобствам и к тому же больной и слабой женщины Орлов был слишком далеко от железнодорожной станции и от городка. Зачем она отпустила дрожки! Но кто мог подумать, что, вернувшись после долгих лет в свой родимый дом, она даже не найдет здесь ночлега? Как это было горько!

Она приподнялась, взглянула еще раз сквозь слезы на дом и отправилась обратно в Подград. Был уже вечер, светила луна. Путь, по которому она много раз мчалась в своем экипаже или верхом и по которому она, Наталия Орловская, никогда не ходила пешком, показался баронессе Райнер очень длинным.

Когда до городка было уже совсем близко, силы ее иссякли. И если до сих пор она рада была, что не встретила никого из знакомых, то теперь мечтала о том, чтобы хоть кто-нибудь подержал ее добрым словом. Взгляд ее упал на освещенное окно одинокого домика, в саду которого была скамья. Опустившись на нее, она подумала: «Отдохну немного и пойду искать ночлег».

Вдруг она вздрогнула: через открытую дверь дома послышались прекрасные молодые голоса:

Где сыщет здесь, в мире, душа кров родной?²
Кто даст ей здесь мирный приют и покой?²
Не может сулить этот мир у себя
Приюта, где зло не коснется тебя.

Наталия прислонилась к стене, слезы потекли по ее щекам.

Нет, нет, нет, нет! Он нам чужой?²
Лишь в мире небесном есть полный покой...

Пение прекратилось, а аккомпанемент доносился словно издали. Подгоняемая невыразимой тоской, она вошла в маленькую прихожую и села на тот же стул, где несколько недель назад сидела ее дочь и где она познала, что Христос ей еще не открылся.

А баронессе Райнер Он разве открылся? Бедная, хоть кто-нибудь когда-либо спрашивал, верит ли она в Него? Воспитанная поверхностной католичкой, она вышла замуж в лютеранскую семью, где имя Иисуса Христа никогда не произносилось. Потом, чтобы вступить во второй брак, она сама стала лютеранкой, отступив от религии своих предков, и приняла совершенно незнакомую ей религию мужа, о которой инженер Райнер знал только то, что вообще необязательно во что-то верить или чего-то придерживаться. В этом он видел евангелическую свободу. Кто-нибудь хоть раз спросил эту женщину о ее вере? Никто, хотя Райнеров, как и Орловских, посещало немало священников для интересного времяпрепровождения.

Потом она сама убедилась, что глупо верить в святых, в деву Марию и молиться им. У нее не оставалось ничего, во что можно

было верить, кроме определенного представления о далеком, великом, страшном Боге, наказаний Которого она боялась, но Которому она не смела молиться. Христа она знала только по образам и фигурам из слоновой кости, ибо никогда не встречала человека, который по-настоящему верил бы в Него.

Теперь она сидела у двери небольшого помещения, где проходило собрание, и слушала пение:

Живущим с надеждой на Бога живой
Устроил Он город на небе святой,
Сходящий в сиянье для нас, как венец,
То кров ли родной и обитель сердец?
Да, да, да, да! То кров родной,
И мне со святыми там вечный покой.

Сколько лет она не слышала словацкого слова! Как сладостно звучали знакомые звуки любимого с детства языка! Она не все понимала, но знала, что речь шла о чем-то прекрасном, чего ей не хватало и в чем она так нуждалась. «А где я найду покой? Для меня не будет покоя», — подумала несчастная женщина, зарыдав. Звуки умолкли, и эта бедная, загнанная, обманутая душа с раненым сердцем услышала молитву, какой ей еще не приходилось слышать.

Мягким голосом кто-то молился о помощи и свете для бедных, блуждающих без Иисуса душ. Затем тот же голос стал читать Евангелие, и дама, увидев говорящего, не могла оторвать глаз от его благородного лица. Он читал историю о Закхее, который готов был пожертвовать всем, чтобы только увидеть Иисуса.

Баронесса, поняв, что это текст из Слова Божьего, с удивлением осмотрелась: не в церкви же она была. Но последовавшая за чтением проповедь так увлекла ее, что она забыла обо всем.

Проповедник описывал, каким богатым и влиятельным человеком был Закхей, и что ему все же чего-то не доставало. В горе он не имел утешения, радость обычно длилась недолго. У него не было недостатка ни в чем, но тяготило его бремя совершенных грехов, от которых он не мог избавиться и за которые, во что он верил, Бог накажет его во времени и в вечности.

Молодой человек разъяснял все так ясно, как будто рисовал на полотне или в зеркале показывал судьбу самой Наталии. Затем он рассказал про Господа Иисуса Христа, кем Он был и зачем Он пришел в этот мир.

На одной из скамей в комнате сидели люди, о которых в Писании сказано: «Пойди по дорогам и изгородам и убеди прийти!»

Это им он объяснял все так ясно и просто и пытался несколькими словами сказать все, что человек должен знать, чтобы поверить в Иисуса Христа и спастись. Он не знал, что его слушает высокопоставленная дама, которая его не поняла бы, если бы он говорил иначе.

Потом он говорил о том, как Закхей встретился с Христом и принял Его в своем доме, и какое счастье и мир Он даровал его сердцу. Наконец он заговорил о стихе, который запомнился Наталии особенно: «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее, в том числе и тебя, дорогой брат, и тебя, дорогая сестра! Приди к Нему, прими спасение, как Закхей! Аминь».

Последовала краткая горячая молитва и пение одного гимна.

Баронесса поднялась и вышла, потому что у нее закружилась голова от спертого воздуха. Она села на скамью во дворе и смотрела, как люди тихо расходились. Но у нее не было сил, да и гордость не позволяла попросить кого-нибудь отвести ее в гостиницу.

Здесь, под небесным шатром, ей было легче. Ведь там был Бог, о Котором она сегодня впервые услышала, что Он так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного. Он явился Закхею, осчастливил его, а потом Он пошел, чтобы умереть за него и за нас тоже.

Она посмотрела ввысь, но вдруг испуганно вздрогнула: кто к ней наклонился. Она увидела красивое лицо молодого человека, проводившего собрание.

— Извините, пани, что помешал вам, но мне кажется, что вы здесь чужая. Могут ли вы чем-нибудь служить?

— Да, пан, вы очень добры. — Голос и поведение молодого человека тронули ее до слез. — Мне до утра придется побыть в Подграде, а я не знаю, где можно найти приличную гостиницу, чтобы переночевать.

— Хорошей гостиницы нет... Но, если позволите мне посоветовать вам, семья, живущая в этом доме, имеет отдельную, хорошо меблированную комнату. Хозяева — люди небогатые, и они были бы довольны, если бы вы уплатили им, как в гостинице.

— О, как я вам благодарна!

Дама встала, держась за стену.

— Вам нехорошо, пани?

— Да, немного. Может быть, я и не смогла бы идти дальше. Я недавно перенесла тяжелую болезнь, и теперь меня постигло новое несчастье...

Баронесса склонила голову. Взяв молодого человека под руку, она пошла за ним в небольшую, освещенную лунным светом комнату. Он включил свет, и она увидела простую, но уютную обстановку.

Дама села на диван и прислонила голову к подушке. Молодой человек принес ей еще одну подушку с кровати и подложил осторожно под голову.

— Может быть, позвать вам врача, пани?

— Врача? — переспросила она испуганно, а потом горько улыбнулась. — Для меня нет лекарств, так же как для Захехя...

— Вы сказали, что у вас несчастье. В такие моменты люди иногда забывают и о еде, может быть, вы от этого так ослабли?

— Вы правы, милейший, я с утра почти ничего не ела и даже не заметила этого. Если бы вы позаботились о чашке кофе или чая для меня, я была бы вам очень благодарна.

— Если позволите, я сейчас закажу.

Когда молодой человек вышел, баронесса попыталась встать, но это ей не удалось. В голове у нее шумело, а перед глазами плясали черные круги. Это прошло, когда она снова прилегла. К тому же появилась ужасная сердечная боль. О, от этого несчастья избавить ее невозможно!

Принесенный симпатичной девушкой кофе облегчил страдания баронессы. С помощью девушки, которая не могла оторвать взгляда от незнакомой дамы, баронесса легла в постель. Через некоторое время она услышала, как девушка воскликнула:

— Пан Урзин, идите, пожалуйста, сюда! Может быть, все же позвать врача?

— Мне не нужен врач из Подграда! — произнесла баронесса с трудом. — Меня узнают, а я этого не хочу.

Со страхом посмотрела она на входившего молодого человека.

— У меня есть друг, приезжий врач, который здесь никого не знает. Он только сегодня прибыл сюда. Его я и позову.

— Вы добры. Видно, что Иисус из Назарета ваш Господь. — Дама крепко пожала руку склонившегося к ней молодого человека.

— Да, Он мой Господь, но не только мой. Он хочет быть и вашим Господом. Он вас тоже любит. Мы попросим Его, Он может и несчастью вашему помочь, и исцелить ваше раненное сердце. Но не могли бы вы мне сказать, что с вами случилось?

Еще никогда чужой человек не говорил с баронессой Райнер с таким нежным участием. Сердце ее было переполнено, ей нужно было снять с него эту тяжесть, чтобы оно не разорвалось от затаенной боли.

— У меня есть сын, которого я долгие годы не видела. Я узнала, что он очень болен. Я приехала, чтобы узнать о его состоянии. Но людей, с которыми я хотела поговорить, нет дома, — произнесла она, тяжело вздыхая.

Щеки молодого человека побледнели. Он посмотрел на золотистые волосы дамы, на ее тонкие правильные черты. Они напоминали ему еще два лица, а одно из них — бледное, прозрачное — было похоже на лицо этой дамы, как две капли воды.

— Пани, — шепнул он ей после короткой внутренней борьбы, низко наклоняясь к ней, чтобы она его могла слышать, — Николай Коримский только сегодня вернулся. Он еще не здоров, но я верю, что Иисус Христос наш исцелит его. Не волнуйтесь о нем.

Глаза дамы широко раскрылись.

— Вы его знаете?! Вы видели его?! Вы не ошибаетесь?! — восклицала она, то в ужасе, то ликуя.

— Нет, дорогая пани, не ошибаюсь. Я счастлив называть вашего Никушу моим другом. Около часа назад я с ним говорил.

— Мой Никуша! Мой Никуша! — всхлипнула она и заплакала.

Молодой человек и девушка ей не мешали, они в это время возносили горячие молитвы к престолу благодати. Когда они поднялись с колен и наклонились к ней, она уже заснула.

— Вы врача позовете, пан Урзин? — спросила девушка озабоченно, поправляя подушки баронессы.

— Нет, Анечка, Иисус Христос исцеляет и без лекарств, а мы с тобой помолчим, не так ли?

— Так, пан Урзин, я не выдам эту бедную, несчастную женщину.

— Молитесь за нее, сестра Анечка... И за меня.

— За вас, брат Урзин? Почему? — она посмотрела на него с удивлением.

— Потому что мне нужно много сил, особенно сегодня. А сейчас — спокойной ночи!

...Давно уже молодой провизор ушел, а девушка все еще думала о его словах и вспоминала его голос и каким бледным он был, когда склонился над дамой и долго рассматривал ее лицо, будто хотел просить у нее прощения. Но почему?..

«Что за глупые мысли, — отругала она себя. — За что бы пану Урзину просить прощения у пани баронессы Райнер?»

Глава двадцать девятая

Над землей лежала сказочная весенняя ночь, полная света и теней. Луна освещала не только Подолинскую долину. Серебром заливали ее лучи и долину Подграда. Зачарованными казались развалины старой крепости. Лунный свет играл на башнях, церквах и домах городка, отражался в волнах журчащего ручья, особенно ярко высвечивая, словно выделяя, замок Орлов.

У почерневших от времени крепостных стен стоял, скрестив руки на груди, молодой россиянин. Однако он ли это был? Его юное лицо полностью лишилось прежней свежести. Оно отражало боль, обычно скрываемую от людей.

Молодой человек уже давно стоял, пристально глядя на освещенное лунным светом здание, и еще долго стоял бы так, если бы не нарушил ночную тишину мягкий голос:

— Вот и я, наконец, пан Лермонтов.

Молодой человек вздрогнул, быстро повернулся и так же быстро протянул подошедшему руку.

— Я уже думал, вы не придете, — сказал он приглушенным голосом. — И вообще, это было эгоистично с моей стороны — просить, чтобы вы пришли сюда. Уже ночь, вам нужен покой, простите меня, пожалуйста.

— Мы оба отдохнем, когда душа ваша получит свет.

— Что вы говорите, Урзин?

Вопрос звучал почти холодно. Россиянину пришлось побороть волнение.

— Я считаю, что ваша душа скорбит смертельно и крайне нуждается в мире и в утешении.

Молодой врач посмотрел в лицо Урзина:

— Вы думаете, что я вас из-за этого попросил прийти? Вы судите по моему глупому письму? — произнес он еще холоднее.

— Ничего я не думаю, пан Лермонтов, такого, что вас могло бы обидеть. Вы просили, чтобы я пришел к вам. Я бы с удовольствием пришел еще раньше, но Никуша хотел со мной говорить, и он только сейчас уснул.

— Только сейчас? — испуганно спросил молодой врач. — Ему было нехорошо?

— Слава Богу, нет. Он теперь спокойно спит. Я надеюсь, что он завтра восстановит силы после путешествия, и вы тогда спокойно сможете продолжить свой путь.

Лермонтов быстрыми шагами направился к стене крепости. Затем он вернулся к Урзину.

— Урзин, я... — Его глаза странно заблестели. — Я не могу дальше с ним идти, поверьте мне. Если бы мы еще остались здесь! Но туда — нет! Посоветуйте мне, что делать, как мне удалиться. Для этого я вас сюда позвал. Я так взволнован и совершенно не способен ясно мыслить. А вы всегда так спокойны. Может быть, вам и не знакома такая борьба, которая сейчас происходит в моей душе. Вас ничего не волнует. Так посоветуйте же мне...

После краткого молчания провизор поднял голову, и их взгляды встретились.

— Пан Лермонтов, наш Господь и Учитель говорит: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам». Дорогой пан, Николай Коримский нуждается в вас. Он теперь еще слишком слаб, чтобы вынести боль, которую причинит ему разрушенная надежда. Вы обещали ему поселиться в этой долине, и это его радовало невыразимо. Конечно, обещание это было дано тогда, когда сердце было полно золотых надежд. Сегодня дела иначе обстоят. Пребывание здесь причиняет вам боль. Страх перед борьбой и страданием гонит вас отсюда. Но поверьте мне, если в вас есть страдание, то окружение и обстоятельства могут его смягчить, но оно будет с вами везде. Куда вы ни пойдете — его нужно нести и преодолевать. Лишь тот побеждает, кто до конца остается на поле боя и честно борется.

Он замолчал. Было тихо, только вдали, внизу под замком, раздавалась долгая тоскливая трель соловья.

— Нет, Урзин, вы не должны считать меня трусом, — возразил россиянин. — Я не хочу, чтобы вы меня неправильно поняли. Когда узнаете правду, вы сами рассудите, можно мне здесь оставаться или нет. Но так как я вам должен сообщить такое, чего я никогда не сказал бы чужому, и так как вы с Никушей в письмах перешли на «ты», то и мы перейдем на «ты». С другом легче поделиться. Ты согласен?

— Охотно, если ты считаешь меня достойным твоей дружбы и если тебе мое низкое положение не помеха.

— Не будем об этом говорить.

Молодые люди обнялись. Затем Лермонтов показал на Орлов и заговорил взволнованным голосом:

— Ты видишь это здание?

— Вижу.

— Тебе судьба семьи Орловских известна? Ты знаешь, сколько детей было у нынешнего хозяина Орлова?

— Да, трое: два сына и дочь.

— Значит, ты также знаешь, что пан Николай имел несчастье изгнать своего младшего сына из дому?

— Изгнать из дому? — Урзин отступил назад. — Этого я не слышал. Фердинанд Орловский будто добровольно ушел и больше не вернулся.

— Добровольно?! — Горькая насмешка послышалась в голосе Лермонтова. — Если собственный отец укажет тебе на дверь, ты «добровольно» уйдешь. И если он тебе запретит когда-либо показываться ему на глаза, то ты «добровольно» не вернешься к нему. Известно ли тебе, что он изгнал сына своего на погибель? Однако ты должен также знать, почему он его изгнал, в чем состояло его «великое преступление» — именно за то, что он симпатизировал нам, русским, что у него был русский друг и что он женился на русской. Страшное преступление, не правда ли? К тому добавилось еще, что эта русская была евангелической веры и замуж за него вышла с тем условием, что и он станет таким. И он это сделал ради нее. Всего этого горячая польско-католическая кровь отца не смогла вынести, и поэтому он его прогнал. Но чтобы тебе было понятнее, — Лермонтов обеими руками пригладил свои темные волосы, опустил на скалу и обхватил руками колени, — фамилия друга Фердинанда Орловского была Лермонтов. Он принадлежал к богатой, уважаемой семье. Один из членов этой семьи был великим поэтом. Прадед Лермонтова долгое время был на службе у правящих князей в Германии и принял там евангелическую веру. Так как у его сына тоже был крестный из немецких князей, то правительство и церковь по его возвращении в Россию претензий к ним не имели. Таким образом, семья эта стала евангелической веры и строго придерживалась ее. Это были лютеране, каких я и в других местах много знал: у них было больше познания, больше свободы совести, чем у греко-католиков, но Иисуса Христа они не знали.

Сестра Лермонтова всей душой была привязана к своей церкви. Она была нежна, добра, красива, но любила мир, общество, танцы, музыку, театр и прочее. Как-то на балу Фердинанд Орловский влюбился в нее так, что ради нее согласен был принять и лютеранскую веру, иначе она не хотела выйти за него замуж. Ему же это ничего не стоило. Федор Лермонтов уже

раньше начал и продолжал потом, когда Орловский стал его зятем, с энтузиазмом работать над расширением русско-польских действий. Теперь они стали соратниками в деле все никак не удавшегося соединения враждующих славянских племен. С этой целью Фердинанд Орловский после женитьбы был послан на четверть года в Польшу. Оттуда он отправился на родину, чтобы, по возможности, приобщить отца к этому делу и сообщить ему о своей женитьбе. Что с ним случилось потом, ты знаешь. В Польше он находился около шести недель, а одиннадцать недель он не виделся с любимой супругой. То, что вернулся он не особенно счастливым, можно себе представить, однако он надеялся забыться в своем семейном счастье. Между тем в его доме произошла ужасная перемена...

Я думаю, что ты слышал о штундистах. Маленькая община приверженцев этой «секты», как ее в мире называют и которую у нас ужасно преследуют, давно уже существовала в местечке, где находилось родовое имение Лермонтовых. Фенечка Лермонтова презирала их так же, как все остальные.

Но вот случилось, что на первой неделе после отъезда Фердинанда умер один из штундистов, оставив цветущую молодую жену. Возвращаясь с прогулки, Фенечка стала свидетельницей захватывающих похорон. Смирение перед волей Божьей, уверенность в вечной жизни, о которой говорило каждое слово простого старика, проповедовавшего у могилы, с такой силой захватили ее, что ею овладело сильное желание ближе узнать этих презираемых людей. Следующий день был воскресным. Вечером она пошла на собрание штундистов. Однако я закончу ее собственными словами: «Они научили меня познать и полюбить Иисуса Христа. Они привели меня к сознанию, что я на неверном пути. Я покаялась, приняла Христа и обратилась всем сердцем к Богу. Все это совершилось в течение трех дней. Ибо как только я познала Истину, я тотчас приняла Христа, и Он даровал мне такую большую любовь к Нему, что я могла оставить все, кроме Него».

Вскоре после этого ее свидетельства покаялся и Федор Лермонтов. И когда вернулся Фердинанд, они оба уже были на другом берегу. Так как он не желал перейти Иордан, он вдруг оказался один. Фенечка больше не хотела иметь ничего общего

с миром и отказалась от всего. Ни просьбы, ни угрозы мужа и всех остальных родственников не только не могли заставить ее пойти в общество или в театр, но и не могли удержать ее от чтения Слова Божьего, от посещения штундистских собраний и распространения христианской литературы среди народа. Брат ей старательно помогал в этом.

После того как взгляды Федора Лермонтова полностью изменились, он попытался принести что-то из них в тайный русско-польский союз, но в результате его исключили из союза. Можно легко себе представить, как теперь чувствовал себя Фердинанд. Он видел, что, хотя Фенечка приняла новую веру, ее любовь к нему усилилась и окрепла. Но так как он знал, что они его считают погибшим, пока он не покается, в нем появилась какая-то ненависть к ним. Кто его осудит? Я этого не могу. Он любил мир и хотел жить в миру — они же отказались от мира и жили для Христа. Между ними образовался непреодолимый разрыв, который не исчез и после рождения их первенца.

Дело дошло до того, что они начали думать о разводе. Сначала ушел Федор, считая, что если сестра с мужем останутся одни, они скорее примирятся. Но ничего из этого не вышло. Однажды утром Фенечка нашла письмо, полное ужасных укоров, в котором оскорбленный супруг прощался с ней. Он сообщал, что уезжает в Польшу, чтобы продолжать работу в организации. О, это было очень печальное письмо! Вскоре после этого началось преследование штундистов.

Маленькую общину разогнали, некоторые попали в тюрьму, другие — в Сибирь или на Кавказ. Обвинили также жену Фердинанда, которая попыталась спасти одного из старших братьев общины.

И так как никто из всей родни не заступился за нее, она оказалась под следствием. Волей Господа она, правда, была освобождена, но за распространение антиправославных трактатов ее выслали из родных мест. Брат поехал за ней, продал имение за полцены, имущество же ее судом было конфисковано. Брат взял ее с собой в Вену, где она прожила недолго, скончавшись от простуды, полученной в тюрьме. Сыну ее в то время было пять лет, — Аурелий замолчал. Из груди его вырвался тяжелый вздох.

— Хотя его мать умерла, когда ему было только пять лет, он не мог выразить, кем она для него была! Как она учила его любить Иисуса! Как он ей обещал жить только для Него! Но он не сдержал своего слова. Лишь закрыв глаза, он видел перед собой ее милое нежное лицо, сияющие небесным светом глаза. Но зачем об этом говорить? Мальчик после смерти матери остался у дяди, который дал ему воспитание и образование. Дядя умер двенадцать лет назад от инфаркта как раз в тот момент, когда писал письмо ссыльным на Кавказ, которое один из друзей должен был доставить. Мальчик остался один. О судьбе своего отца он ничего не знал. И только после смерти дяди, который оставил племяннику значительную часть своего имения, он вместе с документами о наследстве получил бумаги матери и дяди. Из них он узнал, что отец его через три года после разлуки с матерью попал в руки полиции и после годового следствия был приговорен к ссылке в Сибирь. Однако друзья его, и среди них автор записки, помогли ему бежать в Англию, где следы его теряются. «Бедный Фердинанд! — писал Федор Лермонтов в дневнике. — Если бы отец не закрыл перед ним дверь, он мог бы бежать к нему и был бы спасен. А теперь он, наверное, погиб в беде и нужде, так как был слишком горд, чтобы принимать помощь от друзей».

Так, теперь я все рассказал. Ты и сейчас скажешь, что я, сын Фердинанда, трушу, зная правду, избегаю близости с этим человеком? Или ты считаешь, что другой на моем месте был бы способен ежедневно общаться с ним и с его внуком Адамом, который не сегодня-завтра вступит в майорат¹³, тогда как отец мой погиб в беде и нужде? С одной стороны, я счастлив, что Никуша — мой двоюродный брат, Маргита — моя кузина и Коримский тоже мне родственником приходится, а с другой стороны, я чувствую ненависть к Орловским. Мне с ними ежедневно приходится встречаться, я должен быть вежливым и приветливым в общении с человеком, который оскорбил мою мать и моего отца из-за брака с ней выгнал из дома на погибель. Если бы отец ушел из Орлова не с такой горечью в душе, все могло бы

¹³ Форма наследования, при которой родовое имущество не подлежит разделу между наследниками, а полностью переходит к старшему в роду мужчине.

быть иначе! Если я останусь, то обстоятельства сегодня или завтра вынудят меня посетить пана Николая Орловского в Орлове. Как ты себе это представляешь? Нет, никогда! Мне нужно уйти. Лишь в том случае я мог бы оставаться, если мог этому жестокому старику бросить в лицо, что он погубил моего отца. Однако этого я не могу сделать из-за Никуши и Маргиты и еще из-за того, что он подумал бы, будто я хочу, чтобы он дал мне свое имя, которого я лишился из-за бегства отца. О нет! Хотя я ношу фамилию Лермонтов только потому, что меня усыновил мой дядя, мне имя моей матери дорого, и я его никогда не сменил бы на другое. В той же мере, как он ненавидит все русское, я ненавижу все польское и никогда не стал бы поляком! Мирослав, помоги мне покинуть Никушу, прежде чем мы придем в Горку, прежде чем я встречу с Орловскими, ибо у меня нет сил предстать пред ними и не выдать чувств к ним, скрытых в моей душе.

При этих словах Лермонтов упал на колени и закрыл лицо обеими руками.

Урзин провел рукой по его густым волосам и поцеловал его в лоб. Это нежное выражение любви успокоило его.

— Аурелий, брат мой, — проговорил, наконец, провизор, — ты знаешь, какое желание наполняло сердце твоей матери, когда она была жива?

Лермонтов вздрогнул.

— Одно лишь желание было у нее: чтобы я познал Иисуса Христа и полюбил Того, ради Которого она все оставила.

— Позволь мне тебе сказать: если бы у моей матери было такое желание и если бы она ради Христа столько страдала, я сделал бы все, даже жизни не пожалел бы, чтобы исполнить это желание и доказать на деле, что ее Господь — мой Господь и что я Его люблю и Ему повинуюсь.

— Мирослав, какое отношение это имеет к моей ненависти?

— Самое прямое. Если мать твоя проявила столько любви к Господу, потому что сердце ее было наполнено любовью Божьей, то я не верю, что она не умела и прощать. Или ты думаешь, что она не простила бы пана Орловского?

— Она? О, она была в состоянии молиться, как Стефан: «Господи! Не вмени им греха сего...»

— А сын ее ненавидит сейчас там, где она проявила бы любовь.

— Мирослав!

— Я твердо убежден, если бы твоя мать была теперь среди нас или если бы она могла спуститься с небес, она обвила бы шею твою своими руками и сказала бы: «Иди, сын мой, и покрой любовью всю несправедливость. Если ты так поступишь, ты докажешь, что достоин моей любви и моей жертвы. И помни, сын мой, что тому, кто умеет прощать, всегда лучше, чем тому, кого прощают».

— Прекрати, Мирослав, прекрати! — отмахнулся молодой россиянин. — Кто уполномочил тебя говорить со мной о том, как бы она поступила? Ты ее даже не знал, но ты знаешь Его — Того, Кто был всей ее жизнью.

— Да, я знаю Его, но и ты не можешь сказать, что ты не знаешь нашего доброго Господа, Который осчастливил твою мать, несмотря на все утраты, Который и тебе уготовил такой жизненный путь, чтобы ты, наконец, стал искать Его и смог бы отдохнуть на Его груди. Не откладывай, не сомневайся, приди к Нему! Или ты тоже хочешь ожесточиться, как твой отец? Не думай, что пан Орловский виновен в том, что погиб твой отец. Если бы он покался и принял Христа, он, может быть, пошел бы с тобой и с твоей матерью в Сибирь и был бы счастлив. Я не осуждаю отца твоего, нет! Мне его жаль от всего сердца, и все же я должен сказать, что он оставил тебя и твою мать из-за Иисуса Христа, из ненависти к Нему. Так что погубила его не жестокость земного отца, а собственная его жестокость против Отца Небесного. Но что об этом говорить? Кто из нас может измерить милость Божью? У Него тысячи путей, кто знает, не привел ли он одним из них отца твоего к покаянию и познанию Иисуса Христа? Может быть, он смотрит сейчас с небесных высот вместе с твоей матерью на тебя?

— Какая мысль!

Лермонтов вскочил и стал смотреть на звездное небо.

— Ты не веришь?

— О, я хотел бы верить, что они там соединены и счастливы. Если бы я в это мог поверить, я бы мог его и простить.

— А почему ты этому не можешь верить? Разве Бог — не любовь? Разве Он не чуден и всемогущ?

— Это, конечно, так... Но все же... А впрочем, почему бы мне не радоваться этой мысли? Кто меня сможет убедить когда-нибудь в обратном? Я благодарю тебя, Мирослав, за этот совет. Но я должен сказать тебе и другое. Душа моя заблудилась и далеко ушла от Иисуса Христа — до самых ворот полного неверия. Я обвинял Христа, что из-за Него родители мои стали такими несчастными. Среди других бумаг мне достался и Новый Завет моей матери. Я прочитал все подчеркнутые ею места и замечания на полях. И, должен сознаться, я познал Христа. Я просил прощение за мои грехи. Я просил Его не допустить, чтобы я уподобился моему отцу. Однако вполне отдаться Ему я не смог, потому что прежде я сам должен простить. Это была трудная борьба, и она сделала меня очень несчастным, тем более что я выносил ее один. Теперь я должен простить Орловского и надеюсь, что Господь Иисус Христос примет меня и даст мне мир.

— Конечно, Аурелий, сделай это сейчас! Зачем откладывать, зачем лишать себя внутреннего мира? Помолимся вместе!

— Сейчас? — Лермонтов отступил. — Но я не чувствую, что я уже простил. Я еще не могу...

— Собственными силами ты этого никогда не сможешь. Скажем сейчас Господу, что ты хотел бы, но не можешь простить, попросим, чтобы Он тебе помог в этом, и ты увидишь, что так и будет. Идем!

Урзин опустился на колени. После короткой внутренней борьбы Лермонтов последовал его примеру, и к небу вознеслись две из глубины сердца идущие молитвы, на которые мог быть только один ответ: «Да будет тебе по вере твоей».

От развалин отошли двое молодых людей. Вдруг один из них остановился.

— Мирослав, я благодарю тебя от всего сердца. Если бы ты знал, что я сейчас чувствую, когда после ужасной бури в моей душе царит благословенный мир!

— Ну а как теперь, помочь тебе уйти отсюда?

— Уйти? Нет. Ты сказал, что победителем становятся только на поле боя. Я хочу стать победителем. Твой и мой Господь, Которому я отдался, поможет мне.

Глава тридцатая

Та же ночь, подслушавшая разговор двух молодых людей о печальной судьбе одного из них, не дала уснуть и другому человеку, который сидел в рабочем кабинете и занимался разбором бумаг. Когда не спится, человек ищет занятий. Пан Коримский — а это был он — тоже не мог спать, и поэтому искал средство прогнать прочь тревожные мысли. В руках Коримского оказалась вдруг связка старых пожелтевших писем, которую он достал из нижнего ящика. Ленточка, связывавшая пачку, развязалась, и на его коленях рассыпались письма. Одно из них он поймал рукой и смотрел на него, как смотрят на вещь, давно потерянную, забытую и вдруг найденную.

Известно, что чем неприятнее письмо, тем большее любопытство оно пробуждает в нас. Так было и с паном Коримским. С явным нежеланием он начал читать письмо:

«Пан Коримский!

„Уважаемый“ сказать не могу, ибо нет у меня уважения к Вам, которое было у меня до того часа, когда Вы мне доказали, как я в Вас ошибся, как Вы злоупотребили моим доверием. Не думайте, что я упрекаю Вас. Я знаю, что Вы в своем счастье на упреки отца, дитя которого Вы погубили, мало обратите внимания. Виноваты не только Вы. Я, как отец, тоже должен был лучше охранять свое сокровище и не быть таким доверчивым. Такого греха я, конечно, от Вас не ожидал.

Я Вас не упрекаю в том, что Вы надломили сердце моей дочери тем, что дали разлучить себя с ней. Этого и следовало ожидать.

Несчастливая Людмила Боринская, дочь бедного деревенского учителя, конечно, не была подходящей парой для богатого дворянина Коримского. В мире так принято. Но зачем Вы лишили ее чести и невинности — единственных драгоценностей, которые и бедную девушку делают богатой? Зачем Вы побудили мою дочь к такому позорному греху?

В то время как я пишу эти строки, моя Людмила находится между жизнью и смертью. У меня только одно дитя, и все же я вынужден просить Господа, чтобы Он навеки закрыл ее глаза, которые, по Вашей вине, от стыда всегда должны смотреть вниз. Передо мной

же в колыбели лежит маленькое невинное существо, которому она дала жизнь, и смотрит на меня, словно хочет спросить: „Зачем мне уже заранее предопределен позор и страдание? В чем я виноват, что мне суждено лишиться отцовской любви и заботы?“

Не думайте, что я Вам пишу для того, чтобы напомнить Вам о Вашем ребенке.

О нет!

Я никогда не позволю, чтобы Ваш сын принял от Вас милостыню, если он останется жив, в чем я сомневаюсь. Он слишком рано появился на свет и очень слаб. Но если он останется в живых, я бы скорее до локтей стер себе руки в работе, чем позволил бы ему принять от Вас кусок хлеба.

Пишу я Вам лишь потому, что Вы в Вашем новом счастье с Вашей красивой, невинной и доброй женой, которая не знает, что Вы, падший человек, поправивший великую заповедь, легко можете забыть о своем грехе и никогда не покаяться перед Богом. Поэтому я пишу Вам и советую сделать это. Иначе последуют наказания, и счастье Ваше кончится.

Я был бы вправе проклинать Вас, однако я этого не делаю. Но я знаю, что Вы не будете счастливы ни в браке, ни с детьми, если Бог Вам их даст. Радости у Вас с ними не будет. Либо, если у Вас и будет радость, Бог лишит Вас ее именно тогда, когда Вам будет больше всего, и таким образом Он отомстит за Вашего первородного отвергнутого сына!»

Письмо с почти неразборчивой подписью было написано более двадцати лет назад. Рука, писавшая его, давно уже тлела в земле. А что же стало с той несчастной жертвой, о которой в нем говорилось?

Когда это письмо в то давнее время дошло до адресата, молодой человек, ослепленный страстной любовью к красивой женщине, прочитал его. Конечно, оно оказало определенное действие.

Коримский старался найти обманутую невесту. Но он искал напрасно и пришел к убеждению, что она, наверное, действительно умерла, и слабый младенец тоже, и перестал их искать. В собственном счастье мы быстро забываем горе других, и он его тоже забыл.

Но потом начались ссоры между супругами. Молодая жена узнала, что у ее мужа до свадьбы была невеста, а люди сплетничали, что он и сейчас якобы поддерживает греховные отношения с ней. Она поверила слухам, оставила его и больше к нему не возвращалась.

С тех пор много лет прошло, и человек, читавший сегодня это письмо, уже не был ослеплен страстью. Теперь он увидел в письме то, на что не обращал внимания раньше, — на пророческие слова:

«Вы не будете счастливы ни в браке, ни с детьми, если Бог Вам их даст. Радости у Вас с ними не будет. Либо, если у Вас и будет радость, Бог лишит Вас ее именно тогда, когда Вам будет больше всего».

Разве не так все и вышло? Исполнилось ужасное пророчество. Брачное счастье исчезло, как сон. Любимая дочь долгие годы вынуждена была жить вдали от отца и теперь, выйдя замуж за Орловского, не могла часто с ним встречаться. А сын?

Коримский подпер тяжелую голову руками. «Никуша, мой Никуша!» — стонал он. Оголившаяся правда пронзила его, как острие стали. Глаза его прозрели. Больше двадцати лет Коримский был падшим человеком, но он не верил в это и не чувствовал себя виноватым. Больше шестнадцати лет он считал себя страдальцем, с которым поступили несправедливо и который вправе с холодной гордостью отвернуться от людей, осмелившихся прикоснуться к его чести. В мире он вел примерную жизнь и тем доказал, что он безупречен. Да он сам в это поверил, а теперь старое пожелтевшее письмо, о котором он даже не знал, существует оно еще или нет, показало ему, что он действительно был падшим человеком, погубившим невинную девушку. Он опозорил на всю жизнь своего первенца, если он жив, и этот его сын никогда не узнает отцовской любви и заботы.

Верно, что человек, согрешивший против шестой заповеди, никогда не чувствует любви к несчастному доказательству своего падения. Но кровь родная — не водица, и иногда заявляет о себе там, где мы меньше всего ожидаем этого.

Молодой Манфред Коримский знал, что сына Людмилы он никогда не мог бы привести к Наталии Орловской, даже если Людмила мертва. А ведь это было его дитя! Но и перед миром он этого не смог бы сделать, потому что пострадала бы его честь. Свет не карает заблуждений, он требует их тайны. Лишь бы все было скрыто, тогда все хорошо!

Коримский, посевев преждевременно от забот о единственном сыне Наталии, вдруг почувствовал горячее желание узнать о судьбе отвергнутого и забытого ребенка. О, если бы он был жив! Ведь если сын Людмилы мертв, то исполнится также угроза отца Людмилы, и сын Наталии умрет!

Коримский вскочил. «Надо еще раз приняться за поиски! Я должен убедиться, что он жив, и тогда...»

Он сложил письмо, сунул его в карман и собрал рассыпанные вокруг бумаги. Среди них он нашел еще корешок от денежного перевода, на обратной стороне которого отправитель благодарил за то, что господин аптекарь так долго ждал и что он рад наконец рассчитаться с ним.

Бедный человек! Он честно вернул деньги, которые когда-то взял у него взаймы и благодаря которым он смог приобрести собственный дом. Но когда Коримский сможет вернуть ему то, чего он его лишил? Никогда! Если ты у ближнего своего похитишь пшеницу с поля, то может вырасти другая; если сожжешь его дом, он выстроит другой. Но если лишить человека чести, доброго имени, стереть улыбку с его уст — это исправить трудно.

Коримский запер письменный стол, лег на диван и зарылся лицом в подушки. Он спрятал свое лицо от самого себя, чтобы даже ночь не увидела, как оно покраснело. Ибо, когда он сказал себе, что хочет найти отвергнутого сына, если тот еще жив, и перебрал в уме, что еще хотел бы исправить, он вдруг представил себе, как его сын стоит лицом к лицу перед ним. Его сын носил перед миром печать позора на своем челе. Но чьего позора? О, что сын может сделать против греха отца, который так легкомысленно обрек его на отверженность и презрение?

В этом мире справедливость проявляется иногда очень странно. Перед грешным отцом люди снимают шляпы, в невинного же сына они бросают камни. А Бог — Отец сирот и покинутых —

видит и слышит все и воздаёт. Он воздал и этому человеку, заронив в его душу червя неумирающего. Кто, кроме Него, мог бы его умертвить?

Глава тридцать первая

Едва рассвело, когда Николай Коримский проснулся, подкрепленный целебным сном. И поскольку не было никого, кто бы ему в этом помешал, уже через четверть часа он стоял в коридоре, полностью одетый. Кругом еще было тихо. Лишь когда он спешил через двор к большому саду, услышал, что работники кормили коров и лошадей.

Тишина и одиночество благотворно действовали на юношу. Умиротворенный, он гулял по саду, вдыхая аромат испанской сирени, жасмина, роз и других весенних цветов, которые умелой рукой были посажены вдоль стены крепости. Над искусно посаженными кустарниками Бог Сам насадил боярышник, белым цветом которого утренний ветер засыпал сад. Как здесь было хорошо! Николай всегда любил этот сад, который из-за своего сказочного расположения был лучше всякого искусственно разбитого парка. Но такой красоты, как сегодня, молодой Коримский в нем еще не замечал. Когда он был здесь в последний раз, его окутывали осенние туманы, а потом была эта ужасная для него зима. Теперь природа пробуждалась к новой жизни! Но только ли природа? Разве в нем самом не было много нового? Разве он за эту зиму не научился безропотно страдать? Разве не за эту зиму все его золотые надежды и планы на будущее рухнули? Разве перед ним не стояла еще одна трудная задача: без страха смотреть в собственную могилу? Да, много нового было в нем, а самым новым была мысль о потусторонней жизни.

«Когда Вы увидите природу во всей ее красе, — писал Урзин, — тогда представьте себе, что и наша жизнь за порогом смерти будет такой же свежей, прекрасной, без слез и болезней, полная блаженства, света и красок. И самым чудным в ней будет то, что никакие грозы не нарушат тишину, никакие бури не

пронесутся, никакие туманы не омрачат небеса, никакой иней не убьет цветы — ибо весна вечная неизменна».

О, эти золотые слова, как целебно они действовали на больное сердце! Еще раз жить, жить вечно, не истлеть, не распасться в прах! «Ибо Я живу, и вы тоже должны жить», — повторил юноша про себя.

Он прислонился к дереву, мечтательно глядя на горные вершины и на заалевшее над ними небо. «Христос умер, — думал он, — а теперь Он опять жив и больше никогда не умрет. Но как сказал вчера Мирослав? „Он умер за тебя и за меня, поэтому Он имеет право даровать мне и тебе жизнь вечную. Проси Его, и Он тебе ее даст. Вечная жизнь начинается уже здесь, на земле, точно так, как в зимней природе, кажущейся мертвой, скрыта невидимая сила для пробуждения к новой жизни, которая проявляется весной“».

Юноша склонил голову, и из глубины его сердца наконец, после недели борьбы тьмы со светом, вознеслась первая молитва:

«О, Иисус Христос! Помилуй меня и даруй мне новую, вечную жизнь! Аминь!» Ветерок зашумел в цветущей вишне, и одна из ее ветвей наклонилась и коснулась бледного лба юноши. Он почувствовал это нежное прикосновение всем телом. Ему казалось, что невидимая рука навсегда освободила его от страха перед смертью. Он подбежал к ближайшей каменной скамье, сел на нее, не обращая внимания на росу, достал из нагрудного кармана Новый Завет и начал читать. Он открыл место, где Мария искала мертвого Иисуса, плакала у гроба, а затем ликовала, когда увидела Его воскресшим. Юноша ощутил вдруг особую, святую радость, какую здоровый человек, далекий от мыслей о смерти, никогда не почувствует.

Потом он перевернул страницы и еще раз прочел уже не раз за время болезни прочитанную историю страданий Христа. И снова услышал слова: «Он умер за тебя и за меня!»

Заря поблекла, и взошло солнце, занимался чудесный весенний день. Под ласковыми лучами солнца во славу Творца расцветут цветы, но ни один не будет прекраснее того, который сейчас, напоенный росой божественной благодати, нерешительно раскрыл свою чашечку. Это был цветок первой любви к доселе неизвестному, только теперь познанному Небесному Жениху.

Юноша вскочил, будто и не было в нем телесной слабости, ощутив непосредственную близость Иисуса, Который Сам был жизнью. Николай стал подниматься вверх по скале, все выше и выше. Раньше, еще мальчиком, он без труда поднимался на эту отвесную скалу, и не было у него большей радости, как забраться наверх, под стены старого замка. Сейчас он обходил отвесные стены, выбирая более пологие места.

На первом выступе скалы он остановился. У его ног лежал город. И вдруг он подумал, что так, наверное, Иерусалим лежит у подножия Голгофы. Как это раньше не приходило ему в голову! Каким же трудным был крестный путь за чужие грехи!

«Что со мной случилось? Как легко я об этом думаю, а раньше не хотел и не мог, — размышлял он. — Может быть, оттого что для меня все это было чужим и непонятным? А теперь я в Него верю, и мне кажется, будто все это случилось только вчера. Вчера — смерть Господа, а сегодня — Его воскресение. Спасти род человеческий от погибели Бог действительно не мог иначе, как через смерть Своего Единородного Сына».

Под гнетом этих мыслей голова юноши склонялась все ниже.

Он казался себе очень неблагодарным. Вся его прошлая веселая мирская жизнь без Бога и без Христа тяжким грузом давила теперь на его душу. Медленно он спускался со скалы. И вдруг он вспомнил слова: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими».

«Конечно, это так. Бог и для меня Сына Своего послал, а я Его не принял. Я мог бы быть чадом Божиим, как Мирослав, а теперь я — должник, который даже головы не смеет поднять».

«Бедная душа, если Иисус Христос пробудил тебя наконец к новой жизни, то не медли прийти к Нему и принять Его дар», — шептали ели над головой юноши.

Вдруг звук чьих-то шагов отвлек его от тяжелых мыслей. Почти обрадовавшись, он поднял голову. Он жаждал общения, ибо в ожидании доброго, но обиженного, как он считал, Иисуса ему было слишком одиноко. И вот между деревьями он увидел Урзина, освещенного восходящим солнцем. Какая неожиданная встреча для обоих!

— Откуда ты идешь, Мирослав? — спросил Коримский после приветствия.

— Из города, Никуша.

— Но ты ведь идешь с другой стороны.

— Да, я прогуливался. Но я никак не ожидал, что ты уже на ногах. Господь дал тебе хорошую ночь?

— О, очень хорошую. Впервые за время болезни я проснулся таким бодрым. А здесь, среди весенней природы, мне особенно хорошо. Я поверил в загробную жизнь и молился. После этого я почувствовал такую радость, но теперь... — Николай махнул рукой, — теперь это прошло, и я еще более несчастен, чем прежде.

— Это невозможно, Никуша!

— Но это правда.

— Расскажи мне все подробно, пожалуйста!

Урзин взял своего друга за руку и повел к садовой скамье. Они сели, и восходящее солнце осветило их своими золотыми лучами. В тишине благоухающего майского утра Николай рассказывал своему другу о жизни без Бога, о своих честолюбивых планах на будущее, а потом о сегодняшних мыслях там, наверху, на скале. Он говорил о любви Божьей, о своей неблагодарности и закончил словами:

— Я чувствую себя несчастнее прежнего. Я познал Истину и осудил сам себя. Я погиб! Я вижу, что все потеряно.

— Да, все, Никуша, кроме Иисуса Христа. Действительно, все погибло, — продолжил Мирослав. — Твоя невинность, твоя справедливость, твой хороший характер, твои планы на будущее, твое честолюбие, вся твоя без Бога прожитая жизнь — все это погибло в тот момент, когда Господь тебя услышал и даровал тебе новую, вечную жизнь. Ты потерял все, кроме Иисуса Христа, потому что у тебя Его еще не было. Бог давал Его тебе, но ты Его не принимал. Чего у нас нет, то нам не принадлежит, и того мы не можем потерять. Ты такой же неблагодарный, каким был я. Но разве ты хочешь оставаться таким? До сего дня ты не принял Иисуса Христа, так прими Его сейчас и благодари нашего доброго Отца за Него. Никуша, дорогой, сделай это сейчас!

Провизор встал, опустился около скамьи на колени и, не ожидая, когда друг последует его примеру, начал молиться. Когда он закончил молитву, раскрылись уста глубоко потрясенного юноши:

— Господь Иисус Христос, прости и прими меня. О, великий, святой, добрый Бог! Из Твоей руки я принимаю этот драгоценный дар и благодарю Тебя за Него! Я верю, что Ты и меня, недостойного, любишь. Дай мне стать чадом Твоим! Аминь.

Еще некоторое время они стояли на коленях, потом встали и бросились друг другу в объятия. Теперь плакал Урзин. Но недолго, и солнце могло вскоре видеть, как они, рука об руку, шли по саду.

Но их мысли уходили далеко в небеса, куда ушла воплотившаяся любовь Отца Небесного, оставив завет: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас». В этот момент им было совсем нетрудно исполнить эту заповедь.

Вдруг Николай остановился и посмотрел на городок у их ног. Затем он быстро повернулся.

— Мирослав, где тот дом, где ты проводишь собрания?

— Ты знаешь о наших собраниях? — удивился Урзин.

— Маргита писала мне о них. Но не только о них. Она написала мне также, что познала Истину и решила перейти в евангелическую церковь. Дорогая моя сестричка приняла Иисуса Христа раньше меня. Тогда я ее еще не понимал, а сейчас понимаю и так рад, что мы вместе пойдем одним путем. Но не думаешь ли ты, Мирослав, что моей Маргите предстоит трудная борьба? Ведь Орловские — строгие католики, что они скажут?

На светлое лицо юноши набежала тень.

— Каждого христианина ждет борьба! Но Бог нам всегда дарует победу через Иисуса Христа. Очищая золото, наш Господь никогда не даст сгореть ему в горячей печи.

— Я верю в Его любовь. И Маргита выстоит! Только она так молода, слаба и неопытна.

— Это верно, но у нее два брата.

— Два? Как это?

— Один — на небе, другой — здесь. Небесный Брат вооружит ее силой, земной брат ей поможет здесь, не так ли?

— О да, но прежде я хочу познакомиться с Адамом Орловским. Однако мы отвлеклись... Где этот дом?

— Там, напротив, видишь?

— Как хорошо, что много людей собирается слушать Слово Божье! Они все евангелической веры?

— В основном — да, но есть и католики.

— Как это чудесно! Надо же было тебе приехать сюда, чтобы собрать нас, иначе мы все жили бы без Бога. Меня отец хоть на конфирмацию посылал, потому что у него были лошади, чтобы поехать туда. А другие дети ходили в католическую школу, и занятий по религии у них не было. Кто в этом виноват, Мирослав? Бедность евангелической церкви?

— Отчасти, да. Если бы евангелическая церковь не была такой бедной, она могла бы содержать евангелиста, как это делается в Германии. Этот евангелист заботился бы не только о разрозненных евангельских душах в Подграде, но и в округе. По воскресеньям он проводил бы занятия с детьми, собирал молодежь вокруг себя, проповедовал в арендованном для этого доме.

— Конечно, так должно быть. Но только ли бедность виновата?

— Не только. Здесь две причины — материальная и духовная; недостает любви к Иисусу Христу. Было бы больше любви, больше бы делалось для Него.

— Не суди нас, Мирослав. Мы виноваты, это верно, но как любить того, кого не знаешь?

— Ты прав, Никуша. Я не осуждаю ни тебя, ни других.

— Я думаю, ты слишком добр. Но я осуждаю себя сам. Когда я подумаю, сколько я тратил на себя в школе и потом на свои увлечения... На эти деньги, если бы трое таких, как я сложились, мог бы жить евангелист.

Лицо провизора просветлело, и друг его это заметил.

— Да, если бы дать ему квартиру и частично питание. Ему не так уж много надо, и они не были бы оставлены, — произнес он вполголоса.

— Что ты сказал? Не были бы оставлены? — Николай пылко обнял своего друга.

— Не хочешь ли ты оставить нас теперь, когда так нужен нам, особенно мне и Маргите?

— О нет! Но позволь объяснить тебе. Настоящего евангелического викария католическая церковь в Подграде не трогала бы. Он был бы под защитой закона. Мне же не сегодня-завтра невозможно будет проповедовать Христа распятого, так как я делаю это без разрешения. Я, единственно, опираюсь на Закон Божий, а для мира он ничего не значит. Если Господь и дальше так будет благословлять и умножать наше собрание и если живое, видимое христианство дальше распространится, нас обвинят в сектантстве и мракобесии, и не только католическая церковь. А потом последует запрет, и я не смогу противостоять властям. Об этом я уже много думал. Я надеюсь, что Господь услышит меня и Сам продолжит начатое дело.

— Мирослав, а ты знаешь кого-либо, кто мог бы занять место евангелиста?

— Нет, Никуша. И вообще, в Венгрии еще не дошли до того, чтобы осознать необходимость ставить и других людей, кроме пасторов, на внутреннюю миссию. Сюда можно бы послать так называемого левита, то есть проповедника и учителя в одном лице. Лишь бы в его сердце жил Иисус Христос, тогда бы все было хорошо.

— О Мирослав, позаботься о таком левите, остальное предоставь нам с отцом.

— И мне!

— Аурелий!

Николай и Урзин поспешили навстречу счастливо улыбавшемуся Лермонтову.

— И меня примите в ваш союз, я тоже евангелический.

— Конечно, мы тебя принимаем. Ты слышал, что сказал Мирослав?

— Отчасти. Это легко можно осуществить. Я намеревался отправиться в путешествие и потратить на него несколько сотен гульденов. Если же я останусь дома, деньги тоже останутся, а если мы сложимся, то обеспечим содержание левита года на два.

— Да, о нем мы позаботились бы, но где его взять?

— О, Мирослав, найди подходящего человека, — возмолвил Николай.

— Что же ты молчишь, Мирослав?

— Я подумал о деле, о котором хотел бы вас попросить. Уверен, что вы это дело считаете серьезным. Поэтому позвольте мне действовать без промедления. Если я не найду человека, которому Христос открылся, то позвольте порекомендовать вам молодого человека, который любит Иисуса Христа. Дайте ему возможность провести четыре года в миссионерской школе, и он станет первым словацким евангелистом. Можно мне на вас рассчитывать? Или я требую слишком многого? Если да, то простите, ведь я не знаю ваших обстоятельств!

— Мы все тебе простим, если будет что прощать, за твое доверие к нам, — сказал молодой россиянин.

Оживленно беседуя, они вышли из сада. Возле решетчатых ворот, ведущих в город, к ним, с радостным возгласом «Вы здесь, пан Урзин!», подбежал мальчик лет тринадцати и передал провизору записку, приветствовав и остальных.

— Скажи, что я обязательно приду, — сказал Урзин. У выхода он ему еще что-то сказал и закрыл за ним ворота.

— Кто тебя зовет? — спросил Николай настороженно.

— Моя сотрудница, Анечка Х.

— В собрание? Так возьми и меня с собой!

— И я с тобой пойду.

Молча они вышли из сада и прошли добрую часть городка, покоившегося в утренней тишине.

Мирослав провел своих друзей в помещение для собрания и оставил их одних.

Они стали рассматривать фисгармонию и лежащие на ней отпечатанные песни, а также изречения, красиво написанные на стенах между окнами. При этом Николай думал, как это все бедно выглядит, и насколько все это было бы лучше, если бы Коримские взяли это дело на себя.

Аурелий же думал о том, что, наверное, именно так или еще беднее выглядела комнатка, в которой его мать познала Истину.

Вдруг их взгляды встретились, и, как это часто бывает, у них появилась одна и та же мысль.

— Аурелий, ты помнишь, — спросил Николай, протягивая руку к другу, — что мы во время моей болезни обещали искать Свет?

— Помню, а дальше что? — он взял руку друга в свою.

— Я его теперь нашел, Аурелий. Мои чаяния тогда были без знания Истины, которую я теперь постиг. Вечность для меня в то время была бы ужасной. Я и сегодня еще неблагодарный, не заслуживающий увидеть своего Отца Небесного. Я вынужден это тебе сказать, так как я хочу начать новую жизнь, и тебе это могло показаться странным.

— Ты прав, — ответил молодой россиянин, — мне это показалось бы странным, если бы я сам не решил начать новую жизнь.

— Аурелий, ты тоже? О, как чудесно! Значит, разногласий между нами не будет? Как прежде мы все дальше и дальше уходили от Бога, так теперь мы приблизимся к Нему. Как это хорошо, что нет разрыва, недоразумения между мной, тобой и Маргитой. Это действительно прекрасно!

— И Маргита тоже?! Верно, Николай, это больше, чем хорошо! Но почему ты меня ни о чем не спрашиваешь, не удивляешься?

— Не удивляюсь? Чему? Ведь ты верил в Бога и в вечность. Как легко было тебе познать всю Истину! А то, что душа твоя в последнее время боролась, я замечал. Только одно скажи мне: когда Иисус Христос даровал тебе вечную жизнь?

— Как хорошо ты выразился! Вчера ночью. А тебе?

— Сегодня утром. Почти одновременно!

Разговорившиеся друзья не заметили, как дверь снова открылась и вошел Урзин.

— Хорошо, что ты пришел!.. — воскликнул Аурелий.

Он пошел ему навстречу и хотел что-то добавить, но, взглянув в бледное лицо друга, остановился.

— Извините, что я вас оставил одних. У меня большая просьба к вам. Позволь мне, Никуша, кое-что тебе сказать.

— Конечно, говори, проси все, что хочешь. Мы — твои должники и сделаем все, что в наших силах.

— То, что я прошу, в твоих силах, Никуша. Вчера после вечернего собрания я на скамье около нашего домика увидел незнакомую даму, которая приехала издалека, чтобы узнать что-нибудь о своем больном сыне. Но родственников, к которым она ехала, не было дома. Она была убита горем и к тому же недавно перенесла тяжелую болезнь, у нее не было сил идти дальше. Так

как у пани Х. в этом доме имеется комнатка для приезжих, я привел эту даму к ней. Она была очень благодарна за предоставленный ночлег. Но душевное и физическое перенапряжение было выше ее сил, и она снова заболела. Осталась только одна надежда: она должна увидеть своего сына. Это подкрепило бы ее ровно настолько, чтобы отправиться в обратный путь.

Урзин замолчал. С удивлением смотревший на него Николай не заметил, как трудно давалось тому каждое произнесенное слово.

— Ты говоришь, Мирослав, чтобы я тебе помог в этом деле. Но как? Может быть, этой даме нужны средства или лошади, чтобы доехать до вокзала? — спросил Лермонтов.

— Нет, Аурелий, ей нужно только увидеть своего сына и убедиться, что он жив и простил ее.

Оба друга смотрели на Урзина большими глазами.

— Никуша, ты сегодня обрел новую, вечную жизнь. Тебе оказана великая милость, не правда ли? Но в нескольких шагах от нас лежит твоя, хотя и заблудшая, но любящая мать, истосковавшаяся и приехавшая сюда издалека, чтобы только что-нибудь узнать о тебе. Никуша, прошу тебя, пойди к ней хоть на одно мгновение и докажи, что ты добр!

— Моя мать приехала ко мне? — Бледное лицо молодого человека дрогнуло от гордого сопротивления и неприязни. — После стольких лет она вспомнила о сыне! Зачем? У нее нет сына, точно так, как у сына давно уже нет матери... Нет, Николай Коримский никогда не пойдет к баронессе Райнер!

Горечь обиженной души и раненого сердца звучала в голосе юноши.

— «Не судите, да не судимы будете; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете», — тихо произнес провизор, прислонившись к стене около двери.

— О, Мирослав, проси чего угодно, но не это! Если хочешь, я ей прощу и никогда не вспомню. Можешь даже пойти и сказать ей об этом, но видеть я ее не хочу! Нет, никогда!

— Мирослав, я не понимаю, как ты такое можешь требовать от него! — воскликнул молодой врач. — Ты разве не видишь, что свидание с ней убьет его! Разве ты хочешь пожертвовать его жизнью ради прихоти этой женщины?

— Христос умер за грешников, — произнес провизор тихо и печально.

После этого он вдруг склонил голову на грудь, провел рукой по стене, как человек, которому вдруг стало не по себе, открыл дверь и вышел. Он дошел только до первого стула в передней. Там он сел, опустив голову на руки.

Вдруг за ним открылась дверь.

— Мирослав, ты еще здесь? Как хорошо, — прозвучал над ним радостный голос.

— Я огорчил тебя, но ты прости меня! Было ужасно, но я победил. Идем, веди меня туда. Я хочу доказать, что я достоин новой жизни.

— Мирослав, ты сердисься на нас? Ты разочаровался в нас? — проговорил молодой врач, наклонившись к сидящему.

Наконец Урзин убрал руки от лица, и друзья испугались, так оно было бледно и искажено внутренней болью.

— Как мы тебя огорчили! — обнял Николай своего друга.

— Не меня вы огорчили, — Урзин попытался улыбнуться. — Я благодарю вас за любовь, которую вы проявляете ко мне сейчас, особенно ты, Никуша. О, ты никогда не пожалеешь о своей доброте к матери. Поверь мне, она не виновата! Больше вины на тех, кто воспитал ее без Бога, без опоры. Когда пришло несчастье, она не знала, куда ей бежать, где искать опору, и она упала. Но кто из нас без грехов, тот пусть первый бросит камень в нее. Пойдемте к ней!

Когда они перешагнули порог комнатки, сидевшая у кровати девушка поднялась и бесшумно вышла. В комнате для собраний она бросилась на колени. О, как нуждались души людей в силе с небес в этот момент! В ней нуждался мужественно подошедший к кровати юноша, а еще больше — женщина, лежавшая в постели.

Шестнадцать лет прошло с того часа, когда Николай Коримский видел свою горячо любимую мать в последний раз. Шестнадцать лет прошло после той ужасной ночи, когда отчаявшийся отец вернулся из суда и на вопросы Никуши, когда вернутся мать и сестренка и почему они сейчас не приехали домой, ответил:

«Они больше никогда не вернутся, мы разведены навсегда!»

Шестнадцать лет прошло после того страшного утра, когда Николай, сбежав от отца, разыскал в аллее орловского парка дедушку и плача потребовал от него: «Верни мне маму! Я хочу маму и Маргиту!» и получил ответ: «У тебя нет больше матери. Не ищи ее у меня! Я никого из вас не хочу видеть. Никогда больше не смей переступить порог Орлова! Коримские отныне сюда не вхожи!» Дедушка, всегда так любивший своего внука, взял его за руку, вывел за ворота и закрыл их за ним, закрыв для него одновременно и двери своего сердца.

И теперь Николай Коримский, после шестнадцати лет, впервые смотрел в лицо своей матери. В этот момент поднялась заживо похороненная, погребенная под забвением, но не умершая детская любовь. Годы ужасной разлуки показались ему кошмарным сном.

Николай склонился над матерью.

— Мамочка, моя мамочка!

Она не спала. Золотые ресницы ее поднялись, она посмотрела на него. Она не изменилась. Сын узнал ее. Но узнает ли она после шестнадцати лет своего выросшего сыночка?

— Мама, ты не спишь? Я тебя разбудил? — произнес юноша.

— Никуша! — воскликнула она, обвила его шею руками и привлекла его к себе. — Никуша, ты здесь, живой и здоровый! Можно мне обнять тебя? Ты пришел ко мне? Ты на меня не сердись? Ты простил меня? Если нет, то, прошу тебя, прости, прости свою несчастную мать!

— Я все простил, мама, не будем говорить об этом. Лучше я тебе скажу, что я удостоился большой милости. Я познал Господа Иисуса Христа. Он даровал мне Самого Себя и вечную жизнь.

Сын нежно гладил лоб и золотистые волосы матери. Она прижимала его руку к своей груди и смотрела в его милое, особым светом озаренное лицо.

А недалеко от них стояли двое его друзей, которые знали, что этот момент скоро кончится и наступит разлука навсегда. «Как они переживут этот момент?» — подумал молодой врач.

— Что с тобой, мамочка, что у тебя болит? — спросил юноша участливо.

— Ах, у меня ничего не болит, когда ты со мной, мой Никуша. Шестнадцать лет сердце мое страдало от тоски по тебе, мой сын. Потом я получила ужасное известие о твоей болезни. Это было слишком тяжело для меня. Я не вынесла этого и заболела. Меня увезли далеко на курорт, ухаживали за мной и лечили. Выбрав подходящий момент, я сама отправилась за своим лекарством. Я не надеялась увидеть тебя, потому что думала, что ты еще на юге. Я только хотела узнать что-нибудь определенное. Но теперь мне больше ничего не надо, ничего! Ты держишь меня в своих объятиях, ты хоть немного любишь меня, и этого мне достаточно. Одно желание у меня осталось — вот так, в твоих объятиях, завершить эту испорченную, бесцельную, бесполезную жизнь.

Баронесса закрыла глаза.

— Не говори так, матушка, — возразил испуганно юноша и горячо поцеловал побледневшие сомкнутые губы этой женщины. — Ты не хочешь больше жить? Ты еще так молода!

— Жить? Зачем, Никуша, когда тебя нет со мной?

Юноша ужаснулся. Осознанная правда пронзила его, как острое ножа. Ему показалось, будто он видит одновременно два лица: лицо матери — баронессы Райнер, и лицо отца.

Он опустил ее на подушку, опустился у постели на колени, прижав свою златокудрую голову к ее груди, и заплакал. Когда он успокоился, то вдруг заговорил с ней совершенно другим голосом:

— Не плачь, матушка, ищи Божью истину, прими Иисуса Христа в свое сердце. Он заменит тебе меня на земле, как заменил Его Иоанн — Марии. Ведь есть еще другая жизнь, там — в вечности и, может быть, скоро мы встретимся там. До свидания! Да хранит тебя Бог!

Они еще раз горячо поцеловались. Еще раз мать посмотрела в прекрасное лицо сына, в его мокрые от слез глаза. Еще раз он погладил ее лоб и волосы, поцеловал ее руки. Затем он повернулся и неверными шагами оставил комнату. Руки друзей подхватили и вывели его на улицу, на свежий весенний воздух.

— Никуша, спокойнее! Ты сделал все, что мог, ты поступил благородно, доказал, что ты действительно начал новую жизнь.

Теперь подумай об отце, возьми себя в руки, чтобы он ничего не заметил.

— Знаю, Аурелий, знаю. Потому я так скоро ушел от нее. Я чувствовал, что это было выше моих сил. Моя бедная мать! А я даже не хотел ее видеть! Она же мне ничего не сделала, меня насильно у нее отобрали. Бедная моя матушка! Она больна. Если бы ты, Мирослав, не сжалился над ней, ей было бы совсем плохо. Ты ей чужой и позаботился о ней, а мы с Маргитой... Ах, Маргита, если бы ты знала! Аурелий, пойди и посмотри, что моей матери нужно. Ты врач, тебе можно. Помоги ей!

— Иду, Никуша, иду, успокойся только, дорогой! Ведь ты невиновен во всей этой истории и знаешь теперь, где искать помощь для себя и для нее, не правда ли?

Глава тридцать вторая

Часы пробили десять. Во дворе под старой крепостью чистили экипаж и сбрую. Сам пан аптекарь командовал перед отъездом своими людьми. Доктор Лермонтов разбирал бумаги — свои и своего друга — и внушительную часть из них взял с собой в «деревенскую ссылку». Одновременно он приводил в порядок свою аптечку, заменяя некоторые лекарства новыми, из аптеки Коримского. Пани Прибовская укладывала разные деликатесы, жаркое, пироги и другую снедь в дорогу для господ.

Все в аптеке были заняты делом, только одетый уже в дорожное платье сын хозяина дома безучастно лежал на диване. По его бледному лицу было видно, что в этом молодом, но усталом теле не было сил для работы. Он лежал с закрытыми глазами, склонив голову набок, но не спал. Он вздрогнул, когда рядом с ним кто-то тихо спросил:

— Никуша, что с тобой?

Он тотчас открыл глаза.

— Мирослав, это ты? Один?

— Да, мой милый. Дверь закрыта, все заняты.

— Это хорошо, потому что нам поговорить надо.

Провизор опустился на колени, взял протянутую руку юноши и сказал:

— Я пришел попросить у тебя прощения за свою смелость, что я тебя заставил пойти к матери. Тебе это повредило, Аурелий прав. Но я иначе не мог поступить.

— Не говори так, Мирослав. Я только что хотел поблагодарить тебя за то, что ты заставил меня превозмочь эгоизм. И если я умру сейчас, я никогда не пожалею о том мгновенье, когда я снова мог покоиться в объятиях моей родной, дорогой матери!

Юноша заплакал и спрятал лицо на груди друга.

— Она меня не забывала, а любила все эти долгие годы, любит меня и сейчас, а я был таким бесчувственным! Она пришла ко мне, больная, а я даже видеть ее не хотел! Она больна и так одинока! Обо мне заботятся многие, а она одна. Я не могу о ней заботиться, потому что ей к нам нельзя. Дедушка и Маргита, может быть, и приняли бы ее, Маргита определенно, но они не в Орлове, а в Горку она из-за нас не может прийти. О, Мирослав, кто позаботится о моей матери?

— Я, Николай, не беспокойся. А главным образом — Иисус Христос.

Юноша посмотрел в лицо провизору и вздохнул:

— Ты хочешь заботиться о ней? Этому я верю. Ты уже позаботился о ней. Если бы не ты, моя мать лежала бы сейчас в грязной гостинице в Подграде, моя мать, привыкшая с детства к барской жизни.

— Условия у нее теперь барскими не будут. Но любовь многое может заменить. Не заботься, Николай, поверь мне: все, что я смогу сделать вместо тебя, я сделаю и обо всем буду тебе сообщать.

— О, благодарю тебя! Но как ты это сделаешь, чтобы отец этого не заметил?

— Недалеко от Боровца находится долина Дубравы, там у меня друг Степан. Это племянник пани Прибовской. Письма я буду адресовать ему, а он их тебе передаст, так что никто и не заметит. Ему это нетрудно, так как его бабушка у вас там в прислугах.

— О, как я тебе благодарен! Ну а если мать тяжело заболеет?

— Господь сохранит ее от этого. А в случае чего, я извещу пана Орловского по телеграфу. Но Аурелий считает, что у нее

только нервное перенапряжение, и что это в тиши и в одиночестве скоро пройдет, особенно если тоска ее уймется. Когда я уходил, твоя мать спокойно спала.

— Поверь мне, Мирослав, я много бы отдал, чтобы сейчас остаться в Подграде.

— Верю тебе, Николай, но так лучше. Повторное твое посещение могло бы повредить матери и тебе тоже.

— Возможно. Мне было так нехорошо.

— А теперь?

— Теперь лучше, только забота удручает меня.

— Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас!

— О, Мирослав, помолись со мной за мою мать и за меня!

Друзья опустили на колени и горячо помолились. Потом Урзин почитал еще из Слова Божьего. Как раз, когда они закончили чтение главы, в дверь постучали, и вошел сам Коримский — за сыном, сказать, что все готово к отъезду.

Не прошло и полчаса, как дом опустел, а лошади уносили Никушу все дальше и дальше, в то время как сердце его оставалось там, в маленьком доме, с оставленной им больной матерью.

Чтобы лучше думалось, он закрыл глаза и откинул голову на подушки. Отец и друг ему не мешали. У каждого из них тоже было о чем подумать.

У Коримского не выходили из головы вчерашнее письмо и скорая встреча с Адамом Орловским.

А Аурелий? Тот готовился к борьбе, из которой он непременно хотел выйти победителем. Он знал, что в нем самой силы мало. Знал, что любовью к Орловским отплатить за то, в чем они провинились перед его отцом, его матерью и перед ним самим, будет трудно. Но он намеревался поступить по-христиански и верил в победу и в помощь Господа.

Ах, каким чудесным было это путешествие в майский день! Как жаль, что путешественники этого не замечали. Лишь к вечеру они прибыли в Горку, потому что отдыхали и меняли лошадей. Здесь Коримский зашел в гостиницу. Николай попросил закрыть экипаж, выходить ему не хотелось. Аурелий, достав блокнот, стал рисовать развалины старой гуситской церкви на противоположном холме.

Вдруг он услышал стук колес. Перед гостиницей остановились дрожки, прибывшие с вокзала. С дрожек сошел господин в элегантном дорожном костюме. От нечего делать доктор Лермонтов стал рассматривать прибывшего. Он был среднего роста, строен, лет сорока с небольшим. Волосы и борода светлые, глаза — голубые, высокий лоб. Все выдавало в нем энергичную натуру.

В разговоре с кучером он был немногословен. Безупречно говорил по-немецки. Аурелий все еще смотрел ему вслед, когда тот уже скрылся за дверью гостиницы. Через несколько минут этот человек сидел в столовой. Он заказал ужин, как и сидевший за другим столом пан Коримский. Перед последним лежала газета, но он не читал, а высчитывал что-то на ее полях.

Вновь прибывший также достал свой блокнот и стал что-то писать. Они едва заметно поприветствовали друг друга, как это принято в гостиницах. Больше они друг друга не беспокоили. Поданная еда обоим не понравилась.

Вдруг незнакомец поднялся.

— Позвольте вопрос, пан, — вежливо обратился он к Коримскому.

— Пожалуйста, — ответил Коримский так же вежливо.

— Далеко ли отсюда деревня Боровце и имение Горка?

— Горка? — удивился Коримский. — Около двух часов езды.

— Благодарю.

Незнакомец поклонился.

— Простите вопрос, — задержал его Коримский, — являются ли Горка или Боровце целью вашего путешествия?

— Да.

— Позвольте мне спросить, что ведет вас в это захолустье? — допытывался Коримский, с трудом сдерживая свое любопытство.

— У меня там дочь, — ответил незнакомец, вежливо улыбаясь.

Но его улыбка вдруг исчезла, потому что настал его черед заинтересоваться своим собеседником.

— Кто у вас там? — переспросил Коримский дрожащим голосом.

— Я сказал уже — дочь. Почему вам это кажется странным? — спросил незнакомец, гордо выпрямляясь.

— Потому что этого не может быть. Как мне известно, владелицей Горки является Маргита Орловская, а другой дамы, могущей быть вашей дочерью, там нет.

— Я не сказал, что она моя родная дочь, но надеюсь, что ваша милость не может оспорить мое право отцовства относительно этой дамы, мать которой — моя жена. Ведь я воспитал ее. Но что с вами? — барон Райнер приблизился к смертельно побледневшему Коримскому.

— Ничего! — произнес Коримский, отстраняясь. — Как бы дела ни обстояли, я никогда не позволю вам, господин барон, притязать на мою дочь!

— Коримский!.. Невозможно! — Барон Райнер отступил на шаг, и двое мужчин смерили друг друга взглядами, которые описать невозможно.

Барон первым овладел собой:

— Во всяком случае, было бы хорошо, если бы мы с вами никогда в жизни не встретились; и эта встреча не должна была состояться — меня не уведомили, что пан Коримский в отъезде. Но раз так вышло, я могу и не ехать в Горку. Два отца не могут быть гостями своей дочери — это ясно. То, что я хотел узнать у Маргиты, мне может сказать и пан Коримский, и мы навсегда разойдемся.

Под влиянием барона Райнера Коримский также успокоился, несмотря на то что его положение было крайне неприятным. Что он думал? Какого мнения о нем мог быть новый муж его бывшей жены, если он ее любил и верил ей?

— Что пан барон желает узнать у моей дочери? — произнес он наконец с внешним спокойствием.

— Я хотел узнать, — сказал барон, — верно ли известие о случившемся с ее братом несчастье, жив ли он и каково его состояние, если он жив. Хотя между нами разговор невозможен, но Маргита Коримская свидетельница тому, что я сделал все, что в моих силах, чтобы ей в моем доме было хорошо. До семи лет она была у нас как дома, а потом, не по моей вине, узнала правду, что она мне не дочь, и стала меня чуждаться. Но и после этого она не может сказать, что я ее чем-то обидел. Поэтому я, наверное, имею определенное право, по крайней мере, как

воспитатель, принимать участие в ее судьбе, и я прошу сообщить мне правду.

В груди Коримского разразилась буря. Много лет он ненавидел Райнера и считал, что имеет право презирать его, а теперь понял, что в долгу перед ним. Ведь Райнер неплохо относился к его дочери. Она выросла в благосостоянии, получила прекрасное воспитание. «Тебе ничего не остается, — говорила ему совесть, — как благодарить его». Райнера благодарить? Какой ужас! «Если ты этого не сделаешь, он все равно будет выше тебя, особенно после того, как он пришел, чтобы убедиться в происшедшем с Николаем и утешить Маргиту, когда мать не могла этого сделать».

— Николаю было очень плохо, — произнес наконец Коримский после напряженного молчания, — но теперь он поправляется. Сейчас он там, в карете. Мы едем в Боровце. Маргита обрадуется нашему приезду и улучшению здоровья брата. Она чувствует себя хорошо. Вчера вернулся и Адам Орловский. Я надеюсь встретить там его, а также пана Николая Орловского. Больше мне сказать нечего.

— Этого мне вполне достаточно. Я поздравляю вас с выздоровлением сына и благодарю за сообщение.

Барон Райнер поклонился, надел перчатки и пошел к выходу. Уже у дверей он услышал:

— Я также благодарю вас за воспитание моей дочери!

Он обернулся и, высокомерно взглянув на Коримского, произнес:

— Я не принимаю вашей благодарности, так как я воспитал не дочь Коримского, а дитя моей горячо любимой жены, у которого не было отца.

Слова были сказаны. Коримский их услышал и вынужден был принять. Ответа у него не было. Но, как ни странно, он с облегчением вздохнул. Благородство барона его чуть не уничтожило. А эти его слова доказывали, что он в отношении Коримского чувствовал то же самое, что чувствовал Коримский в отношении Райнера. Они были квиты. Райнер заботился о Маргите не ради нее, а из себялюбия, потому что она была дочерью его любимой жены.

Однако при мысли, что Райнер Наталию — его Наталию — даже в его присутствии так смело и открыто называл своей

женой, в его сердце поднялась такая буря, что ему захотелось побежать и догнать его. А что бы он сделал потом, он и сам не знал, но могло случиться что-то ужасное.

Он упал на стул у стола, уронив голову на сцепленные руки, и не заметил, как вошел хозяин заведения, чтобы посмотреть, не нужно ли чего господам. Только что он, многократно кланяясь, проводил высокого гостя и теперь любопытно разглядывал Коримского.

Когда барон вышел из гостиницы, Аурелий как раз закончил свою зарисовку. Он подошел к карете и, открыв ее, спросил:

— Тебе что-нибудь нужно, Никуша?

— Да, оставь, пожалуйста, дверцу открытой, — произнес голос изнутри.

Мимоходом барон увидел красивое бледное лицо юноши, так походившее на другое, столь дорогое ему лицо. «Если бы она его таким увидела...» — промелькнула в его голове мысль. Он сел на дрожки и уехал.

Через некоторое время уехала и карета Коримского.

— Ах, Маргита, если бы не эта, как говорят, случайная встреча, что бы ты делала, случись она в твоём доме?

Глава тридцать третья

Пан Николай Орловский был в салоне один. Около получаса он простоял на веранде, глядя вслед своим детям, отправившимся навстречу ожидаемым гостям. И сейчас еще перед его глазами стояла эта прекрасная пара. Они его просто поразили! Как он злился по дороге из Подолина на Адама за его холодное отношение к Маргите! Но, вернувшись, он вдруг оказался в его объятиях и услышал слова: «Не сердись, дедушка, уже все в порядке». Потом Орловский увидел, как Маргита встретила Адама. Она вышла ему навстречу красивой и сияющей, как майское утро, и так приветливо улыбнулась Адаму, что старик от радости чуть не расплакался. Он еще сомневался, надолго ли это, но в их отношениях ничего не менялось. Адам привез из экспедиции много зарисовок и ботаническую коллекцию; Маргита рассматривала все это с огромным интересом. Пан Николай не мог оторвать от нее

глаз, так она очаровала его. А когда Адам после завтрака предложил ей поиграть, она с удовольствием исполнила его просьбу.

После того как Адам написал несколько срочных писем за ее письменным столом, где она все для него приготовила, они вместе пошли в Боровце. Потом Маргита сказала, что хочет пойти навстречу отцу. Адам предложил сопровождать ее, и они отправились вместе. Пан Орловский все еще вспоминал, как они шли и оборачивались в его сторону, махая ему: Адам — шляпой, а Маргита — платочком, пока не исчезли из виду.

— Они еще будут счастливы, — шептал старик, радуясь.

От скуки он пошел в маленький салон внучки. Его взгляд упал на стол и на множество книг на нем. Он взял одну из них. Она была немного больше других и чем-то выделялась. Открыв ее, он увидел, что она на польском языке. «Наверное, одна из заказанных деканом Юрецким, — подумал старик. — Надо спросить капеллана Ланга, какого мнения он о своей ученице. И с Маргитой мне бы поговорить. Но это неспешно, зачем сейчас мучить ее религией? Она лучшая христианка, чем мы все».

Он уже хотел отложить книгу, когда его взгляд упал на слова, поразившие его: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя». Рядом, на полях рукой Маргиты было написано: «От отца меня взяли, мать не любила меня; но Ты, мой Господь и Бог, меня не забыл. Ты любил меня, хотя я Тебя и не знала».

У старика на глазах появились слезы. Напечатанные, да и написанные слова звучали как обвинение для него. Какое примечание сделали бы на этом месте Фердинанд или Наталия?

Пан Орловский склонил голову. Ему показалось, будто его родные дети стояли перед ним и спрашивали: «Отец, зачем ты нас оттолкнул от себя на погибель?» Если бы не его жестокость, может, и Фердинанд был бы сегодня жив. Но он его прогнал.

И если бы он по-иному обошелся с дочерью, когда она пришла к нему в таком отчаянии и возмущении, она осталась бы в Орлове и, может быть, снова примирилась с Коримским, хотя бы ради детей. Но он не сжалился. Что удивительного в том,

что она, молодая и одинокая, вышла потом замуж за благородного человека?

Ведь это был не первый и не последний подобный случай на земле. А то, что пан Райнер был человеком с характером, пан Орловский знал хорошо. Хотя и казалось, что он, как отец, не заботился о своей дочери, тем не менее, он следил за ее судьбой. Однажды, увидев Райнеров на курорте, он понял, что они хорошо живут вместе, и все, что он узнавал потом о Райнере, говорило о нем как о человеке честном и порядочном.

И то, что Маргита на его вопрос, как относился к ней Райнер, ответила: «Всегда очень благородно, дедушка; к родной дочери он не мог бы лучше относиться», примирило его с бароном Райнером, и он на него, в сущности, уже не сердился. И если бы не было Коримского, он бы его с благодарностью принял как зятя, но так... Ах, эти несчастливые обстоятельства!

Чтобы прогнать эти печальные мысли, он стал листать книгу дальше, пока глаза его снова не наткнулись на обозначенное место:

«Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших». Под этими словами Маргита написала: «Я не могу простить, значит, и мне не простится...»

И он снова, не в первый раз за последнее время, почувствовал, что он грешный человек и что ему необходимо примириться с Богом. Чтобы не ходить на исповедь, он купил себе индульгенции — грамоты об отпущении грехов — от самого Папы Римского. Однако он знал и чувствовал, что это бесполезно: грехи его не были прощены и угнетали его. Но никогда прежде они не давили на него столь тяжело, как сейчас, в этот момент.

И вдруг, словно кто-то открыл ему глаза, он понял, что не простил Фердинанда и не сможет никогда уже его простить. Он не простил и Наталию, и если бы он сейчас умер, она тоже не получила бы прощения. А по ту сторону могилы — вечность! И если хотя бы половина преданий об аде верна, что тогда? Нужно что-то предпринять! Пожертвование или паломничество к святым местам? Может быть, эта книга что-нибудь подскажет?

Пан Николай перевернул страницу и снова нашел подчеркнутое место: «Придите ко Мне все, труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... и найдете покой душам вашим». —

«Я пошла за Тобой, Господь Иисус Христос, — приписала Маргита на полях, — я пришла к Тебе, и Ты дал мне покой. Ты сжалился надо мной».

«Какие странные слова! Что Маргита хотела сказать этим? Как это она пришла к Христу? Надо спросить ее», — подумал пан Николай. А потом у него появилась такая жажда и уверенность в том, что эта книга — источник живой воды, что он стал читать и читать. Он забыл о своих гостях, о детях, обо всем!

Между тем его дети шагали по едва зазеленевшему майскому лесу. Маргита сняла шляпу, Адам нес ее. Какой будет встреча отца и брата с Адамом? Ведь они незнакомы с ним. Она опасалась, что присутствие постороннего человека помешает их радости. Кроме того, она не знала, какого мнения Адам о ее отце. Каким оно могло быть, если его собственная жена осуждала его и не верила ему.

Маргита почувствовала желание защитить честь любимого отца. Она подняла глаза на мужа, и их взгляды встретились.

— Что ты, Маргита?

— Мне хотелось бы знать, что ты думаешь о моем отце.

— О дяде Коримском? — переспросил он с удивлением.

— Дяди? — удивилась она. — Верно, он тебе дядей приходится. — Может быть, ты его и раньше знал? — спросила она осторожно.

— Конечно! Прежде мы с Никушей были хорошими друзьями.

— Даже с Никушей? О, расскажи мне что-нибудь о той, прошлой жизни.

Кто мог отказать ей в такой просьбе? Адам рассказал, как он любил тетю Наталию и двоюродного брата, который был немного моложе его; что он неделями пропадал в аптеке и каким кумиром для него был отец Никуши и Маргиты. Он раскрыл перед ней свое и Николая счастливое детство и семейное счастье ее родителей. Он поведал ей обо всем, что было до его отъезда в гимназию, и закончил свой рассказ словами:

— Когда я вернулся, счастье растаяло, как дым. Ты спрашиваешь меня, что я думаю о твоем отце. Теперь, когда дедушка ждет его в Горке, я радуюсь. Что бы ни говорили, он

остался у меня в сердце таким, каким я его знал до нашей разлуки, и я не могу поверить в его вину.

Маргита, выронив цветы, схватила руки мужа.

— Поверь, он невиновен. Письмо, которое он мне написал, когда впервые попытался приблизиться ко мне, я всегда ношу при себе, — голос ее дрогнул, слезы заблестели в ее черных глазах. — Пожалуйста, прочти его и поверь ему хотя бы ты, Адам!

Она достала блокнот и вынула из него аккуратно сложенное письмо. Пока он читал, она собирала рассыпанные цветы.

Закончив чтение, Адам задумался. С одной стороны, он осуждал Наталию Орловскую, которую когда-то так любил. Но он не мог понять Коримского: как тот допустил над собой такое надругательство! Он бы такого никогда не вынес!

Но когда первый порыв гнева утих, Адам признал, что Коримский, не имея доказательств своей невиновности, ничего не мог поделать против приговора общественного мнения, как только дальнейшей своей жизнью убедить людей, что они были к нему несправедливы.

Когда Маргита поднялась, он отдал ей письмо.

— Я благодарю тебя за доверие, — сказал он искренне.

— А ты емуверишь?

— Как я могу сомневаться, Маргита?

Она спрятала лицо в цветы. Ей было грустно, но в то же время она радовалась, что Адам поверил ее отцу.

Молча они пошли дальше, пока не поднялись на холм.

— Здесь мы подождем, — сказала Маргита, — и издалека их увидим. Я так благодарна тебе, что ты мне рассказал, какая тесная дружба связывала тебя с Никушей раньше. Мне хотя бы не приходится просить тебя о частице любви к нему.

— О нет, — ответил он искренне, — детская любовь очень легко возобновляется. Я только думаю, что не нужно было покупать имение в Боровце, мы бы все поместились в Горке.

— Отец не хотел, — сказала Маргита. — Но мы позаботимся о том, чтобы они чаще бывали здесь, в Горке, — добавила она, поднимая на него сияющие глаза.

Вдруг издали донесся звон колоколов. Маргита вздрогнула. Перед тем как они отправились на эту прогулку, она прочитала

стих из Слова Божьего, где было написано: «Сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению». Там, дома, она решила использовать эту прогулку, чтобы сообщить Адаму сразу по его прибытии о своем твердом решении никогда не быть католичкой. Она чувствовала, что если не сделает этого сегодня, то с каждым днем этот шаг будет становиться все труднее. Но время шло, а она до сих пор молчала. Раньше она думала, что это Адама не касается. А теперь, когда они помирились, она почувствовала, что Адам вправе знать о ее внутреннем убеждении. Она присела на пень, и когда Адам прислонился к дереву напротив нее, начала рассказывать о занятиях с капелланом Лангом, не замечая, что он нахмурился. Она не знала, что Адам Орловский был самого плохого мнения о любом слугителе церкви. Глядя в милое, невинное лицо Маргиты, он подумал: «Этот негодный поп часами любовался ею...»

Так как Адам ее не прерывал, она пересказала ему также свой разговор с деканом Юрецким о том, что католическая церковь до этого времени совершенно не заботилась о ней и что она теперь на нее, Маргиту, не имеет никакого права. Она заявила, наконец, что никогда не сможет принадлежать церкви, учение которой не соответствует ее внутреннему убеждению.

— Я должна сказать тебе, прежде чем об этом узнает дедушка, — сказала она. — Я вам верно буду служить в земных делах, но духовного рабства не допущу и свободой совести не поступлюсь. Я познала Господа Иисуса Христа и Его Евангелие. Позвольте мне жить среди вас беспрепятственно по Его воле. Позвольте мне стать евангелической христианкой. Посмотри только на деревья, цветы, траву и кустарники — все развивается и живет по воле Божьей. Если перенести всю природу в тесную теплицу, она погибает. Так было бы и со мной: я бы тоже погибла от рабства. Адам, не принуждай меня противоречить тебе! Я предпочла бы умереть, нежели отступить от познанной Истины. Если ты мне мешаешь, то Господь мне поможет. Перед дедушкой я свои убеждения сумею защитить, не огорчая его. Он меня слишком любит, чтобы не желать мне счастья. Что ты мне на это ответишь, Адам?

Она стояла теперь перед ним, освещенная заходящим солнцем. Скрестив руки на груди, он смотрел на нее. Никогда еще он не видел такой убежденной души, но теперь Маргита стояла перед ним, неприкосновенная, как сама душа. Для него это было чем-то новым, какой-то странной силой, перед которой он готов был преклоняться.

— Что ты мне ответишь? — повторила она свой вопрос.

— А если бы я тебе сказал, что Орловские были и остаются католиками, что они в своей среде не потерпят протестантки, попирающей ногами наши убеждения? — спросил он испытующе. — Если я скажу, что ты, будучи моей женой, должна быть католичкой, что тогда? Как бы ты тогда поступила?

Она протянула руку, указывая на дорогу, ведущую через лес вдаль. Он близко подошел к ней.

— Не хочешь ли ты сказать, что оставила бы нас? А твоя любовь к дедушке?

— Моя любовь к дедушке оказалась бы, во всяком случае, сильнее, чем его любовь ко мне, ибо я ушла бы, благословляя и молясь за него. С ним остались бы вы все, а со мной на земле — никто. Так каким будет ответ?

Его лицо то бледнело, то краснело. Он уже давно ни во что не верил. Он не уважал церковных церемоний и презирал всех священников. Однако теперь, когда нужно было решить, давать жене свободу или нет, он все же не ощущал себя столь равнодушным безбожником, чтобы уступить без борьбы. Римская церковь, породившая испанскую инквизицию, воспитывала всегда, не исключая и наш «просвещенный» век, палачей и торговцев человеческой совестью.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Руки Маргиты были сложены, как для молитвы, сердце ее в страхе зывало к Богу.

— Я верю в твое благородство, Адам, — тихо произнесла она.

— Ты во мне не ошибаешься. — Он привлек ее к себе. — Верь, во что и как ты хочешь, я тебе мешать не буду и не стану навязывать тебе убеждения, которого сам не разделяю. Я запрещаю священникам докучать моей жене и пичкать ее своими «премудростями». Лишь одного я желаю: не делай этого открыто.

Не привлекай сейчас внимания общества к нам своим открытым переходом в другую церковь. Пусть дедушка с миром уйдет из этой жизни.

Маргита не успела ему ответить, потому что снизу, с дороги, послышался стук колес.

— Наши едут! — воскликнул Адам, выпустив Маргиту из своих объятий, и поспешил навстречу гостям.

Маргита не достигла желаемого: она желала открыто признать свое исповедание евангелической веры. Однако муж обещал не принуждать ее стать католичкой, и она решила подождать, в надежде со временем добиться своего. Вскоре она припала к груди отца, обняла брата и увидела, как Адам приветствовал своего дядю и кузена.

Часть дороги они ехали вместе, беседуя. Затем Адам предложил Коримскому и Лермонтову пройти пешком, Маргита осталась наедине с братом. Она обняла его обеими руками.

— О, Никуша, дорогой мой, ты здесь поправишься, обязательно! Иисус Христос услышал мои молитвы, и Он сделает так, чтобы на твоих щеках снова появился здоровый румянец.

— Я уже поправился, дорогая моя сестричка! От одного твоего вида! Но действительно ли ты счастлива? Я не ожидал такой встречи с вашей стороны. В самом ли деле ты счастлива, Маргита?

— Да, Никуша, вполне! У меня для этого есть причины. Во-первых, меня Иисус Христос помиловал. Во-вторых, я примирилась с Адамом, и он мне только что обещал, что не станет принуждать меня стать католичкой. И, в-третьих, я везу вас в Горку. Как ты можешь сомневаться в моем счастье?

Лицо Никуши осветилось радостью.

Но не только Никуша оживился. Во время прогулки лицо Коримского также просветлело. То, что Маргита и Адам вместе и так радостно встретили их, принесло ему большое облегчение. Сердечное приветствие Адама, которого Коримский не ожидал, и дружественная беседа между ними разрушили последние преграды. Коримскому, когда-то искренне любившему мальчика Адама, нетрудно было снова принять молодого человека в свое сердце.

Но здесь был еще один человек, с души которого упал камень.

Аурелий Лермонтов, так боявшийся встречи с кузеном Адамом Орловским, не испытал от нее ни малейшей горечи. Во время беседы дяди с племянником он думал о своем друге: «Ты был прав, Мирослав, если человек сам прощает, он может все простить, да и за что, собственно, я должен сердиться на Адама? Он невиновен. Помогите мне, Господь, без зла встретиться также с Николаем Орловским! Матушка, ты будешь мною довольна!»

Его размышления прервал Адам, спросивший о состоянии Никуши и хороша ли будет эта местность для него. Так, беседа, они пришли в Горку, догнав по дороге карету. Недалеко от имения Никуша тоже вышел из нее. Так они все вместе, в веселом настроении подошли к дому Маргиты.

Навстречу им вышел старый пан Орловский. Он на радостях обнимал всех, в том числе и милого доктора Лермонтова. Удивительно человеческое сердце! Куда девались обида и горечь, когда обрадованный старик обнял Аурелия и стал благодарить его теплыми словами за заботу о Никуше? В сердце Аурелия прокралось, несмотря на его сопротивление, чувство детской привязанности. Еще немного, и он Коримскому, Маргите, Николаю и Адаму, а также и пану Орловскому поцеловал бы руки.

Гостям была предоставлена возможность отдохнуть с дороги.

Сам Адам прислуживал им. Маргита между тем заботилась о хорошем ужине, который и Никуше пришелся по вкусу. Затем они еще долго наслаждались в саду майским вечером, где Адам и Аурелий развлекали это маленькое общество своими воспоминаниями о путешествиях.

— Вы на ночь останетесь с Никушей, пан доктор? — спросил Адам, прощаясь.

— О нет, в этом нет надобности.

— Тогда идемте со мной, в мою спальню, если вы не жаждете одиночества и не очень устали. Нам есть о чем поговорить.

Аурелий не мог отказать. «Иди и воздай любовью!» — подсказывало ему сердце. И он пошел и не пожалел об этом.

Во-первых, он сразу же по прибытии мог ближе познакомиться с Адамом Орловским, который был непринужден и естествен.

И, во-вторых, он получил возможность изложить кузену свою точку зрения относительно вероисповедания.

— Значит, вы не греко-католической веры, пан Лермонтов?

— Нет, я евангелической веры.

— И вы действительно верующий, несмотря на то что вы — врач?

— Я верю, что Бог мне для того даровал жизнь, чтобы я когда-нибудь вернулся к Нему.

— Интересно. Значит, вы верите в вечность? — сказал Адам с некоторой насмешкой.

— А вы не верите, пан Орловский?

— Дайте мне доказательства, тогда я поверю. Из могилы еще никто не вернулся, чтобы доказать, что есть жизнь после смерти.

— Кроме одного: Иисуса из Назарета. Когда вы узнаете Его, вы поверите, что Он жив. И если Он жив, то и мы будем жить.

Сердце заставило Аурелия рассказать Адаму о своей борьбе, сомнениях, а также о конечной победе света над тьмой в его душе.

— Извините, — сказал Адам, внимательно его выслушав. — Вы были здравомыслящим человеком, а теперь стали мечтателем. Вы верите в то, что никто не может доказать. Почему вы не полагаетесь на свой трезвый разум?

— Потому что мне этого было недостаточно, как и любому другому человеку.

— О, прошу, не говорите так. Перед вами стоит один из тех, кто может жить без веры в вечную жизнь, кому достаточно того, что он понимает своим разумом.

Аурелий посмотрел в лицо молодого ученого. «Не старайся, — говорил ему внутренний голос, — предоставь его Господу», — поэтому он перевел разговор на другое, и вскоре они по-дружески простились на ночь.

Они уже спали, а в спальне пана Николая все еще горел свет.

Здесь шел долгий разговор тестя с зятем. Бывают моменты, когда человек может задохнуться, если у него не будет возможности поделиться с кем-нибудь своими тяготами. Так и пан Коримский сообщил своему тестю, что по пути сюда он встретился с паном Райнером. Он знал, что Наталия была осведомлена

о несчастье, случившемся с Никушей, и что она не могла посетить его. Он ей сочувствовал. Наконец старик встал и положил руку на плечо сидевшего со склоненной головой зятя.

— Манфред, мы приближаемся к могиле, особенно я. Мы предстанем перед Господом, и там, я думаю, все станет явным. Я тебя до сих пор никогда не спрашивал о тех делах: справедливо было обвинение Наталии или нет. Если ты согрешил, то это прошло. Я не осуждаю и прощаю тебя. Но скажи мне правду, ибо безо всякой причины она тебя, наверное, не оставила бы. Ведь она тебя так любила.

С души аптекаря словно камень свалился.

— В том, что она ушла от меня, я не виновен, — ответил он, держа руку старика. — Это и перед престолом Господа откроется. Она ушла, потому что сочла меня неверным, падшим мужем. И она была, в сущности, права. Я был падшим человеком, нарушившим шестую заповедь. Я предал добрую, любящую женщину, но это была не Наталия.

— Манфред, о чем ты говоришь? — воскликнул пан Николай. — Ты сошел с ума!

— Нет, отец. Я еще в здравом уме, хотя и удивительно, что до сих пор не сошел с ума. Ты знаешь, что у меня, до того как я попросил руки твоей дочери, была невеста, Людмила, дочь учителя Боринского из Х., которая ни по красоте, ни по образованию не могла сравниться с Наталией. Но это была ангельская душа, а я ее погубил. В момент страстного счастья она поддалась моему искушению. Искушение настигло нас, как огонь — сначала меня, а потом ее. У нас не хватило моральной силы противостоять, и мы пали оба. Затем отец мой разлучил нас. Но и без его содействия нас разделял грех. Она страдала под тяжестью греха, видела во мне лишь виновника падения, а я чувствовал себя рядом с ней презренным грешником и понимал, что потерянное никогда не вернуть. Запрет отца мне был на руку. Мы расстались. Но она была не только моей невестой, которой я неоднократно клялся в верности, она была и матерью моего первородного ребенка, которого я никогда не видел и рождение которого стоило ей жизни. Прочти это письмо, я его нашел вчера среди моих бумаг. Из него ты увидишь, почему моя жена, которой

я никогда ничего плохого не сделал, оставила меня и почему мой единственный сын теперь умирает.

Дрожащей рукой пан Николай взял в руки пожелтевший лист. Когда он прочитал письмо, рука его бессильно упала. Он молча стал расхаживать по комнате.

Коримский тоже поднялся и стоял теперь у окна, прижимая горячий лоб к холодному стеклу. Первым заговорил пан Орловский.

— Манфред, ты уже искал своего сына?

— Искал, но следов не нашел.

— Поищи еще, — прибавил старик в своем католическом суеверии, — ибо если твой сын где-то живет в бедности, то проклятие, содержащееся в письме, исполнится. А ведь у тебя есть не только Никуша, которого это проклятие уже постигло, но и Маргита. Нужно что-то сделать, чтобы умиловать Бога, чтобы Он не наказал еще и Маргиту.

— Отец!..

— Я вынужден напомнить тебе об этом. Что делать? Какие жертвы предписывает ваша церковь для умилования Бога?

— У нас это не принято, я не знаю ни о какой жертве.

— Этого не может быть. Ты до сего времени просто не думал об этом и не знаешь. Спроси вашего пастора.

— Отец, я знаю, что Бога в Его гневе ничем не умиловать. Я знаю, что все, что делает такой несчастный грешник, как я, перед Ним — зло.

— Тогда молись святым, но у вас ведь нет святых... Вот видишь, куда заводит вас ваш протестантизм. Когда дело плохо, у вас никого нет, к кому можно обратиться. Если ты ничего не можешь предпринять, то я вымолю себе мою Маргиту.

— Отец, не только Маргиту! — бросился Коримский на колени. — Если ты хочешь и можешь молиться, то молись и за Никушу, и за меня, несчастного, и за первое дитя мое, чтобы я его нашел и позаботился о нем. Может быть, проклятие снимется с меня...

В ту же ночь слабый свет горел и в простой комнатке в Подграде. Там в постели лежала в бреду красивая женщина — жена двух мужей, а молодой человек с любовью и вниманием следил за ее

дыханием. Он подавал ей лекарства, менял холодные компрессы и иногда открывал окно, чтобы впустить свежий воздух. Только после того как больная совсем успокоилась, он прилег на диван и закрыл глаза. На его лице теперь словно лежал отблеск той далекой страны, где будут царствовать лишь любовь, чистота и мир.

Но как только молодой человек уснул, эта умиротворенность с его лица исчезла. Черты его исказила боль — властелин земли и рода человеческого.

В тишине открылась дверь. Вошедшая молодая девушка огляделась и, заметив спящего, с облегчением вздохнула.

Как хорошо, что она пришла пораньше! Пан провизор уже устал. Теперь хоть больная его не разбудит. Но девушке пришлось самой это сделать. У него, наверное, был кошмарный сон, потому что он так застонал! Этот стон из уст того, кто всегда всех утешал, поразил девушку. Она несмело коснулась своей холодной рукой лба молодого человека, и он тотчас открыл глаза.

— Анечка, вы уже здесь?

— Извините, пан Урзин, но вам, наверное, что-то приснилось, вы так стонали, — сказала она тихо.

— Возможно, сестра. Может быть, я неудобно лежал. Благодарю за внимание!

Он встал и подошел к постели больной.

— Слава Богу, наша больная успокоилась. Жар проходит. Я вас спокойно могу оставить с ней до утра. Наш Господь ведь будет с вами.

— Я верю в это и сделаю все необходимое. Но скажите, пожалуйста, нет ли ответа от пана барона?

— Нет, секретарь его только сообщил, что пана барона нет дома и что он не знает, куда послать ему известие, пока он не придет.

— Что же нам делать? Ведь бедной женщине все хуже!

— Не заботьтесь, дорогая сестра, я все это предал Господу. Он обязательно поможет. Будем делать, что в наших силах, остальное предоставим Ему. Но теперь — с Богом и до свидания!

Тихой майской ночью молодой человек шагал в направлении «Золотой лилии». На мгновение он присел на ступеньках аптеки и, обхватив руками колени, положил на них голову. Как хорошо

было в тиши на рассвете! Ночь миновала. Недолго наслаждался этой тишиной Урзин. Вспомнив свои обязанности, он поднялся и вошел в спящий дом.

— Все-таки я хотела бы знать, пан провизор, где вы проводите ночи. Вчера ваша постель была нетронута и сегодня тоже. Если бы кто другой, я бы не удивлялась, но вы...

— А вы не думаете о том, милая пани Прибовская, что слуга Господа когда-нибудь может пожертвовать и несколькими ночами для своего ближнего?

С этими словами он сердечно пожал ее руку. Потом они сели завтракать. Ученики уже вышли открывать аптеку.

— Я так и предполагала. Но дорогой мой, этого Иисус Христос требовать от вас не может, две ночи подряд...

— Я был только до полночи, а потом мне уже не хотелось ложиться.

— Вы, наверное, ухаживаете за больным?

— Угадали.

— А не могла бы я вам помочь?

— Я думаю, что очень даже. Но у вас целыми днями столько дел, что вам ночной покой просто необходим.

— Ах, не говорите так! Кто больше вас работает целый день?!

— Это дело другое.

— Значит, вы не хотите взять меня в помощницы? — спросила женщина опечаленно.

Провизор подумал немного, затем сказал:

— Я принимаю ваше предложение. Но обещайте мне никому не рассказывать, пока я вам не позволю, за кем мы ухаживаем.

— Охотно обещаю.

— Вам нелегко будет сдержать это слово. У Х. лежит тяжело больная пани Райнер, мать Никуши.

— Пани Коримская? Как она попала сюда? — ужаснулась пани Прибовская и потом внимательно выслушала рассказ провизора.

Не прошло и часа, как люди видели ее спешащей к Кладбищенскому переулку, но никто не обратил на нее особого внимания. У пани Прибовской были все ключи от шкафов, и она со спокойной совестью взяла из белья покойной пани Коримской

простыни, полотенца и вообще все, что было необходимо для ухода за тяжело больной пани Райнер, и чего ухаживавшим за ней до сих пор так не хватало.

Она не спрашивала, что сказали бы люди, да и сам пан Коримский, если бы он узнал, что с этого дня из его кухни посылалось все необходимое для пани Райнер. Ведь пани Прибовская готовила пищу для матери Никуши и Маргиты.

В тот же вечер поступило известие от секретаря барона Райнера. Он отправил депешу барону на курорт, однако его либо там не было, либо он уже уехал. Так что ничего другого не оставалось, как выполнить обещание, данное Никуше: в случае ухудшения состояния пани Райнер, вызвать пана Николая Орловского.

Глава тридцать четвертая

Ранним майским утром из ворот Подолина на белом коне выехала всадница, которую и стар и млад провожали восхищенными взглядами. Белое платье облегло ее стройную фигуру, кружевные рукава трепетали на ветру. Маленькая кружевная шляпка едва прикрывала ее голову. Она была так прелестна, что в ее образе можно было представить себе зачарованную принцессу.

— Молодая барышня из замка, — шептались дети и взрослые, но она не понимала их язык. — Она прекрасна, как ангел, а какая лошадь у нее, и как она держится в седле!

Маркиза Орано направила коня к лесу. Она ехала той же дорогой, по которой вчера блуждал пан Адам, погруженный в раздумья. Еще вчера после обеда она решила, если зрение ее сегодня не подведет, подняться наверх, чтобы посмотреть, где живет Маргита. Она никому не сказала об этом, боясь, что отец, опасаясь за нее, не позволит ей так рано выехать, а компаньонки замучили бы ее уговорами. Она желала неограниченной свободы без всякого надзора. И она этого добилась. Слуги, не поверившие своим ушам, когда получили повеление немедленно оседлать коня, ослушаться не посмели.

«Как доеду до того креста, — подумала Тамара, — оставлю коня и пойду пешком». Соскочив с коня, она поняла, что ей некому передать поводья.

Впервые в жизни она сама привязала коня к дереву, отстегнула шлейф от платья, бросила его на седло и смело пошла по направлению к черному кресту.

Глядя на него, она вдруг подумала: «Почему в Европе везде стоят эти кресты и почему на них всегда этот отвратительный образ прибитого за руки и за ноги человека?»

Она знала, что крест — символ христианства. Но какое отношение имеет к нему тот человек? Кто это? Почему Его везде так чтут? Она как-то расспрашивала отца о Нем, и он ей ответил, что она еще слишком молода, чтобы думать об этом.

«Но я хочу знать, — думала она теперь с упрямством избалованного ребенка, привыкшего повелевать, — я хочу это знать, и кто-нибудь должен мне об этом рассказать!»

Оборачиваясь на крест, она уже отошла от него, как вдруг увидела полусидящего на нижней ступеньке молодого человека.

Тамара, уже привыкшая к внешности европейцев, такого еще не видела. Золотистые волосы обрамляли бледное лицо юноши. А какие красивые губы были у него! С почти детским любопытством она его рассматривала. Что он здесь делал? Спал на этом твердом камне? Рука, подпиравшая голову, наверное, уже болела?

«Я его так не оставлю», — решила Тамара. Она сделала шаг вперед и вдруг остановилась: она покраснела до корней волос, так как через длинные золотистые ресницы смотрели на нее черные глаза.

Молодой человек встал и, покраснев, поклонился.

— Доброе утро, — произнес он по-немецки.

Она облегченно вздохнула, обрадовавшись, что понимала его.

— Доброе утро!

Наступило неловкое молчание, которое было бы трудно прервать, если бы к своей повелительнице не подошел ее белый конь.

— Я же его привязала?.. — удивилась Тамара.

— Позвольте, сударыня, я его лучше привяжу, — улыбаясь, сказал юноша и еще раз привязал к дереву этого прекрасного коня. — Теперь он никуда не уйдет.

— Благодарю вас!

Она милостиво поклонилась ему.

— С этих ступеней не видно еще Горки? — спросила она, не зная, как начать разговор. Ей захотелось поговорить с этим красивым молодым человеком.

— Горки? — переспросил он удивленно. — Отсюда нет, но, если позволите, я провожу вас немного дальше, оттуда имение будет видно.

— Еще дальше? Я думала, что отсюда увижу, где живет Маргита.

— Вы знаете мою сестру, сударыня? — обрадовался молодой человек.

— Вашу сестру? Маргита — ваша сестра? А я и не знала, что у нее есть брат, — сказала Тамара, искренне удивившись. — Пан Адам Орловский говорил только, что Маргита живет у своего дедушки.

— Да, но сейчас мы с отцом гостим у нее. Меня зовут Николай Коримский.

— А меня — Тамара Орано.

— Очень рад! Позвольте приветствовать вас на моей родной земле!

Она, покраснев, подала ему руку. Он наклонился и поцеловал ее.

— Какой дальний путь вы проделали, сударыня! Даже Адам вчера сказал, что устал, а вы так скоро превозмогли усталость? Или я могу польстить себе, что красота моего отечества выманила вас из дома и не дала вам отдохнуть как следует?

— Да, пан Коримский, здесь у вас прекрасно! Эти леса, цветущие деревья, мягкий климат... Здесь у меня и голова не болит, я чувствую себя так хорошо!

Юноша с грустью смотрел на молодую девушку. Неужели свет этих прекрасных глаз навсегда погаснет! Нет, это невозможно!

— С помощью нашего великого Врача, Господа нашего Иисуса Христа, здесь вам помогут, чтобы эта боль не возобновлялась, — сказал он с участием.

— О каком враче вы говорите? — спросила она удивленно.

— О Нем, — указал он на крест, отступив на шаг.

— Я вас не совсем понимаю, кого вы имеете в виду?

— О, сударыня, я говорю о Господе Иисусе Христе, о единственном Врачевателе тела и души, Который является и вашим врачом, — объяснил он несколько запутанно, но убежденно.

— Господина Иисуса? Я еще никогда не слышала такого имени, — заинтересовалась она. — А почему вы показываете на эту фигуру? Это, наверное, один из христианских идолов, перед которым преклоняются христиане в Европе?

На лице юноши отразилось восхищение. Еще недавно он тоже не верил в Иисуса Христа и был далек от Бога. Ему представлялись случаи беседовать со многими неверующими. Он знал и хулителей, но еще никогда не встречал такой неосведомленности в столь ангельском обличье, как сейчас. Господь сотворил ее такой прекрасной. Он так любил ее, что умер и за нее. А она Его не знала, не имела даже представления о Нем. Ее ухо никогда еще не слышало имени Его. Где она воспитывалась, и кто так непростительно оставил ее в этом неведении? Вот если бы она поговорила с Урзиным! Будь он сейчас здесь, он мог бы рассказать ей обо всем, что необходимо знать и во что верить, чтобы не погибнуть.

«Но и ты обязан сказать ей, что тебе известно, — подсказывала ему совесть. — Но как мне начать, когда я сам так мало знаю?»

— Позвольте, сударыня, это вопрос непростой. Но если желаете, присядьте, и я постараюсь, с Божьей помощью, ответить вам на него.

Он пригласил ее сесть на ступеньку, где был разостлан плед. Когда она села, он опустился на другую ступеньку.

— Я хочу, чтобы вы мне все это объяснили, — сказала она, пристально глядя на него.

— Постараюсь, сударыня, но прежде скажите мне, вы верите в Бога?

— Я верю в божество, владеющее всем миром. А вы?

— Я верю в Бога, сотворившего небо и землю. А у этого Бога, Который сотворил меня и вас и сохранил до сего дня, есть Сын — Иисус Христос. Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы все верующие в Него не погибли, а имели жизнь вечную.

Наверное, еще ни один профессор не имел более внимательной слушательницы, чем та, что сейчас сидела перед Николаем

Коримским. Но, наверное, и Божьи истины никогда не преподносились так просто.

— Но как вы можете верить, что Он жив, когда Его прибили к кресту? — прервала ученица своего учителя. — Разве доказано, что Он жив?

— О, сударыня, я в это верю! Примерно полгода назад я нечаянно отравился сильным ядом и, несмотря на то что Бог мне сохранил жизнь, я все еще болен. Я только что вернулся с юга. Сюда я тоже приехал на поправку. Не пугайтесь, пожалуйста, и не волнуйтесь! Мне надо было вам об этом сказать. Как вы видите, я молод, вся жизнь до несчастья лежала передо мной, и вдруг — конец всему! Вместо жизни — болезнь, то есть конец всем мечтам и стремлениям. Поверьте мне, я был несчастен!

— О, конечно! — На ее глаза навернулись слезы.

— И вот, — продолжал Николай, — в наш дом пришел человек, который верит в Иисуса Христа и любит Его. Он и меня научил Его любить и молился за меня до тех пор, пока и я в Него не поверил. И как только это произошло, моего несчастья как не бывало; сердце мое исцелилось от страха смерти, я обрел мир и счастье. Поэтому я знаю, что Он жив. Я чувствую, что Он меня любит и что Он оказал мне великую милость. Не хотели бы и вы, сударыня, Его познать?

— Да, я хотела бы Его познать, но поверить, что Он жив, я смогу лишь в том случае, если Он вас исцелит.

Юноша вздрогнул.

— Он меня исцелит в любом случае!

— Вы уверены? — Ее глаза засияли.

— Да, если не здесь, то там. Он сказал: «Верующий в Меня имеет жизнь вечную». Если Он мне даровал жизнь вечную, то мне уже безразлично, где я живу — здесь или там. Это по Его воле. Хотелось бы мне еще здесь пожить, потому что у меня есть отец, для которого моя смерть была бы большим ударом. У меня есть еще Маргита, и потом, я еще хотел бы здесь пожить, чтобы потрудиться для Господа. Но я также охотно пойду к Нему, когда Он отзовет меня в иную, чудесную жизнь.

— Не говорите так! — девушка боролась со слезами. — Смерть ужасна!

— Для меня уже нет. Иисус пойдет со мной: «Если я и пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной».

— И вы уверены, что Он в тот час придет за вами?

— Да, уверен, потому что Он сказал: «Я Господь, Бог твой, подкрепляющий десницу твою и говорящий тебе: „Не бойся, Я тебе помогу!“» Когда бы я больше нуждался в Его помощи, чем в последний час на земле? Он обязательно будет со мной, так как Он и сейчас со мной. Я верю в Его близость и чувствую ее.

Юноша замолчал. Стало тихо. Небывалое чувство овладело сердцем Тамары. Таким молодым умереть!? Но каким же чудным должен быть Иисус, этот Сын Божий, что больной юноша не боится смерти, потому что он уверен в Его близости!

Вдруг Николай встрепнулся.

— Маргита ждет вас, сударыня, в гости, — обратился он к Тамаре. — Не упоминайте при ней о том, что я вам здесь говорил, потому что они верят в мое выздоровление.

— Я тоже хочу и буду верить в ваше выздоровление. Вам нельзя умирать, это было бы слишком печально! Не будем больше об этом говорить, иначе я заплачу, а мне плакать запрещено.

Молодой человек не знал, почему его так тронули эти слова, а Тамара не знала, почему она их произнесла. Он прижал ее маленькую руку к своим губам. Они знали друг друга не более часа, но им показалось, что они были знакомы давно.

— Пойдемте, посмотрим на Горку, — попросил Николай, улыбаясь.

— Пойдемте.

— Это, во всяком случае, будет лучше, чем сидеть на холодном камне, — услышали они вдруг чей-то голос.

Оба вздрогнули. Лицо Тамары помрачнело. Холодным взглядом она смерила стройную фигуру молодого человека, внезапно появившегося перед ними. Щеки Николая покраснели.

— Аурелий, ты здесь? Позвольте, сударыня, представить вам моего друга и врача в одном лице — Аурелий Лермонтов.

— Не сердитесь, сударыня, что я помешал вам, — сказал Аурелий с вежливым поклоном. — Врачу приходится быть резким с непослушными пациентами. Николай — один из самых

непослушных. Вместо того чтобы с дороги хорошенько отдохнуть, он убегает куда-то в лес.

— Разве ему это вредно? Здесь так хорошо! — ответила Тамара, немного повеселев.

— Если он уже давно здесь — тогда да, потому что ранним утром бывает еще больше росы, чем сейчас.

— Не делайте этого больше, пан Коримский, — обратилась она к Николаю.

— Постараюсь, сударыня.

И они зашагали все трое по лесной дороге.

— Если бы Маргита знала, кто к ней идет, она поднялась бы вам навстречу, — сказал доктор, когда они стояли над Горкой.

— Позвольте, я пойду за ней, — тут же предложил Николай.

— Нет! — воскликнула Тамара, но было уже поздно, Николай убежал.

— Пан доктор, вы слышали наш разговор? — обратилась она к стоящему рядом, когда Николай исчез.

— Только конец.

— Это правда, что он умрет?

Ее синие глаза смотрели со страданием в лицо молодого врача, вдруг побледневшее.

— Если Иисус Христос не поможет — да. Мы пока безуспешно пытаемся найти для него лекарство.

— А что нужно сделать, чтобы Он помог?

— Верить, молиться и еще раз верить.

— Так просите же Его, если вы знаете, что Он может помочь. Нельзя же такому молодому умереть!

Она страстно прижимала к груди сложенные руки.

— Я и молюсь, сударыня, и не один я. И мы уверены, что молитвы наши будут услышаны. Однако оставим этот разговор, сударыня, нам могут помешать... Вы видите там, слева, тот маленький домик?

— О, так далеко я не вижу, — вздохнула она. — Что там?

— Небольшой дом. Там мы теперь будем жить.

— Там? А почему не в Горке?

— Там ельник кругом — это хорошо для здоровья, а в Горку мы будем приходить.

— А верхом вы не будете ездить?

— Попозже будем, а теперь Никуша из-за головокружения еще не может держаться в седле.

— Мне отец тоже не позволяет ездить верхом, но я так люблю верховую езду! Вы улыбаетесь, думаете, наверное, что я непослушна?

— Простите, но я думаю, что вы не любите вообще кому-либо подчиняться и не терпите запретов. Не так ли?

Она опустила свои густые ресницы, наклонила голову в знак согласия, а потом снова посмотрела на него.

— Я вас прошу, скажите, пожалуйста, при встрече моему отцу, что верховая езда мне не вредит, чтобы он не запрещал мне ее.

— О, это я с доброй совестью могу ему сказать. И вообще, сударыня, когда я смотрю на ваши глаза, я вспоминаю одну из недавних моих пациенток. Временами она вообще не видела, иногда видела плохо, а временами — хорошо. С Божьей помощью я переселил ее в другой климат. Она перестала запыраться в доме, послушалась моего совета и таким образом хорошо закалилась. Хотя ее нежные руки и цвет ее лица немного пострадали от этого, ее здоровье вернулось, и зрение полностью восстановилось. Не считайте меня назойливым, если я вам посмею посоветовать: оставьте все медикаменты, все изысканные яства, питайтесь здоровой, простой пищей, особенно нашим хорошим молоком и ржаным хлебом. Поработайте хотя бы час с перерывами в саду. Вставайте так рано, как сегодня, и ездите верхом на прогулки. Оставьте на время все книги и журналы, будто их нет, и скоро вы увидите не только наш домик, но и все деревья за ним.

Слова ободрения текли из уст молодого россиянина искренне, с доверительной сердечностью. Какое удрученное страхом сердце не возликовало бы, окрыленное такой радостной надеждой? Не погружаться далее во мрак! Какое счастье!

— Пан доктор, я все это охотно и с благодарностью выполняю, потому что я очень боюсь ослепнуть, но отец мой из-за своих опасений будет мне мешать, и мне придется тогда постоянно настаивать на своем, действовать против его воли, а это будет меня раздражать и вредить мне. Но это можно было бы

изменить. Отец мой говорил вчера, что он намеревается взять врача в Подолин, чтобы он за мной постоянно наблюдал. Не могли бы вы стать моим врачом?

— Охотно, ваша милость, — ответил молодой доктор, краснея. — Я буду счастлив, если вы мне доверитесь. Только я не знаю, согласится ли маркиз с тем, чтобы я приходил в Подолин каждый день, а не жил бы там, потому что Никуша не хотел бы оставаться без меня, а я посвятил себя ему на все время, пока он во мне нуждается.

— О, конечно, из-за меня вы не должны его оставить, в этом и не было бы необходимости. Значит, вы согласны стать моим врачом? Отец мне не откажет. До сих пор я всегда сопротивлялась лечению. Если я в первый раз уступлю, то и он пойдет на уступки. Но вы меня не будете мучить, как другие врачи, не правда ли?

— Я не знаю, что ваша милость понимает под словом «мучить». Я лишь требую от своих пациентов послушания, иначе тотчас прекращаю лечение. Одно я вам могу обещать, что я не стану вас «мучить» ни осмотрами, ни медикаментами, как я уже сказал.

— Вашу руку, господин доктор!

Она протянула ему свою тонкую, украшенную сверкающими кольцами руку, и он осторожно ее пожал. Ему казалось сном, что он вдруг стал врачом этой знатной барышни.

Между тем Николай нашел Маргиту в саду, где она собирала букет для него.

По его мокрой от росы обуви сестра заметила, что он уже был на прогулке. Она протянула ему букет, но он его не взял, а только поцеловал её руку и коротко сообщил, зачем он пришел и кому она может подарить эти цветы.

— Она хочет посмотреть, где ты живешь. Ах, она такая красивая, что даже этот бледно-розовый гиацинт не может с ней сравниться. Но подумать только, душа ее в полной тьме: она не знает Иисуса Христа и еще никогда ничего о Нем не слышала.

— Что ты, Никуша, это невозможно, — сказала Маргита испуганно.

Когда они поспешили вверх по холму, брат рассказал сестре о разговоре, который произошел между ним и очаровательной приезжей.

Через несколько минут Маргита уже смотрела на эту прелестную фею и с грустью думала: «Она бела, как ангел, а Христа не знает. Она светит, как звездочка на весеннем небе, и все же она не имеет света... Она приехала из Египта язычницей. Наверное, никто не заботился о ее душе. Но ты не будешь блуждать в темноте, дорогая, нет!»

Ничего удивительного, что Маргита от разгоревшейся в сердце любви забыла о разнице в положении, отделявшей ее от маркизы Орано, и после взаимного представления искренне обняла свою прелестную соседку и протянула ей букет белых нарциссов в знак приветствия. Маркиза обняла ее, и они поцеловались. Они раз и навсегда приняли друг друга в свои сердца.

— Мне очень хотелось посмотреть, где вы живете, — сказала Тамара, — но какое счастье, что я вижу вас, и притом так рано.

— Это замечательно, сударыня, но непонятно, как это вас так рано отпустили, — удивилась Маргита.

— Я потихоньку ушла. У нас еще все спят. Но хорошо, что вы мне об этом напомнили, — воскликнула Тамара, — мне ведь пора возвращаться домой! Мои компаньонки испугаются, и отец тоже, если обнаружат мое отсутствие. Проводите меня хотя бы немного, чтобы нам не сразу расстаться.

— О, разумеется, мы проводим вашу милость! Если бы я не опасалась, что ваши домашние будут беспокоиться, то очень бы просила вас спуститься к нам.

— Мы обязательно придем к вам! Орфа и Ася вчера уже весь день радовались этой возможности, и в особенности я. Когда я услышала, что вы живете за горой, мне сразу захотелось отправиться в Подолин. Мне также сказали, что вы помогли в устройстве моих комнат. Я вам очень благодарна.

— Мне доставило удовольствие послужить вам, дорогая Тамара. Я тоже очень радовалась вашему приезду! Но извините, что я вас так называю!

— Я прошу вас называть меня именно так, потому что и я хотела бы называть вас просто Маргитой. Мне это имя очень нравится. А если вы будете говорить мне «ваша милость», то и я должна величать вас по всем правилам этикета, не правда ли? Лучше просто называть друг друга по имени, хорошо?

— Если позволите, с удовольствием!

Так они, увлеченные приятным разговором, в котором мужчины почти не участвовали, пришли к тому месту, где был привязан конь, уже нетерпеливо бивший копытами. Аурелий подсадил маркизу, легкую, как пушинка, в седло. Никуша держал поводья и цветы, пока она садилась, а потом он передал ей и то и другое.

Когда Тамара с веселым «до свидания!» ускакала, они долго смотрели ей вслед. На своем белом коне она полетела, словно белая птица. Да, она была очаровательна!

На обратном пути Аурелий сообщил друзьям, какое она ему сделала предложение, от которого он не мог и не хотел отказаться; он надеялся, что она скоро поправится.

С какой радостью они восприняли эту новость!

В это время возвращающаяся домой Тамара, углубившись в радостные размышления, вдруг услышала:

— Тамара, дорогая, где ты была?

Вороной конь на всем скаку остановился возле приветствовавшего его ржанием белого коня Тамары, и всадник его в страхе и радости привлек к себе свою дочь.

— Доброе утро, отец!

— Ах, дорогая моя, как ты осмелилась одна?..

Она нахмурила лоб.

— Я знала, что ты опять испортишь мне настроение. По дождал бы еще немного, я бы сама вернулась. Я чувствую себя отлично. Я так счастлива, а ты и не рад, — упрекнула она его.

— Как же я не рад? Конечно, я радуюсь! Я только боялся, ведь я не знал, где ты и не случилось ли что-нибудь с тобой.

— Ничего со мной не случилось, отец. Поехали дальше, мне надо тебе многое рассказать.

Маркиз Орано отпустил поводья вороного, успокоил его немного, и они поехали дальше.

— Прежде всего, отец, — начала Тамара с необычной проказливой улыбкой на устах, оживившей не только ее обычно печальное лицо, но и холодное лицо отца, — я нашла себе врача.

— Что ты сказала?

— Врача нашла. Ты же вчера говорил, что мне нужен врач. Если он мне нужен, то я и сама хочу его выбрать для себя. Или мне нельзя?

Улыбка исчезла с ее лица, она насупилась.

— Можно, конечно. Только я не знаю, где ты могла его найти? Не во время ли прогулки ты встретила с врачом из Подолина?

— Да, я его встретила, но он не врач из Подолина. Он, собственно, врач и друг брата Маргиты. Но ты меня не понимаешь, отец. Там, около креста, я встретила с кузенком пана Адама, Николаем Коримским. Он болен, и так болен, что ни один врач не может его вылечить, а он еще так молод. У него есть друг Аурелий — фамилию его я забыла — он врач. Вот с этим врачом я говорила, и он мне сказал, что мне надо делать, чтобы выздороветь. Он сказал, как только я физически окрепну, зрение мое поправится.

— Это он тебе сказал, дорогая моя? Где он? — взволновался Орано.

— Сейчас он в Горке. У меня к нему сразу появилось доверие, и я попросила его, если он будет жить в Боровской долине, — так называется вон та, другая долина, — чтобы он стал моим врачом. Но он выразил опасение, что ты можешь ему не довериться.

— Отчего же, если ты ему доверишься и станешь выполнять его назначения, я буду счастлив. Однако не годится, что он будет жить в другом месте. Мой домашний врач должен жить у меня.

— Этого он не может. Я же тебе сказала, что он лечит своего друга.

— Ах, он этим может заниматься, посещая его каждый день.

— Нет, отец, так не пойдет! — Дочь своевольно откинула голову назад. — Я не позволю, чтобы из-за меня Николаю Коримскому было хуже! Доктор Аурелий сказал, что он Николая своего не может оставить, что он себя посвятил ему на все время, которое он ему будет нужен. И я даже не хочу, чтобы он у нас жил. Пусть он там останется, и все будет хорошо, правда, отец?

— Ну, хорошо, я еще поговорю с ним самим об этом. Жаль только, что ты не запомнила его имя. Я бы пригласил его, чтобы он нас еще сегодня посетил.

— Это ничего, отец! Как тебе известно, мы сегодня после обеда отправимся в Горку, а потом привезем его сюда. Но я тебе еще должна сообщить, что я видела Маргиту!

Трудно сказать, чье впечатление было более приятным — Маргиты о Тамаре Орано или Тамары о своей соседке. Важно было то, что желание встречи появилось у обеих.

Поздним вечером второго мая на веранде Горки стояла невыразимо счастливая Маргита Орловская. Вокруг нее опускалась ночь, но сердце ее было наполнено светом майского солнца, которое сегодня днем светило так ярко, словно хотело согреть не только холодную землю, но и застывшее от холода человеческое сердце. Перед внутренним взором Маргиты прошел еще раз весь день.

Она вспомнила, как они сразу после завтрака доставили Николая в Боровце, и как там ему и доктору Аурелию понравилось. Никуша не знал, как благодарить ее и, особенно, дедушку. Отец тоже был очень тронут. Ах, слишком много ее сегодня благодарили!

Но она также вспоминала, как Никуша, Аурелий и она стояли у окна за розовыми занавесками, в то время как дедушка с отцом и Адамом осматривали лес, прилегающий к дому. Она прислонила голову к плечу брата и внимательно слушала, как то он, то Аурелий рассказывали о новой вечной жизни, которую они обрели. Затем и она призналась, что и она только вчера утром, после тяжелой борьбы, отдала свое сердце Иисусу Христу и что она теперь счастлива, потому что получила прощение грехов. Так как она примирилась с Адамом, Иисус Христос ей открылся.

— Во мне все новое, я сама себя не узнаю, — уверяла она.

Они ее понимали, ибо сами также пережили обновление.

Николай называл это вечной жизнью, она называла это «Христос открылся мне», Аурелий — смертью старого «я». Они знали, что они теперь все принадлежат единому Богу, и с любовью думали о друге, имевшем большую заслугу в этом их изменении.

После возвращения гостей они оставили доктора с Никушей одних в доме, остальные вернулись в Горку. Они все считали, что Николай там лучше отдохнет, чем среди них.

К обеду оба друга в веселом расположении духа пришли в Горку. Никуша хорошо поспал, а потом он вместе с другом облегчил душу молитвой и чтением Слова Божьего.

Между тем Маргита готовилась к встрече Тамары. Она хотела, наперекор всем чужестранным обычаям, свою соседку, по словацкому обычаю, сначала развлечь, а потом угостить.

— Я не знаю, что скажет на это маркиз, он ведь очень гордый человек, — сказал пан Адам, которому временами невмочь становилось сидеть с дедушкой и с дядей, а тем более над своими бумагами, которые он разбирал. То и дело он находил причину побыть с Маргитой.

— Не беспокойся, Тамара мой прием не осудит, — сказала она.

И она не ошиблась. После обеда прибыли дорогие гости.

Дамы ехали верхом в сопровождении секретаря и управляющего, принесших извинения маркиза Орано, что он из-за депеш и писем из Египта не мог приехать. Пан Вилье привез также доктору письмо, в котором Орано просил его оказать милость и сопроводить дам на обратном пути в Подолин.

При помощи Адама и Аурелия Маргита позаботилась о том, чтобы ее гости не так скоро оставили Горку, где они чувствовали себя очень хорошо. Они беседовали, музицировали и прогуливались в маленьком парке; затем они вышли на близлежащий луг.

Там Аурелий устроил игры. Маргита знала их много и научила им Тамару и ее компаньонку. Бледные щеки маркизы разгорелись.

Когда они вернулись в Горку, там для них в парке был приготовлен кофе, и дамы не отказались от угощения.

— У нас такой обычай, дитя мое, и все должны ему подчиняться, — сказал пан Николай маркизе.

Напрасно пан Адам опасался, что этот стол сильно будет отличаться от того, что вчера утром был накрыт в Подолине. Конечно, здесь не было серебряных чашек, хрустальных тарелок и дорогих скатертей, но на столе стояло два чудесных букета цветов, и вместо лакея в ливрее прислуживала сама прелестная хозяйка дома, уделяя каждому свое внимание. У Тамары Орано аппетит был как никогда, и компаньонки еще никогда не видели ее в таком хорошем настроении.

После кофе Николай тихо сказал что-то своему другу. Тот сначала пожал плечами, потом пошел куда-то и принес хорошо настроенную цитру¹⁴. Все были приятно поражены, когда он спел несколько русских песен под собственный аккомпанемент. Только пан Орловский, с некоторым изумлением посматривавший на молодого врача, с этого момента сделался молчаливым, чего в общем веселье никто и не заметил.

Солнце клонилось уже к вечеру, когда гости оставили Горку. Маргита, Адам и Аурелий провожали их: первые двое — до подолинского парка, Аурелий — до замка...

А теперь Маргита стояла на веранде и еще раз вспоминала весь прошедший день. Она вспомнила также два момента, о которых никто, кроме нее, не знал. Когда все вместе осматривали Горку, она с Тamarой прошла к себе в кабинет, где маркиза вдруг схватила лежавшую на столе Библию, и ее глаза, как замороженные, остановились на словах «Новый Завет нашего Господа Иисуса Христа».

— Вся эта книга говорит о Христе, Маргита? — спросила Тамара.

— Да, Тамара, вся эта книга. Это та книга, в которой я нашла свет, и теперь я очень счастлива.

— А раньше вы не были счастливы? — удивилась Тамара. — Ведь у вас все есть, большая хорошая семья!

Губы Маргиты дрогнули, и маркиза это заметила.

— Что с вами? — спросила она нежно.

— Еще недавно у меня не было никого, и, что печальнее всего, у меня не было Иисуса Христа.

— Вы мне расскажете, не правда ли, как это случилось, что у вас не было ничего, а теперь все есть?

— Я вам расскажу, но не здесь, нам здесь могут помешать.

— Хорошо, потом. Скажите мне только, вы сильно сердились на пана Адама?

— Очень, Тамара, но Господь Иисус Христос устранил мой гнев... И теперь все хорошо.

— Но виноват, конечно, был пан Орловский? — спросила она, нахмутив лоб.

¹⁴ Струнный музыкальный инструмент.

— Мы оба были виноваты.

— А где можно получить эту книгу? Вы не удивляйтесь, я еще ничего не знаю об Иисусе Христе, как вы Его называете. Но вы Его любите, пан Коримский — тоже, и я также хочу познать Его.

— О, если вы этого желаете, Тамара, — сказала Маргита, — я вам достану эту книгу. А на каком языке вам легче читать?

— Больше всего я люблю читать по-английски, но и по-немецки мне нетрудно.

— Значит, я достану вам Библии на двух языках. Для меня тоже было очень полезно сравнивать польский с немецким. А пока позвольте мне одолжить вам мою книгу?

— О, пожалуйста!

Когда пришли остальные, книга была уже упакована. Уходя, Тамара не позволила никому ее нести.

Другой сердечный разговор был, когда они поехали верхом. Адам и Аурелий, развлекаая остальных двух дам, поскакали вперед. По настоянию Тамары и беспокоясь о том, что она от людей может услышать что-нибудь неразумное, Маргита рассказала своей подруге, что между ее родителями возникла ссора, и они развелись. Она рассказала ей, как из-за этого лишилась отца и жила в доме второго мужа ее матери, пока дедушка ее не вызволил оттуда. И чтобы она навсегда могла остаться у него, он ее соединил с Адамом. А дальше она поведала Тамаре, как встретилась с отцом и братом, и что они теперь все примирены друг с другом, кроме матери, но это поправить уже невозможно.

Маркиза чуть не плакала, так ее тронул этот рассказ. А Маргита была счастлива, что подруга поняла ее.

— Мы каждый день будем навещать друг друга, — обещала Тамара, прощаясь, — от вас я многому могу научиться. Да мне и нужно многому учиться, потому что до сих пор я делала только то, что мне нравилось, и я вижу, что это нехорошо. Вы еще так молоды и уже столько выстрадали. Я бы этого не вынесла, я умерла бы...

Эти слова вспоминала теперь Маргита. И если бы в коридоре вдруг не раздался озабоченный голос дедушки: «Где же хозяйка?» — она, наверное, еще долго стояла бы в задумчивости.

Вспомнив о своих обязанностях, она поспешила в дом. Тамара вернулась домой также очень задумчивая.

Глава тридцать пятая

После собрания евангелических христиан в Подграде молодой провизор сидел один в опустевшем помещении, читая письма, среди которых было также письмо от его друга следующего содержания:

«Дорогой Мирослав!

Ты, наверное, удивишься, получив от меня сразу два письма. Это письмо я пишу ночью и хочу его рано утром отнести на почту, чтобы ты его скорее получил. Ах, как мне хотелось бы поговорить с тобой!

Никуше, слава Богу, лучше; и если бы у него душа не скорбела, что он, конечно же, скрывает, ему было бы еще лучше. И неудивительно, потому что здесь жить — одна радость. Я благодарю тебя, мой друг! Если бы не ты, я бы оказался где-то в другом месте, в одиночестве, и страдал бы так же, как и оставленный Никуша.

Случилось так, как ты и предсказывал: Господь помог мне с первого же момента. А так как мне нечего опасаться, что они узнают, кто я, думаю, все будет хорошо.

Однажды, по просьбе Никуши, я сыграл несколько русских песен на цитре. Пана Николая это болезненно тронуло. Из этого я сделал вывод, что отец мой здесь не забыт.

Адам Орловский очень любезен со мной. Это очень образованный молодой человек, но, к сожалению, слишком умен и неверующий. Он довольствуется тем, что подсказывает ему разум. Я буду за него молиться.

Но теперь о главном. Подумай только, я стал домашним врачом в Подолине. Я уверен, что это Божье водительство, иначе я никак не могу объяснить это. Жить я там, конечно, не буду. Лечить там, собственно, некого, потому что больная, милейшая маркиза Орано, нуждается больше в лечении, которое ты мог бы ей дать. Она обаятельное существо телесно и духовно, только заметно, что она из Египта и выросла в полной темноте язычества.

С сегодняшнего дня я ее врач. Может быть, ты слышал, что у нее заболевание глаз и возможна потеря зрения. Однако при нашей первой встрече сегодня утром я почувствовал уверенность, что этого не случится, в чем уверил и маркиза. Прошу тебя, молись за меня, чтобы мои надежды не обманули нас.

Маркиза со своими компаньонками гостила в Горке. По их приглашению я потом отправился в Подолин, где она представила меня маркизу, назвав меня „доктор Аурелий“. Когда я с этим вельможей остался наедине, он произвел на меня впечатление человека, у которого было немало тяжелых дней в жизни. Я ответил на все его вопросы относительно моего мнения о состоянии здоровья его дочери. Он предложил мне высокий гонорар, причем помесячный. Когда дело дошло до договора, он сказал: „Тамара мне еще не назвала вашей фамилии, господин доктор“.

— Аурелий Лермонтов, — сказал я внятно.

Он вдруг побледнел и тут же густо покраснел.

— Лермонтов? — повторил он, сильно смешавшись. — Вы русский, господин доктор?

— Да, ваша светлость, — ответил я с неприятным ощущением. — Вам это мешает?

— Нет, почему же? Я космополит...

Он дал Вилье указание составить договор. Когда тот ушел, господин Орано спросил меня, почему я не живу в России. Я сообщил ему, что я с родителями приехал в Вену и там воспитывался.

— А родители ваши еще живы? — спросил он, видимо, из вежливости. Я ему ответил, что они уже умерли. Затем он спрашивал о Николае и его болезни и сообщил мне несколько диагнозов, поставленных его дочери разными авторитетными медиками, которые довольно сильно противоречили друг другу.

Между тем пришел Вилье и принес договор. Явился и управляющий Зарканый. Мы подписали договор, и дело было закончено.

Я тебе сознаюсь, что если бы я не пожалел Тамару или если бы знал маркиза Орано раньше, то вряд ли поступил бы на эту службу. Этот человек не произвел на меня хорошего впечатления. Мне кажется, что под панцирем холода и гордости скрывается довольно расшатанный человек. Кто знает, какое бурное прошлое у него! Он со мной говорил на очень корректном немецком языке.

Ну, что ты на это скажешь, Мирослав? Вот я тебе пожаловался и похвастал, а теперь пойду спать. Молись за меня, чтобы я мог светить! Прилагаемые деньги употреби по своему усмотрению.

Весь мой докторский гонорар я обещал Господу, но вот это еще из моей частной собственности.

Да хранит тебя Иисус! Маргита просила передать тебе, что она уже простила и счастлива, потому что Иисус Христос ей открылся. Еще она сказала: „Где бы мы были и что бы с нами стало, если бы пан Урзин не показал нам путь к спасению и не привел бы нас к Спасителю?“

Она права. Если бы она знала, кого ты выхаживаешь! Продолжай так же. Я думаю, что надобности не будет повторить то лекарство. Но если оно хорошее, можешь дать его еще раз. Надеюсь, что ты нам уже написал. Все ждем весточку от тебя, особенно твоей

Аурелий».

Прочитав письмо, молодой человек положил его на стол, сложил над ним руки и, выполняя просьбу друга, обратился с молитвой к престолу благодати. Затем молодой человек поднялся и вскоре уже стоял у дверей маленькой спальни.

Здесь он встретился с Анечкой.

— Вы пришли, пан Урзин? Пани Райнер проснулась и спрашивает вас.

— Оставьте нас одних, Анечка.

Девушка кивнула.

— Добрый вечер, сударыня! Вы не спите?

Урзин наклонился к больной. Она открыла глаза.

— Добрый вечер, я не сплю.

— И как вы себя чувствуете?

— Я очень слаба.

— Это от лихорадки. Но Господь Иисус Христос поможет, и вам станет лучше.

— Как мне благодарить вас? Вы так обо мне заботитесь. Чем я это заслужила?

Баронесса протянула свою руку молодому человеку. Он сел в кресло, которое пани Прибовская велела принести сюда.

— Иисус Христос умер за нас, когда мы еще были грешниками, дорогая пани баронесса. Он умер и за меня — так

Он меня возлюбил. Он заслуживает того, что я помогаю Ему ухаживать за одной из Его заблудших овец, которых Он так любит.

Баронесса не отрывала глаз от лица говорящего.

— Как хорошо вы это сказали: заблудшая овца! Да, овца эта действительно заблудилась и должна погибнуть.

— Вы думаете, что я дал бы вам погибнуть, если бы было в моих силах вас спасти?

— Нет, вы бы меня спасли, — произнесла она мечтательно.

— А в моей душе только капля той любви, которая наполняет сердце Христа.

— Но как Ему меня любить! Подумайте только, сколько лет я живу — и почти не знала Его. Я Его никогда не любила и не служила Ему. Я была плохой дочерью католической церкви, а учения евангелической церкви я не знаю. В лихорадочном бреде меня пугала моя греховная жизнь. Я была непослушной дочерью отца, оставила сына своего, не любила свою дочь и обманывала второго мужа, который благороден и не заслуживает ничего иного, кроме любви. Я обманывала его показной любовью, которой в моем сердце никогда не было. Я не жалею на то, что я теперь совершенно одна. Это заслуженное наказание. Я даже не желаю, чтобы кто-нибудь пришел. Как Бог меня может простить, когда люди мне не прощают?

Молодой человек выдержал ее взгляд и сказал:

— Он это может, потому что Он — вечная любовь.

— О, если бы я могла поверить в это! Вы ведь знаете, что Никуша сказал, чтобы я обратилась к Христу, что есть еще другая жизнь, и там мы встретились бы и соединились. Но я знаю также, что есть и ад, и что я его заслужила.

Она прижала руки к голове, потом протянула их с мольбой к нему.

— Кто меня спасет? Кто уверит меня, что Бог мне простит, если я приду к Нему?

— Если бы вы там воззвали к Нему, Он бы вам уже не мог простить. Поэтому Он зовет вас сейчас: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные; Я успокою вас».

Нежный голос молодого человека звучал почти как просьба.

— Ах, какое хорошее слово! Но как я пойду к Нему? — вздыхала женщина.

— Так, как Закхей!

— Покажите мне дорогу! Вы ее знаете! Приведите меня к Нему, я не хочу погибнуть!

— Есть только один путь.

Урзин достал свой Новый Завет и начал читать. Она слушала его с большим вниманием. Когда он прочитал ей историю о той женщине, которая пришла в дом фарисея Симона и упала к ногам Иисуса, она прервала его:

— Какое это имеет отношение ко мне? Я не была падшей женщиной! Я была невиновна, неопытна и любила его больше самой себя! Но когда я узнала, что мой муж был не таким, каким я его знала, я не могла больше жить с ним под одной крышей. Зачем вы читаете мне эту историю? Все мое несчастье именно оттого, что я не могла жить с неверным мужем. Несколько месяцев я мучилась, прогоняла ужасные мысли, затем появились доказательства. Что мне оставалось делать? Вы мне, может быть, скажете, что мне нужно было подождать и простить. Сотни, тысячи раз мне так говорило мое сердце, но тогда уже было поздно! Подумайте только, я ему так доверяла, а он меня так ужасно обманул! — всхлипывала она горько. — Часто меня мучила мысль: «А если он все же был невиновен?» Но кто осветит этот мрак? Где я найду человека, который сказал бы мне правду и освободил бы меня от этих мук?

— Предположим, сударыня, — сказал молодой человек тихо, — что нашелся бы человек, который мог бы сказать вам правду. Что бы это изменило теперь, когда вы жена другого?

— О, то, что я жена Райнера, мне не помешало бы упасть к его ногам и просить у него прощения, поверьте мне! Как бы я этого желала! Если бы я только могла убедиться, что он был невиновен, что он меня не обманывал, что он меня любил. Лучше бы я взяла всю вину на себя! Но это только мечты! Нет такого человека, который мог бы дать мне доказательства, что я была неправа, что я виновата в нашем разводе. Поверьте мне, я чувствую вину и хотела бы сознаться в ней. Представьте себе, сначала обманывали меня, и я перестала верить в деву Марию, так как

я не могла вымолить у нее правды; а потом и я начала обманывать. Ах, все — клубок лжи, который распутается только в загробной жизни, а там милости уже не будет. Согласно тому, что мне сегодня читала Анечка, прощение получает только тот, кто другим простил. Я бы и хотела простить, если бы только была уверена, что я права; ибо, если я не права, то на мне очень большой грех, и пока люди мне не прощают, и Бог мне не простит.

Женщина утомилась и замолчала. Лицо ее от возбуждения горело. Разгорелись и щеки молодого человека, склонившего голову на руку. Он терпел такие муки, какие человеческое сердце недолго может вынести.

Вдруг тишину прервали странные слова, заставившие даму открыть глаза и приподняться в постели. «Да будет воля Твоя, Господи, но помилуй меня!»

Затем молодой человек повернул свое лицо к больной.

— Мой Бог требует от меня, чтобы я разодрал паутину лжи. Для меня это самый трудный шаг в моей жизни, поверьте мне. А если вы не поверите мне, подписывающему истину кровью своего сердца, вы совершите большой грех.

Урзин встал, запер дверь, опустился возле кровати на колени и рассказал длинную историю. Когда он закончил, в комнате наступила гробовая тишина, подавившая крик от невыносимой боли.

Наконец женщина приподнялась в постели и положила свою горячую руку на голову молодого человека.

— Пан Урзин!

— Что прикажете?

— Я благодарю вас. Да вознаградит вас Господь, в любви Которого вы меня убедили, за эту ужасную жертву, которую вы принесли бедной женщине в этот час. Я вижу, что это превзошло ваши силы, и мне больно, что я вас вынудила к этому.

— Иисус Христос помог мне, сударыня. Но вы мне верите?

— Вам? К чему этот вопрос?

— Вы убедились, что и вы должны простить, если хотите получить прощение?

— Конечно, пан Урзин! А вы все простили?

— Раз и навсегда, так как Христос меня простил. Господь помиловал меня, и я после всего этого могу любить и благо-

слова. И вы тоже будете прощать и благословлять, как я, не правда ли?

— Ах, пан Урзин, есть только Один, Который имеет право прощать ему и мне. Которого я в мыслях так часто огорчала.

Снова в комнате наступила тишина.

Вдруг молодой человек поднял голову:

— Помолимся вместе, сударыня, и прекратим этот разговор, он нам обоим не по силам.

— Да, помолимся.

Она лежала, сложив руки на груди, на белых подушках, как тронутый заморозком цветок. Она вздрогнула, когда Урзин начал молиться за того, кто один был виноват во всем. Но потом и ее губы зашевелились, и чем горячее он молился, тем больше и ее уста раскрывались в молитве, а когда он закончил молитву, она вместе с ним произнесла слово «аминь».

Долгим взглядом они смотрели друг на друга, и их души нашли взаимопонимание. Женщина протянула обе руки, и когда молодой человек склонился к ней, она одной рукой обвила его шею, а другой убрала прядь волос с его лба и поцеловала его так нежно, как это может делать только любящая мать. По ее щекам покатились слезы. Она хотела что-то сказать, но не смогла. Он потихоньку прижал к своим губам ее руку и поднялся. В дверях он еще раз оглянулся, низко поклонился и вышел.

Анечка застала баронессу в слезах, уставшую, и вскоре сон закрыл ее глаза.

На другое утро больная вдруг попросила у нее бумагу и карандаш. Дрожащей рукой она написала письмо на шести страницах.

Написать адрес на конверте у нее уже не хватило сил. Поэтому она продиктовала его девушке. Письмо предназначалось пану Николаю Орловскому и было тотчас отправлено адресату. Все это так утомило больную, что состояние ее сильно ухудшилось.

А пан провизор все не шел. Анечка знала, что он в это время проводит собрание. Вызвать его оттуда она не могла. А вдруг дама умрет? Барона не было, и никто не знал, где он. Ах, если бы она была готова умереть!

Со слезами на глазах Анечка осмелилась спросить тихо лежащую больную, верит ли она в Иисуса Христа.

— Да, верю, — ответила женщина тихо, — прочтите мне о Нем; мне кажется, что я слышу пение.

— Да, это поют в собрании. Теперь кончилась песня, но они еще будут петь.

— Нельзя ли открыть дверь, чтобы мне лучше было слышно?

— Конечно, можно! Я обе двери открою, может быть, мы услышим и пана Урзина.

Девушка с радостью выполнила просьбу больной, и в комнату проникли невыразимо трогательные и печальные слова песни:

Где сыщет здесь в мире душа кров родной?
Кто даст ей здесь мирный приют и покой?
Не может сулить этот мир у себя
Приюта, где зло не коснется тебя.
Нет, нет, нет, нет! Он нам чужой,
Лишь в мире небесном есть полный покой.

Баронесса уже не лежала, а сидела, откинувшись на подушки, и ее горячая рука бессильно лежала в руке девушки. Ах, зачем Урзин выбрал именно эту печальную песню? Как она трогала сердце бедной женщины!

Живущим с надеждой на Бога живой
Устроил Он город на небе святой,
Сходящий в сиянье для нас, как венец,
То кров ли родной и обитель сердец?
Да, да, да, да! То кров родной,
И мне со святыми там вечный покой.
Возьми ж и меня, мой Спаситель, к Себе,
Где вечно звучит «аллилуйя» Тебе!
Так рвется душа пред Тобой предстоять
И песнью любви Твою кровь прославлять.
Жди, жди! Скоро время придет,
И в горнее место тебя Он возьмет.
Надейся, душа, близко родина к нам.
Быть может, недолго, и будешь ты там.
Борись до конца, будь верна и терпи!

Ты примешь венец после трудной борьбы.
Радость, радость там у Отца
Всех ждет претерпевших нас здесь до конца.

По щекам баронессы текли слезы. «Еще никогда — подумала Анечка, — пан провизор не говорил так хорошо, как в этот час». Она видела Иисуса Христа перед собой не в Иерусалиме, а идущим по улицам Подграда, ищущим потерянное, словно Он стоял перед собранием и призывал: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей!» Так ясно и просто пан провизор еще никогда не говорил, хотя он всегда проповедовал так, будто перед ним сидели совершенно несведущие люди, которым надо сразу сказать все, что они должны знать, чтобы поверить в Господа Иисуса Христа и спастись.

И сегодня здесь были люди, которые завтра, возможно, уже не смогут прийти, поэтому он им сегодня так ясно указывал путь к спасению, чтобы ищущие могли Его найти.

Но не было у него в собрании таких внимательных слушателей как в той маленькой комнатке напротив. Молодая девушка забыла баронессу, а баронесса не видела ничего вокруг и слышала только зов Христа: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей!» Она давно уже испытывала эту жажду, и теперь знала, что звал ее Тот, Кто может эту жажду утолить навечно. Ей казалось, что Он зовет именно ее. Душа ее поднялась, как смертельно раненная птица поднимает крылья. Но сил сломанных крыльев хватило лишь для того, чтобы подняться и упасть к ногам Спасителя. Ничего она не принесла с собой. Всю свою жизнь она провела в мирской суете. Она пришла и положила свое сердце к ногам Того, Кто и за нее умер на кресте. Она сделала это, как израильтянин, укушенный змеей в пустыне: он услышал, поверил, посмотрел на вознесенного медного змея и исцелился.

Когда девушка, склонившаяся для молитвы, вспомнила, что она не одна, и испуганно повернулась к больной, та сидела с закрытыми глазами, склонив голову набок. Она была еще жива, но выглядела так, будто умерла от счастья.

Крик Анечки был заглушен шумом поднимавшихся слушателей. Но двое его все-таки услышали: пани Прибовская и пан

Урзин. Первая тотчас поспешила к больной и начала при помощи Анечки приводить ее в чувство. Им это долго не удавалось, но, наконец, она все же пришла в себя.

Анечка винила в случившемся себя. Она рассказала пану Урзину, что больная пожелала сесть и послушать пение и, наконец, переутомилась от слишком долгого сидения. Но она также рассказала, какое выражение лица было у больной.

— Пора бы уже и объявиться пану барону, — сказала пани Прибовская плачущей пани Х., которая, опираясь на трость, зашла к больной. — Если это еще продолжится, пан провизор тоже заболеет. Он это принимает так близко к сердцу. И неудивительно — такая ответственность! Ах, если бы знала об этом пани Маргита! Если бы там Никуши не было, я бы ей уже сама сообщила о происходящем здесь, но Никуше нельзя об этом знать!

— Кто бы сказал моей прелестной розе, — причитала пани Х., — что она, однажды оставленная, найдет приют в моей комнате!

— Да, ей не надо было уходить от Коримского. Там бы ее на руках носили, а как бы там за ней ухаживали в случае болезни, — сказала пани Прибовская с укором.

Но она тотчас же устыдилась своих жестоких слов. Разве можно так говорить о смертельно больном человеке?

* * *

— Вы ко мне, пан Урзин, и это в воскресенье-то? Я, право, удивлен.

Доктор Раушер с нескрываемой насмешкой, недовольный тем, что кто-то нарушает его отдых, протянул «благочестивому аптекарю», как он называл Урзина, руку.

— Прошу вас, доктор, будьте добры, идемте со мной к одной больной, — попросил молодой человек без извинения. — До сего времени за ней ухаживали по советам доктора Лермонтова, однако болезнь приняла другой оборот.

— Вот как? — заинтересовался врач.

Коллега Лермонтов был ему слишком симпатичен, чтобы сразу не отправиться к пациентке, если она сама не могла прийти.

— Она пожилая или молодая женщина?

— Средних лет. Однако разрешите обратить ваше внимание на то, что дама, к которой мы пойдем, вам знакома... Это баронесса Райнер.

Такого сообщения доктор Раушер не ожидал.

«Кто бы мог подумать! Баронесса Райнер — в прошлом „Орловская роза“, бывшая жена Коримского, дочь пана Николая Орловского и мать пани Маргиты Орловской — в этой дыре, под присмотром своей бывшей няни и провизора пана Коримского», — подумал врач, когда он уже стоял у постели больной. Но ход его мыслей изменился, когда он заметил, в каком опасном состоянии она была.

Она все еще была красива. Но это была уже не та молодая Наталия и не Наталия Коримская. Странно — у нее был вид святой!

— Что вы думаете, пан доктор? — спросил провизор.

— Что в любой момент может наступить смерть. Но что нам делать, Урзин? Мы же не можем допустить, чтобы дочь пана Орловского умерла здесь, как падшая женщина.

— Я еще вчера сообщил пану Орловскому о случившемся и просил его прийти и забрать пани баронессу в Орлов.

— Это вы правильно сделали. Скорый поезд прибывает в час, может быть, он уже здесь. Пойдите ему навстречу, дорогой Урзин.

«Хоть он и кажется святым, а все же толковый человек», — подумал доктор, с нетерпением ожидая его возвращения.

Глава тридцать шестая

Маргита Орловская, возвратившись после своего первого посещения церкви в Боровце, вместо дедушки нашла лишь его рукой написанную записку, в которой он сообщал ей, что с утренней почтой получил письмо и что определенные обстоятельства потребовали его отъезда в Орлов.

— Почему он меня не послал? — сердился Адам, только что вернувшийся из Подолина. — Ведь я был еще дома, когда почта пришла.

Из-за всего этого Маргита забыла постигшее ее разочарование в церкви. С какой радостью она отправилась туда и как она была рада, что дедушка ничего не имел против. Она надеялась насытиться Словом Божьим. Первое неприятное впечатление произвело на нее плохое пение, под которое можно было уснуть. Она удивилась, что учитель Галь может играть так бесчувственно. Затем на кафедру поднялся пастор О., мужчина приятной наружности, но болезненного вида. Говорили, что он только на прошлой неделе вернулся из Верисхофена, где лечил свой ревматизм. Маргита сочувствовала ему. Было заметно, что ему при пении литургии не хватало воздуха и трудно было вести богослужение. Маргита плохо понимала, что он говорил. Это было не по-словацки и не по-чешски. Ведь она часто слышала, как барон Райнер говорил на чешском языке.

В церкви она посмотрела на слушателей. Они дремали на скамьях. Когда он повышал голос, они вздрагивали, а потом снова засыпали.

Молодая женщина почувствовала пустоту в своей душе, особенно во время длинных молитв. С радостью она пришла, но с радостью она и вышла из церкви. «Когда пастор поправится, будет лучше, — подумала она, — невозможно, чтобы евангельское богослужение было таким...»

Когда Маргита проходила мимо дома пастора, со двора до нее донесся довольно резкий женский голос, бранивший работника не самыми изысканными словами. И это в доме пастора, и в воскресенье. Она намеревалась войти и представиться, но передумала. Печальной и опустошенной вернулась она домой.

Здесь ждали ее обычные обязанности. Отец с братом и его другом не захотели прийти к обеду, но, несмотря на то что она распорядилась, приготовленная пища не была еще отправлена к ним, так что ей самой пришлось взяться за дело и уложить ее в корзины.

— Скажи, что я приеду сразу после обеда, — приказала она слуге.

Обедали они впервые вдвоем с Адамом. Он тоже был расстроен: вчера в Подолин прибыл сундук с египетскими древностями, который был поврежден, и в нем недоставало нескольких

драгоценных вещей. Маргита приняла искреннее участие в этой неприятности мужа.

— Что скажет доктор Герингер? Он сна лишится от горя. Именно то, что пропало, для него было так важно! — сокрушался молодой Орловский.

— А ты точно знаешь, что все было положено в ящик? Может быть, вы что-нибудь забыли? — предположила Маргита.

— Забыли? Не думаю. Доктор сам все упаковывал. Но ты права, может быть, недостающее находится в сундуке, который он взял с собой. Было бы это так!

— Господь даст, что так и будет, — проговорила Маргита, успокаивая мужа.

— Я не успокоюсь, пока не буду уверен, что все в порядке. Я сегодня еще отправлюсь в Подолин и проверю опись вещей, находящихся в ящике. Пусть Никуша меня сегодня извинит.

— О, он поймет! Ты только завтра утром вернешься? Верхом поедешь?

— Нет, я вернусь еще сегодня вечером. Но ужинать меня не ждите, если опоздаю. Маркиза я сегодня утром вовсе не видел. Он был занят, и я сразу пошел в комнату, отведенную мне и доктору Герингеру, чтобы посмотреть вещи.

— А Тамару ты тоже не видел?

— Когда уходил, видел. Она передавала тебе привет и ждет тебя завтра. Я застал ее за запретным делом: она читала книгу, которую якобы ты ей дала.

Маргита покраснела.

«Верно, чтение ведь вредно для ее глаз. Но Иисус Христос сделает так, что она не пострадает от этого», — подумала она.

— Но ты мне еще не рассказала, как было в церкви, — переменял Адам тему разговора.

Ему не хотелось говорить о Тамаре Орано. Он все еще видел укор в ее глазах и слышал, как она сказала:

«Маргита так хороша и добра, радость — дышать с ней одним воздухом, а вы отказались от нее!» Он знал теперь, что Тамара была права, поэтому ему и не хотелось об этом думать.

— Как ты провела время? — повторил он вопрос.

— Я в церковь ходила не время проводить, — сказала она почти печально.

— Прости, я не так выразился. Я хотел спросить, нашла ли ты то, что искала? Я однажды был случайно в евангелической церкви в Т., но сухое, скучное богослужение меня нисколько не удовлетворило. Там пели, будто тянули резину; казалось, не будет конца. Священники что-то читали, а затем была проповедь. Я едва выдержал до конца. Верно, меня звон колокольчиков и вся эта мишура в нашем богослужении не трогают, но зато хоть хорошо поют и можно на что-то посмотреть, развлечься.

— Да, развлечься можно в вашей церкви, но больше ничего, — вскипела Маргита.

Слова Адама обидели ее. Хотя, вспомнив сегодняшнее богослужение, она должна была согласиться с ним.

— О, кто всему этому верит и хочет быть благочестивым, тот у нас скорее найдет нужное ему. Скажи мне только, чем евангелический христианин докажет, что он благочестивый и добрый христианин? Католик дает пожертвования, поклоняется святым, делает добрые дела, соблюдает пост, заказывает молебны за бедных и умерших. А чем докажешь ты, что ты добрая евангелическая христианка?

Щеки молодой женщины покраснелись.

— Тем, что я так стараюсь жить, как это повелел Христос; что я люблю и прощаю.

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Вот что ее так украшало — она хотела любить и прощать.

— И ты думаешь, что всегда можно любить и прощать?

— Христианину, живущему по заветам Христа, — да, ибо Он говорит: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь».

— Ну, если твое убеждение основывается только на этих словах, то ты можешь придерживаться их, будучи католичкой.

— Возможно, но ваша церковь насилием доказала, что нет в ней любви Христа.

— Докажи свое утверждение! — сказал он, покраснев.

— Очень легко! Разве не Рим сжег на костре лучших своих сыновей, например, Гуса, Висхарта и тысячи других мучеников?

— Не мучеников он сжигал, а еретиков. Я могу согласиться, что в то варварское время, к сожалению, такое насилие имело место, но это происходило от темноты, непросвещенности. Однако я не соглашусь с тем, что в нашей церкви нет любви. Я хотел бы знать, чем евангелическая церковь доказала, что в ней живет тот Дух, который, как ты говоришь, подкреплял мучеников в их вере? Я знаю много евангелических эгоистов, мошенников, неверующих и прочих. Но никогда мне не случилось замечать в вашей церкви любви и согласия, а напротив — ссоры и раздоры. В нашем правительстве имеются и евангелические христиане; но скажи мне, что они сделали хорошего? Я считаю, что дело не в учении, не в церкви, не в убеждении, а в самом человеке, в его стремлениях.

— Нет, Адам, если человек хочет жить счастливо и для блага других, то это счастье должно быть в нем. Но оно не творится самим человеком. Свет и счастье — во Христе. Христос должен жить в человеке. Это Он жил в мучениках. Он и в нас, во мне хочет жить. И как цветок раскрывается лучам солнца, так и я раскрыла свое сердце Свету, и Он теперь освещает его. Я не могу остаться католичкой, потому что мне доступ к Христу был бы закрыт. У вас так много святых: мать Божья, отцы церкви, папа, епископы и так далее — один над другим, а об Иисусе Христе и речи нет. А без Него нет спасения. Я могу и хочу служить только Ему, Который умер за меня; Ему, Который оберегал меня, когда отец и мать оставили меня, хотя я Его не знала, и Который теперь раскрылся мне во всей Своей красоте и святости. Я согласна, что евангелические христиане не живут так, как бы им надлежало жить, и что это уже не прежняя церковь. Но евангелическая церковь не запрещает читать Слово Божье и не распространяет заблуждения и суеверия. И у кого Слово Божье, тот может увидеть свет и стать счастливым навеки.

— Ты уже настоящий богослов, Маргита, — насмешливо склонился перед ней молодой ученый. — Может быть, лучше оставить этот разговор, потому что у меня времени мало. Но в будущем мы еще поговорим об этом. Так как у тебя достаточно смелости критиковать мою религию, я разберу твою и приведу

тебе факты, свидетельствующие о том, что тебе пока не известно. А теперь — что передать Тамаре?

Лицо Маргиты разгорелось. Она почувствовала что-то вроде стыда. И потом, когда Адам уже ушел в Боровце, она задумалась, правильно ли сделала, сказав без обиняков ему правду о Риме?

Подавленная, она пришла к домику и остановилась. Окно было раскрыто, из него слышались голоса, один из них принадлежал Степану Градскому. Может быть, он пришел навестить бабушку?

Как хорошо! Она снаружи прислонилась к окну и заглянула внутрь. Какая чудесная картина предстала перед ее глазами! На диване лежал ее отец и смотрел на окно, рядом стоял Аурелий, скрестив руки на груди, а у стола, наклонившись над раскрытой Библией, стояли Никуша и Степан Градский.

«Значит, Степан действительно пришел, тот, кому Христос открылся и который умел любить и прощать! Вот он — настоящий евангелический христианин, который живет по Евангелию!» — возликовала она в душе и поспешила в домик, где ее радостно приветствовали.

— А дедушка не придет? — первым делом спросил отец.

Она ответила, что он отправился в Орлов, извинилась также за Адама. Приветствуя Степана, она не заметила, как Никуша вдруг побледнел и схватился за сердце. О Маргита, если бы ты знала, какое известие ты принесла своему брату! Хорошо, что она не подозревала о случившемся.

Около часа назад Николай Коримский стоял в лесу, углубившись в размышления. Он беспокоился о матери, тосковал по ней. Как хотелось ему узнать хоть что-нибудь о ее состоянии! Аурелий, вернувшись из Подолина, письма не принес. Николай теперь невыразимо тосковал по человеку, с которым можно было бы поговорить о матери и кого можно было попросить молиться за него и за нее.

Вдруг он услышал приближающиеся шаги. Обернувшись, он увидел перед собой молодого человека очень приятной наружности. Мир, свет и внутренняя радость отражались на его лице.

Молодой человек, заметив Николая, поприветствовал его. Николай ответил на приветствие и заметил вопросительный взгляд подошедшего.

— Простите, пожалуйста, вы не пан Николай Коримский? — спросил он.

— Да, — ответил Николай, и сердце ему подсказало, что это Степан Градский. — Вы принесли мне письмо от Урзина? — спросил Николай, протягивая руку.

— Да.

Молодой человек достал письмо и передал его Николаю. Затем он снял свой плащ и расстелил его на траве.

— Садитесь, пожалуйста, письмо длинное, и вы устанете стоять, — сказал он искренне.

Пока Николай, последовав приглашению, читал письмо, другой стоял, прислонившись к дереву, и ждал. Письмо действительно было таким длинным и таким содержательным, что чтению, казалось, не будет конца. Наконец рука с письмом опустилась, и голова читавшего тоже.

Некоторое время Степан с участием смотрел на печального Николая. Затем он склонился к нему.

— Господин Коримский, Мирослав написал мне, чтобы мы вместе с вами помолились. Помолимся же. Молитва всегда помогает. Если боль и не исчезнет, то появится сила вынести ее, а заботы, сложенные к ногам Христа, больше не угнетают.

Николай вздохнул и посмотрел в глаза говорившему. Ему показалось, что с ним разговаривает брат, которому можно довериться. Желание его исполнилось, появился человек, с которым можно было молиться. Степан был прав: молитва всегда помогает.

Николай Коримский почувствовал прилив силы. Из искренней молитвы Степана он понял, что тот в некоторой степени посвящен в обстоятельства. Ему захотелось полностью открыться перед ним, и он прочитал ему немного из письма.

— Степан, моя мать для меня уже давно умерла, — сказал он, — мне нельзя с ней встречаться. Поверь мне, лучше бы она лежала на кладбище, чем жила бы в доме инженера Райнера. Однако это так ужасно, что она теперь оставлена отцом и детьми! Вы не считаете, что это наказание Божье?

— Нет! Вы не могли бы ей ничем помочь. Пани Райнер нужен сейчас только Иисус Христос. И поверьте мне, что иногда близкие мешают увидеть Иисуса Христа. Кто знает, может

быть, милостивый наш Отец привел ее в такое печальное положение, чтобы она ничего не видела, кроме Христа. Увидеть Его — для нее достаточно. Он исцелит и утешит ее так, как никто из нас этого не смог бы.

Спокойные убеждающие слова действовали на Николая как бальзам.

— Я понимаю, что ни я, ни Маргита не можем утешить нашу мать, потому что мы напоминаем ей прошлое, а это больно. Однако меня очень угнетает, что она, с детства привыкшая к роскоши, теперь находится в маленькой комнатке и за ней ухаживает, может быть, очень добрая, но совсем незнакомая девушка. Ей, наверное, многого не хватает для поправки, что она имела бы у нас.

— У Иисуса Христа на кресте не было ничего, но Бог так хотел, чтобы Его страдания послужили нашему спасению, — сказал молодой человек. — Кроме того, брат Урзин сделал для нее все, что в его силах.

— Это я знаю, Степан, и меня утешает, что она находится под его присмотром. Но постоянно он не может там находиться, на нем лежат все обязанности по аптеке. Я даже не могу себе представить, как он уделяет ей столько времени. Хотя это и очень неприятно, мне все же хотелось бы, чтобы барон Райнер появился поскорее.

— Инженер Райнер? Разве пан инженер — барон? — спросил Степан удивленно.

— Бароном он стал недавно. Когда мы были на курорте, я читал в газете о присвоении ему этого титула.

— И его нет дома?

— Нет. Мирослав пишет, что посланное известие его дома не застало. Может быть, он отправился навестить мою мать. Она была на курорте и приехала сюда, чтобы узнать о моем состоянии. Теперь он на курорте напрасно будет искать. Что он может подумать!

Последние слова Степан уже не слышал, ибо у него вдруг возникло, хотя и ничем не обоснованное, предположение, что тот приветливый господин, который вчера вечером и сегодня утром принимал участие в богослужении на их собрании, и был разыскиваемым паном Райнером. Ведь он был инженером и целый день ходил с Петром по лесу.

«Дома я смогу убедиться в этом, — подумал Степан, — и если это он, я его сразу же направлю к его бедной больной жене».

Чтобы отвлечь Николая от его печальных мыслей, Степан сказал, что хочет еще посетить бабушку. Николай сразу же встал и сказал:

— Тогда пойдем сейчас же.

И они пошли. По дороге Степан рассказывал о любви Божьей и о том, что как хорошо, что Отец Небесный дал Своим детям воскресенье для отдыха. Незаметно и Николай включился в разговор, и так, беседуя, они пришли в Боровце.

Степан увидел бабушку во дворе и пошел к ней, пообещав, что потом зайдет и к господам. Там его застала Маргита и обрадовалась ему.

— Не можешь ли ты, Степан, провести с нами небольшое собрание. Ведь мы здесь как маленькая домашняя церковь. Я позову бабушку, мы сядем вокруг стола, и у нас будет так же, как у вас там.

Маргита не стала спрашивать согласия отца. Она не заметила, как удивленно он смотрел на молодого крестьянского парня, у которого Маргита просила изложения Слова Божьего. Она считала, что все должны посвящаться в Божьи Истины, и никто ей не возражал.

Пока она ходила за бабушкой Степана, Аурелий расставил стулья вокруг стола, и Николай открыл занавески на окнах, чтобы было светлее. Коримский убрал свои газеты со стола, Степан сел и начал подбирать текст из Библии.

Когда все расселись, молодой человек помолился и начал читать: «В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете. Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я есть путь и истина и жизнь» (Иоанн, 14:2–6).

— Господа мои, я вас не знаю, — начал Степан, посмотрев на своих слушателей. — Я также не знаю ваших путей и какими путями вы хотите идти. Но здесь нам показан путь, которым

необходимо идти, чтобы прийти домой, чтобы вся земная жизнь не была напрасной и чтобы не лишиться жизни вечной. Подумаем, что это значит: Иисус Христос говорит, что в доме Его Отца много прекрасных жилищ, о чем мы также читаем в Откровении Иоанна. Иисус Сам пошел приготовить нам место, ибо Он любит нас. Место, где нет ни слез, ни болезней, ни печали о наших ушедших родных, где не будет страхов и ужасов; ибо там нет греха — там, где солнце не заходит и луна не скрывается, где после окончания ваших земных печалей начнется мир и радость. Туда Он пошел приготовить нам место. И когда оно будет готово, Он придет и возьмет нас к Себе.

Да, Он любит нас так, что Сам придет за нами, хотя у Него достаточно ангелов, которых Он мог бы послать. Но когда Он придет, найдет ли Он нас на том пути, где невозможно заблудиться? Кто не будет готов, когда Иисус Христос придет, тот погибнет. Как это ужасно! Я знаю, что значит погибнуть, ибо я когда-то был далеко от Бога и жил в грехах. Бог так меня возлюбил, что отдал Сына Своего за меня, а я Его не благодарил и не прославлял. Я жил, будто Его и не было. Он наблюдал за мной, а я на Его глазах грешил. Иисус Христос знал, что я без Него погибну, ибо наказание за грех — смерть. Я не знаю, господа, что вы думаете о грехе, но так говорит Бог.

Когда я был на военной службе, там застрелился офицер. Он был благородным человеком, хорошо обращался с солдатами. Все удивлялись его поступку, ведь его все уважали. Долгов у него тоже не было. Он часто приходил к моему командиру, и однажды я слышал, как он ему сказал: «Если тебя что-то угнетает, то остается только одно средство — пуля в сердце, она вылечит все». Его угнетал грех, какой — мы не знали, но знал Бог.

Если мы Бога и не знаем, то мы чувствуем, что Он знает наши грехи. И вот это нас и угнетает, даже если никто наших грехов не знает.

Когда Иисус Христос дал Своим ученикам такое чудное обетование, они тоже почувствовали свою вину и что они недостойны. Поэтому говорит Фома: «Господи, как нам знать путь туда, к тем жилищам?» И Христос научил его, что Он Сам путь и не только путь, но и истина, и жизнь.

Много я думал, что Иисус Христос хотел сказать этими словами, и просил Его открыть мне их смысл. Я представил себе, что между этой землей и той, где живет Иисус Христос, находится большая пропасть, и только в одном месте есть переход. На этом месте вместо моста лежит крест, обогранный кровью Сына Божьего. Кто пройдет через этот крест, того кровь очистит, и он на другом берегу попадает к вратам Божьей истины. По просьбе проходящего они открываются, и истина освободит его от грехов. Они, как тяжелая ноша, упадут в ту пропасть, и начнется новая жизнь.

О, я познал, как добр Иисус Христос! Когда я последовал за Ним и ступил на крестный путь, все мои грехи упали с души моей. Изо дня в день я все больше познаю Истину и обретаю вечную жизнь. Я хотел бы яснее изложить это место из Библии, но могу свидетельствовать только о том, что сам видел и испытал. Я точно знаю, что Бог противится заносчивым, но милостив к кротким. Я знаю, что Он гневается на безбожников, потому что Он гневался на меня; я это чувствовал. Я знаю, что Бог прощает все грехи всем, кто именем Иисуса об этом просит, потому что Он простил и меня, недостойного. Я знаю, что Иисус Христос очень любит Своих, что Он пошел приготовить для них место, и что Он его и для меня приготовил. Я знаю, что Он снова придет за теми, которые здесь, на земле, дали очистить себя от грехов и познали Истину, и что Он и меня возьмет в ту чудную родину. Я знаю, что спасенный Им должен полностью, душой и телом, принадлежать и служить Ему. И то, что я знаю, я должен говорить другим, ибо Иисус Христос сказал: «Вы будете моими свидетелями!»

И вы, мои господа, должны то, что вы знаете, передавать дальше; ибо есть только один путь в вечную жизнь — Иисус Христос. И кто не знает этого пути, рано или поздно погибнет! Аминь!

«Чудесно, — подумал Аурелий, глаза которого сияли. — Вот это значит свидетельствовать о Господе! Благодарю тебя, Степан! Этот урок я запомню: то, что сам знаю, нужно передавать другим».

«С Адамом мне нельзя о церкви говорить, — подумала Маргита, — нужно не спорить, а свидетельствовать всей своей

жизнью. Да, дорогой Иисус, Тебе я хочу служить днем и ночью, и молчать я не буду, особенно перед Тамарой. Я до завтра ждать не буду, а навещу ее еще сегодня».

«Если я поправлюсь, — думал Николай, — я всю свою жизнь, как жертву благодарности, посвящу Тебе, Господи, чтобы Твоих Свидетелей стало еще больше. Если же я не поправлюсь, то возьми к Себе меня и мою мать, хоть и незаслуженно, из милости».

А что думал пан Коримский, который, к удивлению Маргиты, остался сидеть на диване, когда все остальные преклонили колени к молитве? Он подумал, что ему не хватало только, чтобы этот крестьянский парень пришел и раскрыл перед ним источник его душевных мучений. Но Бог наблюдал за ним. Коримский чувствовал, что Бог все видел и знал.

Степану пора было уходить. Маргита и Аурелий пошли проводить его. Николаю хотелось поговорить с отцом о прошедшем часе. Хотя он никогда не мешал отцу в его занятиях, и, несмотря на то что отец именно теперь набросился на газеты и углубился в чтение их, как государственный деятель, от решений которого зависят большие политические изменения, Николай сел рядом на диван и обратился к нему:

— Отец, позволь тебе что-то сообщить.

— Что, Никуша? — Коримский обнял и привлек его к себе.

— Так как мы сейчас наедине, я тебе, родной мой, хотел бы рассказать об изменениях, происшедших со мной во время болезни, особенно за последние дни, и о появившихся у меня твердых намерениях.

— Да, я слушаю.

— Все, что рассказывал Степан, пережил и я, может быть, несколько иным образом. Я был духовно мертв, но Иисус Христос открылся мне. Я пошел к кресту. Тяжесть грехов, с которой так трудно умереть, снята с меня. Теперь и я могу сказать вместе с Иовом: «Я знаю. Искупитель мой жив».

— Николай! — воскликнул Коримский с болью в душе.

— Не прерывай меня, отец. Все, что Бог делает, хорошо, даже если мы Его не понимаем, сказал мне однажды Мирослав. И он прав. Если бы не моя болезнь, я бы никогда не узнал самого себя, и Мирослав не пришел бы в наш дом. Какая польза

была бы мне оттого, что я провел бы всю свою жизнь в удобствах, богатстве и счастье, а потом все потерял бы. Я тебя прошу, отец, сколько бы моя жизнь ни продлилась, дай мне возможность уйти из нее, сделав доброе дело.

И Николай рассказал своему побледневшему отцу о предложении Мирослава относительно евангелистов. Он сообщил ему также о предположении Аурелия, что католическое духовенство вряд ли долго еще будет позволять Урзину спокойно трудиться, так как собрания он проводил в арендованном для этого доме. Хорошо бы позаботиться о том, чтобы такой запрет стал невозможным.

— Я думал о том, — продолжал Николай, несмотря на то что молчание отца его угнетало, — что ты не любишь общества, я никогда и не стану собирать его, и наш дом для нас слишком велик. Как хорошо было бы освободить большой салон и оборудовать его для собраний! Мы могли бы сказать, что проводим в нем свои домашние богослужения, никто не мог бы вмешаться, и Мирослав беспрепятственно мог бы работать. Отец, позволь мне выполнить это мое желание, которое, как луч света, озаряет вечер моей молодой жизни! Ты мне не откажешь, отец, не правда ли? Ты позволишь или это для тебя слишком большая жертва?

— Жертва? Проси все, что у меня есть, все к твоим услугам, — вскипел Коримский. — Но насчет евангелиста — хоть двух пошли на учебу, только не требуй от меня, чтобы имя наше стало предметом насмешек для людей! Что люди о нас с тобой скажут?

— Люди, отец? Люди распяли Иисуса Христа, с ними мы не можем равняться. О тебе люди сказали бы, что ты в отношении меня проявил слабость, а что они обо мне скажут — неважно. Прошу тебя, отец, позволь!

— Нет, Николай, этого я тебе позволить не могу! Ты требуешь такое, что противоречит моим принципам. Я не позволю опозорить мое имя. Довольно того, что однажды случилось. Не будем больше об этом говорить.

Коримский встал и оставил сына одного с его разрушенными надеждами. Он не хочет посвятить дом свой прославлению Бога, перед Которым дрожит, но не хочет склониться.

Глава тридцать седьмая

В прекрасном подолинском парке в мягком кресле покоилась его юная владелица. Вокруг нее благоухали нарциссы и гиацинты. Над ее головой шумела молодой листвой столетняя липа. Неподалеку плескался ручеек, берега которого украшали незабудки. Вокруг дочери востока простиралась райская красота западного майского дня, однако Тамара не обращала на нее внимания.

Ее голубые глаза за темными очками смотрели в безоблачное небо таким вопросительным взглядом, будто она ждала оттуда ответа на все волнующие ее вопросы и мысли. «Значит, там живет Бог», — думала она, имея в виду не только бесконечные миры, солнце, луну; нет, над ними она представляла себе другое небо, где жил истинный Бог, Который все видит и всем управляет. И там был теперь и Его Единородный Сын, Иисус Христос. Как странно! Как она до сих пор ничего об этом не знала?

Какую чудесную книгу подарила ей Маргита! Она еще очень мало в ней прочитала — только начало первой и начало второй части о создании мира и о рождении Иисуса Христа. Какое это было странное и чудесное событие! Ах, скорее бы ей получить английскую Библию, чтобы ее компаньонки могли читать ей вслух.

«Это, наверное, было чудно, когда с неба с многочисленным воинством небесным явился ангел, который воскликнул: „Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам Спаситель, Который есть Христос Господь“».

«Если Он родился всем людям, если это радость для всех, то это касается и меня, — размышляла Тамара. — Это было мировое событие, а я до сих пор не знала ничего о Нем. Почему мне ничего об этом не сказали? Или оно касалось только мира того времени? Невозможно! Николай Коримский сказал, что Иисус жив, и что Он и ему даровал жизнь и его скорбь заменил радостью, о которой возвещал ангел. Но если то событие коснулось Николая, то почему оно меня не касается? И если Бог Своим всемогущим словом в течение шести дней сотворил небо и землю и вообще всю природу и небесные тела, даже самого человека, тогда почему меня учили, что все это само собой возникло и развивалось в течение миллионов лет и что человек появился в

результате эволюции? Разве не гораздо легче понять и поверить в существование всеильного, вечного, любящего Творца, Который все создал, в том числе и человека? Что Он создал его по образу Своему и дал ему власть над всем остальным творением? О, я верю в это и рада, что мне не нужно уже думать о том, что человечество когда-то стояло на очень низкой ступени развития».

Девушка рассматривала небо, где живет Бог. «Но если Создатель там, как Он тогда все видит и слышит? Откуда Он все знает? Заботится ли Он о Своих созданиях? Ведь Он не мертвый, как идолы язычников! Если Он даровал Николаю радость, Маргита — свет, если Он услышал молитвы Лермонтова за Николая, значит, Он заботится... А обо мне Он тоже заботится?»

О, что бы она отдала за то, чтобы ей кто-нибудь дал ответ на эти вопросы! Тихо и величественно синел небосвод над ней, цветы источали свой аромат, вода плескалась, деревья шумели — вся природа, казалось, просила своего Создателя: «Откройся этой душе, чтобы она узнала, что Ты заботился о ней день и ночь, что Это Ты в ее жизни все так устроил, чтобы она, наконец, познала Тебя и великую любовь Твою».

Вдруг мысли ее прервал радостный возглас:

— Тамара, вы здесь?

Оглянувшись, она тотчас вскочила.

— Маргита, ах, Маргита! — ликовала она, побежав навстречу всаднице. Молодые дамы уже обнимали друг друга.

— Извините меня, Тамара, за мое неожиданное вторжение, но мне нужно было вас увидеть. Сердце мое не могло ждать до завтра!

— О Маргита, мне не за что вас извинять! Наоборот, я так счастлива. Вы сами видите, как я одинока и как мне скучно.

— Вы одна, Тамара? — спросила Маргита озабоченно. — Где ваши компаньонки? Где ваш отец?

— Отец занят, — сказала девушка, нахмурившись. — У него много дел. Сейчас у него пан Орловский. Они вместе разбирают древности. Ася разучивает пьесу, которую вы ей вчера дали, а Орфа пишет за меня письма в Египет. Так как мне делать ничего нельзя, я вышла. Но что мы стоим? Вы все еще держите своего коня...

Тамара достала серебряный свисток, и на ее зов сразу же появился чернокожий слуга и увел коня. Обе дамы сели на диван.

— Вас, собственно, нужно бы ввести в дом, — извинилась Тамара и встала, после того как они немного поговорили. — Простите, что я это сделала не сразу.

Но Маргита усадила ее снова на диван.

— Прошу вас, останемся здесь, в этой райской красоте! У вас наверху, конечно, тоже очень хорошо, но то все сотворенное человеком, тогда как здесь вокруг нас жизнь, созданная нашим чудесным Отцом Небесным.

— Вы правы. — Щеки Тамары загорелись. — Вы знаете, о чем я думала до вашего прихода? Заботится ли Бог и обо мне?

— О вас? — переспросила Маргита удивленно.

— Вам кажется странным, что я так по-детски спрашиваю, — сказала девушка, смутившись. — Но подумайте, разве не естественно было бы, что Он обо мне не заботится, так как я Его совсем не знаю и никогда не думала о нем?

— Для человека это было бы естественно, — ответила Маргита серьезно, но сердечно. — Но Господь говорит, что если даже отец и мать оставляют дитя, то Он не оставит. О, Тамара, посмотрите на Подолин! Я знаю, что у вас есть еще много других имений, но посмотрите только на Подолин! Какой дивный замок, этот парк — как рай. Там ваш отец. У вас все есть, в то время как другие живут в бедности. И вы спрашиваете, заботится ли Господь о вас?

— Вы считаете, что все это, в том числе и Подолин, от Бога? — спросила Тамара, удивленно качая головой. — Это же отец мне купил за унаследованные мной от матери деньги.

— Это так. Но кто дал вашим предкам богатство? Раньше я тоже так думала и считала, что Горку мне подарил дедушка. Сегодня я знаю, что Горка — дар моего Отца Небесного.

— В таком случае, у нас нет ничего своего? — спросила Тамара.

— Я ничего в этот мир не принесла, — улыбнулась Маргита весело, — значит, у меня и нет ничего. И если бы у меня было в тысячу раз больше богатств, я бы все положила к ногам Господа, ибо Он меня искупил. Я принадлежу не себе, а Ему. Когда я ехала к вам, я как раз думала о том, какое это блаженство —

быть слугой Христа, подчинить Ему всю свою волю. Так как Он меня искупил, я по праву принадлежу Ему. Какая честь! Вы только подумайте, Тамара: мы Иисусу Христу так дороги, что Он искупил нас самым дорогим — Своей кровью. Как я после этого могу сказать, что у меня есть собственность, которая принадлежит мне одной и которую я Ему не отдала бы? Нет, никогда!

— Ах, Маргита! — Тамара обняла ее обеими руками. — Научи меня тоже так верить, как ты веришь! И ты говоришь, что Он и меня искупил кровью Своей? Как?.. Когда?..

— Когда? Ты разве не знаешь? Там, на кресте! Когда смерть сделала свое ужасное дело, когда Иисус Христос опустил Свою голову, умирая, Он сказал: «Совершилось!» Кровью из Своих ран Он нас искупил.

Из глаз Маргиты катились слезы.

— Тамара, моя дорогая Тамара, так Он тебя возлюбил!..

— Но зачем Он за меня умер? Николай говорит, что Он умер за наши грехи. Но меня тогда еще не было, и не грешила я тогда еще.

Вся неуверенность незнания отразилась в глазах испуганной девушки.

— В то время и меня еще не было на свете, и я еще не грешила, Тамара, — сказала Маргита серьезно. — Но не было и тех людей, грешивших со времен Адама. Миллионы уже умерли, и миллионы живут и грешат в наше время, и за всех этих людей умер Иисус Христос. Бог послал Своего Сына спасти мир. У Бога был только один Сын, и этот Сын мог умереть только один раз. Он умер за всех, в том числе и за тех, которые уже умерли, как и за тех, которые еще жили, — значит, за тебя и за меня. Если бы Он не умер, нас никто больше не мог бы спасти; ибо написано в Библии, что Христос больше не умрет, смерть над Ним не властна. Ты этому веришь, Тамара?

Девушка покачала головой, задумавшись.

— Я как моряк, увидевший вдали свет, но не различающий еще суши и не знающий, где ему бросить якорь. Как ты нашла в Библии свет, который ты раньше не знала, так и я верю, что найду его, и думаю, что тогда тоже пойму то, о чем ты сейчас говоришь.

«Она меня не понимает, — вздыхала Маргита в душе, — потому что ничего не знает об Иисусе Христе! Мне было легче: мать моя перешла в евангелическую церковь, и я в школе учила Слово Божье. Нужно иметь терпение».

Маргита попросила показать ей парк. Там Тамара, собирая для нее букет цветов, рассказывала Маргите, как она размышляла о сотворении мира. Маргита стала фантазировать и, сравнивая подолинский парк с райским садом Едема, заговорила о том, какими счастливыми, наверное, были в нем Адам и Ева, где их посетил Сам их Господь и Творец, и какими несчастными — когда согрешили. Они не только должны были оставить райский сад, но Бог их покинул.

Маргита сама не знала, откуда у нее брались слова. Словно кто-то зажег свет в ее сердце, и она должна была зажечь его в сердце своей милой соседки. Она рассказывала ей об Иисусе Христе, о том, Кто поразил змея в голову.

— Знаешь, Тамара, между падшим человеком и святым Богом встал грех, и поэтому человек не мог вернуться к Богу. Но пришел Иисус Христос и победил грех, омыл нас кровью Своей от грехов, и кто в Него верит, снова может прильнуть к Нему, к сердцу нашего любящего Отца. И Господь Иисус Христос говорит: «В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я».

Так Маргита разъясняла Тамаре, что она сама узнала из Библии. Теперь, когда Дух Святой помог ей все это вспомнить, она этим воспользовалась. Чем больше она говорила, тем светлее становилось в ее душе, но не только в ее душе. Сначала Тамара только слушала, но потом она начала задавать вопросы, один за другим.

Так, за беседой, они обошли весь парк и теперь приближались к дому. Навстречу им уже шел маркиз Орано, и Тамара радостно обняла своего отца. Но почему он так пристально смотрел на миловидное, радостное лицо Маргиты, пока Тамара их не представила друг другу, и Маргита, несколько смущенно, не извинилась за свое посещение?

— Зачем вы извиняетесь, сударыня?

Маркиз поспешил уверить ее, что она у них всегда желанная гостья, хотя ее посещение для него было неожиданностью, так как Адам Орловский его не предупредил.

— Адам и не знает, что я здесь, — сказала Маргита, краснея. — Мы, собственно, хотели встретиться с Тамарой только завтра, но я так заскучала по своей дорогой соседке, что забыла обо всем и поспешила сюда.

За эти слова маркиз поцеловал Маргите руку. Они его так обрадовали, что он этого не мог скрыть. Он повел дам к дому, так как сам вышел лишь для того, чтобы посмотреть, что делает Тамара.

Вскоре пришли и обе компаньонки. Обрадованные неожиданным посещением, они все вместе направились к Адаму, чтобы осмотреть его запыленные сокровища. Он чуть было не сломал один из драгоценных предметов, когда перед ним неожиданно появилась его прелестная Маргита.

По-разному оценили посещение Маргиты управляющий Зарканый, его жена и дочери. Однако одно они заметили все: хоть ее первое посещение было и не ко времени, оно все же явилось как бы светом благотворным, лучи которого оживили весь Подолин, даже самого маркиза.

Когда они вечером возвращались домой, до креста их провожали не только три дамы, но и сам маркиз. Там произошла еще одна неожиданная встреча. На ступенях у креста, беседуя, сидели Николай Коримский и доктор Лермонтов, а пан Коримский стоял, прислонившись к кресту.

Маргита была счастлива, что она здесь, среди этой чудесной природы, так принужденно могла познакомить своего отца и брата с отцом Тамары.

— Если бы мы знали, что ты идешь в таком почетном сопровождении, мы бы не беспокоились о тебе, — сказал пан Коримский.

— Неужели вы подумали, что мы отпустим Маргиту одну? — спросила Тамара.

— Милостивая сударыня нас слишком обрадовала своим посещением, чтобы не воспользоваться возможностью проводить ее, когда рядом нет ее законного защитника.

— А обо мне дядя и не подумал, — пошутил Адам.

— Мы могли бы здесь еще немного погулять, — предложила Тамара и подала руку Николаю Коримскому.

Она увела его несколько в сторону, чего остальные в разговоре не заметили.

Там они остановились, и ее голубые печальные глаза с нескрываемым сочувствием смотрели в его прозрачно-бледное лицо. Она заметила сразу, что он стал еще бледнее, и почувствовала в сердце своем незнакомую боль.

— Не хуже ли вы себя чувствуете, пан Коримский?

Он покраснел от счастья.

— Слава Богу, нет, — он поднес ее маленькую руку к своим губам.

— Но вы так печальны...

— Вам кажется.

— Я это вижу, и мне больно от этого. Мы, Маргита и я, и все так счастливы, а вы нет. Не может ли Иисус Христос, в Которого вы верите, утешить вас?

— Это Он может, маркиза Тамара. Он меня уже утешал и в будущем не оставит меня. Я только должен верить, что то, что Он делает, — хорошо, даже если мы Его и не понимаем.

По тону его голоса она убедилась еще больше, что у него какая-то печаль, и она ему сочувствовала.

— А вы мне не можете сказать, что вас угнетает? Я Маргите не расскажу, — просила она, привыкшая повелевать.

Снова он привлек ее руку к своим губам.

— Я благодарю вас за ваше участие, но этого я не могу сделать. Бывают вещи, которые нужно оставлять при себе. Это тот крест, о котором говорит Иисус Христос: «Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот недостойн Меня».

Подошли остальные, и разговор прервался. Но в сердце девушки все еще звучали слова и печальный голос юноши. А он в самом потаенном местечке своего сердца сокрыл драгоценное воспоминание о чистосердечном сострадании девушки.

В радостном настроении маленькая компания распрощалась и разошлась. В Горке ждал их посланец с телеграммой, адресованной Коримскому:

«Если возможно, приезжайте все в Орлов. Если всем невозможно, пусть придет Маргита ночным поездом.

Николай Орловский».

— В Орлов? Что это значит? — воскликнул Адам.

— Не случилось ли что-нибудь с дедушкой? — забеспокоилась Маргита.

Коримский еще раз внимательно прочитал телеграмму. Никто не обращал внимания на юношу, который прижал руку к сердцу. С поникшей головой он вышел из салона. В спальне Маргиты он бросился на колени, и, уткнувшись лицом в подушки, тихо зарыдал.

«Она уже там, матушка моя. И если нас всех зовут, значит, она близка к смерти. О, я это чувствовал сегодня весь день. Нас всех: отца, меня, Маргиту просят прийти. Что на земле не могло жить в мире и согласии, смерть соединит. Но вечен ли будет этот союз? Но я должен убедиться, в Господе ли она умрет. Как бы меня здесь не оставили! О, Господь мой! Если отец мой мне не позволяет жить для Тебя, то дай мне умереть вместе с матерью».

— Никуша, что ты здесь делаешь? — услышал он вдруг над собой голос сестры.

Нежная рука обвила его шею.

— Ты плачешь? Отчего? Что с тобой случилось?

Юноша вскочил и заключил свою сестру в объятия. Слезы блстели еще в его глазах.

— Маргита, нас зовут к маме, она смертельно больна.

— К кому? — переспросила Маргита, бледнея.

— К маме.

— Никуша, как она может быть в Орлове?

— Маргита, разве у нее там нет отца? Разве там нет места для нее? О, дедушка добр! Он взял ее к себе из той комнатки. Ты знаешь, Маргита, тот домик в Кладбищенском переулке, где проводятся собрания? В том доме находилась наша мать. Сегодня уже третий день, как она там лежит, тяжело больная. За ней ухаживают пани Х. и Мирослав.

— И ты это знал, Никуша? Кто это тебе сказал? Почему я ничего не знаю об этом? Такого не может быть!.. Пан Райнер

ее так любит! Он этого никогда не допустил бы! Ты, наверное, ошибаешься.

— Я не ошибаюсь. Первого мая утром я ее сам там видел. Мирослав привел меня к ней, потому что она из-за меня оставила курорт, где лечилась. Она хотела убедиться в том, что она слышала, и так как у нее не было никого, к кому она могла бы обратиться, она сама отправилась в Орлов. Но там она никого не застала и оставаться там не могла. Мирослав нашел ее на скамье возле того домика и позаботился о ней. Если бы не он, я не знаю, что бы с ней случилось! Он привел меня к ней, и мы примирились. Можешь себе представить, каково мне было, когда мне пришлось оставить ее там в таком состоянии? Нет, ты этого представить себе не можешь! Мирослав обещал мне позвать дедушку, если он не найдет барона Райнера, так как неизвестно было, где он находится. Но это только в том случае, если матери будет очень плохо. Теперь Он его позвал, а дедушка зовет нас всех к себе.

— Ах, Никуша! — Маргита прильнула к брату. — Но зачем зовут туда нашего отца?

— «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный». Как и всякий человек, наш отец не безгрешен, и это последняя возможность для него простить, чтобы и он мог быть прощен.

Маргита удивленно смотрела в серьезное, почти строгое лицо брата. Значит все, что он говорил, было правдой. Но кто бы об этом сообщил отцу? И если он узнает, пойдет ли к ней?

Однако ему ничего не пришлось объяснять. Когда они через несколько минут вошли в салон, то услышали голос отца:

— Маргите надо идти, если дело так обстоит. Но я не понимаю, зачем подвергать Николая опасности. До сих пор пани Райнер без него обходилась, значит, и теперь обойдется. Вы, Аурелий, как врач, наверное, не посоветуете посылать его?

— Верно, — сказал Адам, — мы вдвоем пойдем и этого достаточно. Я там распоряжусь обо всем.

— Подожди, Адам! — воскликнул вдруг Николай. — Я думаю, мы все пойдем!

— Никуша, — проговорил Коримский, отступая. — Ты об этом знаешь?

— Я знаю, отец, что Иисус Христос говорит: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье». Моя мать теперь предстанет перед Судьей, и она не должна обвинять нас перед Ним в том, что мы с ней не примирились. Мы все пойдем; прошу тебя, Адам, распорядись, но поскорее. Время не терпит.

Адам, удивленно смотревший на своего двоюродного брата, глянул потом в побледневшее, застывшее лицо дяди. Их глаза встретились, и Коримский кивнул ему.

Прежде чем слуги что-то поняли, Горка опустела. Что случилось, отчего господа такими расстроенными уехали в Орлов? Что их там ожидало?

Глава тридцать восьмая

Наверное, еще ни одному человеку не казался таким долгим путь, как пану Николаю это небольшое расстояние.

И возможно, еще ни один врач не ждал с таким нетерпением прихода родственников его пациента, как доктор Раушер в тот воскресный день в домике пани Х.

Наконец послышались шаги. Дверь отворилась, и провизор вежливо и учтиво пропустил благородного старика, которому пришлось нагнуться, чтобы войти в комнату.

— Ваша милость, какой неожиданный и печальный случай! — начал доктор, встречая его.

Но пан Николай его не слышал. Он устремился к постели больной. Когда он наконец увидел больного свое дитя, подобное сломанному цветку, он сложил руки, опустив седую голову на грудь, и крупные слезы покатались по его щекам.

— Прошу, ваша милость, садитесь, — прозвучал рядом с ним тихий мягкий голос, который ему на станции передал ужасное известие таким бережным образом, что оно ему едва причинило боль.

Старик послушался. Опустив голову, он плакал. Он не думал о том, что кто-то может наблюдать за ним, хотя и не знал, что его уже оставили наедине с единственной любимой дочерью, которую когда-то жестоко выгнал из своего дома, заперев за ней дверь.

Он посмотрел в ее лицо. Да, это была она. Те же тонкие, гордые черты, белый высокий лоб, благородное очертание губ. Невозможно было вообразить, что уже сорок лет — и каких лет! — пролетело над этим, столь дорогим ему существом.

Она спала так тихо, как спала обычно, когда он вечерами заходил к ней посмотреть на нее. Но ведь то было дома, а сейчас...

Он поднял голову, огляделся в низенькой, бедной комнатке, и сердце у него в груди содрогнулось. Затем он посмотрел на неслышно вошедших людей. Доктор смущенно теребил свою бороду, в дверь как раз входила молодая, скромная девушка с чашкой для умывания и с полотенцем. У ног больной стоял провизор Коримского.

И среди этих людей лежала без признаков жизни его гордая, привыкшая к роскоши, дочь. Здесь, среди этих людей, оказавших ей и ему милосердие, в этой убогой хижине, он должен был ее найти! Однако он пришел, чтобы взять ее с собой.

— Пан доктор, — сказал он тихо, — можно ли перевезти мою дочь?

— Вообще-то можно, только не знаю, каким образом.

— Как так? — спросил старик испуганно.

— Не хотелось бы вам говорить, что госпожа очень слаба...

Посадить ее в экипаж невозможно. Может быть, уложить ее на подушках в большую крестьянскую телегу? Если бы было ближе, можно было запросить носилки, но они придут только завтра, когда транспортировка вряд ли будет возможна.

— На крестьянской телеге? — старик энергично потряс головой. — Как можно ее в ней перевезти?

— Позвольте, пан доктор, — вмешался Урзин, — доктор Лермонтов заказал носилки для Никуши, но они не понадобились. Я велел их принести. Они очень удобные. Может быть, мы просто понесем госпожу?

Доктор удовлетворенно посмотрел на молодого провизора.

Избавившись от этой заботы, пан Николай снова наклонился к дочери и, глядя ее прозрачные руки, со слезами на глазах тихо повторил:

— Ему они не понадобились; теперь тебя, моя роза, понесут на них.

— Вот и носилки, — сказал врач, — но кто понесет баронессу? Послать за слугами из Орлова уже поздно.

— И о носильщиках Господь позаботился, — ответил провизор.

— В помещении рядом собрались мои друзья. Я попрошу их, и они это сделают не только с радостью, но и будут молчать об этом.

Доктор пожал руку молодому человеку.

Послеобеденный час библейского разбора был в этот день очень коротким. Не спели ни одной песни, разобрали только один стих и помолились. Собравшиеся знали, что рядом лежит больная женщина, которую после собрания нужно унести. Куда — это знали только мужчины, которым пан Урзин предложил послужить бедной женщине из любви к Господу, на что они с радостью согласились. Между тем пан Николай узнал, у кого, собственно, его дочь нашла пристанище, — у ее бывшей няни. И он был доволен, что внучка этой женщины ухаживала за ней. Но он узнал также, как неутомимо, день и ночь, провизор заботился о больной.

Не только доктор, но и пан Николай желали бы, чтобы больная очнулась в Орлове. Только не здесь, не на носилках! Как бы она расстроилась при виде этой убогости вокруг! Довольно того, что ей так долго пришлось здесь быть!

Это желание исполнилось. Больная не очнулась, когда ее клали на носилки. Она не знала, как ее понесли и как в Орлове уложили в постель, где она когда-то в полузабытьи не раз мечтала о своем будущем рядом с любимым, и позже столько ночей проплакала от боли над разбитым своим счастьем.

Ах, не было никого, кто той счастливой невесте рассказал бы о вечном счастье в объятиях Небесного Жениха! И не было никого, кто отчаявшейся молодой женщине указал бы путь к добруму Другу всех несчастных, у Которого можно найти вечную Истину. На заре жизни она, как бабочка, выпорхнула в мир, а потом ее челнок без штурмана и штурвала оказался во власти бушующего житейского моря.

Под отцовским кровом покоилась теперь несчастная жертва суеты этого мира. Она была женой двух мужей. Но кто из принадлежащих Христу мог бросить в нее камень так, чтобы этот

камень не попал во все христианское общество, которое подобные связи разрешает и благословляет? Кто может утверждать, что брак Манфреда Коримского и Наталии Орловской, соединенный нерасторжимыми узами через сына и дочь, разрушен тем, что Наталия ушла и заявила, что больше не вернется, — если даже мирские и церковные власти за деньги расторгли этот брак? И кто может утверждать, что эта связь Наталии Коримской с бароном Райнером, если она даже была узаконена всеми церемониями лютеранской церкви, действительно оправдана перед Богом при жизни Манфреда Коримского? А если нет? Если бы Райнер перед глазами всего общества ввел Наталию Коримскую в свой дом и жил бы с ней незаконным браком, это общество его рано или поздно осудило бы. Но раз церковь благословила их грех, то они перед миром считались праведными. Но не перед Господом...

Да, если бы кто-нибудь бросил камень в Наталию Орловскую, он поразил бы все так называемое «христианское общество».

Проходил час за часом, а глаза женщины все еще были закрыты. Дыхание ее было таким слабым, что она казалась уже неживой. Наконец, в тот момент, когда пан Николай нагнулся к ней, глаза ее открылись.

Некоторое время они смотрели прямо, а потом взор их стал блуждать по хорошо знакомой комнате, пока не остановился на лице старика.

— Значит, я все же дома, — прошептала она слабым голосом. — Это не сон. Ты меня взял домой, дорогой отец, и дашь своей бедной Наталии умереть под родным кровом, не правда ли? Ах, она так долго блуждала по чужбине!.. Я благодарю тебя!

— Наталия, роза моя, что ты говоришь? Не умирать, а жить ты будешь у своего отца! — возразил ей отец со слезами на глазах.

Ему было больно слышать такие слова от нее, и все же в них было что-то хорошее, необычное, говорившее о чем-то далеком и высоком.

— Жить? Для меня нет больше жизни на этой земле! Дай мне руку, отец... Вот так. — Она прильнула к ней губами. — А теперь прости все своей заблудшей дочери.

— Дитя мое, не надо, я тебя прошу! Не ты у меня, а я у тебя должен просить прощения. Если бы не моя жестокость, всего этого не случилось бы с тобой.

— Не вини себя, отец, потому что я была не менее жестока. Мы оба были на неверном пути и погибли! Ах, отец! Все пропало: жизнь, время, силы — все на земле пропало! Невинность и чистота, семейное счастье — все! Я стояла перед Господом с пустыми руками, и Он меня принял. Он указал мне на крест, на котором был Он, мой Спаситель, и Он смыл всю мою вину Своей кровью. Не смотри на меня так, отец, не думай, что я в бреду. У меня жар прошел. Поверь, нет другого посредника — ни на небе, ни на земле — между нами и Богом, кроме Того, распятого на кресте Иисуса Христа. Теперь у меня есть Спаситель, Который меня никогда не предаст и Которому я буду верна. Отец Небесный дал мне Своего Сына, и я Его приняла в конце моей жизни. Это сокровище я могла бы иметь всю свою жизнь, с Ним я была бы счастлива. Отец, прими Иисуса Христа! Без Него нет спасения! Я не могу тебе лучше об этом сказать. Сорок лет я прожила, двум церквям принадлежала, но никто мне Истины не сказал. Я теперь не знаю ничего, кроме того, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Я не могу тебе этого объяснить, отец, но я знаю, что мне оказано милосердие и что с меня снята тяжесть моей вины. Бог меня простил, Иисус Христос меня принял... Я знаю, что спасена. Я почти ничего не знаю о новой Родине, но я знаю, что войду в нее, так же точно, как я сейчас здесь, дома. Ах, отец, подумай о словах твоей заблудшей, но спасенной, умирающей дочери! «Сын Человеческий пришел взыскать погибшее...»

Сердце пана Николая сжалось. Из уст дочери он словно слышал голос Божий.

— Скажи мне, что я должен сделать, чтобы и мне найти Христа?

Но глаза женщины снова закрылись. Она как бы собиралась с силами. Только через некоторое время она их снова открыла.

— Я очень слаба и несведуща. Спроси тех, которые уже давно с Христом. А теперь, отец, у меня к тебе большая просьба: позови моих детей, и его тоже.

— Кого, дорогая моя?

— Коримского.

— Может быть, Райнера? — осмелился старик возразить дрожащим голосом.

— О, он и так придет. Он придет проститься со мной! Отец, он всегда был добр ко мне. Бережно, на руках он носил меня по жизни — я этого не заслуживала. Однако это был грех.

Ее губы болезненно дрогнули.

— В чем был грех, дитя мое?

— В том, что я вышла за него замуж. Для меня было бы лучше никогда не родиться. Но нет, я больше не буду отчаиваться. Иисус Христос омыл меня и от этого великого греха.

В комнате стало тихо.

— Отец, — шепнула она через некоторое время, — ты исполнишь мою просьбу?

— Сейчас, дитя мое, я их позову, — ответил старик. — О, неужели ты хочешь, чтобы и он пришел?

— Да, я этого хочу. Мы должны поговорить. Мы должны простить и примириться друг с другом.

Пан Николай написал депешу и отправил ее, но в своей подавленной душе он не верил, что кто-нибудь, кроме Маргиты, придет.

Утомленная разговорами, больная снова заснула. Доктор, пришедший с деканом Юрецким, нашел ее спящей.

— Мне кажется, что ей немного лучше, — сказал врач. — А вы не думаете известить пани Маргиту?

— Я уже послал телеграмму.

— Уже? Жаль! Я подумал, что было бы неплохо позвать и доктора Лермонтова.

— И его я тоже позвал.

— Ну, тогда все в порядке.

— Ах, что я слышу!.. — заговорил декан Юрецкий. — Ваша бедная, заблудшая дочь вернулась под кров отца! О, если бы она вернулась так же в лоно своей святой церкви! Я верю, что святая Матерь Божья просила бы за нее до тех пор, пока

она ей не вернула бы свое сердце; и она позволит нам еще и поговорить с ней о спасении ее души.

Декан Юрецкий удивился, что его слова вызвали на лице пана Николая горькую усмешку.

— Моя дочь очень слаба, ваше преподобие, вряд ли с ней можно будет поговорить.

— О, было бы очень жаль! Подумайте, если случится худшее, что тогда? Если она не вернется в лоно церкви, если не будет возможности причастить ее, то вам пришлось бы хоронить свою дочь в нашем католическом городке при помощи евангелического пастора и в неосвященной земле. Ибо мы для нее, заблудшей, сознательно ушедшей из нашей церкви и нераскаившейся, ничего не сможем сделать. Как я сожалею, — замечая бледность пана Николая, продолжал декан, — что мне приходится говорить эти слова и беречь раны вашего сердца! Но только любовь и забота о спасении души этой женщины и о вашем утешении принуждают меня к этому. Следует еще учесть, что если она к нам вернется, все может исправиться. Святым причащением и молитвами мы избавим ее от ада, куда она из-за своего вторичного брака должна попасть. И если мать к нам вернется, это будет хорошим примером для дочери, и она загладит свою вину перед ней!

О, что творилось от этих слов в душе старика! В его ушах все еще звучали слова дочери: «Я знаю, что я пойду домой».

«Она твердо верила, что пойдет к своему Отцу Небесному, а не в ад. А если она ошибается? — думал пан Николай. — Кто это мог бы вымолить! Ведь католики молиться за нее не станут, так как она оставила их церковь, а лютеране не верят, что из ада можно кого-нибудь спасти. „Мне все прощено“ — сказала она. Возможно ли это? Должно быть, так, ибо умирающие не ошибаются. Но все-таки, уходить в вечность без святого причастия и соборования... Как он мог, будучи строгим католиком, позвать в свой дом лютеранского пастора! Ах, как хорошо было бы, если бы она все же вернулась в католическую церковь! Хотя бы ради Маргиты!»

Декан Юрецкий заметил борьбу в душе пана Николая и не ошибся в своих ожиданиях.

— Моя дочь только что задремала, я пойду посмотрю. Когда она проснется, я вас позову. Но сначала нужно ее к этому подготовить.

— Конечно, конечно!

В спальне пан Николай нашел только Анечку. Она подавала больной лекарство. Врач в другой комнате прилег на диван, у него болела голова. Он хотел остаться в Орлове до утра — так малы были его надежды... Значит, пану Орловскому никто не мешал поговорить с дочерью. Но когда он теперь стоял у ее постели, все силы оставили его.

— Что ты, отец? — спросила вдруг больная и тем самым дала ему возможность начать разговор.

И хотя ему это было невыразимо трудно, пан Николай сказал, что декан Юрецкий пришел и хотел бы с ней побеседовать.

— Декан Юрецкий? — переспросила она, будто уже забыла друга своего отца.

Старик напомнил ей о нем, и когда он ее еще раз несмело спросил, можно ли декану зайти к ней, она кивнула головой и закрыла глаза.

Декан не ожидал, что его так скоро позовут. Он сразу не нашелся, что сказать, потому что измененные черты лица Натальи Орловской смутили его. Однако, начав говорить, его уста исторгли целый поток уговоров и объяснений. Он старался убедить больную, что лишь в католической церкви можно обрести спасение, потому что эта церковь и после смерти, при помощи святых, может спасти душу из ада. Она также может содействовать через святого Петра, через заступничество святого Иосифа перед Царицей Небесной — Девой Марией. Он дал ей понять, что Матерь Божья за нее, заблудшую дочь, еще в ее последний час может просить Своего Сына, даже если она долгие годы отворачивалась от Нее, и что церковь, являющаяся видимой матерью души на земле, готова принять свою кающуюся дочь и через святое причастие и соборование примирить ее с Богом.

Больная не давала ответа, а только странным взглядом смотрела то на отца, то на священника, который продолжал:

— Какой ужасной может быть кончина для души и для родных! Нельзя будет даже похоронить по-христиански, в освященной земле...

При этих словах на лице больной появилась улыбка. Но когда декан упомянул неправильное воспитание дочери и ее скорое возвращение в лоно церкви, к которой она, собственно, принадлежала, и как желательно было бы, чтобы мать стала для нее хорошим примером, она вздрогнула. Тень страдания легла на ее лицо.

Умоляюще она протянула руку к отцу, будто хотела сказать: «Не мучьте меня больше!» Затем она закрыла глаза. Однако на настоятельный вопрос декана, каков будет ее ответ, она их снова открыла и ясным взглядом, посмотрев в лицо священника, сказала:

— Если бы я выздоровела, я со своим настоящим убеждением никогда не вернулась бы в католическую церковь, а тем более сейчас. Я не нуждаюсь в посредничестве святых. Единственный мой Посредник — Иисус Христос, других я не знаю. Прощение грехов, которое мне не могла дать никакая церковь, я получила сегодня. Господь ради заслуг Своего Сына из милости принял меня, несчастную. Из ада возврата нет. Я ада не боюсь, ибо у меня есть защитник — Иисус Христос, Он сохранит меня от него. Что я упустила в воспитании моей Маргиты, я исправить уже не в состоянии; это я предоставлю Ему. Если Он меня нашел, то найдет и ее. Когда меня не станет, отец, отдайте тело мое Райнеру, я ему принадлежала. Он позаботится о том, чтобы и для несчастной Наталии Орловской нашлось местечко в земле. Ах, если вы в жизни не заботились обо мне, — обратилась она к декану, — если вы, вместо того чтобы указать мне верный путь к спасению, ввели меня в заблуждение, то оставьте меня теперь в покое. Благодарите Господа, что Он еще в последний мой час сжалился надо мной, ибо за мою погибель и вы были бы в ответе перед судом Христа...

Дальше она говорить не могла, она потеряла сознание.

— Я, право, не знаю, ваша милость, — сказал врач с возмущением, — как вы с деканом так бессовестно можете отравлять последние мгновения жизни бедной баронессы! Лучше бы она осталась у няни Х., там, по крайней мере, ей было спокойно.

Но пан Николай едва слышал слова доктора. Признание дочери потрясло его.

— Она в полном заблуждении, — заключил декан. — Здесь мне делать больше нечего.

Старик понял, что декан прав: больше делать с ней было нечего. Его дочь стала лютеранкой, и не только для того, чтобы выйти замуж за Райнера, как он считал до сих пор, — о нет, она всем сердцем отвергала святую римскую церковь и ее средства спасения. Она стала убежденной протестанткой. Она была в заблуждении, это он знал. Но как человек в свой смертный час может быть таким счастливым и смелым в заблуждении? Как могла она, такая страстная натура, с таким детским доверием приблизиться к Господу и связать с Ним все свои надежды? Как могла она, грешница, отказаться от всех средств спасения и осмелиться обратиться к Самому Христу? О, бедное дитя!

Как врач и предполагал, больная оставалась продолжительное время без сознания. На вопрос Анечки, придет ли больная еще раз в себя, он определенного ответа дать не мог.

Девушка почти желала, чтобы свидетельства больной были ее последними словами. Анечка больше не сомневалась в готовности ее предстать перед Христом. Она знала, что написано: «Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься».

Больная дала чудное свидетельство об Истине. Все свои надежды она возложила на Того, Кто сказал: «Кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным». Она была готова войти в обитель, которую Сам Сын Божий приготовил для нее Своими страданиями, смертью Своей, кровью Своего сердца...

Она-то была готова, но человек, который вдруг, к удивлению всех присутствовавших, склонился над больной, не был готов отпустить ее.

— Наталия, моя Наталия!.. — воскликнул он с болью в душе. — Наконец я тебя нашел! Но как и где? Ах, дорогая моя жена, посмотри же на меня, открой глаза! Хотя я этого и недогадываю — я должен был тебя раньше найти — это верно. Она меня не слышит и не видит!..

Мужчина целовал ее лоб, руки и губы. Присутствовавшие знали, кто был этот незаметно и внезапно появившийся здесь человек. Его отчаяние и боль заставила их отступить и оставить его наедине с больной.

Наконец доктор решился подойти к склонившемуся в отчаянии у постели больной барону Райнеру.

— Прошу вас, пан барон, не отчаивайтесь так, этим вы ей не поможете; встаньте, прошу вас!

Человек вздрогнул и, подняв голову, посмотрел врачу в лицо.

— Вы врач?

— Да.

Барон подал ему руку.

— Скажите мне правду, но только правду: что вы думаете о состоянии моей жены?

Нелегко было, глядя в его печальные глаза, сказать ему правду.

— К сожалению, я должен сказать, что пани баронесса опасно больна.

— Почему вы не говорите мне полной правды, что надежды на выздоровление нет? — спросил он с внешним спокойствием.

— Врач до конца должен надеяться.

Барон его не слышал. Он видел только свою несчастную жену.

— Приветствую вас, барон Райнер, — раздался немного неуверенный голос пана Николая.

«Он меня любил и был всегда добр ко мне...» — звучал в ушах старика голос дочери.

Барон вздрогнув, повернулся. Представлять их друг другу не требовалось: Райнер знал, что впервые предстал перед отцом любимой жены, не захотевшим жить под одной крышей с разведенной дочерью.

— Извините меня, ваша милость, что неожиданные обстоятельства заставили меня переступить порог вашего дома. Но я пришел только для того, чтобы забрать мою жену.

— О чем вы говорите, барон? — возразил старик испуганно. — Неужели вы хотите забрать у меня Наталию, и именно теперь, когда она так слаба?

— Неужели ваша милость предполагает, что я дам ей умереть здесь, где ей раньше не было места? О, нет! Я знаю, что

рискую всем, но лучше пусть она умрет у меня на руках в дороге, чем в Орлове!

— О, будьте милосердны, барон! Зачем вы напоминаете мне об этом? — застонал старик. — Оставьте ее мне, прошу вас!..

— Пан барон, транспортировать ее действительно невозможно, — вмешался доктор. — Подождите хотя бы до следующего утра.

— Я ее и завтра утром не отдам, — защищался старик. — Не забывайте, она хоть и ваша жена, но у меня на нее больше прав — она моя дочь.

— О, когда я женился на Наталии, у нее никого не было. Я никогда не слышал, чтобы отец ее интересовался ею. Я помню только, как он потребовал свою внучку. В письме к внучке он писал, что у него есть дочь, которая живет с неким Райнером, в доме которого, однако, не место Маргите. Вот этот Райнер и не может ни часа оставаться в Орлове, но без своей жены он не уйдет. Живая или мертвая — она принадлежит ему.

— Простите меня, барон Райнер, я вас тогда зря обидел, — начал свое извинение пан Николай, краснея. — Простите меня ради Наталии и останьтесь с ней в Орлове, принесите ей эту жертву.

Но пан Николай забыл, кого он еще позвал в Орлов и кого он теперь задерживал. Вдруг доктор сказал:

— Пани баронесса приходит в себя!

В один миг все было забыто. Барон уже склонился у постели своей жены и согревал ее руки своими губами. Она медленно открыла глаза, и взор ее, подобный заходящему солнцу, остановился на лице мужа.

— Наталия, дорогая!

— Наконец-то ты пришел, — произнесла она, слабо улыбаясь.

— Пришел,.. Но в каком состоянии я тебя нахожу! О, зачем ты это сделала?..

— Прости! Я думала, что у меня достаточно сил и не хотела причинить тебе боли, — говорила она так тихо, что только он один мог ее понять. Доктор с Анечкой вышли; один пан Николай сидел, согнувшись, в кресле и печально глядел в пустоту. — Я хотела сделать это тайно, но у меня не хватило сил вернуться

в лечебницу. Не сердись на меня — он мой первенец; я любила его невыразимо. Ах, прости меня!

— Мне нечего прощать тебе, дорогая, скорее я у тебя должен просить прощения! — возразил он.

— О, дай мне высказать всю правду. Я обманывала тебя и себя, принуждая себя любить тебя. Но сердцу не прикажешь. Я любила тебя как брата, друга и благодетеля в одном лице. Но то, что я считала умершим, уходя от Коримского, умрет только вместе со мной. Любить мое сердце могло только один раз... Прости меня! Я старалась забыть его и осчастливить тебя, но только сильно страдала оттого, что мне это не удавалось. В твоём присутствии я забывалась, но ты часто уходил и оставлял меня одну с моим прошлым. Я так слаба. Я должна бы еще у тебя просить прощения, но у меня нет больше сил. Если ты меня можешь простить, то прижми мою голову к своей груди.

Она закрыла глаза. Он сделал так, как она просила. То, что она ему сейчас сказала, он давно чувствовал, однако подтверждение из ее уст его тяжело ранило. Он знал, что она очень старалась, не считаясь с собой, сделать его счастливым. Упрекнуть он ее ни в чем не мог, нет, даже прощать ему было нечего. Сердце любить не заставишь...

Он привлек ее к себе и поцеловал в бледный, холодный лоб.

Она с благодарностью посмотрела на него.

— Ты простил меня? О, я тебя благодарю! Поверь, что мне теперь, когда я осознала свою греховность, стало очень больно за тебя — благородного, доброго, правдивого, безупречного, — на которого из-за связи с разведенной женщиной упала тень, а я тебя еще и обманывала! Теперь мне еще пришлось убедиться, что Коримский мне никогда не изменял. Я не имела права оставить его с сыном, это мой грех. А тем, что при его жизни я отдала тебе свою руку, я нарушила брачную верность и совершила тот грех, в котором обвиняла его. Ах, мне невыразимо жаль, что ты, такой благородный, из-за меня вступил в греховную связь.

Он спрятал свое лицо в ее пышных волосах, которые, как золотое покрывало, рассыпались по подушке. Он забыл, что они были не одни. Когда через некоторое время он поднял голову и увидел, что в комнате больше никого не было, он вздохнул.

— Не печалься, Наталия, и не думай, что ты втянула меня в грех. Когда я тебя взял, совесть моя уже не была чиста. — Он положил ее голову на подушку, закрыв свое лицо руками. — Не ты меня, а я тебя до сего дня обманывал. Ты годами тосковала по своему законному сыну, и я тоже тосковал по сыну, хотя и по незаконному.

— У тебя тоже незаконный сын? О, Боже, — застонала баронесса, — возьми меня скорее к себе!..

— Не умирай, Наталия, не прости меня! Я больше никогда не оскорблю тебя своей близостью, только прости!

Она беззвучно зашевелила губами и, подняв руку, положила ее ему на голову, по ее щекам катились крупные слезы. Ах, давно уже не было ужаснее осужденного и великодушнее помилованного человека, чем она!

Вошедший пан Николай, облегчивший свою боль горькими слезами в соседней комнате, нашел свою дочь снова словно в агонии, а барона на коленях возле нее.

О, это была ужасная ночь!

Глава тридцать девятая

Было уже за полночь, когда дверь спальни открылась и на ее пороге, запыхавшись от поспешного подъема по лестнице, остановилась, устремив взгляд на кровать, новая хозяйка этой комнаты — Маргита Орловская. Приглушенно крикнув: «Мама, мамочка моя!» — она подбежала к ней и бросилась возле кровати на колени.

Да, это была ее мать, но как она изменилась!

Еще внизу, во дворе, она слышала, как дедушка сказал:

— Она умирает и хочет со всеми вами повидаться. Но я не знаю, придет ли она еще раз в себя; уже два часа, как она без сознания.

«Вот как мы встретились», — подумала Маргита печально. И вдруг она вспомнила прощание на перроне в Ц., и как она потом тосковала по ней, особенно вечером в день рождения матери, и как она едва удержалась тогда, чтобы не отправиться к ней. Если бы Маргита ей тогда написала, то мать могла бы

обратиться к ней и все узнать о Никуше и, может быть, не заболела бы. Но теперь было поздно...

Маргита перестала целовать руки матери и со страхом посмотрела в ее спокойное, но помрачневшее от боли лицо.

Да, возврата не было. Но не лишилась ли Маргита также возможности свидетельствовать перед ней об Иисусе Христе, Которого мать не знала? Если она больше не придет в себя, она погибла. «Иисус Христос, не допусти этого!» — вздыхала молодая женщина, прильнув к едва дышавшей груди матери, словно старалась своим телом защитить ее от вечной гибели.

Правда, Николай сказал матери, чтобы она искала Иисуса Христа, что есть еще другая жизнь и что они там могут встретиться.

Но разве она Его искала? Пришла ли она к Нему? Ах, кто бы ей ответил на этот вопрос?! О, какие мысли мучили Маргиту по дороге, как она боролась! Она бы не победила, если бы не Николай. Наконец она поняла, что и для ее матери есть смягчающие обстоятельства, хотя она и разрушила счастье отца: ведь она тогда не знала Христа. Как Маргита страдала от сознания, что время благодати для матери ее прошло! Слезы катились по ее щекам.

— Не плачьте, сударыня, — прозвучал вдруг рядом знакомый голос. Сквозь слезы она увидела лицо Анечки. — Не плачьте, — повторила девушка сочувственно. — Верно, пани баронессе недолго осталось жить, но она пойдет домой, к Иисусу.

— Ах, Анечка, если бы я была уверена в этом и в том, что я с ней там встречусь!

— Поверьте мне, сударыня, она уверовала в Господа и нашла мир в Нем. О, если бы вы слышали, как она свидетельствовала о милости Господа перед деканом Юрецким!

— Перед кем?..

Маргита встала и, держа руку матери в своей руке, пересела в кресло.

— Что декану здесь было нужно? Ведь моя мать уже не католичка?

— Он хотел вернуть ее в лоно католической церкви. Если нам никто не помешает, я вам все расскажу.

— Обязательно расскажите, пожалуйста!

— И мне тоже, — раздался за спиной Маргиты голос Никуши. Юноша склонился у постели матери и положил голову рядом с ее головой, поцеловав ее волосы и влажный лоб.

Анечка заметила его взгляд, будто говоривший: «Я так страдаю. Если у тебя есть утешение для меня, то дай мне его». Анечка начала говорить и передала те слова баронессы, которые глубоко запали в сердце сына и дочери и которые, наверное, никогда не забудут пан Николай и декан Юрецкий.

— Да, ты была права, матушка! Ты познала Того, Который и мне открылся, — со слезами говорила Маргита. — Ты не могла привести меня к Нему, потому что ты Его сама не знала. О Никуша! — Маргита обняла брата. — Всю жизнь она блуждала без Христа, какой пустой и печальной была эта жизнь!..

— Не плачь, Маргита!

— Да, не плачьте, Маргита. Пани баронесса слышит вас. Она не спит и в сознании. Она только слишком слаба, чтобы открыть глаза. Но если позволите, я ей помогу.

— О да, пожалуйста, Аурелий!

— Вот вода, пан доктор! — Анечка подала ему чашку для умывания.

Молодой врач умыл лицо больной. Она глубоко вздохнула и открыла глаза. Ее светлый взгляд остановился на дочери.

— Маргита, наконец-то ты здесь!

— Мамочка, моя родная!

Больная хотела протянуть руки к дочери, но они бессильно опустились. Тогда дочь подняла и прижала их к своей груди.

— О, матушка моя, ведь я сразу пришла, когда ты нас позвала!

— И я тоже, матушка! — Никуша наклонился к ней и поцеловал ее руки.

Доктор снова протер лицо больной, потому что казалось, что она снова потеряла сознание.

— О Господи, дай мне еще немного силы, — вздыхала она с напряжением.

— Обязательно даст, дорогая мама, — уверяли ее дети.

— Вы вместе пришли? — спросила она через некоторое время. — И вы меня хотите простить? Ты, Никуша, меня уже простил, но ты, Маргита!.. Я теперь никогда уже не смогу исправить

свои ошибки. Прости, мое дитя, несчастной матери твоей, как и Христос простил ей ее тяжкие грехи! Не прерывай меня, — попросила она, когда Маргита, целуя ее, старалась помешать ей говорить. — Еще одно я тебе должна сказать: причиной моего заблуждения, падения и всего несчастья, в которое я ввергла вас и многих других, было то, что я не знала Иисуса Христа. Ты, дорогой мой сын, знаешь Его, и что бы с тобой ни случилось, ты всегда будешь счастлив. А ты, Маргита?..

— О, матушка, и мне Иисус Христос уже открылся, не беспокойся обо мне. Я никогда не буду принадлежать той церкви, которая ввела тебя в заблуждение!

Больная закрыла глаза. Ее лицо выражало блаженство.

Дочь удобно уложила ее на подушках. Казалось, что мать хотела отдохнуть. Но вдруг она снова открыла глаза, словно искала кого-то.

— Вы одни здесь?

— Нет, пани! — склонился к ней Аурелий. — Адам Орловский тоже пришел с нами, и пан Коримский.

— И он пришел?.. О, благодарность Тебе, Иисус! Маргита, приведи сюда Адама, и когда придет твой отец, оставьте нас ненадолго одних.

Стоявший в коридоре пан Адам вздрогнул, когда вдруг кто-то сказал:

— Адам, зайди, пожалуйста, мать тебя зовет!

Он повернулся и обнял плачущую супругу. Она прильнула к нему и обвила руками его шею. Он вздрогнул от чувства, доселе им еще не испытанного.

— Маргита, не плачь, — успокаивал он ее, убирая прядь волос с ее лба.

— Ах, позволь мне поплакать, ведь там нельзя из-за матери и Никуши.

— Ну, поплачь, поплачь, если тебе от этого легче, мой цветок, но выйдем на свежий воздух.

Ветерок успокоил Маргиту.

— Идем, не будем медлить, — сказала она, подняв глаза на своего мужа, — и не думай плохого о моей матери. У нее было так мало счастья на этой земле!

Маргита не знала, какую истину она произнесла этими словами, но она ее чувствовала.

Адам Орловский ничего не думал. А что он думал, того не мог выразить. Но когда несколько минут спустя он стоял у кровати когда-то горячо любимой им тети, которая говорила ему: «Сделай Маргиту счастливой, насколько это будет в твоих силах, и не разочаруй ее. Ведь ты Орловский, а Орловские всегда были верны...» — он дал ответ, продиктованный не состраданием и не чрезвычайностью момента, а идущий из глубины сердца: «Не бойся, тетя, я твое доверие оправдаю. По моей вине она никогда не будет несчастной!»

Между тем в библиотеке Орловского быстрыми шагами взад и вперед ходил Манфред Коримский. Он знал, зачем его позвали сюда. Его когда-то столь любимая, боготворимая им супруга хотела с ним говорить. В этот момент ему казалось, что сердце не выдержит чувства страстной, с новой силой вспламенившейся и годами подавляемой, но никогда не угасавшей любви и тоски по ней. Он горел желанием поспешить к ней, увидеть ее и, несмотря на нанесенную ему обиду, живую или мертвую заключить в свои объятия.

Конечно, обида была велика. Но теперь Наталия у него просила прощения, и это для него было удовлетворением, так как он верил, что она теперь знает, что был не он виноват, а она.

Он слышал, что она снова была в сознании и говорила с детьми. Адам тоже побывал у нее, а теперь зашел к ней пан Николай.

Но у Коримского все еще не было достаточно сил предстать перед ней.

Наконец он собрался с силами: «Она просила меня прийти и хочет примирения. Я должен воспользоваться моментом, другой случай может не представиться». Тяжело вздохнув, он открыл дверь и быстрыми шагами, не оглядываясь, прошел коридор. Он даже не заметил прислонившегося к окну человека, вид которого выражал еще большее страдание, чем его собственное. Но и стоявший у окна человек не замечал, что делалось вокруг него.

Кто в состоянии измерить ту боль, которая может поместиться в тесном сердце человека, когда перед глазами двух мужчин, которые на своем жизненном пути друг на друга бросали

непроницаемую тень, проходит все их прошлое со своим обманчивым счастьем, тяжелой борьбой и горечью?

Члены семьи умирающей женщины, по состоянию которой врачи уже видели, что ее пробуждение было последней вспышкой пламени ее жизни, поцеловав ее, вышли один за другим, оставив ее наедине с первым мужем. В комнате стало тихо. Женщина лежала с закрытыми глазами. Щеки ее лихорадочно горели. У ног ее стоял Манфред. Какая она была красивая! Это была она — его Наталия, но теперь жена другого.

От внутренней боли Коримскому хотелось заскрежетать зубами. Она вдруг очнулась, и их глаза встретились долгим немым взглядом. Он его не выдержал. Ноги его ослабели, и он сел в кресло, закрыв лицо руками.

— Зачем ты позвала меня? — спросил он со стоном.

— Потому что, — ответила она таким печальным голосом, что, слыша его, никто не удержался бы от слез, — потому что я теперь знаю, что ты мне не изменял, что мои подозрения были напрасными. Я согрешила против тебя точно так же, как ты согрешил против Людмилы Боринской.

Он выпрямился. Пораженный, он посмотрел на нее.

— Ты об этом знаешь?..

— Я только теперь узнала, когда все потеряно, что у тебя была невеста и что она тебе была больше чем невеста. Я ее погубила тем, что стала между вами. Она отомщена и давно у Господа. И я теперь пойду за ней и буду благодарить ее за то, что она нас не прокляла, а умерла с молитвой на устах за нас и наше счастье. Однако ее молитва не могла быть не услышана, потому что Бог справедлив: Он не мог благословить счастье, построенное на могиле невинной души, которую предали.

— Наталия, будь милосердна! — простонал он.

— Ах, не думай, что я обвиняю только тебя, — говорила она с трудом. — Если бы не я, ты бы Людмилу никогда не оставил. Поэтому я у тебя дважды должна просить прощения: за то, что я виновна в твоей измене, и за то, что опозорила твое имя. То, что ты обманывал меня, когда заверял, что я твоя единственная любовь — я тебе прощаю, как Христос меня простил. Прости и меня, Манфред!

Она протянула к нему руки. Он упал на колени на том месте, где некоторое время назад стоял на коленях барон Райнер.

— Мне нечего прощать, мы одинаково виновны. Я обманул Людмилу, ты меня оставила и изменила тем, что отдала свою руку Райнеру. И все же мы не равны, ибо, скажи я тебе правду, все могло быть иначе. Но тогда я не мог этого сделать. А теперь я тебя прошу только об одном: скажи мне, от кого ты узнала правду? Ты уверена, что не ошибаешься?

— Этого я тебе сказать не могу, — вздохнула она, — иначе я человеку с ангельской душой причинила бы большую боль.

— Ах, подумай, он мог бы меня навести на след, а я бы так хотел примириться.

— Примириться?.. Бедный Манфред! Все это уже прошло! Проси у Господа помилования, обратись к Иисусу Христу; Он один может тебе помочь, Он готов простить все. Он меня простил и тебя простит, другого пути нет... Манфред, подай мне руку, помирись со мной, — сказала женщина после паузы чуть жим голосом, — я умираю.

Она приподнялась в постели и прижала руку к сердцу. Видя, что она падает, он подхватил ее. Лед был сломан, и последнее самообладание оставило его. С невыразимой болью он осознал, что единственное его счастье вернулось к нему, чтобы умереть на его руках.

— Не умирай!.. — воскликнул он в отчаянии, стараясь ласками и нежными словами привести ее в чувство. — Будь моей, как прежде! Мы начнем новую жизнь! Мы понесем тебя на руках, дети и я! О, не покидай нас!

Она не отвечала, хотя он заметил, что слышит его и понимает. Она лежала в его объятиях с выражением боли на лице.

Вдруг у дверей послышался шорох. Коримский оглянулся и сквозь слезы увидел прислонившегося к притолоке бледного человека. Их глаза встретились и... наступил ужасный момент!

«Как ты осмеливаешься прикасаться к ней!» — казалось, говорил угрожающий взгляд барона. «Чего тебе здесь нужно? Она моя и только моя! Она вернулась ко мне!» — казалось, возражал Коримский.

Женщина открыла глаза и посмотрела в сторону дверей. Раздался душераздирающий крик. Лишь в этот момент она осознала

величину греха, совершенного ими троими, от которого здесь, на земле, не было избавления, ибо совершенное нельзя было исправить: разделенное грехом соединить было невозможно.

На крик матери прибежала Маргита и увидела, что с одной стороны кровати стоял отец, схватившийся обеими руками за голову; с другой стороны — о ужас! — склонился барон Райнер, а в постели лежала мать с каким-то странным выражением лица.

— О Боже, — сказал кто-то за спиной Маргиты, — она скончалась...

Значит, взгляд ее, которым она некоторое время назад провозжала своих родных из комнаты, был ее последним прощанием с ними. Когда через мгновение все снова собрались в спальне, каждый понял, что убило эту женщину. Николая Коримского вынесли без сознания из комнаты. Адам и Маргита увели старика, который был безутешен. А рядом с умершей остался барон Райнер, без слов утешения со стороны других.

«Но именно он больше других сейчас нуждается в утешении и поддержке, — так думала Анечка, но она не осмеливалась затронуть скорбящего человека. — Кто бы мог ему помочь?.. Брат Урзин!»

Она выглянула за дверь, где молча стоял молодой человек.

— Вы здесь, пан Урзин? Баронесса уже скончалась, она умерла так неожиданно... Какая это боль для всех! Пан Николай потерял сознание, его пришлось унести.

— А вы здесь? — удивленно спросил провизор.

— Да, все пришли, пан.

— А кто там, у нее?

— Пан барон Райнер. Никто о нем, бедном, не заботится. Он приехал ночью, затем ушел по делам, и вернулся как раз в тот момент, когда скончалась его жена. Мне его так жаль, и я не смею заговорить с ним.

— Идите, Анечка.

Провизор отошел от двери. Девушка видела, что он направился к постели усопшей и склонился над припавшим к ней человеком.

— Ее душа теперь у Господа, — проговорил он так тихо, но трогательно, что человек рядом с ним вздрогнул. Он поднял голову и посмотрел в спокойное, доброе лицо, полное сочувствия.

— Кто вы? — спросил он.

— Мирослав Урзин.

— Урзин? — Он выпрямился. — Друг Степана Градского?

— Да, пан барон.

— Вы оказали мне такое милосердие, но почему вы не подождали еще немного, пока я не пришел?

Мужчины поднялись.

— Пан барон, поверьте мне, я не мог иначе. Вы все не шли, и даже известия от вас не было. А пани баронессе становилось все хуже. Наконец, я был вынужден позвать пана Орловского, потому что подумал: если Господь ее хочет отозвать, лучше ей быть в это время у своего отца, чтобы не говорили потом, что провизор Коримских залечил ее.

Молодой человек наклонился к усопшей матери Никуши и так же, как прежде, когда она лежала в жару, поправил подушки, бережно уложив ее голову и закрыв полуоткрытые глаза. Когда он убирал с ее лба упавшие пряди золотистых волос, на них упали его слезы. Он сложил тонкие пальцы умершей на грудь, как для молитвы. Затем он вдруг взял руку мужчины, который, словно окаменев, следил за его действиями.

— Видите, пан барон, для нее теперь наступили вечный покой, мир и счастье, чего на этой грешной земле вы ей никогда не могли бы дать.

Барон понял истину этих слов. Да, он больше ничего не мог бы ей дать, если бы она помирилась с Коримским.

— Разлученная с детьми, — продолжал Урзин, — потому что обстоятельства ей не позволяли бывать в Орлове, она чувствовала себя бездомной. А там, — Урзин показал на небо, — там не будет ни слез, ни боли. Все это для нее позади! Она первая ушла туда, а если вы последуете за ней, на что я надеюсь, и будете там вместе, то это никому уже боли не причинит.

Барон вдруг прислонился к молодому человеку, казавшемуся ему добрым ангелом.

— Разве вы точно знаете, что она ушла туда? Мы жили без Христа, а Степан Градский говорит, что того, кто Господа не принял, Бог отвергнет.

— Но пани баронесса приняла Его, в этом я уверен.

— А кто ей указал на Него?

— Я, пан барон, я имел это счастье. Да, она Его приняла, а теперь Он принял ее. Давайте, пан барон, помолимся!

Молодой человек преклонил колени. Сначала он благодарил Иисуса Христа за то, что Он найденную овечку Свою привел в тихую пристань. Потом он просил силы для всех, кому смерть ее нанесла сильный удар, и милости помочь всем им познать путь спасения, чтобы однажды всем встретиться у престола Агнца. Барон все это время плакал. Затем он успокоился и, поднявшись, поцеловал лоб и губы умершей супруги.

— Я благодарю вас, вы облегчили мои страдания. Да вознаградит вас Бог за это и за все, что вы для нее сделали, — сказал он тихим голосом. — Но если вы уже столько сделали, то посоветуйте мне еще, что мне теперь делать. Вы согласитесь, что я не могу позволить, чтобы ее хоронили Орловские. И вообще, я ее здесь не оставляю. У меня и так ничего не осталось, пусть хотя бы ее могила будет на моей родине. Здесь для нее при жизни не было места, и после смерти не будет...

— Нет, пан барон, католическая церковь едва ли допустит, чтобы ее похоронили на вашем кладбище, а евангелическое кладбище только в Раковиане. Предоставьте мне, пожалуйста, средства и адрес, я все устрою. Только об одном прошу я вас: дайте старому пану Орловскому возможность снарядить свою дочь в последний путь. Вы ему окажете милость и успокоите его боль.

— Согласен, — ответил барон после некоторого раздумья. — А теперь скажите мне, где я на это время могу остановиться? Урзин назвал ему гостиницу.

— Дрожки, на которых я приехал, стоят еще у ворот парка.

— Тем лучше. Сообщите, пожалуйста, Орловским, что я приеду за своей женой. Когда здесь все будет закончено, найдите меня, пожалуйста. Ведь вы теперь мой единственный друг на этой ужасной чужбине.

— О, пан барон, у вас есть еще один Друг, Который вас любит, может утешить и помочь: Господь Иисус Христос.

Райнер склонил голову. Еще раз простившись со своей супругой, он торопливо вышел из комнаты. Стены Орлова, казалось, рухнули на него...

Глава сороковая

Барон Райнер вышел в одну дверь, а в другую Маргита ввела своего дедушку.

Увидев Урзина, заплаканное личико ее просветлело.

— Видите, Мирослав, — воскликнула она, — матушка моя умерла, но мы все с ней помирились!

— Не плачьте, пани Маргита, — сказал молодой человек, пожимая протянутую ему руку, — она не умерла. Разве вы не знаете, что Господь сказал: «Верующий в Меня не умрет во век»? Она жива по-настоящему только сейчас, когда увидела Господа Иисуса Христа, вырвавшего ее из всех скорбей и утешившего ее. Для нее все страдания закончились. Мы остались скорбящими, но мы все должны благодарить Господа, что Он упокоил ее!

Маргита вдруг успокоилась. Она наклонилась к матери. О, какая чудная истина! Иисус Христос ее утешил полностью. Она теперь у Него!..

В последующие дни, всю свою жизнь, как только Маргита вспоминала о своей матери, ею овладевало чувство счастья и мира.

— Да, теперь ты с Ним и знаешь Его лучше нас всех, — сказала Маргита со слезами.

Но это уже не были слезы безутешной скорби. Они сняли последний гнет с ее сердца и позволили Маргите в эти тяжелые дни быть светом для всей семьи.

Между тем Урзин подошел к словно окаменевшему пану Николаю, для которого теперь, кроме умершей его дочери, не существовало ничего на свете.

— Ваша милость!

Старик словно очнулся из полузабытья.

— Она умерла, — сказал он, показывая на дочь. — Если бы я оставил ее у вас, она бы еще жила, но мы измучили ее, мы отравили ей последние минуты жизни, и даже просить прощения у нее теперь невозможно.

Пан Николай вряд ли знал, что он говорил и к кому обращался; ему необходимо было облегчить свое скорбящее сердце.

— Она всех простила, ваша милость. В Царство Небесное зло не уносят. Души, перешедшие в иной мир, могут только благословлять, потому что они у Бога, а Бог — Сам любовь.

— Вы так считаете? — Старик Орловский схватил руку молодого человека, стараясь удержать ее в своей. Он чувствовал, что Урзин владел чем-то, чего ему не хватало. В эти минуты ему нужна была опора. — Вы думаете, что она не попала в ад, что она ушла домой, как она верила?

— Сын Божий говорит: «Если будешь веровать, увидишь славу Божью». Она в Него верила, и Он не мог обмануть ее надежды. «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Вот она и пошла к Нему, и Господь успокоил ее. Когда пастырь находит заблудшую овцу, он ее несет не куда-нибудь, а домой. И она тоже была заблудшей овечкой, но Иисус Христос нашел ее, взял ее на Свои плечи, и теперь Он говорит ангелам: «Порадуйтесь со Мною, Я нашел Свою пропавшую овцу». Она дома, ваша милость, но тело ее еще здесь, и мы должны что-то сделать, чтобы отправить ее тело в последний путь.

— Вы правы...

Таким образом, успокоившийся старик, которому слова молодого человека показались благой вестью, вспомнил забытые свои обязанности. Теперь начались заботы и труд, потому что у баронессы из вещей ничего с собой не было, а достать в Подграде необходимое для похорон было невозможно. Маргита выбрала из своих запасов самое тонкое белье и помогла одеть свою мать. Она расчесала ее длинные густые волосы. Затем они с Анечкой поехали в Подград и купили там немного белого атласа, который еще в прошлом году был привезен купцом для одной невесты, но так и остался невыкупленным.

Дома она отпоролла кружева от своего свадебного платья, и Анечка с горничной принялись за работу. За три часа платье было готово. Они распустили ее длинные золотистые волосы и покрыли их свадебной вуалью Маргиты.

Такой увидел ее сын, жизнь которого несколько часов назад висела на волоске и который только сейчас, опершись на руку друга, мог зайти в украшенную цветами комнату.

— Присядь, Никуша, — попросил его Аурелий.

Юноша послушался. Он смотрел на мать, как во сне.

— Коллега, может быть, все же не стоило приводить его сюда? — забеспокоился доктор Раушер. — Если у него сердечный приступ повторится, все будет кончено. Бедный Никуша!

— Тише, коллега, — ответил молодой врач. — Я надеюсь, что он поплачет здесь, и это принесет ему облегчение.

— Может быть, оставить его здесь одного?

— Да, пожалуй, пойдёмте отсюда.

Когда врачи вышли из комнаты, Никуша закрыл лицо руками, но не заплакал, а только откинулся в кресле, как человек, у которого все болит. Затем он вдруг встал и склонил свою голову к голове неподвижно лежащей матери. О, как они были похожи друг на друга! Когда он закрыл глаза, казалось, что и он неживой.

Каково было стоявшему в дверях Коримскому при виде этой картины! Горе тому сердцу, которому приходится испытывать подобные мучения и которому нет утешения, потому что Иисус Христос не имеет места в нём!

— Дайте мне умереть с моей матерью! — воскликнул юноша, когда его привели в чувство. — Все мои надежды разрушены, я не могу посвятить свою жизнь Христу, я хочу уйти к Нему. Для бесцельной, пустой жизни у меня нет сил.

Лишь отец понял его слова. Он боялся, что имя его перед миром может стать притчей во языцех из-за веры в Христа. Но разве оно не стало таковым теперь, когда смерть Наталии Орловской снова напомнила забытую семейную трагедию, тем более что барон Райнер намеревался увезти покойную супругу из Орлова?

Коримский смотрел на усопшую, и ему казалось, что уста ее хотят сказать: «Если ты ничего не можешь сделать для своего сына, то я возьму его с собой, и мы вечно будем счастливы у Иисуса, для Которого в твоём доме нет места».

«Оставь его мне! — стонал Коримский, протянув руки к умершей, словно пытаясь остановить ее. — Я все сделаю, только оставь его мне!»

— Не можете ли вы оставить нас ненадолго одних, пан Коримский, — спросил вдруг знакомый голос.

Коримский повернулся.

— Урзин, вы здесь? Наконец-то!.. О, уведите его отсюда, иначе он тоже умрет, и скажите ему, что я подумал о том, о чем он просил меня в Боровце, и что я на все согласен.

Коримский быстро повернулся и вышел. Дверь за ним тихо закрылась, и в комнате, где лежала покойница, запел сначала слабый, а потом все более крепнущий голос:

Есть ясный лучший мир иной, светлый мир! Светлый мир!
Там нет печали никакой, чудный край! Чудный край!
Святые песни там поют, там духи светлые живут.
Никто не знает там греха, светлый мир! Светлый мир!
Нет туч на небе голубом, чудный край! Чудный край!
Никто не стонет под трудом, Божий рай! Божий рай!
Все радости там без конца пред ликом Господа Отца.
Все там ликует в мире том. Чудный край! Чудный край!
Хоть мы виновны пред Христом, Он нас спас! Он нас спас!
Хотя весь мир объят грехом. Он нас спас! Он нас спас!
И Кто пришел за нас терпеть, Тот может всю вину стереть,
В страну блаженства вновь ввести. Он нас спас! Он нас спас!
Идите все Его путем, вслед за Ним! Вслед за Ним!
Идите все в Отцовский дом, вслед за Ним! Вслед за Ним!
Спешите, время нас не ждет, но все спешит оно вперед.
Уж скоро час наш подойдет, вслед за Ним! Вслед за Ним!

Молодой человек допел песню до конца и склонился к рыдающему юноше:

— Не плачь, Никуша, твоей матери теперь хорошо.

— Я знаю, верю и чувствую, что ей хорошо, но как больно ей, наверное, было расставание! Она примирилась с отцом, а потом явился Райнер, и это ее убило. Я никогда не забуду ее ужасный крик, словно над пропастью.

— Однако, Никуша дорогой, не забывай, что он был последним. Из ее уст такой крик больше никогда не вырвется! Если ты осознал весь ужас страданий, которые твоей матери пришлось вынести, то ты можешь понять величие Божьего милосердия, спасшего ее. И хотя мне тяжело, я все же должен тебе напомнить, что у тебя есть причина благодарить Господа. Твоя мать приняла Иисуса

Христа и вместе с Ним и Его заветы, следовательно, она никогда больше не могла бы вернуться к Райнеру и жить с ним. А разлука с ней погубила бы его. Но и он был ей очень дорог, она не могла на него пожаловаться. К твоему отцу она, согласно Слову Божьему, тоже не могла вернуться. Так что ей ничего другого не оставалось, как вернуться к своему отцу, и тем самым снова разделить Орловских и Коримских, либо где-нибудь жить в полном одиночестве. Господь избавил ее от этого. Да, ей пришлось испытать всю горечь от сознания своей греховности и ее последствий! Но это был лишь один момент! Тем больше блаженства и радости испытывает душа, когда она, избавленная от всех волнений и мучений, достигает тихой пристани спасения и мира!

В комнате стало тихо. Вдруг юноша бросился на грудь своему другу.

— Я благодарю тебя, Мирослав, за все, но особенно за это объяснение! Хотя и больно его слушать, но оно приносит исцеление. Да, Бог из любви взял ее к Себе, и я благодарю Его за это всем сердцем. Он и меня в свое время возьмет к Себе.

— Почему ты этого хочешь, Никуша? — спросил Урзин, глядя горячий лоб юноши. — Ты чувствуешь себя так плохо?

— Слава Богу, мне полегчало с тех пор, как я выплакался. Словно камень упал с души. Но у меня повторились сердечные спазмы, и я лишился последних сил.

— Господь Иисус Христос даст тебе новые силы, и ты сможешь Ему еще лучше послужить.

Юноша опечалился еще больше.

— У меня нет возможности Ему служить! О, если бы ты знал!

И Николай пожаловался другу, как провалились его красные планы евангелизации в Подграде.

— А где ты хотел устроить молитвенный дом? — спросил Мирослав, задумавшись.

— В Боровце.

— Ну, тогда не отчаивайся, Никуша! Отец твой просил меня передать тебе, что он подумал о твоей просьбе относительно помещения в Боровце и со всем согласен.

— Он просил мне это передать? — Юноша радостно поднялся. — Но когда и где?

— Когда он был здесь. Может быть, пойдём теперь к нему?

— Да, конечно, пойдём.

— Собственно, пойдёшь ты один, потому что мне надо вернуться в Подград.

Оба молодых человека горячо помолвились около покойницы и вышли.

В другой комнате Мирослав остановился и сказал тихо:

— Никуша, у меня к тебе просьба.

— Говори, ты знаешь, что я для тебя сделаю все, что в моих силах.

— Я прошу тебя, будь приветлив с бароном Райнером. У него никого нет на свете, он совершенно одинок. Ведь пан Орловский позволил ему перевезти покойницу в его имение, и она сама просила, чтобы ее отдали Райнеру. Ты можешь вообразить, как ужасно его положение теперь, когда он не имеет возможности быть в Орлове, чтобы хотя бы видеть свою жену. Было бы по-христиански облегчить ему это. Я думаю, что пан аптекарь уйдёт домой, как только убедится в улучшении твоего самочувствия. А я сейчас пойду к пани Маргите, а потом поеду к барону. Прошу тебя, поедем со мной! Поездка тебе будет на пользу, и оттого что ты окажешь любовь своему ближнему, страдания твои уменьшатся. Поедем?

— С удовольствием бы, но что скажет отец? Подумай только, кто для него барон!

— Я уже подумал. Он человек, за которого умер Иисус Христос и которого Он нам заповедал любить. Если хочешь, считай его своим врагом, но иди и докажи ему, что ты в состоянии его любить, потому что Иисус Христос — Господь твой.

Не говоря ни слова, Николай пожал своему другу руку.

— Иди теперь к Маргите, — сказал он уже в коридоре, — я разыщу отца, а потом приду к тебе, и мы поедем вместе.

Урзин застал Маргиту над ворохом черного креха.

— Что вы так смотрите, пан Урзин, вам не нравится то, что я делаю? — спросила молодая женщина.

— Нет, сударыня. По мне траура никто носить не будет, когда я умру, однако мне и не хотелось бы, чтобы любившие меня надевали черные одежды; это будет говорить о том, что они либо не верят в мое вечное блаженство, либо не желают мне его.

— Значит, вы также не желали бы, чтобы на ваших похоронах свечи были обвиты черным крепом?

— Если свечи символизируют тот вечный свет, который светит преобразенным там, где нет больше ночи, зачем тогда затемнять этот свет?

— Тогда и я свечи для матушки не буду обвязывать крепом. А верно ли, что барон хочет забрать у нас маму, и у нас даже могилы ее не будет? Как это дедушка согласился?

— Вам так много остается, пани Маргита! Даже этого вам жаль для барона?

Она покраснела.

— Пан Урзин, вы были у него? Где он теперь? — заинтересовалась она, не в силах скрыть своего сочувствия.

— В гостинице. Он готовится к отъезду.

— Значит, похороны будут не здесь! Это ужасно! Мы даже не сможем проводить матушку в последний путь!

— Пан Орловский сказал, что поедет тоже.

— Дедушка? Тогда поедет и Адам. А если они поедут, то и меня должны взять с собой. Но эта ужасная пропасть между нами! Зачем?

— А разве всепрощающая любовь не может быть мостом через нее?

— Как это?

— Если бы Иисус Христос был сейчас таким же одиноким и печальным, как барон Райнер, разве вы не пошли бы, чтобы утешить Его?

Она посмотрела на него в недоумении.

— Я... Его утешать?

— Вы не хотели бы дать барону Райнеру возможность посмотреть на свою умершую супругу?

— Но каким образом?

Буря противоречивых чувств поднялась в сердце Маргиты. Что Мирослав от нее требует? Она слишком хорошо знает пана Райнера, его гордую натуру; он придет в Орлов только за тем, чтобы забрать жену.

— Пани Маргита, Никуша обещал пойти со мной к пану барону, чтобы облегчить ему этот шаг. Можно мне и вас

попросить проявить немного сочувствия и любви к нему, когда он явится сюда?

Слезы не давали ей говорить, и она только кивнула головой. В этот момент зашел Николай. Она обрадовалась, что он уже поднялся и чувствует себя лучше. Он сообщил, что отец с Адамом ушли и вернутся только к вечеру. Она рассказала ему, что уже успела сделать и почему решила не обвязывать свечи черным крепом.

Еще некоторое время они говорили друг с другом, но о посещении барона Райнера не обмолвились ни единым словом, хотя Маргита провожала брата до самых дрожek и еще долго смотрела им вслед. Однако сердце ей говорило: «Если мир нам и не верит, то однажды, когда нас уже не будет, он все же должен будет признать, что мы были добрыми».

Глава сорок первая

Пан Райнер, сидевший над письмом, был ошеломлен, когда в комнату к нему вошел сын Коримского. Юноша с бледным красивым лицом, похожий на мать, показался ему явлением из другого мира.

— По какой причине вы мне оказываете честь вашим посещением, пан Коримский? — проговорил он в некотором замешательстве, ведя гостя к дивану.

— По причине нашей общей утраты, пан барон, — ответил юноша искренне. — Я пришел, чтобы просить вас соединить свою скорбь с нашей и вернуться в Орлов. Отец мой вам не помешает. Я надеюсь, что там вам будет легче, чем здесь, в одиночестве.

Барон встал с дивана.

— Николай Коримский, означает ли это, что вы мне протягиваете руку для примирения? — спросил барон с глубоким волнением.

— Да, пан барон.

— И это теперь, когда вы могли бы считать, что мое появление ночью сократило жизнь вашей матери?

— Я так уже не считаю. В руке Божьей жизнь и смерть. Это Господь Иисус Христос так скоро ее отозвал. Возьмите мою руку, которую я протягиваю вам для примирения, и пойдите со мной! Поверьте мне, пан барон, я вам искренне сочувствую и желаю облегчения в ваших переживаниях.

— Вы это уже сделали, и я благодарю вас за возможность прийти в Орлов и побыть рядом с дорогой мне навеки усопшей.

Барон снова опустил на диван и как-то сник.

— Не навеки, пан барон, — возразил Николай с любовью. — Может быть, и наша жизнь еще недолго продлится, но там мы свидимся; там, где наша дорогая сможет подать нам всем руку без того, чтобы кого-нибудь обидеть. Но так как мы там, пред Господом, будем жить все вместе, нет причины, чтобы нам здесь не подать друг другу руку, так как ее, разделявшей нас, уже нет с нами. Идемте, пан барон, со мной в Орлов!

— Я пойду с вами, пан Коримский, но прежде я должен написать еще письмо и отправить две депеши.

Райнер поднялся.

— Я вас подожду. Вы позволите? — добавил юноша.

Барон, повернувшись к нему, увидел, что Николай прислонил голову к спинке дивана.

— Вы устали? — спросил он. — Прошу вас, прилягте. Я сожалею, удобств никаких нет. Подушки здесь прямо-таки ужасные. Когда я представляю себе, что моей Наталии пришлось бы здесь спать, то понимаю, что никогда не смогу отблагодарить Урзина за его заботу о ней. Хотя она и находилась в простой комнатке, но за ней ухаживали с любовью.

— И еще с какой! О, пан барон, за это мы перед Мирославом в неоплатном долгу. Да вознаградит его Бог! Однако не теряйте со мной времени, я не хочу вам мешать в вашей работе.

Письмо было быстро написано и депеши составлены. Барон заметил, что юноша посмотрел на стакан с водой, и поднес его ему.

— Вы пить хотите?

— О, благодарю!

— Какая у вас горячая рука! У вас, наверное, сильный жар? — спросил барон заботливо. — Это от волнения и усталости, и вы ночью, наверное, тоже не спали...

— Да, все это действует...

Барон увидел, что юноше стало еще хуже. Он прижал его голову к своей груди.

— Чем я вам могу помочь?

— Мирослав скоро придет, он пошел за моим лекарством. От него мне всегда легче, а теперь Господь даст мне облегчение.

Барон своим платком вытер лоб Николая. Через некоторое время юноше стало легче.

— Позвольте мне здесь побыть, пока мне не станет лучше, — попросил гость барона.

— Может быть, заказать для вас немного вина или черного кофе?

— Нет, благодарю. Я постараюсь перетерпеть боль, она пройдет. Скажите мне, пожалуйста, когда моя мать узнала, что я заболел?

Барон отвел сочувственный взгляд от юноши, сел на стул и своими руками стал согревать холодные руки Никуши.

— В ее день рождения, — вздохнул он, и воспоминание о его прежнем счастье вызвало в его душе глубокую скорбь.

Лишь спустя некоторое время, он смог подробно рассказать Николаю, какое письмо она в тот день получила, как заболела, как он отвез ее в лечебницу, а сам решил разузнать в точности о состоянии ее сына.

— Ну вот, я узнал все о случившемся с вами, но поскольку ничего радостного сообщить ей не мог, да к тому же, устав от работы и дороги, я хотел несколько дней отдохнуть в долине Дубравы и подождать до конца ее пребывания в лечебнице, а потом только вернуться за ней. Поэтому получилось, что секретарь мой не знал, где меня искать. Если бы Степан Градский не оказался другом пана Урзина, я бы и сегодня еще ничего не знал о случившемся. А может быть, и лучше было, если бы я ничего не узнал. Возможно, Наталия была бы еще жива...

— Не говорите так, пан барон, — возразил юноша, — Иисус Христос все равно взял бы мою мать к Себе. Его водительство чудесно. Он устроил так, что вы были осведомлены о происходящем и своевременно могли приехать. Что бы мы сейчас делали?

На вас упала бы тень, будто она и с вами разлучилась. А так как вы здесь, никто ничего плохого не может подумать.

— О, мне все равно, что думают в мире. Четверть своей жизни я стремился к чести и карьере, к дворянскому званию, чтобы все это принести к ее ногам; а теперь, когда все это достигнуто, она умерла. Для меня ничего не осталось, кроме пустоты. Степан Градский прав: без Христа и без того достоинства, которое дает звание «христианин», — все суета проходящая.

Барон совсем забыл, кому он все это рассказывал. Ему нужна была близость человека и возможность поговорить о том, что его угнетало. Стук в дверь нарушил наступившую тишину. Вошел Урзин, которого они сердечно приветствовали.

— Вы принесли лекарство, пан Урзин?

— Да, пан барон, прошу. У вас вода есть?

— Да, пожалуйста!

— Я свежее приготовил, Никуша, чтобы оно лучше и дольше действовало; поэтому тебе пришлось так долго ждать. Прости!

Провизор наклонился и подал ему лекарство и воду.

— О, как ты часто дышишь, Мирослав. Ты так торопишься?

— Я знал, что у тебя боли, поэтому торопился. Господь даст, все пройдет.

— Будем надеяться.

— Эту подушку я принес для пана барона, но пока что я тебе ее подложу, вот так...

Провизор достал простую подушку из своего саквояжа и подложил ее Никуше под голову. Затем он вынул хорошее шерстяное одеяло и накрыл им своего друга.

— Простите меня, пожалуйста, за вольность, — извинился он перед бароном. — Вы сказали, что не желаете ложиться в кровать, а на диване без одеяла прохладно.

— Вы очень любезны, благодарю вас. — Райнер протянул ему обе руки. — Вы напомнили мне, что я оставил свои вещи на вокзале. Там у меня есть подушка и одеяло, которые я всегда беру с собой в дорогу. Но теперь я воспользуюсь тем, что вы мне принесли.

— Тебе немного лучше, Никуша? — обратился Урзин к своему другу, чтобы перевести разговор на другое.

— О, Мирослав, средство это хорошее, оно сразу помогает.

— И вы действительно чувствуете себя лучше? — спросил барон.

— Да, пан барон, через некоторое время мы сможем отправиться.

Однако им пришлось еще подождать, потому что барон Райнер вынужден был ответить на несколько срочных писем. Только после этого они с Никушей на дрожках уехали в Орлов, простившись с Урзиным.

— Ты не едешь с нами? — удивленно спросил Николай.

— Не могу, меня ждут в аптеке. Но, если позволите, я приду попозже.

— Зачем ты спрашиваешь? Приходи и не оставляй нас одних в нашей скорби.

Маргита возвращалась из нижнего коридора. Она только что проводила доктора Лермонтова, который отправился в Подолин, куда он должен был являться согласно своему контракту. Так как доктор Раушер находился в Орлове, без него здесь сейчас можно было обойтись. Маргита уже хотела войти в комнату к покойнице, когда услышала приближающиеся шаги и, обернувшись, увидела барона Райнера.

Никогда Маргита не была так похожа на свою мать, как в этот момент. При виде нее на лицо мужчины легла тень скорби. Она шагнула к нему и без слов, но со слезами на глазах, подала ему руку. Он ее поцеловал, и она ввела его в комнату. Зайдя с ним в комнату, где горящие свечи среди множества цветов освещали умиротворенное, неземной красоты лицо покойницы, Маргита вдруг вспомнила о своем детстве. Она сознавала, что шла рядом со своим отчимом, который с момента ее появления в его доме и до ухода из него по-отцовски заботился о ней. А она его за это еще ни разу не поблагодарила.

Теперь, когда он остановился возле своей умершей горячо любимой супруги и смотрел на нее, в сердце Маргиты пробудилось невыразимое сострадание. Она знала, что у него, кроме жены, не было никого на свете. Каким одиноким и покинутым

он показался ей, у которой было столько родных и близких! Что он чувствовал? Она вдруг обвила его шею руками, как делала это в детстве, когда он возвращался из поездки, и прильнула к нему. Ей нужно было дать ему почувствовать, что он не так уж одинок. Он прижал ее к своей груди. Она услышала, как сильно стучит его сердце.

— Ты что, Маргита, жалеешь меня? — спросил он, заглядывая ей в лицо.

— Да, мой отчим, — ответила она. «Отцом» она его уже не могла назвать. — Мне очень жаль, что ты стал таким одиноким, оттого что матушка нас оставила. Но Иисус Христос не оставит тебя в одиночестве. Он тебе даст кого-нибудь, для кого ты сможешь жить, и тем вознаградит тебя за всю любовь, которую ты оказал мне с детства. Посмотри-ка, тебе нравится, как мы нарядили матушку? Какая она красивая, не правда ли? Красивее, чем была в жизни. Ты доволен?

— Доволен, Маргита, я благодарю тебя за все. — Он поцеловал ее в лоб. — Я знаю, — продолжал он, — ты много печальных часов пережила в моем доме, хотя я к тебе всегда хорошо относился. Я не осуждаю тебя за то, что ты ушла из моего дома к своим родственникам. Того, что ты нашла здесь, мы тебе никогда не могли бы дать, в особенности такого брата. Ты только что была так милосердна ко мне, сделай еще одно доброе дело: оставь меня теперь наедине с твоей матерью.

Она кивнула и вышла. Оставшись один, барон предался скорби, которую описать нельзя. Ибо только в этот момент он почувствовал и осознал, что на земле навсегда остался один.

Глава сорок вторая

В тот понедельник, когда Наталия Орловская после долгих лет блужданий возвратилась домой, доктор Лермонтов шагал по подольскому парку. Он был удручен, ибо душой и сердцем был с ее скорбящей семьей. Не заметив, что ему навстречу шел маркиз Орано и, не видя вопросительного взгляда его гордых темных глаз, встрепенулся, когда хозяин замка приветствовал его.

— Простите, ваша светлость, что я сегодня так поздно, — извинился молодой врач. — Печальное обстоятельство заставило нас вчера отправиться в Орлов. Я сейчас оттуда.

— В Орлов? Не заболел ли пан Орловский? Вчера Маргита сказала, что он отправился туда.

— Да, ваша светлость, его вчера вызвали в Орлов, потому что к нему вернулась его единственная дочь, чтобы умереть у него дома.

— Пани Коримская!? — воскликнул маркиз, не поверив своим ушам.

— Да, бывшая пани Коримская, мать Никуши, разведенная с паном Коримским и вышедшая затем замуж за барона Райнера, — объяснил Лермонтов через силу. Ему было тяжело говорить.

— Что? Дочь пана Орловского была разведена?

— Да, ваша милость.

— И она возвратилась? Может быть, она не смогла дольше жить с бароном?

— О нет, барон очень благородный человек. Она пришла, чтобы узнать о состоянии Никуши. Но так как она была больна, путешествие и волнение очень повредили ей, и она сегодня утром скончалась.

— Скончалась?.. Уже скончалась?

«Почему это его так трогает?» — подумал врач, заметив ужас и бледность на лице маркиза.

— И как пан Орловский перенес этот удар? — Маркиз со страхом посмотрел на молодого врача.

— Он очень подавлен, однако перенес его легче Никуши, который снова заболел.

— Снова заболел? — послышался другой голос со стороны. Маркиз испуганно обернулся и пошел навстречу своей дочери, стоявшей недалеко от них со стиснутыми руками. Но дочь едва замечала отца.

— Он снова заболел, — повторила она скорбно.

— Он поправится, — успокаивал ее отец. — Не правда ли, доктор?

— Будем надеяться.

— Но зачем вы оставили его, если он болен? — спросила Тамара со слезами.

— По контракту я обязан являться к вам, ваша светлость. Кроме того, я принес вам письмо от пани Маргиты.

— Маргита мне написала? О, дайте сюда!

— Если позволите, я вам его прочту, — предложил врач, подавая Тамаре письмо.

— Нет, нет, — покачала она головой, — я его сама прочитаю. Я выйду на свет, где лучше видно. Но через четверть часа вы придете и все мне расскажете.

Как внезапно она появилась, так внезапно и исчезла.

— Тамара хочет, чтобы вы ей все рассказали, — обратился к врачу маркиз. — Но вы ведь понимаете, что и я хотел бы знать о случившемся в Орлове, так как пан Николай до моего приезда сюда оказал мне большую услугу, и я не хотел бы нечаянно в разговоре причинить ему боль.

Молодой врач поклонился. Не сказать, что ему было легко раскрыть перед чужим человеком, этим египетским вельможей, тайны близкой ему семьи, однако он чувствовал, что маркиз имеет право на эту просьбу. Он также сообщил, что умершая жена Райнера перед смертью помирилась со своим отцом, детьми и со своим первым мужем. Перед его внутренним взором еще так живо стоял тот последний ужасный момент, что он и его описал.

— Это ужасно! — произнес маркиз, тяжело вздыхая и закрыв лицо руками. — И внезапная смерть матери так взволновала и потрясла Николая Коримского, что он снова заболел?

— Да, он упал в обморок, а потом у него был сердечный приступ. Ваша светлость мне разрешит сегодня еще вернуться к нему, потому что я опасаясь повторения приступа?

— Вы опасаетесь, что и он может умереть?

— Как его друг, — ответил молодой врач, — я надеюсь, что этого не случится; но как у врача — у меня нет этой надежды. Однако все в руках Господа.

Эти слова словно ужалили маркиза.

— Неужели вы верите в Него?!

Лицо Аурелия залилось краской. «Вот как! Значит, ты не веришь в Него, — промелькнула у него мысль. — Поэтому ты так несчастен».

— Верю ли я в Иисуса Христа? — ответил он вопросом, произнося дорогое ему имя со всей сердечностью первой любви, которую Аурелий испытывал к Иисусу. — Да, мой господин, и это мое счастье, что я в Него верю.

— Счастье? — переспросил маркиз. — Это счастье — склоняться перед фантомом? Кто вас научил такой вере? Вы же врач, а врачи в большинстве своем просвещенные люди. Откуда у вас эта отсталость?

— Да, я врач, господин маркиз, и хотя практика у меня небольшая, я имел достаточно возможностей убедиться, что без веры в Иисуса Христа у человека нет утешения в беде. И сейчас в Орлове свет утешения нисходит лишь на тех, кто в Него верит. Остальные — на краю отчаяния. Я знаю по собственному опыту, что только Иисус Христос может нам все заменить и даровать.

— Значит, вы не всегда так говорили, как сейчас?

Беседуя, они пошли по аллее.

— Не всегда, ваша светлость. Я был несчастным, заблудшим безбожником. Данное мной в детстве обещание Иисусу Христу я не сдержал. Но милость Господа вернула меня к Нему. Вы спросили, кто меня научил вере? В детстве мать учила меня, потом, когда ее не стало, я все забыл. Теперь Отец Небесный зажег в моем сердце свет веры, и он останется со мной навсегда, потому что Его свет неугасим. Однако позвольте мне, ваша светлость, пойти к маркизе.

— Мы пойдем вместе.

Некоторое время они шли молча, потом Орано вдруг спросил:

— Вы греко-католической веры?

— Нет, господин маркиз, евангелической.

— Русский, а евангелический?.. Мне казалось, что русский может быть только греко-католической веры.

— О, на моей родине есть и другие вероисповедания, хотя они презираются и преследуются. — Глаза молодого человека сияли. — Ради Христа и свободы совести стоит вынести и преследования.

— Неужели вы?.. — Маркиз даже побледнел от возникшей догадки.

— Я сын матери, оставившей и потерявшей ради Христа все, но которой Он воздал и еще воздаст многократно.

Аурелий склонил голову, но тут же выпрямился, услышав вопрос:

— Почему вы всегда упоминаете только мать?

— Отца я не знал, я его лишился в самом раннем детстве.

— Тогда почему вы мне говорили, что вы с родителями приехали в Вену?

Маркиз был в таком волнении, что ему пришлось прислониться к стене возле лестницы.

— Я вас не обманывал, ваша светлость. Брат моей матери меня усыновил. Он был моим отцом. Ваша светлость, что с вами? — испуганно спросил молодой врач.

Лицо маркиза ужасно побледнело и исказилось, словно от дикой боли.

— Что с вами?.. — повторил Аурелий вопрос.

— Ничего, не беспокойтесь. Идите к Тамаре, она вас, наверное, уже ждет.

— Чтобы я, ваш домашний врач, оставил вас в таком состоянии?

— Я вам приказываю, я прошу вас!

Последние слова маркиза звучали так повелительно и вместе с тем умоляюще, что молодой врач ушел.

Между тем Тамара читала письмо Маргиты, в котором та сообщала, что мать ее вернулась не только к отцу и детям, но что она нашла и Иисуса Христа и ушла к Нему. Под силой первых впечатлений она писала с искренней любовью о покойной матери, стараясь изменить мнение Тамары о ней, сложившееся у нее из последних рассказов Маргиты. И это ей удалось. Тамара представила себе красивую, покоящуюся среди цветов женщину, которая ничего о Христе не знала и была такой несчастной, а теперь ушла к Нему в вечное блаженство. Ею овладело жгучее желание увидеть ее. «Да, я пойду к Маргите, — решила она, — и не только к Маргите!» Там был еще кто-то, кого смерть матери привела на край могилы...

«Мы думали, что он больше не проснется, — писала Маргита, — и что нам придется положить его рядом с матерью. Но, слава Господу, он проснулся, и хоть он и очень слаб, но Христос его все же сохранил для нас».

— Я должна увидеть мать Маргиты и его тоже, — всхлипывала Тамара. — У него такая скорбь! Он ее предчувствовал. Как я могу не пойти к нему и не сказать, что и мне жаль его матушку. Дорогие мои, я приду к вам, чтобы скорбеть с вами.

С таким решением Тамара встретила молодого врача. Она внимательно выслушала все, что он рассказал, и когда узнала, что пани Райнер завтра должны увезти из Орлова, обещала обязательно приехать туда с отцом. Она ненадолго задержала Аурелия.

— Пожалуйста, идите скорее, чтобы не опоздать на поезд! — проводила она Аурелия и обещала извиниться за него перед отцом.

Когда он ушел, она побежала в покои отца. Она нашла его за письменным столом с какой-то книгой в руках. Никогда еще она не видела его таким поникшим. Она обняла его.

— Отец мой!

Он вздрогнул.

— Тамара, ты здесь? — Он привлек ее к себе. — Чего тебе, моя звездочка?

— Не правда ли, отец, мы отправимся завтра в Орлов?

— В Орлов, дитя мое? Зачем?

Его и без того бледное лицо побелело еще больше.

— Зачем? Выразить наше соболезнование! Ты разве не знаешь, что случилось?

— Знаю, но соболезнование можно выразить и письменно.

— Письменно? — Она наморщила лоб. — Отец, если бы я умерла, разве не лучше было бы для тебя, если бы пан Николай лично пришел к тебе, чем если бы он тебе только написал?

— Не мучь меня, Тамара! Что за мысли! Если бы ты умерла, то никому не пришлось бы меня утешать, потому что я всем страданиям сразу положил бы конец.

Она удивленно посмотрела на него и тем самым вернула ему утраченное хладнокровие. Она до тех пор умоляла его, пока он, наконец, не пообещал завтра поехать с ней в Орлов. Она пожелала

ему спокойной ночи, когда он сказал, что у него нет времени прийти к ужину. Она не знала, что в эту ночь глаза его не сомкнулись и что он долго сидел над маленьким портретом, изображавшим молодого человека.

«Значит, я должен пойти на эти похороны! О, ты не знаешь, мой цветок, какую боль мне готовишь, чего от меня требуешь! Однако поехать придется, ибо подозрение опасно, даже если скрытое могилкой никогда не раскроется и свидетеля нет... Если меня не обманывают мои глаза, это он! Мой домашний врач — сын Фердинанда Орловского! Ирония судьбы! Но как мне удивительно верить в этом, чтобы он ничего не заметил? О, разве не настанет час, когда земля и меня покроет?»

На другой день Тамара Орано ни о чем другом не говорила со своим отцом, как только об Орлове. Когда они, наконец, были готовы отправиться в путь, собралась целая группа желающих, среди которых была и семья Зарканых. Всем хотелось еще раз увидеть красавицу пани Райнер, о которой еще долго шли разговоры среди жителей Подграда и его окрестностей.

Для пана Николая и пана Адама прибытие Орано было большим утешением. На траурном собрании им были предложены места среди членов семьи. Хотя Тамара не знала заповеди «Плачьте с плачущими», она ее тем не менее выполняла, и любопытная публика утверждала, что хозяин Подолинского замка тоже был очень опечален. Однако он все свое внимание уделял одному лишь пану Николаю Орловскому. Надолго запомнили подградцы странную картину: вокруг богатого гроба с одной стороны сидели пан Николай с маркизом Орано, Маргита, доктор и прекрасная египтянка. Позади них стояли пан Адам и доктор Лермонтов, затем Манфред Коримский возле своего сына, а на другой стороне стоял один барон Райнер, а рядом с ним, так как они пришли вместе, — провизор Коримского. Как последний в своем простом черном костюме попал в ряд высоких господ, многим было непонятно. Скромная его внешность показывала, что он не привык быть на переднем плане. Зачем он, собственно, был здесь?

Никто не знал, что когда усопшая однажды встанет, она пройдет весь ряд этого изысканного общества, чтобы подать руку

пану провизору. И они вместе предстанут пред Господом, к Которому он ее вернул, и уста ее скажут: «Воздай ему за любовь. Господи!» Да, этого мир не знал и только там узнает, где не будет больше смерти.

Глава сорок третья

По тенистой аллее Кладбищенской улицы однажды вечером прохаживались декан Юрецкий и капеллан Ланг, занятые серьезным разговором.

— Кто бы мог подумать... — начал капеллан Ланг. — С таким интересом и так внимательно она всегда слушала и так сердечно меня благодарила за проведенные занятия — и вдруг такое!

— Она настоящая дочь своей матери, — подтвердил декан. — Та даже на смертном одре проявляла такое же упрямство. Когда я в первый раз беседовал с Маргитой Орловской, она показалась мне очень вольнодумной, однако такого я от нее все равно не ожидал.

— Во многом виноват Адам Орловский, — подметил капеллан, морща лоб. — Надо было ему принять меры! Но так как он сам ни во что не верит, ему совершенно безразлично, какие убеждения и мысли у его жены. А пан Николай...

Декан махнул рукой.

— С момента смерти его дочери с ним делают, что хотят.

— Вы знаете, ваше преподобие, что пани Маргита потратила много средств на ремонт евангелической школы в Боровце?

— Знаю, однако это меня не так беспокоит, как движение среди здешних протестантов и то, что Коримский согласился предоставить им свой дом для проведения собраний.

— Он, наверное, надеется, что они вымолят его сына.

— Но послушайте, пан капеллан, этот Урзин для нас опасный человек! Куда ни пойдешь, везде слышишь его имя. У него в аптеке большие возможности разговаривать с людьми, и бедняки его очень уважают. Следует опасаться, что он распространит лжеучение среди наших людей.

— Я уже обращал внимание вашего преподобия на него. Мне стало известно, что и некоторые из наших ходили уже на их собрания. Было бы это какое-нибудь лютеранское движение, я бы не опасался. Но так как сам пастор из Раковиан высказался против них, я думаю, что Урзин — сектант, и что он здесь создает секту, против которой мы, а также и евангелические, потом будем бессильны что-либо предпринять, когда она засядет в частном доме.

Причиной разговора для этих двух господ были рукописи Маргиты Орловской, которые были ударом грома среди ясно-го неба. Пан декан написал одно письмо пану Николаю, второе — пану Адаму, а капеллан между тем отправил длинное послание пани Маргите.

— Знаете что, — сказал вдруг Юрецкий, — завтра я поеду в Раковиан к пастору и предупрежу его, пусть он будет на-чеку. Ведь Подград — большой филиал. Насколько меньше станет его заработок, если его прихожане перейдут к Урзину! Коримский, наверное, и не подозревает, какие последствия могут иметь его действия. В делах веры он такое же пустое место, как Адам Орловский. Я уверен, что этот незаметный и кажущийся таким безобидным провизор оказывает большое влияние на мировоззрение Николая Коримского и Маргиты Орловской. Если его устранить, это движение прекратится и все успокоится.

— Однако его сейчас не так просто устранить. Об этом надо было думать раньше, ваше преподобие. Орловский и Коримский ему многим обязаны. Говорят, что он позаботился и ухаживал за пани Райнер до приезда его милости. И с тех пор как он здесь, в аптеке образцовый порядок. Доктор Раушер говорит, что Коримский никогда больше не найдет такого провизора, что он очень надежный работник. Но вот что я придумал: сегодня вечером я тоже пойду на собрание и посмотрю, будет ли там кто-нибудь из наших католиков. Если нет, то оставим это дело пока в покое; пусть евангелические думают, как быть дальше.

— Хорошо, пан капеллан, посмотрите и придите потом ко мне, даже если я уже лягу. Я ведь любопытный.

Любопытство пана декана было удовлетворено, но как! Капеллан Ланг около половины десятого вернулся, разгоряченный от быстрой ходьбы.

— Позвольте мне рассказать все по порядку, ваше преподобие, — ответил он на вопрос своего начальника. — Вхожу в аптеку. Слышится пение, прямо-таки специальное для того, чтобы ввести души в искушение. Открываю дверь большого помещения, освещенного большими чудными светильниками. На окнах — длинные бордовые шторы, а на разрисованных стенах сияют разные изречения из Библии, написанные золотыми буквами. Впереди — небольшой стол, накрытый тяжелой скатертью. На нем лежит книга, а перед столом стоит стул. Вдоль стен — в три ряда стулья, почти все занятые. В углу стоит фисгармония, за которой сидит девушка. И что вы думаете, ваше преподобие, сколько я видел там наших людей?

— Разве из наших там тоже кто-то был?

— Да, я насчитал тринадцать, и, кто знает, сколько там еще было, кого я не узнал!

— Ай-ай! И что же вы сделали?

— Я сел поближе к двери и начал слушать. Сначала они спели песню, а потом к столу подошел Урзин, помолился и почитал из Евангелия. Затем они еще раз пели, и он снова читал и объяснял прочитанное. Ваше преподобие, этих людей дольше терпеть здесь нельзя! Вы бы слышали, как он говорил. Не затрагивая наше учение ни единым словом, он его подрывал со всех сторон. Он отрицал, что после смерти будет проявлена милость, и утверждал, что человек уже на земле должен получить спасение. Притом он это говорил так просто и убедительно, что и я чуть не поверил ему. Затем он некоторых призвал помолиться. Я не мог дольше терпеть и поспешил к вам. Будет действительно хорошо завтра же утром поехать в Раковиан. Одно произнесенное им предложение я хорошо запомнил: «Друзья, не обманывайте души свои! Ни дела, ни церемонии, ни церковь или исповедание, ни священник, даже ни чтение Слова Божьего не могут дать спасения. Но сейчас, в этот момент, это может и хочет сделать Иисус Христос, Сын Божий. Придите к Нему!»

До глубокой ночи пан Юрецкий и капеллан Ланг советовались, как бы лучше защитить «свое стадо от этого волка в овечьей шкуре», от этого «авантюриста и его лжеучения».

Почти в это же время «волк» сидел у постели своего помощника Генриха Г., у которого болела голова. Урзин делал ему холодные компрессы.

— О, пан Урзин, я и сказать не могу, как я счастлив, что Иисус Христос принял меня и дал мне познать Истину. Сегодня я разговаривал со своей матерью. Сперва она испугалась, но, когда мы немного побеседовали, она согласилась с моим выходом из католической церкви. Как я благодарен Господу, я вам и сказать не могу! Посоветуйте мне, когда и как мне это сделать.

— Ты подожди еще, Генрих, — сказал Урзин, проведя рукой по голове юноши.

— Вы думаете, что я пожалею об этом? Нет! Я хочу свободы. Я хочу открыто, перед всем миром свидетельствовать об Истине.

— Я тебе верю, и все же я прошу тебя подождать. Твой выход из церкви причинил бы мне много неприятностей, которые я с радостью переносил бы, но у нас еще много слабых, с которыми приходится считаться. Продолжай со мной трудиться, свидетельствуй о Господе, приглашай ребят, как ты делал это до сих пор. Но как только ты открыто оторвешься от католической церкви, начнутся преследование и вражда. Тебе они не повредят, только укрепят тебя, потому что ты уже стоишь на скале, а другим они помешают.

Сердце юноши сжалось. Он прямо-таки желал страданий ради Христа. Однако мысль о том, что эти страдания прежде всего поразили бы любимого брата Урзина, его сдерживала.

— Я все сделаю, как вы сказали, — обещал он кратко.

Пан провизор еще раз сменил компресс, помолился с ним и ушел. В своей комнате он открыл окно и, подняв взор к небу, тихо помолился: «О Господи! Дело Твое растет и развивается. Слава и благодарность Тебе за это! Сохрани это небольшое стадо и дай ему хорошего пастыря. Ты знаешь, что я уже недолго смогу здесь оставаться». По его лицу было видно, как он желал, чтобы эта молитва дошла до Господа.

Глава сорок четвертая

В ельнике, под открытым небом, слушая, как шумит ветер в верхушках деревьев, лежал на кушетке Николай Коримский. Он был один. В руке он держал измятое письмо, которое снова и снова прижимал к груди. Оно принесло ему много радости.

Отец писал ему:

«Я надеюсь, что, вернувшись, ты будешь доволен: зал оборудован и собрания теперь проходят у нас. Посетителей, говорят, стало гораздо больше, чем раньше.

Пани Прибовская сказала, что в воскресенье вечером капеллан Ланг посетит собрание. Кто знает, что ему нужно было! Вчера я получил письмо от пастора из Раковиян. Он настаивает, чтобы я уволил Урзина. Однако я должен сначала подыскать ему замену, что вряд ли удастся. Так как Урзин мне необходим, я хочу оставить его у себя надолго. Мы все многим ему обязаны. За то что он сделал для нас, отблагодарить невозможно, и мы обязаны позаботиться о том, чтобы он у нас работал не даром. Он попросил меня назначить Генриха помощником. Под его руководством этот молодой человек делает успехи. Я намереваюсь устроить все так, чтобы в скором будущем предложить Урзину принять аптеку.

Сам я, по моему обету, никогда больше не буду работать в ней.

Тебя я там тоже не могу и не хочу видеть. Так что предоставим аптеку ему. Он же, я думаю, сможет ее выкупить, выплачивая сумму частями. Разумеется, мы запросим за нее недорого и, таким образом, хоть немного оплатим ему за его любовь. Теперь я рядом с залом строю более просторную квартиру для него, чтобы он в будущем мог и жениться. Я думаю, что сын мой всем этим будет доволен».

О, еще как! На крыльях Николай улетел бы сейчас к отцу.

«Какой он добрый и благородный! Мирослав теперь будет обеспечен. Скорее бы мне поправиться, — думал Николай, — чтобы я мог помочь тебе, мой друг! Я не обещал больше не работать в аптеке. Я еще часто буду тебе помогать в ней, чтобы у тебя было больше свободного времени для служения Господу. Но поскольку Генрих делает такие успехи, мне хотелось бы, чтобы

ты, дорогой, побыл хоть несколько дней у нас, пока отец дома». Юноша открыл глаза и увидел приближающуюся Маргиту.

Его поразило, как она была похожа на их дорогую матушку. Он схватился рукой за сердце, чтобы подавить боль.

— Привет, Маргита! — воскликнул он.

Она подбежала к нему и села на старый пень возле его кушетки.

— Здравствуй, Никуша! Я тебя сегодня еще и не видела. Дела были, все некогда, — извинилась она. — Ну, как ты себя чувствуешь?

— Отлично, Маргита!

Она посмотрела на него не то сомневаясь, не то радуясь.

— Я тебе расскажу о причине моей радости, но прежде ты скажешь, отчего ты была так задумчива?

Она прильнула головой к его плечу.

— Ах, Никуша, мне предстоит сделать очень серьезный шаг.

— Какой, Маргита?

Он обнял ее.

— Я сегодня, наконец, решила отдать дедушке и Адаму письма от декана Юрецкого. Я не знаю их содержания, но догадываюсь. На прошлой неделе я получила письмо от декана Юрецкого, в котором он мне напомнил о фирмации, которая состоится в июле. В ответ на это письмо я послала ему мою тетрадь «Почему я не могу быть членом католической церкви». После этого я получила письмо от капеллана Ланга. Оно у меня здесь, можешь прочитать. У дедушки позавчера болела голова, вчера он был в Подолине, а Адам вернется только сегодня. Поэтому я пришла к тебе, чтобы вместе помолиться, перед тем как я отдам эти письма.

— Не бойся, Маргита, ты же знаешь, что Иисус Христос все уладит. Помолимся сначала. Потом я тебе скажу что-то очень радостное для нас обоих.

Они преклонили колени, и он взял ее сложенные руки в свои.

После молитвы он прочитал ей письмо отца. Щеки ее порозовели, глаза засияли.

— Никуша, когда я отдам письма, я заодно попрошу позволить мне открыто перейти в евангелическую церковь, и тогда мы вместе будем работать. Я буду играть на фисгармонии и

дирижировать хором. Мы вместе будем разгонять облака невежества и заблуждений, как вчера сказал Степан, чтобы люди не могли пожаловаться, что мы, зная Христа, позволили им без Него погибнуть.

— Да, так будет хорошо. А у меня все время звучат в ушах слова нашей ушедшей в вечность матушки: «Причиной моего несчастья и блуждания было то, что я не знала Христа».

— Я их тоже не могу забыть, и мне все время хочется каждому о Нем рассказывать. Но мне вот еще что нужно тебе сообщить: вчера Тамара была у меня. Подумать только, она прочитала уже весь Новый Завет, к тому же Аурелий ей и ее компаньонкам каждый день вслух из него читает и поясняет. Но это не главное. Она совершенно потрясена тем, что до сих пор жила в таком мраке и опасается, что Иисус Христос ее теперь уже и не примет, потому что она до сих пор не поклонялась Ему. Аурелий считает, что в ней сейчас происходит та борьба, которая у нас уже позади. Как хорошо было бы, если бы Мирослав с ней поговорил! Да мы все нуждаемся в подкреплении.

— Маргита, напиши сегодня еще отцу, чтобы он послал его к нам на несколько дней. Мирослав обязательно найдет нужные слова для Тамары, чтобы она уверовала в Иисуса Христа и стала счастливой. Я ее уже так давно не видел, — вздохнул он.

— Если хочешь, я ее приведу сюда, когда она завтра придет ко мне.

— Ты думаешь, она захочет сюда прийти?

— Конечно, она всегда о тебе спрашивает.

— Но мне неудобно здесь ее принять!

— Почему неудобно? Она ведь знает, что ты болен. Я сейчас пойду посмотрю, не нужно ли вам чего-нибудь по хозяйству, а потом зайду к бабушке. Затем сразу напишу письма отцу и пану Урзину. Помолись за меня, Никуша, и спокойной ночи! Передай привет Степану и Петру, если придут.

Они поцеловались, и она ушла. Никуша остался один.

«В ней сейчас происходит та борьба, которая у нас уже позади, — повторил он про себя слова Маргиты, — а Аурелий мне этого не сказал. Он ее каждый день может видеть и говорить с ней, Маргита — каждый второй день... Адам, бабушка — все,

кроме меня... И что в этом странного, что именно ты ее не можешь видеть?»

Молодой человек спрятал лицо в подушку и представил себе — уже в который раз! — как там, у гроба матери, к его руке прикоснулась маленькая нежная рука и как ее глаза сочувствующе смотрели на него. «Тамара, вы тоже пришли?» — спросил он тогда. — «Как я могла не прийти? У вас такое горе...» Почему молодой человек не мог забыть те слова? И что это было за лицо, которое он так часто видел во сне?

«Почему я постоянно думаю о ней? Ведь я ее так мало знаю, — подумал он опять. — Все уже имели возможность лучше познакомиться с ней, кроме меня».

На этот вопрос юноше никто не мог ответить. Только кукушка вдали размеренно куковала, словно она хотела на что-то обратить внимание юноши.

Недалеко от него, на другой стороне дороги, по которой ушла Маргита, вдруг раздвинулись кусты, и в их зелени появилась всадница, вся в белом, как видение. Глаза ее были опущены, она ехала задумавшись. Но голос кукушки отвлек ее от размышлений. Она подняла глаза — и румянец залил ее прелестное личико. Ее синие глаза засветились от счастья. Казалось, ей хотелось пришпорить коня, однако она вовремя сдержалась. Соскочив с коня, она привязала его к дереву и осторожными шагами приблизилась к месту, где отдыхал Николай.

Четыре недели прошло с тех пор, как она впервые разговаривала с Николаем Коримским. Много пережила девушка за это время. Великое, о чем душа ее никогда не мечтала, открылось ей.

Хотя познанная Истина еще не освободила ее, она уже ходила в свете. Благодаря точному выполнению назначений доктора Лермонтова и, особенно, благодаря тому что каждый день помогала садовнику в работе, о чем отец ее ничего не знал, она физически все больше крепла, так что могла уже делать довольно длительные прогулки без усталости. В течение этих четырех недель она еще ни разу не теряла зрения, хотя много плакала — сначала над матушкой Маргиты, потом из-за ухудшения состояния Николая и, наконец, в эти последние дни о том, что ее отец вырастил ее без Бога, без Иисуса Христа. Он и сейчас, как только речь заходила

о Боге, не давал ей слова сказать. Казалось, что дорогое имя Иисус было ему ненавистно.

Вообще-то она всегда шла к нему со всеми своими проблемами. Но в этой борьбе, когда ей казалось, что она одна из тех неразумных дев, которых не пропустили на брачный пир и которые никогда не увидят Небесного Жениха, — она к нему идти не могла.

К тому же ее все время мучило желание хотя бы на миг увидеть Николая Коримского. Через день она приезжала в Горку с намерением попросить Маргиту пойти с ней к нему, но ей не хватало смелости произнести эту просьбу.

Сегодня же ее желание превозмогло все. Ей хотелось хотя бы проехать мимо того места, где он жил. Может быть, доктор Аурелий окажется на улице и пригласит ее войти? И вот она нашла Николая здесь, одного, в лесу!

Она сделала всего несколько шагов, и листья под ее ногами зашелестели. Он повернул голову и радостно воскликнул:

— Это вы!

Девушка поспешила к нему и пожала его протянутые руки, не в состоянии произнести ни слова.

— Как вы сюда попали, сударыня? — обрадовался он. — Вы появились так неожиданно, как фея из чашечки лилии, чтобы осчастливить несчастного странника, который даже не в состоянии достойно ее принять.

— О, не говорите так, мне больно от таких слов. Мне ничего не надо, только хоть раз увидеться с вами.

Она склонила головку, как насытившийся солнечным светом цветок, и присела на пенек. Он гладил ее руки и прижимал их к своим губам. Вокруг стояла сказочная тишина.

Весна уже прошла, но в сердцах этих молодых людей она только начиналась. Они не могли сказать, откуда явилось к ним счастье, они лишь знали, что оно пришло.

— Вы мне еще не ответили, Тамара, как вы сюда попали? — умоляющим тоном спросил ее юноша.

— Я пришла к вам.

— Намеренно? Ко мне? — с сомнением в голосе произнес он.

Он приподнялся, чтобы лучше видеть дорогое лицо. Она посмотрела на него и словно вернула ему силу жизни.

— Да, я должна была наконец увидеть вас.

— И почему вы раньше не пришли? Как я надеялся, что вы придете! Я тосковал по одному лишь взгляду ваших милых глаз, а вы все не шли!

Юноша сам не знал, какие чувства выдавал его голос. Он отпустил руки девушки. Она их сложила на груди, и слезы заблестели в ее глазах.

— Я не знала, — сказала она, — я днем и ночью о вас думала и много плакала. Но так как меня никто к вам не приглашал, я не знала, думаете ли вы обо мне.

— А если бы вы знали, как я по вас тосковал, вы бы пришли?

— Не спрашивайте меня об этом!

Она опустила голову, и в лесу долго было тихо.

— Я благодарю вас, Тамара, — прервал Николай молчание. — Вы видите мое состояние. Я очень медленно возвращаюсь к жизни. Но благодарение Иисусу Христу за это! Однако мне очень хочется знать, что вы пережили во время моего отсутствия. Не буду ли я слишком смел, если попрошу уделить мне немного времени и частицу того счастья, которым вы одариваете моих родных, общаясь с ними? Вы выполните мое желание?

Она снова положила свою руку в его.

— Если хотите, я немного побуду у вас, — сказала она решительно, — и я расскажу вам все, что вы хотите знать.

Она начала рассказывать, не замечая, как летело время. Она говорила о своих скорбях и сомнениях. Николай также с жаром рассказывал, как он на пороге смерти познал любовь Бога и Иисуса Христа и какую любовь он теперь чувствует к людям. Он ей сказал, что если Иисус Христос в последний час принял его мать, то Он и ее примет, у которой еще вся жизнь впереди. Но он также подбадривал ее, не медля, отдаться Ему.

Разгоряченные беседой, они вдруг услышали чье-то приветствие.

— Степан, это ты!? — воскликнул Николай обрадованно.

Маркиза удивленно смотрела, как он подал руку молодому крестьянину и как они по-братски поцеловались. О чем они говорили между собой, она не понимала. Но потом незнакомец обратился к ней на хорошем немецком языке. Он спросил ее,

пришла ли она тоже порадоваться милости Иисуса Христа к пану Коримскому, улучшению его состояния здоровья.

Она утвердительно кивнула.

— Маркиза по доброте сердца своего пришла, чтобы со мной порадоваться, хотя я ей еще не сделал ничего доброго, — сказал Николай, улыбаясь, и серьезно добавил, что она не может поверить, что Иисус Христос ее любит, потому что до сих пор не знала Его.

Тамара испуганно посмотрела на своего друга: зачем он говорил крестьянину об этом?

— О, это легко понять, — ответил тот с серьезным видом. — Со мной было то же самое: я думал, что невозможно, чтобы Иисус Христос меня полюбил. Я хотел сначала заслужить Его любовь и поторговаться с Ним. Однако с Ним это невозможно: Он ничего не продает. Он только дарит.

— Слышите, Тамара? — спросил Николай, наклоняясь к задумавшейся девушке.

— А я с Ним и не торгуюсь!

— Нет, вы только говорите: «Вот, Господь, Тебе за то, что Ты дал мне...»

— Ну и как вы потом могли поверить и понять, что Он вас любит? — обратилась она к Степану.

— Понять я этого до сих пор не могу, — ответил парень, качая головой, — и чем дольше я Его знаю, тем менее понимаю, за что Он меня любит, точно так же, как не могу понять, почему для меня солнце светит и чем я заслужил столько разных благ. Я просто поверил и убедился в этом.

— А как вы убедились? — спросила девушка.

— Я пришел к Нему со своими грехами, и Он мне их простил. Сделайте то же самое, сударья, и Он вас также простит. Тот, кто уверен в прощении, тот не сомневается больше в Его любви.

Маркиза слушала слова Степана, и глаза ее раскрывались все шире и шире, словно в них загорался свет. Маргита, Николай, Аурелий — все они говорят, что Иисус Христос их простил и что Он и ее простит. А она думала, что ей сначала надо заслужить Его любовь, и только тогда все будет хорошо. Но как она могла Его любить, когда еще не просила у Него прощения?

Вдруг она протянула Степану руку.

— Я вас благодарю, но теперь мне пора домой.

Потом она повернулась к Николаю.

— Завтра, — сказала она тихо и залилась румянцем, — я снова приду сюда. Вы будете здесь?

Николай покраснел от счастья.

— Конечно, я буду здесь, если Господь даст хорошую погоду. Вы придете и скажете мне, что для вас свет уже засиял?

— Не знаю, может быть. Спокойной ночи!

Степан подвел её коня, с восхищением поглаживая его.

— О, пани Тамара, хотя я уже знаю, что Бог все делает нам ко благу, даже если мы Его и не понимаем, — сказал Николай, — я многое отдал бы за то, чтобы быть снова в силах провредить вас!

— И это будет, Николай, — утешила она его, как это делают добрые друзья. — И тогда мы с вами пойдем гулять.

Он улыбался. Уже дважды она пыталась отнять свою руку, но он ее все удерживал и подносил к губам. Ему так трудно было расстаться с ней.

Когда она, наконец, ускакала, он долго смотрел ей вслед. На пригорке она обернулась, кивнула ему еще раз головой и улыбнулась. И эта улыбка дополнила то, что не сказали уста. После этого она скрылась в еловой чаще. Молодой человек закрыл глаза.

— Не печальтесь, — подбадривал его Степан, — ведь она еще придет.

Степану так хотелось утешить друга. Он ему искренне сочувствовал и понимал его без слов. Ведь и он во время болезни так смотрел вслед Марийке, словно она навсегда уходила, а он без нее жить не мог. Николай чувствовал, что друг его понимает, и с этого момента Степан стал ему еще ближе и дороже. Он ему рассказал, в каком неведении отец вырастил свою дочь, и тем самым вызвал в сердце Степана еще большее участие к ней.

— Почему вы мне раньше не сказали об этом, пан Коримский? — спросил он Николая с укором. — Мы могли бы давно молиться за нее и за ее несчастного отца. Сделаем же это теперь и попросим Господа, чтобы Он еще сегодня ей открылся и дал силы засвидетельствовать это перед своим отцом.

Степан подумал, что если бы молодая дама пробудилась к новой жизни и стала бы свидетельницей Христа, то дома ждало бы ее мало хорошего. Но эти мысли он оставил при себе, чтобы не тревожить больного друга. Они вместе помолились, прося Господа, чтобы Он, в Своей любви и милости, открылся также и ей, даровав силы свидетельствовать о Нем.

Глава сорок пятая

К великой радости обеих разволновавшихся компаньонов, которые не могли понять, где их госпожа так долго задержалась, Тамара благополучно вернулась домой. И какой любезной она была со всеми, прежде всего со своим отцом, а также с профессором Герингером, который уже неделю находился в Подолине!

Но, когда после ужина все изъявили желание пойти в парк, она извинилась и сослалась на то, что устала за день, а завтра хотела рано встать. Отец сам проводил ее в спальню.

— Не больна ли ты, моя жемчужина? — допытывался он.

— Нет, отец, поверь мне. Но мне чего-то не хватает, а чего — я даже объяснить не могу, — ответила она, склонив голову к его плечу.

Он стал упрашивать ее поделиться с ним.

— Не сегодня, отец, завтра. Завтра я тебе все скажу. А теперь оставь меня, пожалуйста, одну.

Он ушел с тяжелой душой. Он опасался, что она после очередного улучшения, переутомившись, снова может ослабеть.

Он долго не мог уснуть и ночью спал беспокойно.

Между тем Тамара в своей спальне долго стояла у окна на коленях и каялась перед Господом во всем, что ее угнетало. Она горько плакала, невольно жалуясь Богу на своего отца за то, что он держал ее в таком неведении о любви ее Создателя и Спасителя.

— Я знаю, что я очень зла, непослушна и своенравна. Никуша так терпеливо переносит свои страдания, лишь бы никого не опечалить, а я что делала? Я постоянно всех мучила! — плакала она. — Ты, дорогой Иисус, за это дал пригвоздить Себя к кресту, Ты умер за меня, а я Тебя и не знала и не взывала к

Тебе. Миллионы людей преклоняются перед Тобой, возносят Тебе хвалу и благодарение, а я восхищалась греческими богами и преклонялась перед небесными телами и природой. Я восхваляла человеческий разум, просвещение и все что угодно, только не Тебя. О, как мне стыдно, что я выросла, как язычница. Если Ты можешь, то прости мне все это, всю мою вину и, по милости Твоей, прими меня! Мне так хочется верить, что Ты меня любишь, но это невозможно, пока Ты меня не простишь. О, прости! — взывала Тамара со слезами, так как ей казалось, что все ее моление бесполезно.

Она поднялась с колен. Со слезами на глазах она посмотрела на звездное небо. Какое оно было высокое и далекое! Как Иисус Христос мог ее слышать? Но вдруг девушке показалось, будто небо опускается все ниже и ниже, и стоит только протянуть руку, чтобы достать сияющую ей с высоты звезду.

— Господь Иисус Христос! — воззвала она уже не устами, а сердцем. — Прости!

И она поверила, что Он ее услышал. В ней все замолкло. Она с уверенностью ждала ответа. Тот, Который сказал: «Ищущие Меня найдут Меня» и «Приходящего ко Мне не изгоню вон», — не обманул бедное дитя тьмы. «Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои».

Тамара вдруг почувствовала, что она уже не одна среди тьмы и страха. Что-то в ней и вокруг нее случилось, чего описать она не могла. Непонятная сила свыше потрясла и пронзила ее. Беззвучно, как сломанный цветок, она упала.

Когда она очнулась от обморока, начало уже светать. Она оглянулась. Откуда шел этот свет? Вся ее спальня была озарена им.

Она снова закрыла глаза и поняла, что свет этот был в ней.

— Иисус, Ты меня любишь! — возликовала она. Она посмотрела ввысь, протянув обе руки к небу.

— Ты меня прости!..

Спальня ей вдруг показалась тесной. Она выбежала из нее на балкон под открытое небо. Песнь хвалы была на ее устах. У нее появилось желание, чтобы это утро никогда не прошло, чтобы

ей навсегда остаться наедине с дорогим Иисусом. В то же время ей захотелось поскорее поделиться своим счастьем с другими.

Наконец утренняя прохлада успокоила ее. Тамара легла на диван, здесь же, на балконе, сложила руки и уснула.

Так около восьми часов утра отец, после долгих поисков, нашел ее спящей сладким сном. Он подумал, что она совершила раннюю прогулку и потом уснула. Увидев ее, он прогнал прочь все свои опасения. Блаженное выражение ее румяного от сна личика делало ее такой прелестной, какой он ее еще никогда не видел. Он опустился возле дивана на колени, глядя на нее, как на свое божество. Она вздрогнула. Может быть, почувствовала его взгляд и от этого очнулась.

— Отец, родной мой! — она обеими руками обвила его шею.

— Родная, разве в замке тебе мало места, — укорял он ее с любовью, — почему ты спишь на балконе?

— Я здесь спала? — спросила она, удивленно оглядываясь. — Ах, отец, какая это была чудная ночь! Сначала была тьма и ужасная борьба, а потом — мир, свет и любовь. Отец, ликуй со мной: Иисус Христос меня простил! Он меня любит! Он простил мне и то, что я до сих пор жила во тьме, без Бога и Христа, что я Ему не поклонялась и не любила Его. О, эту любовь постичь невозможно!

Обуреваемая чувствами девушка не замечала, какое ужасное действие произвели ее слова на маркиза Орано. Такие чувства, какие сейчас волновали душу бессильно прислонившегося к стене человека, овладевают, наверное, строителем, перед глазами которого рушится здание, которое он строил годами. Как заботился маркиз Орано о том, чтобы дочь его с самого раннего детства окружали только такие люди, которые не знали ни Бога, ни Христа! Как он следил за тем, чтобы имя Иисуса при ней никогда не произносилось! Компаньонкам и слугам по договору было запрещено говорить с ней о Нем. Ни одной религиозной книги она никогда не держала в руках. Он воспитывал ее в духе просвещенного девятнадцатого века. Он хотел доказать миру, что он и его дитя обойдутся без Христа. И вдруг его дочь с такой радостью, какую у нее не вызывали никакие сокровища мира, восклицает: «Иисус любит меня!»

Да, его здание рухнуло, это он понял. Слишком хорошо он знал свою дочь. Он также знал, что этот ненавистный ему Иисус, если Он завладел сердцем, никогда уже не оставит его. «И никто не похитит их из руки Моей» — говорило ему сердце незабываемые слова, которые он когда-то слышал.

— Отец, что с тобой? — воскликнула Тамара, пораженная внезапной переменной в его лице.

Она подбежала к нему, чтобы обнять его, но он отстранил ее и взгляд его, выражавший до сих пор только любовь, пронзил ее, как нож, и заставил отступить назад.

В этот момент дверь отворилась, и на балкон вышел профессор Герингер. Маркиз Орано его заметил. Усилием воли он овладел собой и встретил его с обычной вежливостью. На дочь он даже не смотрел. Тамара, поприветствовав профессора, тихо вышла.

В ее салоне на столе лежал Новый Завет. Она раскрыла его, желая найти слова для подкрепления. Взгляд ее упал на слова, которые поразили ее: «Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за Имя Мое; претерпевший же до конца спасется».

Никто не пояснил Тамаре этот стих, но она его поняла, как поняла вдруг и то, что из-за Иисуса Христа и имени Его потеряет все, что до сих пор для нее называлось «отеческой любовью».

Удивительно ли, что это открытие ее подавило? Ведь у нее на земле не было никого, кроме отца. И снова она опустилась на колени, но не молилась и не плакала. Во всей своей слабости она лежала у ног Христа, на том единственном месте, где можно найти утешение и силу. Вокруг нее вдруг все посветлело, снова она почувствовала сладость любви Господа, точно так, как прошлой ночью и в это утро. Она вдруг почувствовала, что даже если земной отец от нее отвернется, у нее есть другой добрый Отец, Который отдал Сына Своего за нее, и что она принадлежит этому Сыну — Иисусу Христу. Теперь она также поняла то, что сказала Маргита о своей матери: что Иисус Христос насытил ее.

Она позвала горничную, чтобы причесаться и одеться. Во время завтрака она казалась немного бледной, но сияющей. Она приветствовала всех, в том числе и отца, будто она с ним еще не

встречалась. Он ответил на ее приветствие поклоном, и также, будто ничего не произошло, спросил, хорошо ли она спала. Но в его глазах, которые старались не встречаться с ее взглядом, было что-то чужое. Впервые в жизни она узнала, что такое гнев отца.

После завтрака она со своими компаньонками поехала в М., где они хотели купить бумаги для рисования. По дороге Тамара рассказала молодым дамам о своем обращении и попросила их, так как у нее не было договорного обязательства молчать об Иисусе, искать и полюбить Иисуса Христа. На вопрос, знали ли они Его уже, прежде чем доктор Лермонтов к ним пришел, они ответили утвердительно. Обе они были евангелическими христианками и знали всю историю жизни, страданий и воскресения Иисуса Христа.

С невыразимой печалью она посмотрела на них. «Они знали все. Почему они оставили меня во мраке? Разве они не боялись, что я могла погибнуть навеки?»

Ася плакала и говорила, что им было запрещено говорить с ней об этом. Орфа целовала ее маленькую руку и говорила, что ей было очень жаль госпожу, но помочь ей она не могла, так как у нее не было ни веры, ни убеждения, как у пани Маргиты Орловской, доктора Лермонтова или как у Тамары сейчас.

— Хотя мы и раньше тебя все знали, ты нас опередила. Вчера мне сказал доктор Лермонтов, что я должна пережить возрождение. «Какое возрождение?» — подумала я. А вот теперь по тебе вижу, что значит получить в дар от Бога новую жизнь и быть светом для других, который зажжет Сам Иисус Христос, — говорила Орфа.

Серьезно беседуя, возвращались молодые дамы домой с твердым намерением с этого часа вместе служить Христу. Ася желала этого ради своей любимой госпожи, а также чтобы успокоить растревоженную совесть. А Орфа хотела наверстать упущенное. Они обе чувствовали, что Тамара приведет их к Христу.

Человек — странное существо. Сколько Аурелий Лермонтов молился за то, чтобы эти три молодые дамы нашли путь спасения! А когда он узнал о том, что его молитвы о Тамаре услышаны и что в сердцах двух других дам также созревают добрые плоды, он едва поверил этому. Сегодня они все вместе молились после чтения Слова Божьего, не заметив, что кто-то

стоял в дверях и слушал. После молитвы слуга остановил Лермонтова в коридоре и попросил его зайти к маркизу.

В ушах Лермонтова все еще радостно звучали слова пациентки: «Скажите Никуше, что я последовала словам Степана и уверовала в любовь Господа Иисуса Христа».

При его появлении маркиз отвернулся от окна, у которого стоял со скрещенными на груди руками. Едва заметным кивком головы он ответил на приветствие доктора.

— Ваша светлость велели меня позвать?

— Да. Я хотел бы знать, какие обязанности вы, согласно нашему контракту, приняли на себя: домашнего врача или проповедника? — спросил резко маркиз.

Лицо молодого человека покраснело. Он выпрямился во весь рост перед маркизом Орано.

— Ни те, ни другие, ваша светлость. Я врач маркизы Тамары и надеюсь, что ваша светлость не может пожаловаться на то, как я исполняю свои обязанности.

— Это так! — Маркиз провел рукой по лбу, с трудом оторвав свой взгляд от стройного молодого человека. — Виноват, наверное, я сам. Обычно я всех моих служащих, особенно из окружения моей дочери, обязываю договором никогда не говорить с ней о религии. С вами я не считал нужным это делать, так как вы врач. Эту ошибку теперь придется исправить.

— С моей стороны никакой ошибки не произошло, так как я с маркизой еще никогда не говорил о религии, что, впрочем, вследствие ее совершенно безбожного воспитания было бы и невозможно.

— Чем вы меня упрекаете?! — разгневался маркиз.

— Правдой, ваша светлость, — спокойно ответил Лермонтов, без смущения глядя в лицо маркиза, по выражению которого было заметно, что до сих пор он был окружен рабами, которые ему слепо повиновались. — Я с вашей дочерью говорил о божественных истинах, о которых она еще ничего не знала и которые ей пришлось признать, так как Бог не хочет гибели ее благородной души. Поэтому я указал ей на Иисуса Христа, Который силен спасать. Я обязан был это сделать. И если бы вы потребовали от меня подписать договор, который

запретил бы мне упоминать имя Господа, то я такой договор бросил бы к ногам вашей светлости.

— Лермонтов! — маркиз отступил назад.

— Да, ваша светлость, видно, какими людьми вы окружали себя и как они к вам относились.

— Как они ко мне относились? Конечно, как к человеку, который им лучше платит, чем ваш воображаемый Бог.

— Может быть, у вас был только воображаемый бог, но мой Бог — живой. В глубине моей души я презирал бы человека, который потребовал бы от меня стать несчастным предателем, продающимся за деньги.

В комнате стало тихо. Лермонтов понял, что он многим рискует перед маркизом. Однако он был так возмущен безбожным воспитанием его дочери, что ни за что не взял бы свои слова обратно.

Искры гнева в глазах маркиза погасли. Он несколько раз прошелся по кабинету и остановился перед Лермонтовым.

— И что вам теперь от того, — обратился он к доктору, почти как к равному себе, — что вы между мной и дочерью поставили этот идеал, перед которым она — я ее слишком хорошо знаю — обязательно преклонится и который я ненавижу? Разве Он ей заменит меня и мою любовь?

— Да, ваша светлость; ибо нет потери на свете, которую Он не мог бы восполнить. — Губы врача горестно дрогнули. — Как жестоко сердце человека! Когда я узнал вашу светлость, мне показалось, что вы способны жизнь отдать за вашу дочь, а теперь вы стали ее врагом только потому, что она увидела Свет, который вы ненавидите, но от Которого вам нигде не спрятаться. Да, Господь наш прав: «И враги человеку — домашние его».

— Кто вам сказал, что я стану врагом моей дочери? — спросил маркиз серьезно.

— Вы сами меня только что спросили, сможет ли Иисус Христос заменить ей вашу любовь? Разве это не означает, что вы хотите лишиться ее вашей любви? Однако лучше не делайте этого. Вашу дочь Иисус Христос утешит, но кто заменит вам любимое, отвергнутое дитя? Я, наверное, могу говорить за бедную маркизу, ибо я тоже один из отвергнутых. И меня родной

отец оставил из-за Христа, он отринул меня, мой несчастный и заблудший отец!

Молодой человек закрыл лицо руками... Вдруг на его плечо легла тяжелая рука.

— И вы ненавидите этого отца и проклинаете его, не правда ли?

— Я? — Молодой человек стряхнул руку. — Христиане не проклинают. Несмотря на то что он сделал несчастной мою мать и она попала в тюрьму, где заболела, а потом и умерла, в моем сердце к нему нет ничего, кроме любви. Я его благословляю, как и Тамара благословляла бы вас, если бы вы с ней так поступили. У нас с ней для вас нет ничего другого, кроме слов Господа нашего: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». А теперь, если ваша светлость мной недоволен и так как маркиза во враче больше не нуждается, я договор наш могу вам вернуть. Мы можем больше не встречаться.

Доктор хотел достать бумагу, но побледневший маркиз удержал его руку.

— Нет, я не хочу аннулировать договор. Моя дочь не может быть без врача. И если вы ее, по моему мнению, свратили на ложный путь, то и не оставляйте ее теперь. Может быть, я со временем свыкнусь с этим ужасным обстоятельством, однако, наверное, не скоро. Вы свободны...

«Слава Богу! — вздохнул молодой человек в коридоре. — Я могу остаться и помочь тебе, дорогая моя сестра! О, Господь, Ты и с этим Савлом в состоянии справиться! Смилуйся над ним!»

Маркиз же запер все двери, бросился на диван и отчаянно зарыдал.

Это ужасно, когда мужчины плачут. Но для таких слез у мужчины должна быть особая причина. Ибо так не плачут ни безвинные, ни обиженные.

Глава сорок шестая

Когда Маргита Орловская возвращалась от своего брата в Горку, приехал домой и Адам Орловский. Как обычно, он спросил, где хозяйка дома. Узнав, куда она отправилась, он, не заходя

в замок, пошел ей навстречу. По дороге он остановился. Под большим кленом по распоряжению Маргиты были сооружены удобные деревянные скамьи. На одной из них, укрывшись теплым покрывалом, лежал пан Николай.

«Ах, дедушка здесь спит, — удивился Адам, остановившись возле него. — Какой он бледный и осунувшийся! Уже два дня он жалуется на головные боли. Не заболел бы! — подумал он. — Хотя доктор Лермонтов говорит, что нет ничего опасного, что это от его душевного состояния, но врачи могут и ошибаться. Но почему я думаю о худшем?»

Он поцеловал свисавшую руку деда и уложил ее поудобнее. Старик пошевелился.

— Фердинанд! — пробормотал он.

«Что ему снится?» — подумал Адам испуганно.

— Фердинанд?.. — еще тоскливее повторил старик. — И ты здесь, Наталия? Мои дорогие заблудшие дети!

«Ах, зачем я ему о нем написал, — досадовал Адам. — Может быть, он бы дядю давно забыл. А теперь, когда умерла и тетя, он так много думает о них, что они ему даже снятся. Хоть бы узнать какие-нибудь подробности от маркиза Орано; но он явно избегает разговора об этом. Вот если бы дедушка сам его спросил...»

Адам еще немного постоял возле дедушки, но тот не проснулся. Тогда Адам повернулся и ушел. Когда он проходил мимо пышно цветущего куста роз, его щеки коснулась веточка. Он повернулся и отломил веточку с розой, подумав: «Она украсит головку Маргиты; как она ей будет к лицу!» Он попытался заглушить в себе нежные чувства, но не смог. «Я ведь тете обещал, что сделаю ее счастливой, — подумал он, — а у меня так мало возможностей побаловать ее. Поездка и похороны заняли почти неделю. Она много времени уделяла Никуше, а теперь, с приездом профессора, я опять загружен работой в Подолине. Мы еще так мало говорили друг с другом, собственно, один только раз на балконе...»

Адам снова вспомнил тот момент, когда Маргита в своей скорби, ища у него утешения, прильнула к нему. И теперь, когда его сердце забилось сильнее, желая повторения того сладостного мгновения, под чьими-то ногами заскрипел песок, что прервало его воспоминания. Он поднял голову и увидел Маргиту. Она

шла ему навстречу. На руке ее висела снятая с головы шляпка с венком свежих полевых роз. Она шла, задумавшись, и Адам едва успел скрыться за кустами на обочине, чтобы, когда она поравняется с ним, заключить ее в объятия. «Она прекраснее всех роз», — подумал он.

— Адам, это ты? — испуганно произнесла она.

Он обнял ее, но она и не пыталась освободиться. Наоборот, ее глаза так засветились, что в сердце молодого человека еще сильнее вспыхнул огонь.

— Да, я наконец выбрался из пыли древностей, чтобы дышать свежим воздухом действительности. Ты откуда идешь с такой богатой добычей?

Она попыталась освободиться, но он ее не отпускал.

— Я иду от Никуши, а вот это я собрала по дороге. Отпусти же меня, Адам! Раз ты уже здесь, то мне нужно приготовить ужин. Я и так слишком задержалась. Но я отцу написала письмо... Отпусти же меня, пожалуйста!

Он посмотрел на нее самым озорным взглядом.

— Я отпущу тебя только при том условии, что мы поприветствуем друг друга, как это подобает мужу и жене.

Она покраснела до корней волос. После короткой внутренней борьбы она, закрыв глаза, подставила ему свои губы для поцелуя.

«Может быть, — подумала Маргита, возбужденная радостным чувством любви, — он меня больше не будет так ласкать, если я дам ему прочитать письмо. Но Иисуса Христа и Его Истину я не оставляю даже ради этого счастья».

— Маргита, — сказал он страстно, — неужели ты не хочешь меня поцеловать? Конечно, я этого не заслуживаю. Ты не можешь забыть те неразумные слова из моего письма...

Она покачала головой, и точно так, как в тот раз на балконе в Орлове, обвила его шею обеими руками. Губы Адама загорелись от ее первого горячего поцелуя. Но не успел он опомниться, как оказался один. «Она моя, моя! — ликовал он. — Неразумный я человек! Какой убогой жизнью я жил до сих пор! С этим покончено! Все должно измениться, я завладею ее любовью!»

В таком настроении он вошел в свою комнату. Каждый уголок этого прелестного, с любовью обставленного помещения, говорил ему, чьи руки все это сделали.

Посередине стола стояла фарфоровая корзиночка для цветов, и в ней — полевые розы. Это она их ему принесла. Он смотрел на эти цветы, и ему казалось, что более красивых он никогда не видел.

«Она такая добрая, — говорил он себе, — а я ее тогда так обидел и даже прощения еще не попросил. Я даже не помню, что я ей написал в том злом письме. Но я поправлю это дело обязательно, я попрошу у нее прощения».

Дверь отворилась, и вошла Маргита, которую он так радостно встретил, что она зарделась. Он поблагодарил ее за розы.

— Так как в Подолине тебя окружает такая красота, что Горка тебе должна казаться убогой, я цветами и их ароматом хотела заменить тебе хоть немного то, чего тебе здесь, может быть, недостает, — сказала она.

— Весь Подолин, — возразил он, взяв ее руку, — не может заменить мне красоту, сокрытую в Горке.

Она его поняла, но руку свою отняла. Не для того она пришла сюда, чтобы ухватиться за край того обманчивого счастья, которое там, в парке, одурманило ее. Она пришла за приговором.

— Адам, прошу тебя, прочти до ужина эти два письма. После этого я хотела бы с тобой поговорить.

— Письма... От кого? — удивленно спросил он.

— Адресованное тебе — от декана Юрецкого, а адресованное мне — от капеллана Ланга.

— Как он осмеливается писать тебе? — возмутился Адам.

— Я получила письмо от декана Юрецкого, в котором он мне сообщил, что в М. скоро фирмация и чтобы я тоже участвовала в ней. В ответ я ему написала вот это письмо.

Маргита положила перед Адамом мелким, аккуратным почерком исписанную тетрадь.

— После ужина я хотела бы с тобой поговорить, — сказала она и, кивнув ему головой, вышла.

Он сел к столу, где благоухали принесенные Маргитой розы. Сначала он прочитал тетрадь, а затем письмо декана Юрецкого и, наконец, письмо капеллана Ланга.

«...Невероятно, — писал капеллан, — что возвышенная душа, живущая в такой прекрасной плоти, постоянно может противоборствовать нашей святой церкви. Невероятно, чтобы образцовая внучка так могла огорчить дедушку, который не справился еще с последним ударом. Надеюсь, что милостивая сударыня мне еще раз позволит пояснить учение нашей церкви, чтобы показать заблуждения лютеранского вероисповедания. Если бы Ваша милость хотя бы немного раскрыла душу свою передо мной! Но Вы всегда с таким внутренним спокойствием сидели передо мной, что я и подозревать не мог, какие сомнения...»

Дальше пан Адам читать не стал. Он порвал письмо.

Декан Юрецкий в своем послании жаловался на вольнодумство баронессы Райнер, которое она привила и Маргите. Он потцловски напоминал о долге перед святой церковью и о том, что он, как муж, обязан заставить Маргиту согласиться принять фирмацию. Декан пошлет ему капеллана Ланга, чтобы подготовить ее.

Все это он, якобы, делает для спасения душ семьи Орловских.

Словно туча легла на лицо молодого человека, шагающего взад и вперед по комнате, что было признаком бури в его душе.

«Еще и в Горку он его хочет послать, чтобы он здесь сидел и глазел на ее прелестное лицо! — вскипел он. — Да вы просто злитесь, что вам не достались доходы от похорон тети, а вовсе не печетесь о душах наших. Я не замечал, чтобы вы до сих пор заботились о них. Деньги наши вас беспокоят. И чтобы я стал вашим послушным инструментом, заставил Маргиту поступиться своим убеждением?.. О нет! Не бойся, Маргита! Мне нравится твоя смелость, как ты им сказала правду. Я не позволю, чтобы они приставали к тебе».

Звон колокольчика позвал пана Адама ужинать. Когда он вошел в столовую, Маргита, которая как раз подавала дедушке тарелку с супом, вопросительно на него посмотрела. Она чуть не пролила суп, когда заметила на себе сияющий взгляд мужа. Она почувствовала, что он был на ее стороне. Во время ужина Адам был в таком хорошем настроении, что ему даже удалось развеселить дедушку, что случилось впервые после смерти его дочери.

Ах, он так скорбел о ней. Ему теперь все время хотелось быть одному или с Никушей. Внуку все приходилось пересказывать, как он встретился с матерью, какие пышные похороны барон Райнер устроил своей жене. Он сделал все, чтобы ей и после смерти оказать всевозможную честь, тем самым доказав свою любовь к ней. Дедушка также рассказал внуку, как местное общество скорбит о его дочери и с каким уважением говорят о ней, о бароне и их браке. Старик так любил говорить о своей дочери! Маргита он о матери не напоминал, чтобы не печалить ее. Кто бы их всех подбадривал, если бы Маргита была печальна?

— Я пойду к Никуше, — сказал он после ужина.

Когда внуки предложили ему проводить его, он согласился.

— Ты только что пришел, Адам, а Маргита так долго там была.

— Тогда мы за тобой приедем, дедушка, — пошел на уступки Адам и велел оседлать коня пана Николая.

Маргита и Адам озабоченно смотрели ему вслед, когда он уехал.

— Он так изменился, — вздохнула Маргита, — и как бы мы ни старались, утешить его мы не можем. Но я думаю, что если Иисус Христос его утешит, то и последняя рана заживет.

На ее глазах блестели слезы.

Между тем пан Николай довольно быстро ехал верхом вокруг деревни вверх по горе. Вдруг раздался вечерний звон. Он повернулся, и взгляд его упал на церковь. Она напомнила ему ту небольшую церковь, где проводилось погребальная служба по его дочери. Богослужение было евангелическим и на немецком языке. Старику все еще слышалась песня, которая так благодатно успокаивала его:

О, смерть, где, скажи, твое жало?

О, ад, где победа твоя?

В воскресшем Христе засияло

Нам вечное солнце бытия...

Пан Николай знал эту песню уже наизусть. Он купил себе песенник и однажды даже попросил доктора Лермонтова сыграть ее. «Да, у них хорошие песни, — подумал пан Николай. — Сколько уверенности в вечной жизни они содержат, той уверенности,

которую имела и она — моя Наталия». Когда он бывал с доктором Лермонтовым наедине, он просил его сыграть и спеть одну песню за другой. И сейчас он думал попросить его об этом, если Лермонтов окажется в доме. Никуша тоже любил слушать его пение.

Перед домом пан Николай сошел с коня и, привязывая его, посмотрел в сторону водопада, где часто находился Никуша со своим другом. Однако на скамье сидел один Аурелий Лермонтов.

— Добрый вечер, пан Лермонтов! — приветствовал его старик. — Куда же Никуша подевался?

— Добрый вечер! — молодой человек поднялся. — Никуша сегодня так долго был на воздухе, что теперь уже спит. Сожалею! Знал бы я, что у нас будет еще такой дорогой гость, я бы не отправил его так рано в постель.

— Ну, это ничего, пусть отдыхает. Я буду вашим гостем.

— Моим? За что мне, чужестранцу, такая честь?

— Не говорите так, пан Лермонтов, — возразил пан Николай. — Я вас не считаю чужестранцем. Слишком я вас любил, и все мы обязаны вам. И действительно, я сегодня именно вас хотел видеть, потому что мне так захотелось, чтобы вы мне что-нибудь сыграли и спели. Вы исполните мою просьбу?

— С радостью! Сейчас я принесу мою цитру и песенник.

Молодой человек исчез в доме и вскоре вернулся со своим инструментом.

— Я как раз разучил новую песню, ваша милость, — сказал он, листая книгу.

Дивно зазвучали струны под прикосновением тонких пальцев, когда молодой врач запел:

Иерусалим прекрасный! В уборе чистоты
Облит зарею ясной, велик и дивен ты!
Ты молоком и медом обильно наделен,
Ликующим народом ты громко оглашен.
Ты — труд Царя Сиона, ты полн дворцов одних;
Твоя земля мощена из слитков золотых.
Бедняк, в тебе принятый, оденется пышной,
Чем самый и богатый, и славный из людей.

О город, где не знают ни кладбищ, ни гробов,
Где пышно расцветают сады живых цветов.
То город жизни вечной без бури и тревог;
В тебе приют сердечный для нас готовит Бог.
О, вечный город мира! Нет краше стен твоих:
Их грани из сапфира, из камней дорогих.
Они огнем сияют от Божиих очей
И ярко отражают восторг Его детей.

— Не правда ли, чудесная песня, пан Орловский? — спросил Аурелий, закончив пение.

— Да, чудесная! Я благодарю вас, — произнес старик расстроганно.

— Она так подходит к тому, что я читал, когда вы пришли.

— А что же вы читали?

Лермонтов достал Новый Завет.

— Позвольте?

— Конечно!

Молодой врач прочитал ему всю 21-ю главу Откровения Иоанна. Закончив, он закрыл книгу и сказал:

— Очень утешительно думать, что в том чудном городе, где будут собраны миллионы спасенных людей, там, где не нужны ни солнце, ни луна, где светом является Сам Бог, что там, где нет больше ни плача, ни страданий, — находится и наша дорогая пани Наталия Орловская.

Внимательно слушающий старик, оживившись, выпрямился.

— Вы уверены, что она там?

— «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь», — говорит Иисус Христос, а Он неправды никогда не говорил. Я твердо убежден, что встречу ее там, и что мы там подадим друг другу руки для вечного союза.

Паном Николаем овладела ревность: Николай, Маргита и этот молодой человек верили и радовались, что увидятся с его дочерью и будут жить в вечной славе. Почему он этого не может?

— У вас, наверное, была верующая мать, — сказал он после некоторого раздумья.

— О да, пан, — вздрогнул Лермонтов.

— Давно ли она умерла?

— Когда мне шел шестой год.

— Удивительно, что мир не стер в вас впечатлений детства, — заметил пан Николай задумчиво.

— О, уж он их, конечно, стер! Если бы не милость Божья, которая помогла мне обратиться, покаяться и возродиться, то я никогда, наверное, не увидел бы свою матушку. Я бы ее лишился не только на этом, но и на том свете.

Старика потрясли эти слова и, чтобы отвлечься немного, он попросил:

— Расскажите мне о своей матушке и о своем детстве, мне очень интересно послушать.

Пан Николай не заметил взгляда, которым молодой человек посмотрел на него; он не знал, какую бурю чувств и какую борьбу он вызвал в груди молодого врача. Он не знал, что Аурелий Лермонтов, наконец, сам себе сказал: «Да, я расскажу ему о тебе; ему, который презирал тебя, и тем самым очищу память о тебе. Он ведь ничего не знает, дорогая моя матушка!»

О, счастлив тот сын, который с такой любовью может говорить о своей матери!

Пан Николай не мог оторвать глаз от него. Когда Аурелий закончил свой рассказ, старик пожал ему руку.

— А о своем отце вы больше ничего не узнали? Он не вернулся?

— Нет. Мы за веру лишились его. Но позвольте мне больше об этом не говорить.

Погруженный в глубокие раздумья, возвращался в дом своей внучки пан Николай. Сердце его было тронуту судьбой матери Аурелия.

«И с Наталией все это случилось так внезапно — эта новая духовная жизнь, любовь к Христу, уверенность в вечной жизни. И если бы она осталась в живых, ее уже никто не смог бы переубедить и лишить веры, которую она, можно сказать, отстаивала до последнего вздоха. Почему, — думал старик, — Бог мне не посылает такой перемены? Разве мои грехи так велики, что мне нет прощения?»

С такими мыслями пан Николай вернулся в Горку, не ведая, какой серьезный и решающий момент там наступил для его родных. Он и не заметил, что никто из них не вышел ему навстречу.

— Маргита, я все прочел, — сказал Адам Орловский, взяв свою супругу под руку и ведя ее к скамье под кленом.

Она посмотрела ему в глаза.

— И какой ответ ты дашь декану?

— Декану? Разве ты знаешь, что он написал?

— Нет, не знаю, но я предполагаю, что он требует от тебя заставить меня принять фирмацию. Или я ошибаюсь?

— Нет, ты не ошибаешься, и, как мне кажется, ты этих господ знаешь довольно хорошо, — ответил он, удовлетворенно улыбаясь. — Да, меня призывают проявить свою власть над тобой; но я не знаю, каким образом и с чего начать.

— О, спроси их, — сказала она, сверкнув глазами. — Они-то тебе скажут, как мучить людей. Ведь я вся в твоей власти, с моим телом ты волен делать, что угодно. Когда в Риме истязали христиан, мучители это оправдывали тем, что они убивают плоть, чтобы спасти душу. Ты же читал, как Ланг пишет, что он меня скорее предпочел бы видеть в гробу, чем среди еретиков.

— Этого я не читал! — возразил Адам возмущенно.

— Как же? В самом конце это написано.

— Я порвал письмо, не дочитав! Какие ты мне ужасные вещи говоришь, Маргита.

Он хотел привлечь ее к себе, но она противилась.

— Нет, — сказала она, — кто знает, может быть, ты в следующую минуту передумаешь? Адам, я не католичка и никогда ею не буду! И двуличной я не могу быть: я всегда буду стоять за Истину Иисуса Христа. У меня евангельское убеждение, и его я буду исповедовать перед миром. Я не хочу больше скрываться. Решающий шаг сделан. Я указала причины, почему я не могу принадлежать к Римской церкви, а теперь я заявляю о своем выходе из нее и после того вступаю в евангелическую.

— Маргита, а если я тебе этого не позволю?

— Ты должен мне это позволить. Завтра мой день рождения — мне исполнится восемнадцать лет. Светский закон на моей стороне. Помешать мне в исполнении моих намерений никто не может.

Она встала и прислонилась к клену, бледная, как лилия, но глаза ее сияли решимостью, словно хотели сказать: «Меня можно сломать, но не переубедить».

— А дедушка, Маргита? — спросил молодой человек. — Так ты его любишь, что можешь теперь, когда он едва не ушел в могилу вместе со своей дочерью, причинить ему такую боль?

Она вся задрожала.

— Иисус Христос знает, что я иначе не могу. Он не допустит, чтобы я так ранила сердце дедушки. Поверь мне, он перенесет это теперь легче, чем раньше. О, Адам, я прошу тебя, — взмолилась она, — делай со мной, что хочешь, только дай мне свободу веры!

Она так сердечно его упрашивала, не подозревая, что у него даже не было намерения ей отказать. Если бы не дедушка, он не заговорил бы с ней об этом вовсе, так как насилия над ней он представить себе не мог. Ею, однако, завладел страх, что он может заставить ее. Маргите показалось, что Христос в этой борьбе оставил ее одну. Протянув к мужу руки, она снова повторила свою просьбу. Адам, не выдержав ее умоляющего взгляда, страстным порывом привлек ее к себе.

— Я дам тебе свободу веры, я даже сам позабочусь об этом, чтобы ты убедилась, что Рим воспитывает не только тиранов и палачей. Если ты хочешь переходить, то делай это сейчас. Ты говоришь, что завтра тебе исполнится восемнадцать лет. Пусть это будет моим первым подарком тебе ко дню рождения! Я не знаю, какой более ценный подарок я мог бы тебе сделать. Но что ты мне подаришь, Маргита?

— Что я тебе подарю? — переспросила она. — У меня нет ничего, Адам. Но если моя любовь на всю жизнь может быть тебе наградой, то я отплатчу свой долг.

— Да, Маргита, твоя любовь будет мне наградой. — Он наклонился к своей супруге. — Но не та любовь, которая у тебя для всех; этого мне недостаточно. Однажды я тебе писал, что мне любви не нужно, сегодня я весь у твоих ног и прошу: забудь это, прости и полюби меня! Будь моей женой, а не подругой. Мне дружбы одной недостаточно!

Когда пан Николай вернулся домой, он в лице внука заметил перемену, которую нельзя было не заметить.

— Дедушка, я перед сном хотел бы с тобой еще поговорить, — попросил Адам, после того как Маргита, пожелав ему спокойной ночи, ушла, а он проводил старика в его спальню.

— Ну что ж, я готов слушать. Я был бы рад услышать от тебя что-нибудь хорошее, — улыбнулся пан Николай.

— Дедушка, прими благодарность за то счастье, которое ты мне дал, и порадуйся со мной — сегодня мы с Маргитой обручились!

От неожиданной радости пан Николай наклонился к своему внуку, стоявшему на коленях у его ног, взял его черноволосую голову в руки и заглянул ему в лицо, преображенное невыразимым счастьем. Пану Николаю казалось, что он вот-вот задохнется от счастья!.. В спальне стало тихо.

Адам поднялся.

— Но не только это я тебе хотел сказать. Я хотел тебя еще спросить, имею ли я, как муж, право решать за Маргиту ее дела?

— Конечно, — ответил старик удивленно.

— Тогда я тебе сообщаю, дедушка, что по просьбе Маргиты я позволил ей перейти в ту церковь, к которой принадлежат ее отчим и мать, тем более что она воспитывалась в учении этой церкви.

Адам Орловский ожидал большего действия от этих слов: удивления или возмущения. Поэтому он сам был удивлен, когда дедушка после просьбы Адама: «Не сердись, дедушка, Маргита иначе не может», — тихо и серьезно ответил:

— Я не сержусь, сын мой. Если ты на это согласен, то я ей препятствовать не буду. Моя дочь умерла в блаженстве, несмотря на то что наша церковь заклемила ее как еретичку. Если Маргита считает, что она так будет счастлива, то пусть она поступает по велению своего сердца. Ведь она может сказать то же, что говорила моя Наталия, — что мы не заботились о ней. Обязанностью священников было переубедить ее. Если им это не удалось, то я ничего сделать не могу.

— О, дедушка, как я тебе благодарен! — воскликнул Адам.

Значит, Маргита знала дедушку все же лучше, чем он. Потом он подал ему оба письма Юрецкого, но старик не захотел их читать.

— Я знаю, что в них написано. Если она не хочет, то все бесполезно. Напиши ему завтра также от моего имени, что

Маргита останется в той вере, в которой она воспитана, и что мы оба с этим согласны.

Глава сорок седьмая

Вечерело. Лучи заходящего солнца заглядывали в зал, в котором, казалось, все дышало священным миром. Это заметил и входивший пан Коримский. Он отдал этот зал для евангелизации и предоставил своему провизору достаточно средств для полного его оборудования, но сам еще ни разу не приходил сюда. В этот вечер он зашел, потому что искал Урзина, которого надеялся найти здесь. Коримский воспользовался случаем посмотреть зал. Напротив двери золотыми буквами дугой было написано: «Иисус Христос пришел в мир спасти грешников». Немного ниже под этой дугой сияли слова: «Ко мне обратитесь, и будете спасены, все концы земли!» Рядом была надпись: «Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха». А в середине, между верхней и нижней надписями, большими черными буквами было написано: «И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи». Некоторое время Коримский рассматривал подбор божественных изречений, а затем, подавленный прочитанным, отвернулся. Гордым взглядом он осмотрел все убранство зала, и его взгляд остановился на фисгармонии, звуки которой он услышал сразу, когда вошел. Слышно было, что играл не профессиональный музыкант, а самоучка. Недалеко от фисгармонии стояло кресло, единственное из тех, которые прежде наполняли этот зал. Оно было оставлено здесь для Никуши. Теперь им воспользовался Коримский. Он сел и стал ожидать, когда провизор, а это был он, кончит играть. Коримский не хотел ему мешать.

Молодой человек проиграл несколько песен, затем раскрыл книгу и поиграл еще немного без нот, тихо и трогательно. Казалось, что звуки отражали весь его характер. Коримский смотрел на него, не отрываясь. Он видел его в профиль.

Что было в этом бледном, милом лице такого привораживающего, что, однажды увидев его, не хотелось с ним больше

расстаться? Коримский уже не удивлялся, что его дети попросили прислать к ним Урзина. Они скучали по нему. Да он и сам испытывал к этому юноше больше чем простую симпатию. Вблизи него он чувствовал себя так хорошо. Невольно вспомнилась ночь после смерти Наталии, когда Коримский, не в силах смотреть на мучения Никуши, в отчаянии ушел в свою спальню, стелая от внутренних мук. Не было у него никого, с кем он мог бы поделиться своей скорбью, а перед детьми ее нельзя было показать.

Ему казалось, что он не переживет эту ночь. И вдруг открылась дверь, на пороге стоял Урзин... Коримский, как утопающий, протянул ему руки. Еще и сейчас он видит перед собой это несмелое выражение сочувствия на лице Урзина. И он тогда провел с ним всю ночь. Хотя Коримский большого значения не придавал его словам, которыми он так убедительно описывал вечное блаженство, ему все же было приятно слушать его мягкий, утешающий голос и видеть его милое лицо. Благодаря ему Коримский не заболел в ту ночь, когда ему вдруг стало очень плохо. Урзин вовремя принес необходимое лекарство и до утра делал ему холодные компрессы. Он также позаботился о том, чтобы дети ничего не узнали о случившемся той ночью. И все это молодой человек делал с полным самопожертвованием, как по долгу. Его религия действительно была религией любви.

Вначале Коримский совершенно не интересовался взглядами своего провизора. То, что он был религиозным человеком, Коримский заметил в первые же дни, так как Урзин, садясь за стол, всегда молился. Об этом также говорило и то, что Урзин попросил закрывать по воскресеньям аптеку. Люди теперь привыкли к этому. А что он был другом людей, он доказывал тем, что просил бесплатно выдавать лекарства бедным. Теперь он уже лучше знал его принципы. Хотя они совершенно не совпадали с его мировоззрением, не уважать их Коримский не мог.

«Урзин, — думал он, — научил нас всех быть полезными в этом мире. Рядом с ним моя собственная жизнь кажется мне такой эгоистичной. Что бы он делал, если бы имел мои средства?!»

Коримский слушал музыку, подперев голову рукой. Его гордая душа пришла в странное смятение. Вдруг прелюдии перешли

в песню, которая на обоих произвела чудное действие. Солнце уже зашло, и вечерняя заря угасала. Прекрасный день подходил к концу, но Коримский и Урзин этого не замечали.

Обитель моя у потоков живых,
Цветы там не блекнут от зноя;
Там вечное царство лучей золотых,
Любви совершенной, покоя.
Стремлюсь я душой в надежде живой
В тот край, где нет зла, ни страданий.
Дай силы, Господь, идти за Тобой
К отчизне чрез тьму испытаний.

Коримский выпрямился в кресле. С немым удивлением он смотрел на молодого человека, по которому было видно, что он действительно чувствовал то, о чем пел.

Отчизна та сердцу дороже всего,
Там я отдохну от борений.
Там место мне есть у Отца моего
Вдали от земных искушений.
Окончился путь, нет бури в душе,
По вере победу мне дал Он.
С толпою блаженных как радостно мне!
Нас в вечную славу призвал Он.
Друзей там увижу — их смерть унесла
И нас на земле разлучила.
Нет стонов, и спали оковы греха,
И скорби там радость сменила.
В хваленье одном пред Господом сил
Душою мы в песне воспрянем...
И Агнцу, Кто смертью смерть победил,
Петь славу и честь не престану.

Когда прозвучали заключительные аккорды песни, около Урзина, сидевшего с закрытыми глазами и опущенной головой, вдруг раздался озабоченный голос:

— Урзин, что с вами?

Ах, если бы Коримский мог предвидеть, что он своим внезапным появлением так испугает своего провизора — ведь тот не заметил его до сих пор, — он был бы осторожнее. Влажные от слез глаза молодого человека растерянно посмотрели на него, щеки покраснели и тотчас побледнели.

— Что прикажете, пан Коримский? — произнес он дрожащим голосом.

— Ничего я не прикажу. — Коримский склонился к нему и, побуждаемый непонятным чувством, провел рукой по лбу провизора. — Я слышал ваше пение, и оно побудило меня спросить вас, что с вами. Я не предполагал, что вы так можете петь для себя. Вы всегда заботитесь о том, чтобы устранить нашу боль, а сами носите ее в своей душе.

— Нет у меня теперь уже никакой боли, пан Коримский. — Урзин осторожным движением убрал руку Коримского, лежавшую на его плече.

— Теперь уже нет? Но вы были так печальны...

— Вам показалось. Однако, пан Коримский, чем могу служить?

Коримский заметил, что Урзин избегает доверительного разговора, и это было ему неприятно.

— Я сейчас не нуждаюсь в ваших услугах, — ответил он холодно.

Лицо молодого человека еще больше побледнело. Но он не поднял глаз. В зале стало тихо. И это молчание Урзина смягчило Коримского.

— Я принес вам известие, — сказал он несколько сердечнее. Взгляд Урзина говорил о его безмолвном страдании, но после этих слов он оживился.

— От Никуши?

Коримский снова был обезоружен, на Урзина невозможно было обижаться.

— От всех. Маргита пишет от имени всех остальных, особенно от имени Никуши, и просит меня, чтобы я хотя бы на неделю отправил вас к ним. Но я не знаю, хотите ли вы этого? Из-за аптеки вам не нужно беспокоиться, а остальное зависит от вас.

— О, пан Коримский, если вы позволите, я с удовольствием поеду, — ответил провизор просто, но с радостью в голосе.

— Ну, если других препятствий нет, то готовьтесь и езжайте завтра.

— Я вас благодарю! Значит, я на сегодняшнем собрании еще смогу предупредить о своем отъезде. Что касается аптеки, то я всегда забочусь о том, чтобы в ней все было в порядке, и я в любой момент мог отлучиться. Мне нужно приготовить только еще два лекарства. Позвольте мне сейчас сделать их.

— Я пойду с вами.

Они вместе вышли из зала в узкий коридор.

— Я сейчас вспомнил, — заговорил вдруг Коримский, — что четверть года уже давно прошло, а вы до сих пор не приходили за своим жалованьем. Может быть, вы ожидали, что я вам его принесу? У меня заведено, что мои служащие по этому поводу сами обращаются ко мне.

Молодой человек ничего ему не ответил.

— Когда закончите приготовление лекарств, зайдите ко мне.

Провизор только поклонился.

«Странный какой-то, — подумал Коримский, глядя вслед быстро удаляющемуся Урзину. — Мои слова ему, наверное, были неприятны. Но почему? Разве он может бесплатно служить у меня, притом так служить, как это делает он? И в самом деле, пора позаботиться о том, чтобы он лучше был одет. Его бедность бросается в глаза».

Но что сказал бы Коримский, если бы он зашел в комнату своего провизора и увидел, как тот упал на диван, спрятав лицо в подушку. «Господи, смилуйся надо мной, не оставь меня! Помоги мне устоять!» — мог бы он еще услышать со стоном произнесенные слова.

Глава сорок восьмая

Прошла неделя. Снова было чудесное утро, наполненное светом и ароматом цветов. Этот аромат проникал в широко раскрытые окна рабочего кабинета Адама Орловского в Горке.

Кабинет был очень уютно обставлен. Два письменных стола и секретер стояли между двумя кустами мирта и зеленью финиковой пальмы. Маргита с удовлетворением огляделась. Сегодня сюда придет профессор Герингер, и в Горке он с Адамом завершит труд по исследованию собранных древностей, в котором им помогал маркиз Орано. Как она рада, что Адам, наконец, может жить дома! Хотя теперь не будет больше тех чудесных мгновений, когда они по утрам встречались у креста, чтобы пожелать друг другу доброго утра, или когда он днем или вечером приходил к ней на несколько часов.

— Ты не можешь себе представить, — говорил он ей в субботу, — как трудно мне концентрироваться на работе! Постоянно мысли мои улетают в Горку. И если бы мне не было стыдно перед профессором, я бы бросил все и убежал к тебе.

— А не могли бы вы продолжать свою работу в Горке? — спросила она. — Вы уже довольно долго пользуетесь гостеприимством маркиза. Мне бы так хотелось увидеть твоего уважаемого друга у нас.

Адам с благодарностью принял ее предложение, и переезд был назначен на следующую неделю.

Теперь это время настало. Поэтому Маргита встала сегодня рано, чтобы все привести в порядок, и вот она все закончила.

Остановившись у окна, она посмотрела в парк. Там, где аллея разветвлялась, виднелся двор Никуши.

«Интересно, чем братья там занимались? Встали они уже? Братья! Какое хорошее слово! — думала Маргита, глядя в парк. — Добрый отец выполнил их просьбу и прислал к ним Урзина — и не на неделю, как они просили, а на две. Правда, теперь уже оставалось всего несколько дней, и Мирослав уедет. Но благословение, которое он привез с собой, останется, и особенно для Тамары. Бедная Тамара! Мне ради Христа ничем не приходится поступаться. Дедушка сам ищет путь спасения, и Адам меня любит. Он позволяет рассказывать об Иисусе Христе, сколько мне угодно, хотя еще не верит в Него, но он не противится. А у Тамары никого нет, кроме отца, и она его уже потеряла. Да, потеряла, хотя Орано и заботится о своем единственном дитяти и обеспечивает дочь всем, что можно добыть богатством, но между

ним и Тамарой все же произошел разрыв, и он запретил ей проносить при нем имя Христа. В противном случае он немедленно уходит. А Тамаре, которая всем сердцем полюбила Иисуса Христа и с каждым хочет говорить о Нем, бывает так трудно молчать перед отцом о том, чем полна ее душа.

Она более успешно идет путем веры, чем я, хотя Господа она познала позднее. Может быть, потому что у нее только Он один. А мне Господь дал на земле еще много дорогих людей. „Первые будут последними, а последние — первыми“. Ах, об этом мне думать нельзя, — испугалась она, — я не хочу быть последней, нет! Однако меня постоянно занимает Адам. Разве это грех, что я его так люблю? Ведь он — мой муж и любит меня. А любовь его — это счастье! Сердце мое с самого детства тосковало по любви, а ее не было для бедной Маргиты. Зато я ее имею теперь в полной мере, даже сверх того! О, какое счастье знать, что кто-то по тебе скучает, что ты для него все на свете, что ему дорог твой голос, каждый твой вдох и выдох!»

Молодая женщина была наполнена счастьем. Однако собой она была недовольна. Она вспомнила, как Тамара вчера, заговорив с бабушкой о своем обращении, спросила, знает ли он это счастье. Он смутился, но сказал правду, и она выразила такое искреннее сочувствие и попросила его не медлить и принять Иисуса. У бабушки слезы появились на глазах. Она свидетельствовала также перед профессором Герингером, паном Вилье и перед всей семьей Зарканых.

«Она в полном мраке приехала сюда, и какой свет уже сама распространяет! — продолжала размышлять Маргита. — А я этого не делаю. Но и я так буду поступать, как только уладится дело с моим переходом».

Лицо ее омрачилось. Она вспомнила, как ездила с Адамом в Подград. В Орлов они сначала не пошли, а остановились у отца. Потом они с двумя свидетелями пришли к священнику и заявили о ее выходе из католической церкви. Там она свидетельствовала об Истине. Маргита, счастливая, вернулась к своему отцу, который немало удивился ее шагу и согласию Адама.

Она была счастлива увидеть прекрасный зал для собраний и поиграть на новой фисгармонии.

— Когда мы снова будем жить в Орлове, я буду играть на каждом собрании, — обещала она им обоим.

Они ей не возражали, чтобы не омрачать ее радость, однако Адам шутя заметил:

— Если ты здесь будешь играть, то мы оба еще станем набожными и будем ходить с тобой сюда. Правда, дядя?

— Но ты пойдешь со мной хоть один раз, Адам, не правда ли? — попросила она.

— Разумеется, — пообещал он. — Надо же мне узнать, из-за чего ты ушла из нашей церкви и так рассердила доброго декана.

Отец посоветовал Маргите воспользоваться пребыванием в Горке и заявить о себе пастору в Боровце, чтобы по этому делу ей не пришлось ехать в Раковиан.

Утром, проводив Адама до креста, она вернулась в деревню и направилась к дому пастора. Пастор на этот раз не показался ей таким больным, как в первое ее посещение. Она заметила, что это образованный человек. У него была хорошая библиотека. И жена его была интересной женщиной, с красивым лицом и живыми глазами. Она очень хорошо говорила по-немецки. Маргита узнала, что она воспитывалась в евангелическом институте в Германии.

Узнав о цели ее посещения, они обменялись удивленными взглядами.

— И что заставило вас совершить этот шаг? — спросил пастор.

— Мое убеждение, пан пастор. Я познала Истину Слова Божьего и заблуждения Римской церкви и теперь не могу ей принадлежать.

После этого пастор очень приветливо стал давать ей всевозможные наставления. Теперь они совсем по-иному заговорили с ней — елейно, набожно! «Но если бы я еще не познала Христа, они, наверное, и не упомянули бы о Нем», — подумала Маргита.

Они говорили о заблуждениях Рима и о чистом учении евангелической церкви. Пастор приводил множество цитат, но не произнес ни единого теплого слова об Иисусе Христе.

«Им Христос еще не открылся, — снова подумала Маргита. — Скоро я буду принадлежать к их церкви, но какая польза

от этого моей душе? Ведь пастор в М., который каждое воскресенье выступает против „мечтателей“, подразумевая Степана Градского и всех его собратьев, тоже евангелический. Разве евангелическая церковь тоже преследует истинных учеников Христа, как это делает Рим? В чем тогда разница?..»

Когда Маргита впервые услышала от бабушки Степана, что пастор на них сердится, она не могла этому поверить. Она спросила Петра, и он подтвердил слова бабушки...

И сейчас эти размышления удручали ее. Она легла на диван и, чтобы забыться, стала вспоминать прекрасные недавние дни.

Она вспомнила тот послеобеденный час, когда перед ними вдруг предстал неожиданный, но очень дорогой гость. Он стоял перед ними с приветливой улыбкой на устах, с сумкой через плечо, в виде простого плотника. Они с Николаем пожурили его немного за то, что он не телеграфировал о своем прибытии, и поэтому они не смогли послать за ним повозку, на что он им ответил, что хотел пройтись по горам и по пути поговорить с людьми.

Вечером они собрались вокруг Никуши на свежем воздухе: пан Николай, Маргита, Урзин, Лермонтов, а попозже к ним присоединились Степан, Петр и старый Градский. Они беседовали о вечных истинах Божьих. Под конец Урзин разучил с ними песню, которая так понравилась пану Николаю, что им пришлось спеть ее еще раз. Аурелий играл на цитре. Это была первая из тех прекрасных песен, которым Урзин их научил за то время, что был в Горке.

— Нет, мне этот провизор слишком уж нравится! — сказал дедушка вчера.

То, что он ему нравился, заметно было по тому, что пан Николай всюду звал Урзина с собой: «Проводите меня, пожалуйста!»

Кто знает, о чем они говорили наедине? Маргите это очень было любопытно. Дедушка никогда не пропускал «штунду», как он называл собрание. «Сегодня Урзин проводит штунду?» — спрашивал он каждый день. Была ли это штунда на немецком языке после обеда, в которой участвовали Тамара и ее компаньонки, пан Вилье и Илона Зарканая, или вечернее собрание, на которое приходили крестьяне из долины Дубравы, — ему было безразлично; он все равно присутствовал. И, наверное, не было

у молодого провизора более внимательного слушателя. Друзья из долины Дубравы приходили не одни. Они приводили с собой все большее число слушателей, а Лермонтов за эти две недели приобрел много благодарных друзей, которых он лечил бесплатно и которые теперь, по его приглашению, тоже приходили на собрания. Часто собрание проходило на свежем воздухе, все сидели на бревнах, которые велел положить пан Николай. А сколько посетителей было в воскресенье после обеда!

Тот воскресный день Маргите запомнился, как чудесный сон.

Празднично одетые люди сидели полукругом вокруг кресла Николая и пели. И Тамара сидела возле него. Хотя она и ее компаньонки не понимали проповеди, они все же радовались, что такое множество людей могло слушать Слово Божье. Рядом с Маргитой сидел Адам, который все понимал. Сначала он сидел с опущенными глазами, затем он несколько сострадательно посмотрел на Урзина, который как раз говорил о богатстве, содержащемся в словах «Сын Божий». В своей простой одежде среди празднично одетых людей он выглядел более чем скромно. Адам смотрел на него так, словно хотел сказать: «Что ты можешь знать о богатстве, несчастный бедняк?» Но потом он перестал ухмыляться. Урзин так живо описал исход евреев из Египта через Красное море, пустыню и Иордан, сравнивая Египет с миром, а израильтян с народом Божиим, идущим через Красное море крови Иисуса и через Иордан смерти в вечную Родину. А потом он говорил о новой Земле, причем так интересно, что слушатели боялись пошевелинуться, чтобы не помешать говорящему. Даже Адам слушал со вниманием.

— Если бы ваш пастор так проповедовал, Маргита, — тихо сказал он ей, — то стоило бы сходить послушать. Мне еще любопытно, что скажет нам ваш Степан, которого все так хвалят. Однако этому твоему пророку следует отдать должное, ведь именно благодаря ему ты стала моей.

Она умоляюще посмотрела на него. Он замолчал и стал внимательно слушать. Пение кончилось, и Степан стал читать текст из Библии.

— Мне очень жаль, — начал он в своей серьезной, но сердечной манере, — когда я думаю о том, что не все вы, которые

слышали сейчас об этом прекрасном городе, в нем действительно будете. Кто-то из присутствующих здесь услышит слова: «Не знаю вас, откуда вы...» В моем тексте Господь говорит о том, что они не могли войти из-за своего неверия, и что Бог возмущался их поведением сорок лет. Сколько уже лет Бог возмущается твоими делами, мой бедный необращенный брат? Некоторые из вас живут в этом мире, как в пустыне, болезни, бедность и многие лишения угнетают вас. Вы в пустыне и в ней погибнете, потому что не хотите послушаться Бога, Который зовет вас к Своему любимому Сыну, к Господу Иисусу Христу.

Но я думаю, что здесь присутствуют и такие, которых можно сравнить с теми израильтянами, которые, пришедши в Елим, подумали, что они пришли в рай. Я знаю, что человеку иногда кажется, будто небо к нему спустилось, и тогда человек навсегда хочет поселиться в этом раю. Однако не обманывайся, мой друг! Елим не был Ханааном. Елим — не рай, и твоим счастьем он тоже не является. Ты должен оставить его, вернуться в пустыню. И если бы ты всю жизнь мог оставаться в Елиме, но не верил в Бога, ты бы никогда не увидел ворот нового Иерусалима.

В Елиме было только семьдесят пальм и двенадцать колодезцев, а там течет полноводная река, и растут тысячи пальм. Какая польза оттого, что вы собрались сюда и все это слышали, но не обратитесь к Богу?!

«Поведи нас, и мы пойдем за тобой» — говорили израильтяне Моисею, но Моисей не мог их повести — было поздно. Господь уже сказал: «Они не войдут в ту страну», и они не вошли в нее, они умерли в пустыне. И вы тоже умрете в пустыне, если не послушаетесь нашего Моисея, Который призывает вас: «Следуйте за Мною!»

О, какое горе для вас и для нас! Подумай об этом, дорогая душа, если ты еще не веришь, и помни: Бог поругаем не бывает. Аминь.

Когда Степан кончил свою проповедь, Адам не сказал ни слова. Обе проповеди были записаны и переведены Аурелием и переданы тем, кто их не понял, так что и они не остались без благословения и могли услышать слова, которые овладели сердцами и мыслями слушавших. Ах, какой это был чудный

час! Жаль только, что в следующее воскресенье Мирослава здесь уже не будет!

— Вы не можете себе представить, — сказал Аурелий Маргите, — сколько он нам дает, как в простых разговорах он нас учит, чтобы жизнь наша на земле не проходила даром. Я составил себе уже целую программу служений на осень и зиму, в выполнении которой и вы можете участвовать. Тамару мы также думаем привлечь к этому делу. Хотя Урзин и говорит, что думает оставить нас... Не может же он всегда оставаться в должности провизора, а о том сюрпризе, который ваш отец ему готовит, он еще не знает.

«Когда отец ему об этом скажет?» — подумала Маргита. — И как он будет реагировать?»

Так, размышляя о событиях последних дней, она уснула. Ей приснилось, что она идет к новому Иерусалиму. В радостном волнении она устремляла свой взор к лежащему перед ней золотому городу. Оборачиваясь, она смотрела, видят ли остальные его, и не могла найти среди идущих с ней ни отца, ни Адама. Она испугалась. «Видишь, Маргита, — послышался в этот момент печальный тихий голос, — они умерли в пустыне; для них бесполезно было то, что они слышали от Урзина, они не поверили и погибли».

«Это невозможно!» — вскрикнула Маргита и проснулась. В страхе устремив взгляд ввысь, она некоторое время сидела неподвижно.

— Это был только сон, — проговорила она, — мы еще все в пустыне. Мы в Елиме, а Елим — не рай, не желанный Ханаан.

Находясь в этой тиши наедине с Господом, она поняла, что эти, самые близкие и дорогие ее сердцу два человека, погибнут, если не обратятся к Богу. Эта мысль причинила ей почти физическую боль. Но она поняла вместе с тем и задачу своей жизни: сделать все возможное, чтобы эти двое спаслись. Маргита бросилась на колени, и к Богу вознеслась ее первая горячая молитва о спасении ее мужа и отца. Когда она поднялась, на ресницах ее блестели слезы, но лицо светилось.

Она хотела выйти из комнаты, но тут дверь раскрылась, и с радостным возгласом: «Моя Маргита!» — Адам заключил ее в свои объятия.

— Ты уже проснулась, любимая моя? Но что случилось? На твоих глазах следы слез, на твоих лучезарных диамантах, которые так очаровали меня, что я без них жить не могу! Почему ты плакала? — допытывался он.

— Я не плакала, Адам, — ответила она, прижимая голову к его груди, — я молилась о твоём счастье, и это меня так расстрогало.

— Ты молилась о моем счастье, Маргита? О, это совершенно излишне. У Бога нет такого счастья, какое хотя бы в какой-то мере могло сравниться с тем, которое я держу в своих объятиях. Я совершенно счастлив с тобой, моя дорогая, возлюбленная!

Она принимала его ласки, но в сердце ее не было уже того восторга от его любви.

— Адам, твоё счастье несовершенно, — проговорила она, освобождаясь из его объятий. Она повела его к окну. — Я прошу тебя, выслушай меня: твоё счастье несовершенно, потому что не вечно.

— Что ты говоришь, Маргита? — На его лбу появилась угрожающая складка. — Разве ты не навсегда моя?

— Навсегда, Адам, но не навечно. Мы ещё в пустыне, а Елим — ещё не рай.

— О, — воскликнул он с юношеским задором, — что мне до того мифического рая? Мне нужен настоящий. Тот рай, наверное, хорош для такого бедного пилигрима, как Урзин, у которого на земле, очевидно, мало было хорошего и для которого такая надежда может быть настоящим сокровищем. Тот рай хорош и для такого пророка, как Степан. Но нам с тобой, Маргита, хватит своего. Мы его на земле устроим так хорошо, что даже святые нам позавидуют. Как только я закончу свой труд, я уговорю дедушку, и мы все вместе отправимся в путешествие. Твой любознательный дух не должен хиреть здесь в повседневных хлопотах, да я без тебя и не смог бы дальше жить. И для дедушки перемена климата и условий жизни могут быть полезны. Я покажу тебе мир во всей его красоте и введу тебя в высшие круги общества. Я хочу достигнуть известности в мире ученых. Где искать лучшего рая? Разве это не рай, Маргита?

Снова он заключил ее в свои объятия, заглядывая ей в глаза с такой страстью, что никто не смог бы устоять перед ним. А сердце Маргиты легко воспламенялось...

— Разве этот рай не прекрасен? — спросил он снова, целуя ее в губы.

Она чувствовала, как буйно стучало сердце в его груди. Вокруг сияло солнце, вся природа дышала вместе с ним. Аромат цветов напоил воздух. Может быть, такое же прекрасное утро было, когда сатана повел Иисуса Христа на высокую гору и показал Ему все богатства мира, сказав: «Все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне».

Мысль о том, чтобы поехать с Адамом, увидеть мир, постоянно быть с Адамом и в любой момент прижаться к его груди, чувствовать тепло его любви — все это было бы исполнением всех ее желаний. Какое-то мгновение Маргите казалось, что она не удержится и воскликнет: «Да, это совершенное счастье, это рай... И мне этого достаточно!» Она уже раскрыла уста, как вдруг из деревни донесся колокольный звон, и ей показалось, будто кто-то предостерегающе говорил ей: «Маргита, Маргита, это только Елим. Это не рай, нет!»

«Господи, Иисус Христос!» — вздохнула она и быстрым движением высвободилась из объятий мужа.

— Нет, Адам! — воскликнула она, и глаза ее загорелись. — Это не рай, к которому стремится бессмертная душа!

Он был ошеломлен.

— Тебе недостаточно моей любви?

— Для сердца моего ее достаточно, но не для души, точно так же, как и для твоей. Это счастье несовершенно, оно основано на смертном человеке. Вечное лишь на небе.

— Я тебе уже сказал, Маргита, что мне этой жизни достаточно, что у меня достаточно блаженства, — возразил он ей упрямо.

Она посмотрела на него.

— Но ты не спрашиваешь, где был бы этот рай для меня, если бы я лишилась тебя. Ты не спрашиваешь, — продолжала она мягким сердечным голосом, — где был бы твой рай, если бы я вдруг умерла?

— Маргита, о чем ты говоришь! — отпрянул он, ужаснувшись. — Кто тебя, мою розу, мою любовь, мою драгоценность, может отнять у меня? Конечно же, с тобой был бы похоронен и мой рай. Но как ты можешь о таком говорить? Мы молоды, и смерть не посмеет вырвать тебя из моих объятий, никогда!

— О, Адам, нет у тебя этой силы, и поэтому я тебя прошу, подумаем в этом Елиме об обетованной земле, где любовь вечна, где никакая смерть нас не разлучит, где будет совершенное, неомраченное, бесконечное блаженство. А теперь, Адам, идем, посмотри, как хорошо я для вас все приготовила. Я думаю, что и пану профессору будет у нас хорошо.

Маргита поняла, что пора было дать разговору другое направление. Адам вздохнул и с облегчением пошел за ней. Он благодарил ее за каждую мелочь. Довольная, что Адаму понравилась приготовленная комната, она опустила в кресло у окна.

— Вы будете работать, я буду сидеть здесь и смотреть на тебя, — сказала Маргита.

— Ни в коем случае! — энергично возразил он. — Или ты думаешь, что я смогу написать хоть слово, если ты будешь сидеть напротив меня? Как я смогу писать, если ты будешь сидеть здесь, и я не буду слышать твоего голоса, чувствовать очарование, которое исходит от тебя и которое даже сейчас меня совершенно пленило? О нет! Чтобы успешно работать, от твоего присутствия мне нужно отказаться.

— А жаль! Я себе так живо представляла, как я потихоньку подкрадусь к вам и каждому положу свежую розу на стол, чтобы развлечь вас их ароматом. А потом я смотрела бы, как вы трудитесь. Но ты не хочешь позволить мне прийти...

— О, ты придешь, конечно, Маргита! Ты, как солнышко, к нам заглянешь!

— А теперь просмотри свои бумаги на письменном столе, а я пойду закажу завтрак. Приходи, пожалуйста, в сад. Я провожу тебя потом в Подолин, чтобы торжественно встретить пана профессора.

Он посмотрел ей вслед. В дверях она еще раз ласково оглянулась на него. И вдруг страшная мысль мелькнула у него в голове:

«Где был бы мой рай, если бы вдруг...» Дальше думать он не хотел, но он понял, что нет рая во всем этом холодном мире.

Глава сорок девятая

Между тем по ельнику, в глубокой задумчивости, бродил Лермонтов. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями. Вчера между ним и маркизом произошло что-то такое, что даже во сне беспокоило его. Об этом он сейчас в молитве говорил с Господом.

Прожаживаясь, он вдруг заметил на земле маленький черный предмет. Он нагнулся и поднял довольно потертую записную книжку в кожаном переплете. «Чья это?» — подумал он с удивлением.

Раскрыв ее, он увидел, что страниц двадцать-тридцать было исписано красивым почерком Мирослава.

Это были стихи, песни и пояснения к Слову Божьему. Между ними были также описаны и события всей недели. Аурелий не мог позволить себе читать написанное, хотя желание его было велико.

Он прочитал только некоторые песни, в том числе и ту, которая побудила его к обращению.

Листая книжку, он заметил дату последнего воскресенья, и любопытство взяло верх. «Мирослав, наверное, никаких тайн сюда не записывал и не рассердится, если я ему скажу, что прочитал что-то», — подумал он. Однако он покраснел, прочитав слова:

«Мой дорогой Аурелий духовно растет. Он уже понял, что врач обязан лечить не только тело, но и душу. Там, где нет доступа священнику, врач его всегда находит. Я благодарю Тебя, Господь, что Ты ведешь его к цели!»

Затем следовали замечания о Николае и Маргите. Одна из записей глубоко тронула Аурелия:

«О, Николай, любимый брат мой, если бы ты только знал, как твой несчастный брат тебя любит и как тяжелы ему мысли о приближающемся расставании! Я сам еще не знаю, как я это переживу. Но разве у меня нет причины для благодарности? Ведь я приехал сюда только для того, чтобы оказать любовь, когда в этом была большая нужда.

Я приехал, потому что я знал, что не было никого, кто мог бы молиться в это скорбное время. И что сделал Господь!? Вззошел свет, он светит, и ручей течет. Молиться теперь почти все могут. Порученное мне дело закончено, и я могу отправиться дальше. Да, я обязан уйти, этого требует Господь. Но...

Как, мой Спаситель, угодно Тебе,
Мной управляй!
В горе иль страшной житейской борьбе
Помощь мне дай!
Чтоб я в сомнения не впадал,
Силы надежды своей не терял,
Духа Святого в меня изливай,
Им укрепляй!»

«Как неразумно действует Коримский, — подумал молодой врач, с трудом удерживая слезы. — Вместо того чтобы сказать Мирославу о своих намерениях, он выжидает. Конечно, если бы он знал, что Мирослав собирается уходить, он, наверное, сказал бы ему. Что он без него делал бы? О дорогой мой, ты думаешь, что дело твое закончено, а оно только начато! Но о чем он здесь пишет?»

Что он пришел не случайно, как считает Коримский, а преднамеренно, чтобы оказать любовь — как странно! Почему он именно Коримским пришел оказать любовь? И почему он теперь должен уходить?»

Ответа не было. Дальше шли заметки совсем о другом. Но с любопытством трудно бывает справиться. Аурелий не укорял себя более за то, что читал недозволенное, — слишком интересными были заметки друга, и через них он получил возможность заглянуть в самую душу этого кроткого существа. Вот что он прочел на другой страничке: «Сегодня я посчитал свои средства, и их оказалось так мало, что мне уже из-за этого нужно уезжать».

«Странные слова! — недоумевал Аурелий. — Как это Мирослав был в нужде? Разве Коримский не позаботился и не выплатил ему жалованье за четверть года?»

Он полистал дальше и облегченно вздохнул, когда прочитал:

«Сегодня пан Коримский выплатил мне жалованье. О, душа моя, ты все еще недостаточно кротка, если это тебя так задевает!

Но что мне делать с этими деньгами? Принять их я, конечно, мог, потому что работник достоин своего жалованья, а я его честно заработал... Но ведь эти деньги от него! Я обещал, а данное умирающему обещание свято, что никогда ничего не приму от этого человека».

Ошеломленный Лермонтов закрыл блокнот, не зная, что и думать. Он понял, что здесь скрыта какая-то тайна. Мирослав обещал никогда ничего не принимать от Коримского! Умирающий взял с него это обещание, наверное, у него была причина считать аптекаря своим врагом. А Мирослав пришел, чтобы оказать ему любовь. Слова «иди и воздай любовью!» он выполнил сполна...

Шорох сухой листвы и приближающиеся шаги прервали размышления Аурелия. Он поднял голову и вздрогнул: из чащи вышел Мирослав, неся в руках полную шляпу грибов.

Его лицо размякло, глаза светились от тихого счастья и мира. Заметив друга, он воскликнул:

— Аурелий, ты здесь? Посмотри, что я несу на кухню! Николаю нельзя их даже попробовать, а для нас бабушка делает из них хороший обед.

Аурелий поспешно спрятал блокнот и побежал ему навстречу.

— И это ты все сам собрал?

— Да, одни молоденькие! Но я не знаю, любишь ли ты грибы?

— Еще как! Но как рано ты сегодня встал, Мирослав?

— Ранняя зоря — лучшая пора. Да я и спал на свежем воздухе.

— На свежем воздухе? — удивился Аурелий. — Почему же?

— Мне захотелось испытать то, что мне так нравилось в детстве. Ночь была такая тихая, и мне казалось, что небо ко мне спускается. — Урзин положил шляпу на траву и убрал прядь волос со лба. — Иисус был так близок! Вблизи Него я обо всем забыл: о том, что мне в этом Елиме, как выразился Степан, нельзя оставаться, что мне снова необходимо идти в пустыню, что нужно еще перейти Иордан. Аурелий, какую любовь Иисус Христос проявляет к вам!

Выражение самозабвенной любви преобразило лицо Урзина.

— Господь никогда не забывает, — продолжал он, — что мы находимся в пустыне: днем Он бережет нас от зноя, а ночью Он светит нам и укрывает нас от холода. Ты можешь поверить, когда я сегодня спал в горах, я словно чувствовал, как Он меня укрывал.

Мне вспомнились слова: «И сядет и очистит сынов Левия и переплавит их», и я понял, почему дети Его тихо умеют страдать, хотя Он их и кладет в плавильную печь. Ведь Он сидит около них. Его пронзенная десница держит их за руку. На лице Его написана тайна Его добровольного страдания за них. Близость Агнца Божьего дает нам силы для любой жертвы.

— Мирослав, разве жертва, которую Бог требует от тебя, так велика?

Молодой врач обнял своего друга и прижал его к своей груди, но тотчас пожалел о своей поспешности: румянец на щеках Урзина поблек, он закрыл глаза.

— Она невелика, — сказал он негромко, — ибо Господь мне в помощь. Но не будем об этом говорить.

— Мирослав, разве я все еще недостоин твоего доверия? — спросил Аурелий печально. — Когда ты мне доверишься наконец и расскажешь все, ведь я говорю тебе обо всем?

— О, Аурелий, — тихо отвечал Мирослав, — есть судьбы, которых не стоит касаться ни в жизни, ни в смерти. Такова и моя судьба. Я могу сказать тебе только, что единственное мое желание — это взять с собой в могилу то, что меня удручает в жизни, что жизнь мою превратило в пустыню, что разучило меня смеяться, но что послужило мне и на благо, так как оно распяло мое гордое «я» и держит меня в кротости до конца дней моих. Я прошу тебя, о большем меня не спрашивай!

Мирослав сел на пень и закрыл лицо руками. Мгновенье Лермонтов смотрел на него, затем, опустившись рядом с ним на колени, обнял и прижал его к себе.

— Прости меня, Мирослав, я ни о чем больше не спрашиваю.

— Мне нечего тебе прощать. Доверие, которым ты удостоил меня, требует взаимного доверия. Твое доверие ко мне было на пользу, но если бы я тебя посвятил в мои дела, то мне бы это

нисколько не помогло и лишь подвело бы меня на шаг ближе к смерти, а тебе от этого была бы одна скорбь. Но чтобы доказать тебе свое доверие, я, если хочешь, расскажу тебе, как я обратился к Богу.

— О, конечно, это меня больше всего интересует.

— Ну, тогда пройдемся еще немного.

— У тебя такие горячие руки.

Лермонтов притронулся к лицу друга.

— У меня немного болит голова, но на свежем воздухе это скоро пройдет. Пошли! Я, собственно, не знаю, с чего начать, — сказал Урзин после некоторого раздумья. — Насколько я себя помню, я всегда искал чего-то, что могло бы заполнить все мое сердце. Я жил у дедушки. Он арендовал маленький домик в горах и занимался пчеловодством. Кроме того, он обрабатывал небольшое поле и фруктовый сад около дома. Этим мы и жили. Я был ему плохим помощником, потому что имел слабое здоровье. До четырех лет я даже ходить не мог. Не помню ни одного дня моего детства, когда бы у меня не было болей. Дедушка меня любил, в этом я был убежден, но этот человек не мог простить совершенной над ним несправедливости, и поэтому он был несчастен и обижен на весь мир. Ласковых слов я от него слышал мало, но он ухаживал за мной, как только мог. Каждый день он носил меня к довольно отдаленному ручью, а зимой он мне устраивал баню дома. Он научил меня читать, когда мне не было еще и пяти лет, и хотя он был очень ограничен в средствах, покупал мне книжки. Среди них больше всего интересовала меня большая старая Библия, и я читал в ней истории, которые мне очень нравились.

Я ходил в лес собирать грибы, ягоды, складывал в кучу хворост, а дедушка потом приходил с тачкой и увозил собранное вместе со мной домой. Мне тогда казалось, что меня окружали образы из Библии — Иосиф, Моисей, Давид... Чем слабее я становился, тем больше мечтал о том, чтобы и мне стать таким Давидом или Иосифом. Душа моя прямо изнывала по героизму и подвигам. О, у меня было очень гордое сердце!

Я часто спал на дворе, потому что дедушка старался закалить меня на свежем воздухе. Для этой цели он сам сплел для меня соломенную подстилку, укрепил ее крепкими веревками на

старой груше, и там я спал с ранней весны до поздней осени. Благодаря этому я окреп. Иногда, лежа под открытым небом, я видел Иисуса Христа. Больше всего я думал о Его страданиях и обвинял Его учеников за то, что они не защитили Его. Будь я в то время среди них, да с мечом в руках, я бы отсек Малху не только ухо, но и голову, то же я хотел сделать и с Иудой. Я думал, что если бы там был Давид со своими тремя героями, они бы всех победили и освободили бы Господа. Я часто плакал из-за того, что это не произошло.

Когда дедушка заметил, что меня интересует, он стал учить меня библейской истории. Благодаря ему я знаю наизусть столько псалмов и отрывков из Слова Божьего. Потом он достал для меня учебники, в том числе историю церкви, и начал готовить меня к гимназии. И он так меня подготовил, что я в двенадцать лет после вступительного экзамена был принят в гимназию. Сколько он трудился, сколько лишений он перенес, чтобы воспитать меня, — одному Богу известно. На втором году моей учебы ему стало немного легче, так как я уже мог давать уроки слабым ученикам.

Каникулы я всегда проводил у него, хотя родители моих товарищей приглашали меня дважды к себе на лето. Но меня всегда тянуло в мои горы. После третьего учебного года один из профессоров предложил мне вместе с его сыном отправиться в путешествие по Татрам. Я долго колебался, но победила любовь к родине, к дедушке. И это было хорошо, потому что в то лето я провел последние каникулы дома! С ними закончилось мое детство. В августе дедушка мой занемог. Он простудился в сильную грозу, заболел воспалением легких и через две недели умер.

В свои последние дни он много думал о том, простить ли ему известного человека, которого он ненавидел всей душой. И так как его последними словами были: «И прости нам долги наши, как и мы... как и я прощаю, Господи», — то я надеюсь, что мы с ним свидимся там, и это меня утешает.

Но перед смертью, в бреду и после него, он по моей настоятельной просьбе открыл мне тайну, стоявшую между нами. То, что он мне сказал, так поразило меня, что даже смерть дедушки меня почти не тронула. На его похоронах я не пролил ни одной слезы, хотя кроме него у меня никого не осталось. Он был моим отцом

и кормильцем, единственным человеком на земле, который меня любил. С ним уходили мое счастье, мои мечты и идеалы — все!

После похорон я остался один в нашем бедном домике и был свидетелем того, как пришли судебные исполнители и распродали всю обстановку, даже мою одежду и книги, чтобы уплатить за аренду. Пчелы и мед были проданы для уплаты долгов за мою учебу. Добрые люди приютили меня, пустили переночевать и даже снарядили в дорогу в Б. к моему отчиму, которого я мало знал, но к которому, по совету бабушки, все же должен был отправиться. Прибыл я туда утомленным и больным. Отчим мой был беден. Он отвез меня в городскую больницу, где я между жизнью и смертью провел девять недель.

О дальнейшей учебе и думать было нечего, и мой отчим отдал меня в обучение к местному аптекарю. Началась жестокая школа жизни, для которой у меня, наверное, было мало физических и духовных сил. Остатки гордости в моем сердце уничтожил мой отчим своим отношением ко мне. Я бы об этом умолчал, если бы не желал засвидетельствовать, как чудно Господь ведет Своих детей и насколько Его любовь больше всякой человеческой несправедливости.

Мой отчим был писарем. Он получал довольно хорошее жалованье, но он уже несколько лет пил. В доме его часто бывала большая нужда даже в хлебе насущном. В аптеке я получал только обед. Это, в сущности, было все мое питание, так как отчим завтрака мне никогда не давал, а на ужин только кусочек хлеба. Моему ослабленному телу трудно было привыкнуть к такому образу жизни. Отчим часто приходил поздно вечером домой пьяным. Если он бывал совсем пьян, я его без особого труда мог уложить в постель, если же он бывал не совсем пьян, то бил меня за всякий пустяк. Часто, когда я снимал с его ног ботинки, он меня так бил ногами в грудь, что я падал, или же он до крови бил меня по лицу. Но это я бы еще вынес. Намного мучительнее были для меня ругательства, на которые я не мог ему ответить. В то время я молился о том, чтобы умереть, но тщетно. С годами жестокость несчастного отчима усиливалась, и с ней ухудшалось мое положение. У меня уже не было ни одежды, ни белья. Аптекарь говорил, чтобы я таким

оборванцем не являлся к нему, иначе он меня отошлет обратно, а я уже заканчивал обучение. И тогда во мне созрело решение положить конец этой беде.

Было это однажды ночью, в конце июня. Отчим опять пришел домой пьяный. Я на столе оставил нож, и когда он меня позвал, я не пошел его раздевать. Я ждал, чтобы он схватил нож и бросился на меня. Неподвижно я лежал на своей жесткой подстилке. Когда он действительно схватил нож и в безумной злобе бросился на меня, я бесстрашно посмотрел на него, с внутренним удовлетворением ожидая смерти как освобождения. В моем отчаянии я, конечно, не знал, что этим я толкал несчастного человека на убийство. А ведь этот человек прежде, когда он еще не пил, был благородной личностью, облагодетельствовавшей мою мать, любившей ее преданно до самой смерти.

Вдруг я почувствовал странную боль в груди и понял, что случилось то, что должно было случиться. Теплая кровь потекла по моей руке, и я потерял сознание. Когда я через две недели очнулся в доме аптекаря, я узнал, что несчастный человек после случившегося побежал позвать кого-нибудь на помощь. Рана была глубокая. Еще немного левее, и нож попал бы в сердце, и мы оба навеки погибли бы. Но Бог, богатый милостью, любил нас, погрязших в грехах и преступлениях, и оживил нас.

Аптекарь и его семья были очень добры ко мне. Благодаря этому случаю они узнали о моем положении и приняли меня к себе. После моего выздоровления мой наставник, несмотря на то что мне еще полгода оставалось учиться, дал мне аттестат, и я стал получать питание и жалование.

Отчим сам предстал перед судом. После моего выздоровления он, по моей просьбе, был освобожден из-под следствия и не потерял своего места на службе. Некоторое время он даже перестал пить.

Недалеко от городка протекал небольшой ручей. Сидя на его берегу в одно воскресное утро, еще слабый от болезни и потери крови, я размышлял о том, почему Бог сохранил мне жизнь. Ведь не было у меня никаких сил вынести такую тяжелую, безрадостную судьбу. Я вспомнил слова Иова: «Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из

чрева... Теперь бы лежал я и почивал; спал бы, и мне было бы покойно...»

Вдруг я почувствовал чью-то руку на своем плече. Подняв глаза, я увидел над собой человека со строгим лицом, обрамленным седой бородой, и с добрыми глазами.

— А разве ты готов предстать перед Богом, что так желаешь смерти? Одет ли ты уже в праздничную одежду, в одежду праведности Христа? Омыт ли ты кровью Агнца и помазан маслом Духа Святого? Служил ли ты Христу на земле? Привел ли ты к Нему хоть одну душу? Не правда ли, сын мой, на все эти вопросы ты не можешь дать утвердительного ответа? Что же тебе надо? Ты в отчаянии оттого, что Бог тебя еще не проклял. Ты не омыт кровью Иисуса Христа, а в рай ничто нечистое не войдет. На ком не будет праздничной одежды, тот не войдет. Ты не служил Христу, тебя венец не ожидает. И Бог оставил тебя до сих пор в живых, потому что Он все это еще хочет подарить тебе. Он хранит тебя, потому что любит тебя и хочет, чтобы ты Ему служил.

Все эти слова я знал, но я не мог бы описать, какие чувства они вызвали во мне. Незнакомый человек так повлиял на меня, что я стал просить его не судить меня, а поверить, что у меня была причина просить смерти. Я попросил его выслушать меня, и он повел меня в маленький домик у ручья, где он проводил лето. Как сейчас вижу, как он вскипятил чай и подал к столу две чашки ароматного напитка с двумя бутербродами.

Он мне так напомнил дедушку и мое детство, что я расплакался. Старец присел ко мне, привлек к себе и дал мне выплакаться.

Это были мои первые слезы со времени последнего разговора с дедушкой. Я ему рассказал все. Я почувствовал, что он ко мне относится с участием, потому что иногда ставил вопросы и гладил по голове.

Потом он начал говорить... Что он говорил, я сейчас уже не могу передать; знаю только, что я в тот раз вместе с ним впервые помолился в вере и после этого, сидя у его ног, с жаждущим сердцем слушал Благою весть о спасении, которая орошала мою душу, как животворящая роса, и воодушевляла мое скорбящее сердце.

Он убедил меня также в моей греховности, потому что я подложил отчиму нож, и я понял, что мне нужно искать прощения и спасения.

Он отослал меня в аптеку за разрешением провести день с ним.

Я его получил, и это было самое благословенное воскресенье в моей жизни, когда я возродился к новой жизни, когда кончилась для меня ночь, и во мраке засиял свет. Вот и все, что я хотел тебе сказать, — закончил свой рассказ Урзин, глубоко вздохнув.

Лермонтов поднял голову, лицо его было бледным, растроганным.

— О, Мирослав, это ужасно!

— Да ужасно, Аурелий, но это прошло и никогда не вернется. Ведь сказано: «И приведет Он их к желанному берегу».

— Позволь мне еще один вопрос, дорогой мой Мирослав, — сказал Аурелий, крепко держа руку своего друга и борясь с волнением. — А где теперь твой несчастный отчим?

— Там, брат! — и Урзин показал ввысь.

— Там? Невозможно!

— Возможно. Тот, Который несчастного поднимает из грязи, чтобы посадить его рядом с князьями, помиловал и его. Годы длилась борьба в его душе, но Господь благословил мой труд, и я, который его чуть не толкнул в погибель, смог показать ему путь к спасению, и я был свидетелем его примирения с Богом. Это произошло прошлой осенью.

— Не обвиняй себя, Мирослав. Отчаяние приводит человека иногда в такое же безумное состояние, как пьянство.

— Да, брат, но оно является таким же грехом, как и пьянство. Мы не можем оправдать ни действий пьяного, ни отчаявшегося. Мы оба оскорбили Бога, и Он нас обоих простил.

— Мне хотелось бы еще узнать, кто был тот человек, которого Господь употребил для твоего спасения?

— Это был проповедник общины из Н., который отдыхал в нашем городке. Благодаря его посредничеству я устроился в большой аптеке в Н. и был там очень счастлив. Я сидел у его ног, как Савл сидел у ног Гамалиила.

— И материальное твое положение улучшилось, не так ли?

— О да, у меня там было очень хорошее жалование, и оно стало еще больше, когда я начал готовить сына и племянника аптекаря к поступлению в гимназию. Благодаря этому я смог взять к себе в Н. моего отчима и содержать его, так как он со временем почти совсем ослеп и не мог больше исполнять свою службу. Ему дали небольшую пенсию, но на жизнь ее не хватало, а я неплохо зарабатывал. Когда мой отчим скончался, у меня, после вычета за его лечение и похороны, осталась еще некоторая сумма, и когда я приехал сюда, у меня было еще почти 80 гульденов.

— А теперь?

— И сейчас кое-что есть, а остальное, — улыбнулся Урзин, — отложено на будущее. Однако уже поздно, пойдем обратно. Никуша нас, наверное, ждет.

Они повернули назад, так как уже довольно далеко ушли от дома.

— Мирослав, а не осталось ли у тебя от той раны и потери крови каких-либо плохих последствий, — спросил доктор озбоченно. — Теперь я могу объяснить твой бледный вид и твои головные боли.

— Сейчас я уже не так страдаю, как прежде, а бледным я был всегда, с самого детства. Но я прошу тебя, не будем больше об этом говорить. Я тебе лучше расскажу, каково мне было, когда я в понедельник вернулся в аптеку. Я словно изнутри светился, душа была полна надежды на вечную жизнь. У меня было блаженное состояние: я не одинок, у меня есть Отец на небе, а на земле большая семья детей Божьих; я здесь, на земле, уже не лишний и нашел цель своей жизни! Все мои обстоятельства оставались прежними, Господь меня не выводил из них. Но Он услаждал каждую горечь, унимал всякую боль. Когда моя душа в лучах любви Божьей выздоровела, поправилось и мое тело, и Господь давал мне на каждый день достаточно силы, дает Он ее мне и теперь. Я сегодня в первый и в последний раз об этом рассказываю. А теперь поговорим о чем-нибудь другом.

Однако прошло некоторое время, пока Аурелий успокоился.

— Я хотел тебе сообщить, что вчера со мной произошло, — после некоторого молчания начал разговор Лермонтов. — Как ты знаешь, я вчера навестил маркизу. Ее не было дома, и мне

сказали, что она скоро придет. Я решил ее дожидаться. От скуки я вытащил свою записную книжку и кое-что записал. Раскрывшая блокнот, я не заметил, что из него выпали фотографии моей матушки и моего отца, которые я в нем храню. В это время вошел маркиз. Он меня вежливо приветствовал в своей сдержанной манере. Мы заговорили о маркизе. Я сказал, что опасаться будет нечего, если она проживет еще год в этом мягком климате под западным небом. Вдруг маркиз нагнулся и поднял мои снимки. Ты бы видел выражение его лица! «Кто это?» — едва выговорил он. «Мои родители», — ответил я спокойно. «Ваш родной отец?» — «Нет, мой отчим». Он сел на диван и долго рассматривал снимки. Потом он мне их вернул. Когда я протянул за ними руку, он схватил ее и притянул меня к себе. Я вдруг оказался в его объятиях. Я хотел что-то сказать, но вдруг он почти грубо оттолкнул меня от себя и отрывисто произнес: «Так как Тамаре теперь стало лучше, вам необязательно посещать ее ежедневно; два-три раза в неделю достаточно». Затем он вышел, и мне показалось, что он бежит от меня или от самого себя. Как ты считаешь, Мирослав, что мне делать? Тамара сегодня всех нас пригласила к себе. Никуша в первый раз будет там. Он, конечно, мог бы пойти с тобой, но это было бы заметно для других, и я не знаю, что сказать Тамаре. А маркиз такой странный, будто он не совсем в своем уме.

— Ничего, Аурелий. Маркиз, наверное, уже обдумал свои слова. Если он тебя и холодно встретит, то наша дорогая сестра достойна некоторого уважения с твоей стороны. Поверь мне, прощающему всегда лучше, чем прощаемому. Чего ты ждешь от несчастного неверующего, который противится Иисусу Христу?

— Ты прав. Я благодарю тебя за совет. Обиды со стороны маркиза я готов вынести ради Христа и Тamarы.

— Что это ты хочешь вынести ради Тamarы?

— Никуша, ты здесь?!

— Я пошел вас искать, братья.

Так, вместе, оживленно беседуя, они возвратились домой, где их уже ждал завтрак. А в лесу, принадлежащем Николаю Коримскому, еще долго листва деревьев и трава будут рассказывать друг другу историю о печальной судьбе Мирослава Урзина.

Глава пятидесятая

В Подолине готовились к приему гостей. Из Горки ждали пана Николая, Маргиту и Адама, а экипаж Тамары должен был привезти трех господ из Боровце. Все они намеревались предпринять после обеда прогулку в близлежащие горы, подняться на живописную скалу, с которой, по утверждению Илоны Зарканой, был виден Орлов.

Обед был закончен. В библиотеке за шахматами сидели пан Николай, маркиз, Адам и управляющий Зарканый. Профессор Герингер наблюдал за игрой. Маргита в сопровождении Аси и пана Вилье навестила Зарканых. Аурелий Лермонтов отправился в деревню к больному, а Тамара, предоставив Орфе драгоценную возможность побеседовать с Урзиным, прогуливалась в парке с Николаем Коримским.

Девушка была несказанно счастлива, что ее больной друг наконец впервые мог побывать у нее в гостях, побыть рядом с ней.

Она не могла наслушаться его, насмотреться на него. Как радостно было находиться рядом с ним среди этой благоухающей прелести цветущих лип, акаций и роз. Мир и жизнь были так прекрасны, а Иисус Христос так невыразимо добр. Он так чудесно исполнил ее молитвы! Сегодня Аурелий сказал, что он уверен в выздоровлении Николая, ему необходимо только окрепнуть, но опасаться уже нечего. Он не умрет, нет, нет!

Как добр Иисус Христос! А ее отец не хочет верить в Христа!

Во время разговора с Николаем Тамара вдруг вспомнила сегодняшнее утро. В тот момент, когда она встала после молитвы, вошел ее отец. Когда он заметил, что она делала, он хотел уйти, но она с мольбой бросилась к нему, и он остался. Они сели на диван и стали планировать сегодняшний день, прогулку. Он обещал узнать, можно ли подняться на одну из скал, так как Николаю Коримскому нелегко было бы участвовать в этом походе. О многом они поговорили, чего уже давно не случалось.

— Отец, — забылась Тамара, — как силен Иисус Христос! Он мне вернул зрение, и я теперь могу участвовать в такой прогулке!

Отец тотчас отстранился от нее. Поблуднев, он сквозь зубы произнес:

— Я хотел бы знать, Тамара, когда ты перестанешь мучить меня этим именем? Сколько раз тебе говорить, что я слышать о Нем не хочу?

— Да, отец, — опечалилась она, — ты очень явно противоборствуешь этому дорогому имени; но поверь мне, я не могу молчать. Как может благодетельствованный не хвалить своего благодетеля? Как может спасенный молчать о Том, Который спас его ценой Своей собственной жизни? Если бы у меня был брат, разве ты запретил бы мне произносить его имя? Или ты мне не позволял бы говорить о моем женихе? А Иисус Христос для меня больше чем благодетель, спаситель, брат или жених. Он все это объединяет в Себе. Он — мой Бог, мой Свет; Он для меня все! О чем мне с тобой и всеми другими людьми говорить, если о Нем нельзя упомянуть? Отец мой дорогой, ты противишься Ему, как Савл по дороге в Дамаск. К чему это приведет?

Что уж такого страшного было в этих словах, но маркиз одной рукой закрыл свое ухо, а другой отстранил свою дочь.

— С ума можно сойти! — с этими словами он выбежал из салона.

Она так живо вспомнила эту сцену, что должна была поделиться с другом. Он же так участливо и сострадательно смотрел на нее, словно читал слова с ее уст прежде, чем она их произносила.

— Я знаю, что Иисус Христос меня любит, — сказала она, и слезы выступили на ее глазах. — Но мне очень жаль, что я лишилась доверия и любви моего отца, и что у меня теперь нет никого больше на земле, кто бы меня любил.

— Тамара, а я! — вырвалось из уст юноши, ошеломив обоих.

Девушка в блаженном замешательстве подняла глаза, и взгляды их встретились. Затем юноша умоляюще раскрыл свои объятия, и они не остались пустыми. Теперь они поняли, что в тот майский день под крестом их так сильно повлекло друг к другу, — это любовь с небес пришла в их сердца, чтобы связать навеки.

— Никуша, неужели ты мой!?

— Твой, а ты моя!

— Только твоя, а оба мы принадлежим Иисусу Христу.

— Да, невеста моя; и я знаю и твердо верю, что поправлюсь совсем, потому что мой добрый Пастырь подарил мне тебя, и я должен охранять и беречь тебя всю жизнь.

Розы, обвивавшие вход перед ними, приветствовали их своим ароматом, птицы пели им свадебную песню. Соединившиеся сердца двух молодых людей были как во сне. Такое мгновение не повторится, даже если за ним последует целая жизнь.

Глава пятьдесят первая

В замке господы доиграли партию в шахматы. Маркиз во время игры заметил, что пан Николай был беспокоен и часто склонял голову. Поэтому он ему после обеда предложил прилечь и немного отдохнуть. Пан Николай согласился. Но после того как дверь маленького салона за ними затворилась и хозяин дома подвел его к удобному, устланному дорогими коврами дивану, пан Николай вдруг сказал:

— Я не хочу спать. Лучше бы нам с вами побеседовать наедине. Но вы, наверное, слишком заняты?

— Для вас у меня всегда есть время! — Выражение радости осветило лицо египтянина. — Остальные гости сейчас с моей дочерью, так что мы без помех можем поговорить.

— О, пан маркиз! — воскликнул старик, ухватив руку хозяина. — Будьте милосердны к несчастному человеку.

— Ваша милость, — удивился маркиз, — что за слова? Что с вами?

— О, пан Орано, у меня такая тяжесть на душе! Но если вы захотите, вы можете облегчить мою душу. — Старик тяжело вздохнул. На глазах его заблестели слезы. — Вы когда-то знали сына, который по праву обвинял своего отца, а теперь вы сидите рядом с этим отцом, который глубоко, но слишком поздно, жалеет о своей жестокости, и который имеет только одно желание: узнать что-нибудь о жизни своего дорогого сына. И это его желание никто на свете не может исполнить, кроме вас, пан маркиз. Исполните его просьбу, и он вас за это вечно будет благословлять.

В салоне стало тихо. Только два сердца бились в бешеном ритме.

— Какая польза вашей милости от этого? — спросил маркиз, тяжело опустив голову. — Зачем вам знать о судьбе сына, которого многие годы уже нет в живых. Оставьте умершего в покое. Для успокоения я вам только могу сказать: Фердинанд вас благословлял. Вы были правы: он всю жизнь сожалел о совершенном им шаге. Для сына-эмигранта путь не был усыпан розами в той стране и среди того народа, который когда-то лишил его родины отца.

— О, маркиз Орано, вам легче об этом рассказывать, чем мне слушать, — взмолился старик. — Мой сын, наверное, не просил вас молчать, так как он не мог знать, что мы когда-нибудь встретимся. И если он меня простил, он не сердился бы на вас за это. О, я прошу вас, расскажите мне все, что вы знаете.

Маркиз поднялся, прошелся по салону. Он выпил стоявший на столике стакан воды, руки его дрожали от сильного волнения. Несколько успокоившись, он опустил шторы на окнах, чтобы яркое солнце не проникало в салон, и сел так, чтобы лицо его оставалось в тени.

— Так слушайте же, ваша милость, — начал он глухим голосом, который все еще выдавал его волнение. — Вы знаете, что Фердинанд Орловский работал в польско-русском объединении. Вы также знаете, что когда он приехал к вам, у него в России оставалась женщина, которую он любил больше своей жизни, ради которой он пожертвовал вашей отцовской любовью, своим польским самосознанием и своей верой. Да, он вам в тот раз не все сказал: он не только женился на протестантке, но и сам стал протестантом, хотя и не по убеждению, так как этого от него не потребовалось. Но эта женщина его обманула.

— Невозможно, — застонал старик. — Она ему изменила?

— Не в обычном смысле слова. Перед его возвращением из Венгрии она примкнула к секте штурндистов. С того часа сердце ее принадлежало только Иисусу Христу. Она говорила и думала только о Нем, жила для Него и мечтала ночами о Нем. Одним словом, у Фердинанда была жена, которая ему уже не принадлежала, ибо когда он ее заключал в свои объятия, между

ними стоял этот ненавистный образ. Для своего Иисуса Христа она хотела воспитать и своих детей.

То же самое воображение затуманило и разум брата жены Фердинанда. Он мечтал только о каком-то царстве мира и любви, в котором их Бог должен был быть Царем. После очередного спора с женой Фердинанд вообще отказался от работы и ушел из общества, душой которого он был до сих пор.

Однажды ночью Фердинанд возвратился с тайного собрания, где было решено перенести агитацию в Польшу. Он застал свою жену на коленях у колыбели их ребенка, чудного мальчика, и услышал, как она в молитве просила своего Царя сделать ребенка Своим подданным. «Он должен принадлежать не нам, а Тебе!» Фердинанду показалось, что его сердце пронзили ножом. Он ужаснулся от мысли, что должен быть отцом сына, которого жертвуют этому воображаемому образу. В тот момент он решил больше не быть мужем этой женщины и отцом этого мальчика, которого у него только что отняли. Он написал ей всю правду и оставил ее навсегда. Однако прежде он решил отомстить тем, которые ее соблазнили и отвратили от него. Общину штундистов разогнали. То, что и его жена угодила в тюрьму, Фердинанд не знал, и это было хорошо, ибо он ее, невзирая ни на что, еще очень любил и не замедлил бы освободить ее. Узнал он об этом через несколько лет, когда она со своим братом уже поселилась в Вене. Не будучи в мире с самим собой, он не мог больше работать в объединении с необходимой осторожностью. Его мучила тоска по отцу. Если бы он не стыдился, он вернулся бы к нему, но он не осмеливался, потому что знал, что тогда не сможет устоять перед поездкой в Вену, чтобы увидеть своего сына, по которому он также тосковал.

Жену свою он видеть не желал: он ее ненавидел и любил одновременно. Так он попал в руки полиции и был сослан в Сибирь. Но друзья помогли ему бежать в Англию. Жилось ему там не очень хорошо, он во всем нуждался, но потом наступили для него лучшие времена, когда он мог подумать о выезде в Америку. По дороге туда он узнал о смерти жены. Положение его было ужасным... Как бы он желал взять к себе осиротевшего сына, чтобы воспитать его в своем духе! Но он и мечтать об этом не мог. Чтобы снова не попасть в

руки русской полиции, он должен был молчать, будто его и не было в живых. Он понял, что лишился сына навсегда уже по той лишь причине, что в Англии известный Лещинский на одре смерти отдал ему, Фердинанду, свои документы, и в Америке он жил под его именем. Там Фердинанд пришел в мой дом и стал моим другом. Около года мы вместе путешествовали. Мы поклялись, что никогда больше не расстанемся. Но неожиданно я был отозван в Каир, где меня ожидала не только моя семья, но и неизвестная мне до того невеста. Мы собрались в путь. На корабле мы оба заболели опасной болезнью. Я выздоровел, а он скончался и покоится в египетской земле.

Я все сказал, и добавить мне нечего. Желание его, чтобы отец его простил, — исполнилось, если не при его жизни, то после его смерти.

В салоне стало тихо. Неестественно звучащий голос маркиза умолк, молчал и пан Николай. Такой ужасной он не представлял себе судьбу сына. Старик понял, что сын его противоборствовал Богу, ненавидел Христа. Несколько недель назад он его, может быть, оправдал бы, но сегодня он этого не мог, нет! Жена Фердинанда иначе поступить не могла. О, Иисус Христос превыше всего! Это засвидетельствовала ему Наталия, это чувствовал и в это верил сегодня сам пан Николай. Несчастный, заблудший Фердинанд!

Раздумывая над этим, старик вдруг вспомнил, что он недавно слышал подобную печальную историю. Ах да, Аурелий! Пан Николай поднял голову и задумался. Мать Аурелия тоже была в тюрьме. Она со своим братом поселилась в Вене. Она была штундисткой, посвятила своего сына Христу и хотела воспитать его для Него. Из-за Христа оставил ее муж, и он пропал без вести...

У старика дыхание в груди перехватило.

— Пан маркиз, — проговорил он едва слышно, — как была девичья фамилия жены Фердинанда?

Маркиз его, наверное, не слышал. Старика пришлось повторить вопрос.

— Лермонтова, — сказал он наконец.

— Лермонтова? — повторил старик. — О, маркиз Орано, как я вам благодарен! Вы не только утолили мою тоску, рассказав

мне о судьбе моего несчастного, заблудшего сына, но и указали мне след.

— След? — Маркиз поднялся.

— Вы мне возвратили внука, которого я всем сердцем любил с самого начала. Вы говорите, что девичья фамилия моей невестки была Лермонтова. Ведь в моем доме тоже есть Лермонтов. Он — сын штундистки, сын отца, который оставил их из-за Иисуса Христа. О, Боже правый! Как я Тебе благодарен за Твою милость: если даже мой несчастный сын погиб, я смогу хотя бы внука своего прижать к груди и перенести на него всю мою любовь!

— Ваша милость, а вы уверены, что не ошибаетесь? — спросил стоявший перед ним помрачневший маркиз.

Но вдруг, словно ноги ему отказали, он опустил на колени, уткнулся головой в колени старика и громко застонал.

— Пан маркиз, что с вами? — старик испуганно склонился к нему.

— Не отдавайте всю свою любовь ему! Да, он ваш внук, я это знаю! Но оставьте хоть маленькое местечко в вашем сердце и для бедного Фердинанда! Он в могиле обрадуется!

— Я люблю Фердинанда и никогда не перестану его любить, — ответил старик, глядя волосы маркиза. — Отец на всю жизнь остается отцом своих живых и мертвых детей. Но вы только что сказали, что вам также известно, что Аурелий — мой внук. Откуда?

— Я видел фотографию его матери и дяди; такая же была и у Фердинанда. — Маркиз поднялся. — Как ваша милость теперь соизволит поступить?

— Как я поступлю? Я буду просить прощения у моего внука, так как я этого не смог сделать перед его отцом. И если он меня простит, я дам ему имя Орловский и полагающееся наследство, в котором я отказал его отцу. Я буду просить его остаться здесь и не оставлять меня. Я позабочусь о том, чтобы он оставался не только нашим дорогим другом, но чтобы его все признали и любили как сына и брата. О, маркиз, да вознаградит вас Бог за то, что вы сделали для меня, несчастного человека! И, дорогой сын мой — как лучший друг Фердинанда, вы, наверное, позволите,

чтобы я вас так называл, — не осуждайте Лермонтовых, ибо они иначе не могли поступить. Христос достоин того, чтобы умереть за Него. Без Него жить тяжело. Если бы мы — мой сын и я — знали Его, мы бы так не расстались. Если бы я Его знал и детей моих воспитал для Него, они бы все могли стать счастливыми. Мы бы не стали жертвой такого заблуждения. Моей дочери не пришлось бы на своем смертном одре сказать: «Сорок лет я жила, в две церкви ходила, и никто из вас не показал мне Истины!» Благодарите Бога, маркиз Орано, что ваша дочь уже познала эту Истину, и она будет счастливой. О, от скольких заблуждений она уберется! Я знаю и чувствую, что вы не любите Христа. Тогда позвольте вашей Тамаре показать вам путь к Нему так, как моя умирающая дочь это сделала, объяснив мне, что человек должен сделать, чтобы спастись... Простите, что я так с вами говорю! А теперь оставьте меня ненадолго одного, чтобы я мог наедине оплакать моего Фердинанда, в несчастье которого я виноват. Если бы в его сердце был Христос, его ничто не могло бы разлучить с женой и сыном.

Маркиз молча поклонился и вышел. Если бы пан Николай увидел выражение его лица, он, наверное, ужаснулся бы.

— И он, и он тоже, — бормотал он про себя, упав в соседней комнате, словно пораженный молнией, на диван. — Это выше моих сил! Этого я не вынесу! Но что мне делать? Тамару я не могу взять с собой, а оставить ее здесь одну?.. Но ведь здесь она будет не одна! Мне необходимо немного развлечься, подышать другим воздухом...

Он спрятал лицо в подушки и молчал. Только изредка приглушенные вздохи говорили о том, что буря в его душе еще не прошла.

А в другой комнате отец оплакивал потерянную, разрушенную жизнь своего сына и каялся перед Богом в своей вине: что он вырастил своих детей без Христа и без света, дав им уйти в мир.

Пан Николай вспомнил слова своей дочери: «С пустыми руками я пришла к Господу, и Он меня принял». И он тоже решил обратиться к Нему. Он знал, что ему нечем искупить свою душу, что ему нечего дать Богу, чтобы заплатить Ему за напрасно прожитую жизнь.

В этот час в жизни пана Николая произошла основательная перемена. Он пал на колени как Иаков, а поднялся Израилем. И над ним исполнилось слово: «Лишь в вечернее время явится свет».

Когда он вышел в соседнюю комнату, он увидел на диване маркиза. Но старик не подошел к нему, боясь его разбудить, и на цыпочках вышел.

— Пан доктор уже вернулся? — спросил он первого встретившегося слугу.

— Он только что вернулся, ваша милость, и пошел в музыкальный салон.

У открытого рояля сидел, тихо наигрывая мелодию песни, Аурелий Лермонтов. Старик прислонился к двери, глядя на него. «Он мой внук, родная кровь и плоть, а я его до сего дня считал дорогим другом, но чужим. Это сын Фердинанда».

Луч солнца проник через высокое окно и осветил лицо молодого врача. Хотя зрение пана Николая уже ослабло, но это лицо он теперь видел ясно. Он был похож на свою мать, но губы у него были, как у Фердинанда.

Уста Аурелия раскрылись, чтобы запеть песню, которой Урзин научил друзей:

Ничего не бойся! Я всегда с тобой!
На пути тернистом есть светильник Мой.
Через тучи льется мощный свет его,
Я с тобой и в мире не оставляю одного.
Нет, я не один! Нет, нет никогда
Бог мой меня не оставит,
Нет, не останусь один!..

— Да, Аурелий, дорогой мой внук, ты не один. У тебя есть не только Отец на небе, но и на земле кто-то по-отцовски хочет прижать тебя к груди.

— Ваша милость! — вскочил Лермонтов, освобождаясь от объятий старика. — Что вы говорите?..

— Правду, Аурелий. Но прежде чем я — отец Фердинанда, виновный в несчастьи своего сына, — говорил старик дрожащим голосом, — смогу заключить в объятия сына его, я

должен ему сказать, что перед ним стоит его грешный, но прощенный Богом дедушка. Аурелий, дорогой мой внук, Иисус Христос помиловал меня, как и тебя, и ради Его любви я прошу тебя: прости и признай меня своим дедушкой!

От неожиданности и радости лицо молодого человека то бледнело, то краснело.

Не было сомнения, что пан Николай говорил правду, ведь лицо старика словно изнутри светилось. Но откуда он знал, с кем говорил? Кто открыл ему то, что должно было быть похоронено навсегда?

— Аурелий, ты не хочешь, чтобы я был твоим дедушкой? Может быть, я опоздал? Ах, я это заслужил...

Пан Николай опустил голову. В этот момент молодые руки обхватили его. Ликующий возглас: «Дедушка, дедушка!» — прозвучал как райская музыка в его ушах, а на руках и щеках своих он почувствовал горячие поцелуи молодого человека.

Аурелий Лермонтов не стал спрашивать, кто выдал его тайну. Он был слишком счастлив в объятиях своего дедушки. Когда они, обнявшись, сидели на диване, пан Николай сказал внуку:

— Вы указали мне путь спасения. Основу положила моя Наталия, потом пришел ты, а потом Никуша, Маргита, Тамара Орано, Степан Градский...

— А Мирослав? — спросил Аурелий.

— Мирослав? Это слуга Божий, — ответил старик с сияющими глазами. — Через него Господь нас всех отыскал и спас, не так ли?

— Да, дедушка, он действительно слуга Божий, — вздохнул молодой врач.

И перед его взором снова встала судьба любимого друга во всей своей трагичности.

— Аурелий, так как ты меня простил и любишь меня, ты позволишь мне представить тебя всем как моего внука? — спросил затем пан Николай.

— Конечно, если ты хочешь. Никуше это уже не повредит. Но я прошу тебя, дедушка, не в Подолине, а лучше у нас дома.

Аурелий сделал особое ударение на последних словах, и старик его горячо поцеловал за это.

— Я очень счастлив, что ты хочешь, чтобы это произошло именно у нас дома. Но у меня терпения не хватит до вечера.

— Тогда сделай это на прогулке. Это будет наградой для Мирослава.

— Для Урзина?

— Да, ибо без него все сложилось бы иначе. Мне тебе еще надо кое-что рассказать.

И Аурелий, осторожно подбирая слова, чтобы не обидеть и не опечалить старика, рассказал ему о разговоре на террасе и его последствиях.

— А теперь я тебя прошу, дедушка, прости меня за все это!

— Мне нечего тебе прощать, — ответил старик печально. — Ты был вправе так думать, и я этому не удивляюсь. Милостивый наш Бог послал тебе Своего слугу, который преградил тебе путь. Чтобы ты не ушел от нас в обиду. Ибо, хотя я ничего не могу исправить и не хочу, я надеюсь, что ты у нас будешь счастлив, потому что мы все теперь знаем, что ты принадлежишь нам, а мы — тебе.

— Да, дедушка, это такое счастье, какое только Иисус Христос может даровать. А я, неразумный, думал, что должен бороться и выйти из этой борьбы победителем.

— А разве это не так? Разве ты не пришел, чтобы воздать любовью? Разве ты не прощением своим нас победил?

— Довольно хвалебных речей, дедушка, я их не заслуживаю, — сказал Аурелий и, подойдя к роялю, заиграл псалом: «Благослови, душа моя, Господа!»

Пан Николай достал свой немецкий Новый Завет, и они вместе запели, хотя и разными голосами, но из глубины их благодарных сердец.

Они не знали, что хозяин дома уже некоторое время стоял за портьерой с неописуемым выражением лица. Он протягивал вперед руки, словно умоляя прекратить пение. Затем он повернулся и вышел.

Вдруг несколько голосов, один за другим, вступили в хор. На пятом стихе в салон вошли Маргита, дочь Зарканых и Ася. На другой стороне открылась дверь, и Орфа отодвинула занавес, чтобы впустить свою госпожу и Николая Коримского.

Пришли и все остальные. Из мужчин не было только пана Орано и Урзина, который, по словам Орфы, ненадолго пошел в парк.

По просьбе Тамары псалом спели еще несколько раз на разных языках. Все пели с воодушевлением и чувством, не исключая и Адама.

После окончания пения пан Николай что-то шепнул Аурелию, тот оглянулся и пожал плечами.

— Уважаемые дамы и господа, — начал старик дрожащим голосом, — вы все, за исключением этих двух нездешних господ, знаете, что я когда-то очень несправедливо поступил со своим сыном Фердинандом и изгнал его. Я это сделал, потому что не мог смириться с его браком, в который он вступил в России. Сына моего нет в живых, но через пана маркиза, который его знал и похоронил в Египте, я узнал, что сын Фердинанда — мой внук — под фамилией своей матери живет рядом со мной. Так как мой внук меня простил, признал своим дедушкой и позволил мне заявить об этом открыто, я хочу вам его представить.

И взяв Аурелия за руку, он, к всеобщему изумлению, продолжил:

— Адам, Маргита, Никуша, вы вместе со мной пели псалом, которым я благодарил Господа за милость Его, что Он даровал мне моего Аурелия.

— Аурелий, ты?! — Адам первым бросился к своему ново-
явленному двоюродному брату, за ним последовали и остальные.

Все они выражали свою радость, один Николай стоял как зачарованный. Тамара схватила его за руку:

— Вы не хотите приветствовать Аурелия?

— Дорогой мой Никуша! — воскликнул Аурелий, обнимая его.

— Почему ты мне этого не сказал, Аурелий?

— Разве ты меня тогда больше любил бы?

— Нет, конечно, однако...

— Знаешь, друг мой, когда я сам узнал об этом, ты был слишком слаб, чтобы сообщить тебе такое.

— Значит, в этом заключалась твоя борьба? Теперь мне понятно!

— То, что я теперь принадлежу вам, не так уж важно, — сказал Аурелий с сияющими глазами, — гораздо важнее, что

дедушка теперь принадлежит нам! Он принял Иисуса Христа, и мы теперь все одно целое!

Молодые люди обнимали старика. Николай, Маргита и Тамара, ликуя, целовали ему руки.

О, какая радость была здесь, но еще большая радость царила там, на небесах, где ангелы Божьи вокруг престола Спасителя пели благодарственные гимны, потому что еще одна душа была спасена для вечной жизни.

Глава пятьдесят вторая

Между тем Мирослав Урзин все дальше углублялся в парк. По дороге он остановился поговорить с рабочими, чтобы дать им короткое свидетельство о Господе. Когда садовник позвал их, он нашел в тени удобное местечко, где стояло плетеное кресло с красивой подушечкой, какие имелись и в других местах парка, чтобы молодая госпожа везде находила удобства. Он сел, достал свою карманную Библию и начал читать, как человек, который сегодня уже много поработал и должен восполнить запасы своих душевных сил. Он читал с молитвой и с видимой радостью. Затем он закрыл книгу, расстелил чистый носовой платок на подушке, и, откинувшись на нее, закрыл глаза.

Старые деревья шумели над его головой, пока не убаюкали.

И как тогда, когда он, ухаживая за баронессой, уснул в маленькой комнатке, его бледное лицо отражало блаженство и небесный мир. Спящий не слышал, как к нему подошел хозяин замка.

Какое различие было между этими двумя людьми! Платье маркиза было, хотя и очень простого элегантного покроя, но очень дорогим; белье его было из тончайшего шелка; рубашка спереди была сколота булавкой с драгоценным камнем. Часы его висели на золотой цепочке, украшенной бриллиантами. Он был владельцем этого прекрасного замка, и можно было предположить, что кроме этого имения у него на земле было еще много другого богатства.

А этот нежный юноша, который не осмелился положить голову на изящную подушечку, а накрыл ее своим платком, носил

довольно поношенное простое черное платье, и такими же скромными были его белье и обувь. И все же маркиз смотрел на него с завистью.

«У него нет ничего, и все же он так богат», — подумал маркиз.

Но что это? Лицо спящего как-то странно вздрогнуло, судорожно сомкнулись губы. Это была боль, глубокая боль, отразившаяся на молодом лице. Маркиз наблюдал за ним с определенным удовлетворением. «А говорят, что последователи этого Христа такие счастливые...» Горькая усмешка появилась на его устах.

По внешнему виду Урзина сразу было заметно, что этот юноша жил не для этой земли, а для неба, о котором он мечтал и к которому направлял людей; что он был только гостем на земле, готовым в любой час отправиться дальше. Он отличался всеми качествами настоящего христианина: был нежен и кроток, полон любви и готовности к добрым делам. Он любил Бога и людей, о чем свидетельствовали даже люди. Ну и что? В награду этот Бог не дал ему даже лучшего платья и не избавил от боли! Ничего себе награда!

Так как выражение боли с лица молодого человека не исчезало, а становилось все сильнее, и он даже застонал, маркиз наклонился к спящему и осторожно положил руку ему на лоб. Он был холодным и влажным.

— Пан Урзин!

Мирослав задрожал, открыл глаза и вздохнул, как человек, который вдруг освободился от тяжелой ноши.

— Вам что-то плохое приснилось, — объяснил маркиз, видя, как Мирослав поспешно поднялся, прикрыв лицо рукой.

— О да, это был очень плохой сон, ваша светлость, я вам очень благодарен, что разбудили меня.

— О, не стоит благодарности.

— Извините меня, пожалуйста! — Урзин побежал к колодезю, выпил воды из стоящего там стакана и вернулся.

Маркиз, сидя в плетеном кресле, указал Урзину на место около себя.

— Я хотел бы вас кое о чем спросить.

Провизор сел.

— Сколько лет вы уже служите своему Господу, как выражается Тамара?

Вопрос был неожиданный.

— С восемнадцати лет, — ответил Урзин.

— А сколько лет вам сейчас?

— Двадцать семь исполнилось.

— Значит, больше девяти лет вы Ему служите и, несмотря на то что Он говорит: «Мое серебро и Мое золото» и что Ему дана вся власть на небе и на земле, Он вам даже не дал еще лучшего платья.

Голос маркиза звучал резко. Лицо Урзина слегка покраснело. Он немного смущенно перевел взгляд со своей одежды на одежду маркиза, затем тихо засмеялся.

— Не важна одежда, пан маркиз, а важно, что эта одежда скрывает — счастье или несчастье.

Теперь маркиз понял. Он взял руку молодого провизора в свои украшенные драгоценными кольцами руки.

— Вы хотите сказать, что в груди вашей источник счастья, что вы всегда счастливы?

— Да.

— А та боль, которую вы только что во сне испытали, — это тоже счастье?

— Боль еще не является несчастьем, ваша светлость.

— Что? Телесная или душевная боль не является несчастьем? А что же это такое?

— Это огонь, который угаснет, когда сожжет то, что не может или не должно жить.

— Скажите мне правду, но только правду, Урзин, вы часто находитесь в этом огне? То есть часто ли у вас бывают такие моменты, когда вас что-то мучает, как только что во сне?

— Каждый день, пан маркиз.

— Каждый день... И вы говорите о счастье?

— Да, ваша светлость, потому что я предвижу конец и терпеливо жду освобождения.

— Вы ждете освобождения? А если его не будет?

Урзин опять улыбнулся.

— А если то, во что вы верите, только мираж, если этого вашего Господа вовсе нет, и вы Ему напрасно служили, что тогда?

— Если нет вечности, — молодой провизор выпрямился, — ну, тогда после моей жизни для меня навсегда наступят мир и покой, и не будет больше разочарований и скорбей. Мне терять нечего.

Маркиз смешался.

— Видите ли, — сказал он после некоторого раздумья, — я этому Господу неба и земли не служу. А если верно, что все принадлежит Ему и что Он все распределяет, то как же Он мне дал Подолин и все остальное мое богатство, как, например, вот этот перстень, который стоит столько, что вы с семьей могли бы на эти деньги жить несколько лет, в то время как вам Он ничего, даже самого необходимого, не дал? Если бы вы поступили ко мне на службу, я лучше заботился бы о вашем будущем. Не думайте, что я хочу возвыситься над вами или что я вас хочу унижить. Нет, я уважаю вас. Я говорю это лишь потому, что уже так часто слышал слова хвалы вашему Господу за Его силу, богатство, любовь и заботу, что задумался о Его справедливости.

Урзин поднял голову.

— Вот вам пример, пан маркиз: предположим, вы вдруг, по великодушию своему, сняли это кольцо и подарили его мне. Но рядом с вами стоял бы другой человек, точно такой же чужой и недостойный такого подарка, как и я. Где бы в этом случае была несправедливость?

— Не хотите ли вы сказать, что я незаслуженно владею Подолином?

— Да, пан маркиз. Господь дал его вам, а не мне. Где же здесь несправедливость? Или Он не волен поступать по Своему усмотрению?

— По-вашему, Бог так же подвержен настроениям, как человек?

— О нет, Он Всезнающий. Он знает, что и кому Он может доверить. Он знает, что я не смог бы нести бремя богатства и ответственности за него. Поэтому Он мне его не дает, и я Ему благодарен за это.

— А бремя бедности легче?

— Оно умаляет и делает нас более кроткими, но оно делает нас и более зависимыми от нашего Отца. Я знаю, что если у меня

ничего нет, Он мне должен дать все, потому что Он мой Отец. Позвольте мне, пан маркиз, еще одно замечание. Если бы это кольцо украшало мою руку, я, наверно, был бы очень несчастен.

— Это почему же?

— Оно бы жгло меня. Я постоянно подсчитывал бы его стоимость и сколько голодных семей можно за эти деньги накормить, скольким больным можно оказать врачебную помощь и скольким нуждающимся в отдыхе можно дать возможность побыть на чистом воздухе. Если бы я понял, что все это невозможно исполнить, пока я ношу это кольцо, как бы я мог быть счастливым? День и ночь я видел бы несчастных людей, перед которыми я в долгу.

Мягкий голос молодого человека звучал трогательно в своей убедительной правоте. Чувствовалось, что он говорил по глубокому убеждению.

— Конечно, — засмеялся маркиз, — с такими взглядами вас богатство не может осчастливить. Значит, вы осуждаете ношение драгоценностей?

— Я не осуждаю, ваша светлость, я говорю только о себе. Я считаю, что наилучшим образом украшены те руки, которые орошаются слезами благодарности за оказанные благодеяния.

— Ну, хорошо, предположим, Подолин принадлежал бы вам. Что бы вы сделали?

— Я просил бы Господа сделать меня хорошим, верным хозяином и никогда бы не позволил себе забыть, что Он все это доверил мне лишь на время и что мне когда-нибудь придется дать за это отчет. Тогда бы я высчитал, сколько я могу тратить на себя и на свою семью, и выделил бы на это определенную сумму. Остальные средства я употребил бы на то, чтобы в моей округе распространить свет, образование и благотворительность.

— Вот как, — сказал маркиз с интересом, — значит, вы раздавали бы свои деньги нищим, которые вас, в конце концов, еще ограбили бы?

— Нет, ваша светлость! Я знаю, что милостыня не всегда является выражением любви, а, во многих случаях, это поддержка лени и вытекающего из нее порока. Благотворительность, как и работа, должна иметь свою систему, свои правила и законы.

— О, от вас я не ожидал таких здравых рассуждений! Мне даже интересно с вами беседовать. Пройдемся немного, если вам угодно. Или вы хотели бы возвратиться к остальным?

— Нет, ваша светлость, я намеренно их оставил.

— Я знаю, почему вы вышли, — сказал маркиз, — вас оскорбляет роскошь в моем доме.

Урзин покраснел.

— Она меня не оскорбляет, ваша светлость, но подавляет. Я ощущаю, как я в своей одежде не подхожу к ней.

— Не обидели ли вас мои слова?

— О нет, вы сказали только то, что мне давно известно.

— Я напрасно это сказал. Простите меня, пожалуйста, и забудьте мои слова!

Уста, привыкшие повелевать, вдруг искренне просили прощения. Перед этим воплощением кротости маркизу даже нетрудно было произнести эти слова.

— Не будем больше об этом говорить. Тамара очень рада вашему посещению, — продолжал он. — Скажите мне лучше, что вас там наверху особенно подавляет и что бы вы устранили?

— Можно сказать? — спросил Урзин, уже весело улыбаясь.

— Да, конечно! — подбодрил его маркиз.

— Прежде всего, я убрал бы все эти тяжелые дорогие ковры со стен и полов.

— Вот как? И что бы вы с ними сделали?

— О, они такие хорошие! Я бы позаботился о том, чтобы они послужили страдающим, больным людям в какой-нибудь больнице.

— Неплохая мысль! Но эти ковры должны покрывать стены, чтобы охранять мою дочь летом от жары, а зимой от холода. Я полагаю, что если бы я сейчас отдал Подолин в ваше распоряжение, вы его за короткое время опустошили бы.

— О нет, ваша светлость! Я позаботился бы о том, чтобы с роскошью и излишеством не исчезли красота, поэзия и свет, — возразил Урзин. — Но зато вы почувствовали бы гармонию благодарности, которая согревала бы ваше сердце больше, чем все персидские ковры, и при вашем приближении вы увидели бы в глазах людей столько драгоценных камней, сколько невозможно купить за все миллионы.

— Не знаю, не знаю, но бедность очень неблагодарна. — Маркиз пытался избавиться от умиления. — В Египте у меня часто была возможность жертвовать тысячи. Люди приходили, чтобы поблагодарить меня, — это верно, но больше затем, чтобы получить еще больше.

— Да, ваша светлость, но помогли ли людям ваши тысячи?

— Этого я не знаю, ведь я их не сам распределял. Однако вы правы: благотворительность тоже должна иметь свою систему, иначе это только милостыня. Не думайте, что я скупец. Поверьте мне, для меня богатство ценности не имеет. Я не так избалован, что не мог бы обойтись без этой роскоши, как моя дочь, которая в ней выросла. Но у меня совершенно нет таланта для благотворительности. Что мне перед вами скрывать? Я не люблю людей и не доверяю им. Я знаю, что если бы я им отдал мои деньги, они бы убили друг друга из-за них и страдали бы больше прежнего. Во мне нет ни участия, ни милосердия; сердце мое, словно каменное. Оно не всегда было таким, но со временем оно каменеет все больше. Но что вы за человек, что я вам все это рассказываю? Мне даже кажется, что если бы вы чаще были со мной, этот камень размягчился бы, и сердце мое, может быть, еще согрелось. Да, я изнываю по каким-то лучшим, благородным чувствам, которые я напрасно ищу в себе. Когда-то я с высокими идеалами ушел в мир, я был полон стремления к добру, смелых планов освобождения человечества. А сегодня, когда прошли годы, что из меня получилось? Тиран, как называет меня один известный человек.

Оскорбление и боль отразились в глазах маркиза, но, удивительно, — его слова зажгли в душе Мирослава луч надежды.

— Ваша светлость, этот лед скоро растает, — сказал он мягко, — ибо солнце так сильно светит. А скала уже раздроблена от поразившего ее удара. Раздастся мощное слово: «Да будет свет!» — и станет свет.

— Я вас не понимаю. — Маркиз отступил на шаг. — Вы со мной хотите говорить о религии? Зря стараетесь, об этом предмете я не намерен говорить.

— Я тоже, ваша светлость.

— Так что же?

— Я вам только хотел сказать, что ваш Господь и Бог стоит перед вами и обязательно победит вас.

— Урзин!

— Да, ваша светлость! — Кротко и по-мужски твердо Урзин выдержал взгляд Орано. — Он обязательно победит вас, потому что любовь Его сильнее вашего противоборства. Он в вашем сердце уже пробудил стремление к новой жизни. Душа ваша изнывает от жажды, а сердце ваше пусто. Вы стоите у обрыва и боитесь упасть в него. Вы не сознаетесь в этом самому себе, но не можете избавиться от этого страха. День и ночь в вас звучит голос: «Отдай Мне, сын Мой, твое сердце!» Вы знаете, что вы должны обратиться к Богу.

— Кто вам дает право так со мной говорить? — воскликнул маркиз возмущенно. Он уже хотел поднять руку, чтобы прогнать Урзина, как он недавно поступил с Лермонтовым, но вдруг их глаза встретились. И взгляд, полный кроткой любви и мольбы, подействовал как вода на бушующий огонь: маркиз успокоился.

— Вы много себе позволяете, — сказал он уже тише, — но я не могу сердиться на вас, нет. Однако я докажу вам, что вы ошибаетесь. Богу мое сердце уже не нужно. Когда-то Он его требовал, это верно, я это чувствовал, но я не хотел Ему его отдать. Я совершил тяжелую несправедливость с людьми, которые Ему служили. Я радовался, что причинял им страдания, — так я ожесточил свое сердце. Свою дочь я систематически воспитывал без Бога, чтобы она никогда не познала Его. Часто в моей жизни бывали часы, когда грехи мои осуждали меня. Плохо в такие часы приходилось моим рабам. Их вопли от боли должны были заглушать крики моей совести. Таким образом я убил в себе все. Я осужден и проклят. Бог поднял десницу Свою, и я только жду, когда она меня уничтожит.

Маркиз скрестил руки на груди и уставился в одну точку.

Вокруг царил мертвая тишина. Вдруг маркиз покачнулся с глухим криком и упал бы на землю, если бы молодой человек его своевременно не подхватил.

— Ваша светлость, что с вами? — воскликнул Урзин испуганно.

— Воды! Положите меня. Это удар...

Урзин уложил маркиза и побежал за водой, но губы несчастного уже сомкнулись, глаза выступили из орбит, и выражение их было так ужасно, словно они хотели сказать: «Я погибаю! Я падаю в глубокую пропасть!» Урзин, в душе воззвав к Богу о помощи и милости, принес воды, и, накапав на платочек ароматной жидкости из флакончика, который он носил при себе, стал протирать маркизу лицо. И чем дольше протирал, тем бледнее оно становилось, а вода в стакане окрасилась в бурый цвет.

Наконец маркиз вздохнул и закрыл глаза, из груди его вырвался стон.

— Ваша светлость, не бойтесь. Господь Иисус Христос может, и вам станет лучше, — говорил Урзин, прижав голову маркиза к себе.

— Молитесь, Урзин, — прошептал маркиз еле слышно. — Смерть ужасна, я не могу предстать перед Богом, я оскорблял Христа и разрушал Церковь Божью. Все они обвиняют меня. О, прожить бы еще несколько лет, прежде чем я исчезну в пропасти и получу по заслугам. Молитесь за меня, Бог вас слышит!

— Я уже молюсь, господин мой, и я знаю, что Он меня услышит.

— Это уже третий удар, — сказал маркиз. — Врач сказал, что в четвертый раз придет конец. Помогите мне встать, поддержите меня, я хочу знать, не парализовало ли меня.

Урзин поднял его и помог ему сделать несколько шагов, но он был так слаб, что едва держался на ногах. К счастью, поблизости оказалось кресло.

— У меня свисток в кармане. Посвистите, чтобы слуги пришли. Пусть придет мой камердинер и перенесет меня в зимний сад. Там у меня есть комната, сам я туда не смогу пойти. Не оставляйте меня, мне так страшно.

Минут через десять маркиз Орано уже лежал раздетым на кушетке в комнатке, украшенной цветущими растениями. Его черный камердинер поправлял ему подушки, укрывая легким мягким одеялом. При этом он испуганно смотрел то на бледное лицо своего господина, то на молодого провизора, помогавшего ему.

Маркиз задремал. Слуга ушел и вскоре вернулся. Так как Урзин с ним не мог говорить, слуга старался объяснить ему что-то

знаками. Он открыл маленький флакончик и, к удивлению Урзина, начал мазать жидкостью из него изменившееся до неузнаваемости лицо маркиза. Через несколько минут оно снова приобрело свой прежний цвет. Это был опять Орано, каким его все знали.

Камердинер облегченно вздохнул. Казалось, для него было очень важно, чтобы никто не увидел его господина в этом состоянии. Затем он остановился перед молодым провизором, скрестил руки на груди, потом приложил палец к губам, словно умоляя молчать, на что получил согласие.

Глава пятьдесят третья

— Наконец-то я вас нашла, пан Урзин!

Из боковой аллеи к нему спешила маркиза Тамара.

— Если бы вы знали, что у нас там наверху произошло! — воскликнула она в радостном воодушевлении, но со слезами на глазах. — Вы подумайте только, пан Николай представил нам Аурелия — доктора Аурелия — как своего внука! Что вы на это скажете? Он — сын Фердинанда! И отец мой, якобы, помог пану Николаю найти этот след. Как жаль, что отца сейчас не было с нами! Маргита, пан Адам, Никуша и я — мы все так счастливы! К тому же Аурелий нам сказал, что пан Орловский тоже теперь к нам относится, то есть он отдался Господу. Ах, идемте, разделите нашу радость! А вы не видели моего отца?

Выражение радости на лице Мирослава исчезло.

— Я видел пана маркиза и говорил с ним. Он сейчас лежит в своей комнате в саду и спит. У него болела голова.

— Болела голова? — переспросила девушка озабоченно.

— Не беспокойтесь, маркиза Тамара, прошу вас. Господь Иисус Христос повернет все к лучшему, — успокоил ее Мирослав. — Но вы сейчас лучше не ходите к нему, чтобы он не проснулся. Я уверен, что после сна он будет чувствовать себя лучше. Он не один, при нем его камердинер.

— Бен там? — воскликнула девушка облегченно. — Но отчего же это у него теперь? У него частые головные боли, особенно

с тех пор, как мы здесь. Видимо, ему климат не так хорошо подходит, как мне. Вы не находите?

— Нет, ваша светлость.

— Ах, опять вы так ко мне обращаетесь, пан Урзин. Почему вы не можете называть меня просто Тамарой, как остальные? Или я вам не сестра в Господе?

— Конечно, вы мне сестра, и я никогда не перестану радоваться этому.

— Но вы мне еще не сказали, что вы думаете о том, что Аурелий — двоюродный брат Никуши. Вам это не кажется странным?

— Нет, — улыбнулся он, — я от Аурелия уже давно знал об этом. Но я не ожидал, что это так скоро станет явным, хотя и нет ничего сокровенного, что не открылось бы.

— Вы это знали? И если бы это не стало известным, вы об этом Николаю не сказали бы? Ему так досадно было, что он раньше ничего об этом не знал.

— Я не мог выдать тайну Аурелия. Но так как Господь Сам открыл ее, я Ему очень благодарен за это. Наверное, пан Николай очень счастлив и Аурелий тоже?

— Ах, все счастливы, поверьте мне. Я тоже, хотя я им чужая... И все же я им уже не чужая, — проговорила она, таинственно улыбаясь. — Счастье Никуши и мое счастье...

Урзин смотрел в лицо, преображенное радостью тайной любви. Он не считал себя вправе расспрашивать девушку, да и не было возможности, так как к ним приближался Адам Орловский.

— Приветствую, тайный соучастник, — воскликнул он весело, — который помог Аурелию нас обмануть. Как это вяжется с вашими принципами?

— Очень хорошо, пан Орловский, — улыбнулся Урзин. — В Библии написано: «Преданный сердцем скрывает, что знает».

— Ну вот, теперь тайное стало явным. Дедушка так счастлив, что я начинаю ревновать. Маргита, Никуша и я — ничто в его глазах по сравнению с Аурелием.

— Но, пан Адам, о чем вы говорите? — Тамара нахмурилась. — Это неверно, пан Орловский любит вас всех, но, конечно, доктора Аурелия еще больше.

— Вот именно, — шутя продолжил Адам, — мы так долго старались завоевать любовь дедушки, и вот является Аурелий и без труда завладевает всем его сердцем.

— Вы несносны, я вас и слушать больше не хочу, — сказала Тамара и побежала навстречу Маргите, которая приближалась в сопровождении остальных.

— Вы не видели маркиза? Слуга мне сказал, что он тоже в парке, — обратился Адам к Урзину. — Я хотел его спросить насчет нашей прогулки. До той скалы довольно далеко.

— Пан маркиз не пойдет с нами, — ответил провизор, — но было бы хорошо, если бы остальные уже отправились.

И он коротко рассказал о происшедшем, не упоминая об уговоре с маркизом.

— Вы правы, оставайтесь здесь, я к вам пришлю Аурелия. Через несколько минут молодой врач обнимал своего друга.

— Дорогой Мирослав, подумать только: то, что я считал навеки похороненным, стало явным и всех нас так осчастливило! Ты понимаешь?

— Очень даже, Аурелий. Чудны дела Господа, Он все делает к лучшему.

— Ты прав. Но ты велел меня позвать?

— Да, потому что у меня есть известие не столь радостное, как твое, но и оно от Бога: маркиз вследствие душевного волнения заболел.

— Что ты сказал?..

Молодые люди поспешно ушли и вскоре стояли уже у постели хозяина замка. Маркиз спал глубоким сном и не мешал доктору в осмотре.

— Пульс слабый, — сказал доктор, — но ритм сердца равномерный. Если его ноги и руки не поражены, тогда можно только благодарить Господа.

— Ноги его не парализованы, потому что маркиз прошел несколько шагов, и мне кажется, что он двигал и руками.

— Тогда опасаться нечего. Очень хорошо, что у тебя с собой аптечка. Я ему сейчас дам лекарство.

Лермонтов дал указания камердинеру об уходе за маркизом, а также сообщил друзьям, что у маркиза головные боли и что он

нуждается в покое. Когда Тамара увидела, что ее отец под при-
смотром камердинера спокойно спит, она помолилась у его постеле-
ли, предав его Господу, и распорядилась насчет прогулки.

К всеобщему удивлению, когда уже собирались отправиться
в путь, Урзин вдруг заявил, что он подождет, пока проснется
пан маркиз и вместе с ним догонит их или останется дома. Он
так просительно сказал об этом, что никто не мог ему отказать,
хотя всем очень хотелось, чтобы Урзин был с ними.

— Почему вы хотите остаться с моим отцом, пан Урзин?
Вы опасаетесь ухудшения его состояния? — спросила Тамара.

— Я надеюсь, что Господь даст мне возможность погово-
рить с его светлостью о вещах, которые могут послужить ле-
карством для его души, маркиза Тамара.

— Тогда оставайтесь, пан Урзин, и да вознаградит вас Иисус
Христос за вашу любовь.

В ее глазах заблестели слезы. Она согласилась с доводами
Урзина. Немного позже маленькая компания отправилась в
путь, а Урзин остался в зимнем саду около спящего маркиза.
Он достал свою карманную Библию и начал читать.

Вдруг маркиз во сне начал двигать руками, словно хотел от-
махнуться от чего-то, и проговорил: «Как я могу на это согла-
ситься?» Слова эти не удивили слушавшего, но удивился он языку,
на котором они были сказаны. Маркиз говорил по-польски.

«Что сказала бы твоя невеста об этом? Она тебя не знает и
ты моложе. Лучше умрем вместе. Зачем мне жить?.. И то, что
ты совершил в Египте, я все равно не сделаю. Я не умер... Ка-
кая она красивая! Однажды начатую комедию нужно играть
дальше. Что из нее получится — комедия или трагедия? Если
бы стало известно, кто там похоронен и кто пришел, то получи-
лась бы настоящая драма. Жизнь все же прекрасна на таких
высотах! В руках власть, богатство... Кто мог мне сказать в
Сибири, какая жизнь предстоит мне под именем маркиза Хель-
мара Вернинга Орано? Ха-ха! — засмеялся спящий, тихо и
противно. — Она меня любит, я ее идол. Если бы она знала!
Никто этого не знает! Он не воскреснет из мертвых, чтобы по-
требовать свои права. И если бы он встал, я бы ему не вернул
того, что он мне добровольно отдал, даже принудил взять. Но

он не придет. Наконец у меня есть дитя. Это моя дочь, и я воспитаю ее для себя. Тебе она не достанется, она умерла!.. Еще одно возвышение! Когда же я удовлетворюсь, когда у меня не будет больше желаний? Чем можно заполнить эту пустоту? Брак меня не радует, в богатстве счастья нет. Отец, отец, хоть бы еще раз прижаться к твоей груди!..»

Последние слова он проговорил со скорбным стоном. Маркиз замолчал, продолжая спокойно спать, а Урзин пораженно смотрел на него.

Глава пятьдесят четвертая

Прошло около получаса, когда хозяин Подолина открыл глаза. Взгляд его блуждал вокруг, пока не встретился с глазами молодого человека. В этот момент вернулось к нему сознание.

— Пан Урзин, вы еще со мной? Почему вы не пошли с остальными?

— Потому что я хотел знать, как вы себя чувствуете.

— Я чувствую себя хорошо. — Маркиз приподнялся и начал двигать руками и ногами, желая убедиться, что они не парализованы. — Только голова немного тяжелая, но это пройдет. А где Бен? Я хотел бы одеться.

— Я позову его. Он недавно вышел. Но, может быть, будет лучше, если вы еще останетесь в постели?

— А гости? А прогулка? Разве вы не знаете, что я здесь хозяин?

— Отчего же, знаю. Но я сказал, простите меня за это, что у вашей светлости головная боль и что вы спите. Аурелий успокоил всех и уговорил отправиться на прогулку. Я позволил себе подождать, чтобы вас, ваша светлость, либо сопроводить, либо принести им от вас известие. Я прошу вас, оставайтесь дома.

Маркиз, молча пожав руку провизору, лег и закрыл глаза. Когда он их снова открыл, взгляд его остановился на молодом человеке.

— Вы спасли мне жизнь, — проговорил он глухо. — Без вас я сейчас, наверное, был бы трупом. Но можете ли вы после

случившегося, после подтверждения моих слов, говорить о любви Божьей?

— О, ваша светлость, больше прежнего. Он спас вас на краю пропасти. Он мог бы дать вам погибнуть, это было в Его власти. Но Он этого не сделал, потому что Он вас любит и хочет простить. Он ждет, чтобы вы попросили у Иисуса Христа прощения. Я прошу вашу светлость позволить мне почитать вам немного о моем дорогом Господе. Вы только что сказали, что я вам спас жизнь. Если это так, то у меня есть определенное право — что-то от вас потребовать. Вот я и требую от вас то, что сказал.

— Урзин, вы хотите взволновать меня и подвергнуть мою жизнь новой опасности! Вы для этого остались?

— Нет, ваша светлость! Если хотите, можете послушать.

Маркиз пожал плечами и закрыл глаза. Другой на месте Урзина, может быть, закрыл бы книгу и не осмелился воспользоваться таким позволением. Но молодой человек сложил руки, и губы его зашевелились в тихой молитве. И лежащий маркиз услышал историю страданий Христа так живо и выразительно, словно он сам был там и переживал ужасные часы в Гефсиманском саду и в доме Каиафы, унижение перед Иродом и Пилатом, смертный приговор и тяжкий путь на Голгофу. Ему казалось, будто наступили те три часа, когда солнце померкло, чтобы никто не видел мук и страданий сына Божьего, умирающего Агнца.

Мирослав был так растроган, что слезы катились по его щекам, голос дрожал. Он до конца прочитал историю страданий Иисуса Христа, и когда прозвучали слова: «И, преклонив главу, предал дух», в комнате наступила тишина.

Урзин не смотрел на своего слушателя, а, закрыв руками лицо, плакал. Зато слушатель смотрел на него некоторое время.

— Что с вами? — спросил он, наконец, удивленно. — О чем вы плачете?

— О попорнанной ногами любви, о том, что Иисусу Христу так пришлось страдать и умереть за вас, потому что Он вас всегда любил и сейчас любит. Сколько раз Он доказывал вам Свою любовь! Никогда Он вас не наказывал, а вы Его не хотите любить! О, как это ужасно, что вы Его ненавидите! Чем Он это заслужил? В чем вы Его можете обвинить? Почему вы Его

попираете ногами? Почему вы плюете Ему в лицо? За что вы Его распинаете? За что вы своим неверием бьете Его по лицу и подаете Ему вместо воды желчь своей враждебности? Вы стоите над пропастью. И к этой пропасти приближается ваш лучший друг — Тот, Который вас так любит, Который ради вашего спасения оставил небо. Он протягивает к вам руки, вы же бросаете камни в Него и отталкиваете Его. Если бы могли, вы бы сейчас с кулаками набросились на Него. А отверженный Спаситель в течение долгих лет, и сейчас, печально ждет и обращается к вам моими устами, может быть, в последний раз: «Приди ко Мне!» У меня сердце разрывается, я не могу больше с вами говорить. Мне больно, оттого что вы Его отвергаете...

Урзин упал около постели на колени, и еще никогда в этой комнате не звучала такая молитва. Здесь страждущая душа говорила со своим страждущим, отвергнутым Спасителем. Со страстной любовью она льнула к Нему, словно хотела вытереть слезы из Его глаз, которые вызвала ненависть несчастного маркиза. Затем она обратилась к Отцу и стала умолять Его о милости для того, кто так опечалил Иисуса Христа. Она просила произнести и над ним в этот момент Свое мощное «Да будет свет!»

Все слабее звучал голос Мирослава, пока не умолк после тихого вздоха. Урзин лежал на полу, спрятав лицо в сложенные руки. Вдруг душераздирающий крик разорвал тишину: «Боже мой! Боже мой!»

Услышав крик, Урзин вздрогнул и быстро поднялся. Маркиз, ломая руки, сидел в постели. Лицо его было перекошено от ужаса. В невыразимом страхе он протягивал руки к Урзину.

— Повязка упала с глаз моих, — произнес он отрывисто, — я прозрел. Я вижу, что стою перед судом. Ад, которому я так долго служил, разверзся предо мной. Вся тяжесть моих грехов лежит на мне, я погиб, погиб... И это справедливо! Я издевался над Ним и бросал в Него камни, я преследовал Его детей, свою дочь я воспитал язычницей... Мои преступления мне никогда не простятся!

— О, пан маркиз, просите прощения, или вы все еще не можете смириться перед Ним? Он ждет, Он еще не ушел. О, просите у Него прощения!

— То, что Он здесь, я чувствую лучше вас. Однако я не могу приблизиться к Нему, Он ужасен. Он меня не простит!

— Попробуйте! И если бы вам пришлось годы просить, у вас все еще была бы надежда, что Он вас услышит, ибо Его царское обетование гласит: «Просите, и дано вам будет». Если вы не постеснялись оскорбить Его передо мной, то и не стесняйтесь покаяться. Идите!

— Дайте мне одежду!

Через несколько мгновений маркиз был одет и молча начал расхаживать по залу. Его страх и душевные мучения достигли высшего предела. Это была ужасная борьба. Все силы ада набросились на свою жертву, чтобы удержать ее.

— О, Урзин! — воскликнул маркиз, вдруг остановившись. — Теперь я знаю, что есть ад! Это ужасные мучения! Я несчастный грешник, а Бог свят. Вся моя потерянная жизнь со всей ее ничтожностью и обманом стоит передо мной. Я ничего не заслуживаю, кроме проклятия, и я знаю, что уже осужден.

— Значит, терять вам больше нечего, так просите же прощения. «Верующий в Меня на суд не приходит», то есть, кто примет Его в веру. Вы знаете историю о медном змее в пустыне?

— Да.

— Как Моисей в пустыне возвысил змея, так и Сын Человеческий должен возвыситься, дабы все верующие в Него не погибли, но имели жизнь вечную. Израильтяне, за их грехи, были поражены змеями, приговорены к смерти, но как только они, послушавшись, поднимали взор на змея, они спасались. И вы тоже будете помилованы, если послушаетесь. О, взгляните хоть раз на Иисуса Христа!

Еще мгновение маркиз стоял, прижав руки к груди, со склоненной головой, затем он рухнул на колени. Сопrotивление его было сломлено. Теперь началась та смертельная борьба, когда человек, приходя на Голгофу, должен умереть с Христом, чтобы пробиться к новой жизни. Когда эта борьба закончилась, на дворе был уже вечер. С цветами и с песней, разученной сегодня, возвращались друзья с прогулки. Маркиз, со скрещенными на груди руками, стоял у открытого окна и слушал песню, доносившуюся из парка:

О, мира спасенье, святая любовь!
За наше прощенье Христос пролил кровь.
Наш мир искупил Он, дал радость, покой.
Весь мир пусть ликует, исполнен хвалой.

Выражение глубокого согласия появилось на преображенном лице маркиза.

Грехов моих много, и темен мой дух,
Но Божьего слова коснулся мой слух,
И сердце смирилось, и слезы я лью,
Господь Искупитель спас душу мою.

Голоса удалились, потому что дорога, которой шли поющие, повернула в сторону. Но в тот момент, когда певцы подошли к зимнему саду, маркиз уже ждал их.

— Отец! — воскликнула Тамара и бросилась в его распростертые объятия.

Было заметно, что она, несмотря на чудесно проведенные в горах часы, а также зная, что брат Урзин остался с ее отцом, все же беспокоилась о нем.

— Как ты себя чувствуешь, отец?

— Как никогда, дитя мое. Твой несчастный отец этого не заслужил.

Она непонимающе посмотрела на него. Тут подошел Аурелий.

— Как ваша головная боль, ваша светлость, прошла?

— Не только головная боль прошла, пан доктор, — ответил маркиз взволнованно. — Но позвольте мне приветствовать остальных гостей.

— Что это, Аурелий? — девушка схватила руку друга.

— Не знаю, Тамара...

— Добро пожаловать, господа, и извините, что я не мог быть с вами, — проговорил между тем маркиз.

— Ах, нам действительно было очень жаль, что вас не было, пан маркиз. Нам было так хорошо вместе, — рассказывал пан Николай весело. — Благодаря вам мы отпраздновали принятие

моего внука в нашу семью. И вы, кто, после Бога, являетесь виновником нашего счастья, тоже должны были быть с нами.

— Тогда примите сейчас мои поздравления, пан Орловский, — сказал маркиз, борясь с внутренним волнением. — Позвольте заметить, что так было лучше, ибо я также отметил не менее важную встречу, — его голос задрожал, — а именно: возвращение блудного сына в объятия Отца, Который принял его.

Возглас радости вырвался из уст Тамары. Все стоявшие вокруг были ошеломлены!

— Позволь, Тамара, — обратился маркиз к своей дочери, — просить у тебя прощение за тот грех, который я совершил, взрастив тебя без Бога, без Христа. Прости меня! Простите меня и вы, мои дамы, — обратился он затем к компаньонкам, — что я вас, через контракт, заставил быть неверными Господу. Простите и вы меня, доктор Лермонтов, за мои обидные слова. А вас всех, кто указали моей дочери Свет Истины, я благодарю за то, что вы сделали для нее и для меня. Единственное, что я могу сделать, это признать, что я в своем неверии долгие годы грешил против Бога. Я издевался над Христом и ненавидел Его. Именно сегодня душа моя, как никогда, почувствовала свою обреченность, и в этот момент любовь Божья превозмогла мои грехи. Господь мне еще раз послал Своего свидетеля, и любовь Его благословенного служителя стала орудием для моего спасения. Я уверовал и покался. Непостижимо, но верно: Он меня, недостойного, простил.

Никогда маркиз не казался семье Зарканных таким благодарным, почтенным, как в этот момент. А остальных? На Адама его слова произвели неизгладимое впечатление.

Пан Николай заключил маркиза в свои объятия, и они оба заплакали от счастья. Тамара плакала на груди Маргиты, а Николай держал ее за руки. Аурелий боролся с неопишескими чувствами. Ему казалось, что он больше остальных имеет право и обязан восхвалить Господа.

— А где Мирослав? — вспомнили вдруг все, когда торжественный момент прошел и маркиз повел своих гостей в замок.

— Отец дорогой, где он? — особенно добивалась Тамара.

— Он пошел в парк, — ответил маркиз, — и прислал мне оттуда записку, в которой извинился за то, что ему уже пора

домой. Он скрылся от твоей благодарности, когда увидел, что дело совершилось, Тамара.

— О, от нее ему не уйти! — воскликнула девушка. — Она его будет сопровождать всю жизнь!

Глава пятьдесят пятая

В музыкальном салоне горело много свечей. Ужин уже прошел. У рояля сидели Ася с Лермонтовым и играли в четыре руки. У окна, за тяжелой гардиной, стоял Николай Коримский в глубоком раздумье. Важные события он пережил сегодня в Подолине. Но его мысли снова и снова возвращались к Тамаре. И сейчас его взгляд, словно магнит, тянулся к Тамаре, расхаживавшей с Маргитой по салону. Ее белое платье резко отличалось от темного платья его сестры. Лица молодых женщин были серьезны.

«Она моя!» — ликовал Никуша восхищенно, и когда она прошла недалеко от него, он едва удержался, чтобы не обнять ее.

Он огляделся. На диване сидел счастливый дедушка рядом с профессором Герингером. Недалеко от них сидела в кресле Орфа с книгой на коленях. Позади нее прислонился к колонне Адам, провожая Маргиту взглядами, в которых легко можно было прочесть: «Ты мой рай». Все остальные собравшиеся стояли полукругом, не было только одного маркиза Орано.

«Какая здесь роскошь, — думал юноша, окидывая взглядом комнату. Эта роскошь угнетала его. — Хотя Тамара и моя, но разница между нами очень велика. Я только сын аптекаря, а она дочь такого богатого человека. Но зачем об этом думать? Зачем омрачать мечты любви? А зачем строить недостижимые воздушные замки? Разве ты можешь дать Тамаре то, к чему она привыкла?»

Все эти мысли мелькали в этот час в голове Николая Коримского. Он понимал, что не мог дать ей такого богатства, и это удручало его.

«Я уже не свой, я принадлежу Господу. И если бы средства мои позволили, я все равно не мог бы положить это богатство к ее

ногам. Я не должен окружать ее такой роскошью, нет! Господу негде было голову приклонить. Конечно, она привыкла к этому...»

Юноша вспомнил те счастливые минуты, когда он с Тамарой сидел у скалы. Все поднялись выше, а Тамара осталась с ним. Он и сейчас еще чувствовал ее сладкий поцелуй на губах и объятие ее нежных рук.

— Почему ты с остальными не пошла посмотреть на окружающую нас красоту? — спросил он ее.

— Для меня нет красоты, которую ты не можешь видеть. Я хочу быть там, где ты, — возразила она тихо.

«Может быть, она и у нас была бы счастлива, — подумал он обрадованно. — Но что сказал бы пан маркиз на это?»

Когда они обручились в парке, Николаю казалось, что он должен ее защищать и быть ее убежищем, если она лишится отца.

Теперь этого не нужно было. У Тамары снова был любящий отец, который теперь сам принадлежал Господу и никогда не обидит свою дочь. Однако он был богатым человеком, а Тамара — его единственной дочерью. Отдаст ли он ее ему, Николаю Коримскому? Ему вдруг показалось это невозможным, и он почувствовал вдруг такую боль, что прижал руки к груди, чтобы унять ее.

— Что с вами, пан Коримский? — произнес вдруг кто-то рядом с ним.

От неожиданности Николай покраснел. Перед ним стоял маркиз, озабоченно глядя ему в лицо.

— Вас что-нибудь мучает?

— Да, ваша светлость, — сказал Николай, выпрямившись.

У него появилась твердая решимость любой ценой получить ясность в вопросе, который его занимал последнее время, и если это невозможно, покончить с мечтой о любви. Хотя сердце говорило ему, что он свою тайну должен оставить при себе и маркизу еще необязательно знать о ней, юноша все же решил, что христианину не подобает поступать так.

— Меня мучает то, что на земле есть различия в положении людей, которые могут разлучать сердца, искренне связанные и созданные друг для друга, — ответил он.

Маркиз отступил. Он заметил выражение боли на лице молодого человека, его взгляд на Тамару, полный любви и печали.

— Умолчать о подобном недостойно христианина, — продолжал Николай. — Я люблю Тамару, и она любит меня. Но я сын простого аптекаря, а она — дочь вашей светлости. Между нами большое различие. Ваша светлость — большой вельможа, а Тамара — ваша единственная дочь. Поэтому мной овладела тревога при мысли о вашем ответе. Если Господь мне полностью вернет здоровье и я попрошу руки вашей дочери, пан маркиз, какой ответ вы мне дадите?

Со страхом и мольбой глаза юноши смотрели в лицо маркиза.

Но в тот же миг он очутился в его объятиях.

— Пан маркиз, вы не сердитесь на меня за мою смелость? — ликовал Николай.

— Нет, Никуша, в сто раз милее видеть мне свое дитя в твоих объятиях, даже если ты поведешь ее в бедную хижину. Я ваше счастье не нарушу, не беспокойся. Но она — мое единственное дитя, и ты уже хочешь ее взять у меня?

— Взять? О нет! Мы охотно и терпеливо подождем. Но если вы позволите, мы обручимся, чтобы я, не опасаясь сплетен, мог навещать мою невесту в Подолине. В миру нашу любовь уже заметили бы, так как скрыть ее мы не в силах. О, я вас прошу, отдайте мне Тамару, если вы считаете меня достойным ее, и позвольте мне сообщить о нашем счастье моему отцу.

— Ты можешь ему сообщить, но сначала спросим Тамару. Позови ее сюда.

— Тамара! — окликнул молодой человек девушку, которая только что подошла к другому окну.

Она оглянулась. По ее улыбке и по блеску глаз было заметно, что она его искала.

— Ты где пропадаешь, Никуша? Чем ты занят? — спросила она.

Молодой человек склонился к ней. Маркиз наблюдал за ними странным взглядом.

— Я разговаривал с твоим отцом.

— С моим отцом? Он здесь? И о чем ты с ним говорил?

— О нашей любви.

— Никуша! — Она наморщила лоб.

— А разве ему нельзя знать о ней? Он вправе отдать тебя мне или не отдать.

Она подняла голову, размышляя. Но вдруг она увидела отца и подбежала к нему, спрятав свое лицо на его груди.

— Тамара, это правда?

Она молчала.

— Верно, что ты хочешь принадлежать Николаю? Он боится, что его состояние тебя не удовлетворит. Будешь ли ты довольна этими условиями?

Голос маркиза дрожал.

— Что Никуша может, то и я смогу. Что его удовлетворяет, достаточно и для меня. Везде я с ним буду счастлива и несчастна без него, — проговорила она уверенно.

— Однако подумай о том, что с того момента, когда ты предстанешь пред алтарем, ты уже не будешь маркизой Орано.

— О, это меня ничуть не пугает, ведь ты все равно останешься моим отцом, — засмеялась она от счастья.

Маркиз облегченно вздохнул.

— Ты сама сделала выбор, любимица моя. Через год будет ваша свадьба, если Господь даст нам здоровья и продлит жизнь. Раньше я тебя не отдам, сокровище мое!

Кто бы утром мог подумать, что этот, для всех столь знаменательный, день закончится обручением Николая и Тамары? Нет, событий в этот день было слишком много!

Глава пятьдесят шестая

В Подолине сидели за ужином, когда в дверь комнаты, где в эти дни жил Мирослав Урзин, кто-то постучал. Урзин открыл дверь, и перед ним предстал барон Райнер!

— Добрый вечер, пан Урзин! — Барон обнял молодого человека. — Не ожидали? Когда я узнал, что вы здесь один, я не мог не зайти к вам.

Урзин провел гостя в комнату, пригласив сесть. Он сразу зажег свет и опустил шторы.

— Вы к Петру, пан барон?

Райнер кивнул головой.

— Я пришел, чтобы успокоить его и убедить, что я его не забыл. Но я рад, что сначала могу поговорить с вами. Вы Петра знаете лучше меня и поэтому сможете помочь мне в одном деле. Когда я в Подграде узнал, где вас можно найти, я очень обрадовался.

— Вы были в Подграде, пан барон? — спросил Урзин участливо.

— Вы мне сочувствуете? Да, этот путь для меня был нелегким, но долг потребовал этого.

— Я бы это охотно сделал за вас, если бы вы поручили мне это дело.

— Верю, но вы уже так много для меня сделали, что я и не знаю, как отблагодарить вас. Да я и пани Х. с Агнессой лично хотел поблагодарить. Я и материально думал о них позаботиться, но семья Орловских опередила меня. Пани Х. переселилась в Орлов. К счастью, я нашел Агнессу в домике, в котором страдала моя супруга, и она мне еще раз все рассказала. Притом я узнал, сколько вы добра сделали для моей бедной Наталии, и понял слова Николая Коримского: «За то, что он сделал, мы ему никогда воздать не сможем». Поэтому я вас прошу, примите хотя бы мою искреннюю благодарность.

— Я ее охотно принимаю. Но я вас прошу, не будем больше говорить обо мне. Мне так хочется узнать о состоянии вашей души.

— Моей души? — Барон удивленно откинулся назад. — На этот вопрос я вам не могу дать определенного ответа, Урзин. Во всяком случае, состояние ее не такое уж хорошее. Боль утраты все еще угнетает меня. Представьте себе, какая пустота у меня дома! Напрасно я стараюсь услышать шорох ее легких шагов, ее голос. В глазах слуг моих я вижу участие. Я замечаю, что они меня любят, и я ценю их любовь, но это чужие люди. А мысль о том, что это навсегда, угнетает меня. Однако я чувствую, что одиночество приблизило меня к Богу, к Которому ушла моя супруга и где ей, наверное, хорошо. Я уже трижды отогнал молитвой овладевшее мной отчаяние. Я знаю, если бы я мог прильнуть к Господу так, как вы, моя душа нашла бы облегчение... Будучи в Германии, я несколько раз посетил

собрания и получил там благословение. Но мне одного недоста-
ет: мира с Богом. Урзин, помолитесь со мной!

— Охотно, — ответил провизор, склоняясь рядом с Рай-
нером.

— Уже поздно, — сказал барон, когда они поднялись с мо-
литвы, — мне нужно идти.

— Я вас прошу, пан барон, не уходите, останьтесь у меня на
ночь. Никуша очень обрадуется. А завтра я вас провожу в до-
лину Дубравы, если пожелаете.

— Значит, вы пошли бы со мной?

— Да, если Богу угодно. Мне нужно туда пойти проститься.

— Проститься? Вы возвращаетесь в Подград?

— Отпуск у меня еще не закончился, — улыбнулся Ми-
рослав. — Но без меня пану Коримскому нельзя отлучиться.
А так как в семье Орловских очень радостное событие, он, на-
верное, с удовольствием побыл бы с ними, чтобы разделить эту
радость.

— Вот как? Что же там произошло?

Урзин кратко сообщил барону, что пан Николай в докторе
Лермонтове нашел своего внука. Барона это очень заинтересо-
вало. Заметно было, что он искренне радовался за старика и
Маргиту, особенно же за Николая Коримского.

— Эту радость, — проговорил он, — Господь даровал Ни-
колаю Коримскому за то, что он так благородно отнесся ко мне.

После того как Райнер согласился остаться на ночь, Урзин
разыскал бабушку Степана и с ее помощью приготовил ужин
для дорогого гостя. Барон поужинал с аппетитом, чего еще не
бывало после смерти Наталии.

— А когда я смогу принять вас? — спросил он.

— А вы желали бы моего посещения, пан барон?

Молодой провизор отложил ложку.

— Желательно ли мне ваше посещение? Как вы можете та-
кое спрашивать? Я бы много отдал за то, чтобы вы меня не
только посетили, но чтобы помогли мне начать новую, христи-
анскую жизнь.

Молодой провизор задумался. Барон с любовью и участием
смотрел на него.

— Вы приедете, пан Урзин?

— Приехать к вам просто так в гости мне средства не позволяют. Да в такой одежде, как я сейчас, роль гостя в вашем доме мне и не подошла бы. Но если бы вы могли дать мне какую-нибудь работу в вашем доме, пан барон, вы бы меня облагодетельствовали.

— Работу в моем доме, пан Урзин? Вы шутите?

Молодой человек совершенно смутился.

— Я не шучу, пан барон. Обстоятельства заставляют меня оставить аптеку Коримского. Но так как это мои личные дела, о которых я с Никушей говорить не могу, и так как я не могу назвать причины моего ухода, я не вижу возможности поступить на службу в другую аптеку, не обидев этим пана Коримского и Николая. Поэтому мне приходится искать другую работу, чтобы сказать, что работа в аптеке мне вредна. А это правда. Если бы вы, пан барон, могли поручить мне какую-либо работу в вашем доме, вы бы освободили меня от неловкого положения, за что я был бы вам очень благодарен.

Во взгляде юноши было что-то умоляющее и печальное, и барон растроганно взял его за руку.

— Мне ничего другого не остается, дорогой Урзин, как сделать вас моим секретарем. Мой секретарь через месяц уходит от меня, потому что получил другое место. Однако я не могу себе представить вас в моем подчинении.

— Почему же нет, пан барон? Сын Человеческий не пришел, чтобы Ему служили, а чтобы служить, а я Его самый младший слуга. Вы были бы ко мне добры, я знаю, и платили бы мне столько, чтобы я мог прилично одеваться. Если у меня будет одежда и питание, я буду доволен.

— Но кто вам сможет заменить то, что вы оставляете в Подграде? — воскликнул барон взволнованно.

— Никто, пан барон, но оставаться мне здесь нельзя. Где бы я ни был, везде я буду одиноким и на чужбине.

— Значит, вы действительно намереваетесь уйти?

— Приходится. — Голова Мирослава поникла. — В своем счастье они меня легко забудут. Над ними светит свет благодати Божьей.

— А ваша начатая работа в Подграде?

Урзин встал.

— Господь от меня не требует ничего невозможного. Он все усмотрит, не знаю как, но уверен, что усмотрит. Мы не можем делать людей зависящими от нас, ибо мы сегодня здесь, а завтра, быть может, в другом месте.

— Значит, вы в самом деле должны оставить Подград?

— В самом деле.

— Пообещайте мне, что вы никуда не пойдете, как только ко мне.

— Вашим секретарем.

Юноша протянул ему руку.

— Моим другом.

Рука опустилась.

— Этого я не могу, пан барон, — сказал Мирослав. — Я не горд, но Никуша сказал бы, что я как друг мог бы жить и у них, а этого я не могу. Но оставим этот разговор. Зачем об этом говорить, если мы совсем не знаем, доживем ли мы до завтрашнего дня.

С усталым видом Урзин принялся убирать со стола.

— Надеюсь, что я вас не обидел, пан Урзин, — сказал барон озабоченно. — Будьте тогда секретарем, если вы иначе не хотите, только идите ко мне.

— Я благодарю вас, пан барон, и если на то воля Божья, то я приду. Извините меня, я сейчас вернусь.

Мирослав вышел. Стоя у окна, барон размышлял: «Интересно, по какой причине ему нужно уходить? Я вижу, что он вынужден так поступить. По своей скромности он думает, что это так просто. Сначала он среди них служил, как добрый самарянин, и теперь думает, что они так просто расстанутся с ним. А я должен принять его на должность секретаря! Я чувствую себя так, будто я ангела принимаю на службу. Коримский может еще подумать, что я переманил его. Но ведь у него нет другого дела для Урзина, а в аптеке ему стало вредно работать. Но ты, Урзин, подожди! Если ты будешь у меня секретарем, я тебя постепенно продвину по службе. Ты слишком добр и одарен, чтобы быть всего лишь провизором Коримского».

Глава пятьдесят седьмая

Наступил новый день. На балконе в Подолине стоял Аурелий, скрестив руки на груди. Вчерашние события снова взволновали молодое сердце.

«Мое первое утро новой жизни, — размышлял он. — Я являюсь членом семьи Орловских, как сын Фердинанда Орловского. Я жив, а он мертв; его покрывает песок пустыни. Много рассказал маркиз дедушке, кроме одного: умер ли мой отец во Христе. Вчера я об этом еще не мог спросить, а сегодня я спрошу. Сегодня — какой чудесный день! Что за день наступил сегодня для дедушки и для меня! Ах, голова дедушки уже побелела, а сегодня только первое утро новой жизни после долгих лет блуждания без света, без Христа! О, благодарность тебе, Иисус Христос, что Ты обратил меня к Себе в мои молодые годы, что я в молодости мог ступить на путь Истины! Всю мою жизнь я посвящаю Тебе! И сегодня я обновляю мой обет! О, благодарю Тебя, что сегодня, впервые переступив порог Орлова, как сын этого рода, я могу это сделать как свидетель Твоей милости и Истины!»

Радостная улыбка озарила его лицо.

«А Никуша сегодня впервые проснется обрученным женихом. Еще несколько недель назад он был между жизнью и смертью, а сегодня он жених! Какие чувства овладеют им, когда он проснется!? А Тамара? Нет, это слишком хорошо! Она приехала сюда, чтобы найти свет своих глаз, и она нашла его. Но кроме этого она нашла свет своей души и сокровище сердца. А теперь еще это великое счастье, что ее отец обратился к Господу! Зимой нас окружали скорби и мрак, а теперь вокруг нас только свет! Вспомнить страшно, как здесь было, когда пришел Мирослав. Мирослав — мой любимый брат! Что ты делаешь сейчас? Мы остались вчера все здесь, потому что после того как Никуша представил свою невесту, нам не хотелось расходиться, а ты остался один. Что ты делаешь сейчас? Я пойду к тебе, пока все еще спят. Я скоро вернусь сюда».

Аурелий оторвал свой взгляд от долины, которая лежала перед ним в ярком утреннем свете, намереваясь идти к Урзину.

И только теперь он заметил, что был не один. Позади него, прислонившись к колонне, стоял маркиз.

— Доброе утро, ваша светлость! Вы уже встали? — воскликнул Лермонтов удивленно.

— Доброе утро, пан доктор! Тот же вопрос и я могу задать моему гостю.

— Вашему гостю? Домашний врач, во всяком случае, может вставать раньше своего хозяина, — засмеялся Аурелий весело.

Серьезное лицо маркиза тоже просветлело.

— Внук пана Орловского больше не может быть моим домашним врачом.

— О, почему же нет? Ведь я не для того учился, чтобы расстаться с наукой. Я хочу остаться врачом моей будущей невестки, тем более что я теперь свободно могу говорить с маркизой Тамарой о том, что дорого не только мне и ей, но и вашей светлости.

— Вы и прежде это делали, и я вам благодарен за это. Без ваших решительных действий я, может быть, сегодня еще стоял бы на краю пропасти и, наверное, погиб бы в ней.

— Слава Господу, что нет больше этой пропасти! Но, пан маркиз, — сказал Аурелий, вплотную приблизившись к нему, — в это прекрасное утро осталась еще одна тень в моем сердце, которую хотелось бы устранить.

— Тень в вашем сердце? — Маркиз внимательно смотрел на него.

— Да, ваша светлость. Я слышал, что вы рассказали дедушке о моем несчастном отце. И мне хотелось бы еще одно знать. Если бы я это узнал, счастье мое достигло бы вершины.

— А что вы хотите узнать? — Маркиз отступил от него, мучительное беспокойство овладело им. — Мне больше нечего добавить.

— И все же! — Светлое лицо Аурелия опечалилось. — Мне больно, но я, как сын, должен об этом спросить, иначе я не могу. Пожалел ли отец мой когда-нибудь о том, что он причинил моей матери и Церкви Божьей?

— Да, — глухо вырвалось из уст маркиза.

— Да? Значит, он покаялся?

— Да.

— И он получил прощение и мир?

— Христос, по милости Своей, принял его, поверьте мне, доктор Лермонтов, но не спрашивайте больше.

— О, пан маркиз, больше я ничего и знать не хочу! — ликовал Аурелий.

От восторга ему захотелось обнять весь мир, и он обнял того человека, который принес ему эту радость. И маркиз его не оттолкнул, нет, маркиз прижал его к своей груди.

— Вы этому так рады?

— О, пан маркиз, не спрашивайте! Разве ваше известие не является залогом того, что однажды, как сейчас обнимаю вас, я обниму его там, где мы вечно будем жить, где я буду его сыном, а он — моим отцом?

— Однако вспомните, — голос маркиза дрогнул, — какое зло причинил этот отец вам и вашей матери! Как велика его вина!

— Бог простил его, пан маркиз, этого достаточно. Все так, как сказал Мирослав: мои родители на небесах примиренные и счастливые навеки.

— Это он так говорил? Когда же?

— Тогда, когда я не мог простить Орловских, обвиняя дедушку в жестокости. Тогда он навел меня на мысль, что у Бога тысячи путей и что Он одним из них и отца моего привел к Себе, соединив с матушкой. Я сейчас хотел пойти к Мирославу. Позвольте мне, пан маркиз. Я хочу сообщить ему о моем великом счастье.

— Если вы не против, я тоже пойду с вами; я ему тоже обязан.

Через четверть часа они оба ехали верхом через долину Подолина по направлению к горе.

— Может быть, он еще спит? — сказал маркиз.

— О, Мирослав рано встает, он как жаворонок.

Аурелий вспомнил, каким он вчера счастливым пришел с прогулки. В то же время перед его внутренним взором стояла трагическая история жизни Урзина. Невольно он оглядывал деревья, не висит ли где плетеный гамак со спящим Мирославом. Вдруг Аурелий подумал, что его друг стал тем Давидом, через которого Господь победил Голиафа, ехавшего теперь рядом с ним. Он сам был Иосифом, которого Бог послал для спасения его братьев.

Он был героем, победителем! Все его юношеские мечты сбылись, но каким путем! Да, таковы пути Господни!

— Пан доктор! — услышал он вдруг голос маркиза.

— Что угодно, ваша светлость?

— Не известны ли вам материальные обстоятельства пана Урзина?

— Блестящими их назвать нельзя, — ответил молодой человек грустно. — Коримский намеревается отдать ему аптеку на выплату. Намерение это хорошее, однако я не знаю, — Лермонтов оглянулся, — примет ли Урзин это предложение. Вам, пан маркиз, я могу сказать, вы меня не выдадите: я вчера нашел его дневник и прочитал в нем, что он когда-то дал обещание никогда ничего не принимать от Коримских. До сих пор он тратил на себя то, что накопил раньше, и теперь ему нужно уходить, потому что он не может прикоснуться к настоящему своему заработку.

— Как странно! — воскликнул маркиз взволнованно. — Если он не примет предложения Коримского, он уйдет.

— Вы полагаете? — воскликнул доктор. — Однако вы, наверное, правы.

— Мне очень хотелось бы ему помочь, — сказал маркиз, — хотя бы потому, что я его вчера обидел.

— Мирослава?

— Что вы так удивляетесь? Разве я вас не обижал? — спросил маркиз с явным раскаянием.

— Это совсем другое дело, — возразил молодой человек, — я еще постою за себя, но Мирослав такой кроткий, такой мягкий — настоящий ученик Господа.

— И все же я ему сказал, что Господь за все его верное служение не дал ему даже хорошего платья. Теперь меня это мучает. Я знаю, что он намного богаче меня. Я только ничтожная головня, вырванная из огня, а он верный слуга Божий, которого ждет венец, но он еще так молод. В разговоре он признался, что бедность его угнетает и унижает. Он терпеливо несет свое бремя. Узнайте, пожалуйста, как ему помочь.

— Я постараюсь, пан маркиз. Однако мы почти у цели. Закончим разговор, иначе он может заметить, что мы говорили о нем.

Напрасная забота! По прибытии в Боровце Аурелий нашел в комнате Мирослава открытку следующего содержания:

«Доброе утро, братья! Я был так рад вчерашнему посещению барона Райнера! Я оставил его у себя на ночь, так как было уже поздно, а теперь мы вместе отправляемся в долину Дубравы. Господь с вами, до свидания!

Ваш Мирослав».

Глава пятьдесят восьмая

В Горке двое ученых сидели за своими письменными столами. Адам не слышал, как дверь отворилась и кто-то вошел. Но вдруг он почувствовал объятие двух нежных рук, и прелестная головка склонилась над ним для поцелуя. Маленькая рука положила перед ним на стол розу. В этот же момент пришедшая оказалась пленницей.

— Привет тебе, моя Маргита! В первый же день ты выполняешь свое обещание и приходишь сюда, чтобы наши запыленные древние миры оживить блеском своего присутствия?

— Я пришла за вами.

— За нами? По какому такому важному делу?

— Обед на столе. Не забывайте, что вы еще не мумии и нуждаетесь в хлебе насущном, — пошутила она, подбежав к столу профессора.

— Ну, подожди у меня! Благодарим за комплимент!

— Простите меня, сударыня, — замялся профессор, — но я совсем не голоден, и нить моих мыслей может оборваться.

— О, вы ее снова найдете! Идемте, прошу вас.

Взгляду этих очаровательных глаз никто не мог противостоять. Профессор встал, Маргита взяла его под руку — рядом со стареньким ученым она казалась еще моложе и привлекательнее.

«Она хорошеет с каждым днем», — подумал Адам.

Весело разговаривая, они пришли в столовую. В кресле уже сидел пан Николай, а рядом с ним, положив руку ему на плечо, стоял Аурелий.

— Смотри, Маргита, — сказал Адам, — он нас с тобой совсем вытеснит из сердца бабушки!

— Этого я не боюсь, — возразила она с сияющими глазами. — Ты уже давно укоренился в его сердце, и у меня в нем есть прочное местечко. Аурелий заполняет лишь ту пустоту, которая образовалась там после смерти моей матери, и которую никто из нас не мог заполнить, а за это мы должны благодарить Господа.

— Ты права, об этом я не подумал. Бабушка теперь оживет.

— Какой ты задумчивый! — сказал Адам, обнимая Никушу, стоявшего у окна. — Не о прекрасных ли синих глазах мечтаешь?

— Нет, сейчас нет, — возразил Никуша, краснея.

— Нет? Так о чем же?

— Я думаю о Мирославе, скоро ли он вернется?

— Вот как? Разве он с вами не пришел?

— Нет, он в долине Дубравы.

— А ты теперь его дожидаться не можешь, чтобы поделиться своим счастьем? — поддразнивал его Адам, который очень рад был его обручению.

— Ты прав. Еще недавно я делил с ним мое несчастье и боль, поэтому мне хочется поделиться с ним и радостью.

— Ну конечно! Но то, что барон Райнер вчера пришел к нам, очень интересно! Жаль, что нас не было дома!

— Да, жаль. Но, может быть, он заедет к нам на обратном пути?

— Мне бы очень хотелось поговорить с ним.

— Мне тоже. Он приятный человек, прямая противоположность большинству новоиспеченных дворян. Однако Маргита зовет нас.

Только все успели сесть за стол, как раздался стук в дверь.

— Мирослав идет! — воскликнули все, ибо только одна рука так стучала в дверь. И действительно, вошел Мирослав под общее радостное приветствие.

— Как вам вчера удалось улизнуть от нас? — спросил пан Николай. — Маркиз считает, что вы это сделали намеренно, но Тамара сказала, что от их благодарности вам все равно не уйти.

Урзин улыбнулся.

— Сегодня на рассвете, — сказал Аурелий, сердечно его обнимая, — мы с маркизом были у тебя. Но мы нашли только открытку, а птичка уже улетела в столь ранний час.

— С паном маркизом? Как жаль, что вы зря потеряли время.

— Это ничего! После обеда все придут к нам, — успокаивала его Маргита. — Но прежде Никуша вам должен что-то сообщить.

Обед прошел в оживленной беседе.

— И так, брат, что ты мне должен еще сообщить, — спросил Урзин Никушу, когда они остались одни в саду.

— То, что я невыразимо счастлив, так счастлив, что самому не верится. Но ты поймешь меня без лишних слов: Тамара моя. Маркиз дал мне ее, мы обручены!

— Что ты говоришь, Никуша!?

— Не веришь?

— Не поверил бы, если бы не ты сказал.

— Но ты видишь, что я счастлив!

— Это я вижу, но и что-то другое.

— А именно?

— Необходимость моего решения.

— Какого решения?

— Я решил срок своего отпуска сократить, чтобы пан Коримский мог прийти и порадоваться вместе с паном Орловским. Теперь я решил твердо: отец твой должен прийти, чтобы порадоваться не только за тестя и племянника, но, прежде всего, за своего сына. О, какое чудное известие я ему принесу! — воскликнул он восторженно.

— Однако, Мирослав, почему ты должен принести ему это известие? Я ему уже написал письмо.

— Тогда дай мне его, Никуша. Ты дашь мне его, не правда ли, и не лишишь меня счастья доставить ему это радостное известие. Я прошу тебя!

— Зачем ты так просишь, Мирослав? Если тебе так хочется, то отправляйся, но возвращайся вместе с ним.

— Это будет невозможно, но ведь вы скоро приедете в Орлов.

— Ты прав, Мирослав. Дедушка скоро повезет Аурелия туда и пригласит Орано, чтобы еще раз отпраздновать возвращение Аурелия. Тогда мы тебя возьмем с собой.

— Я хочу попросить пана аптекаря, чтобы он мне позволил приготовить кое-что в вашем доме, чтобы Тамаре в нем понравилось, когда она придет.

— О, какой ты добрый, Мирослав!

Молодые люди гуляли по саду, мечтая о будущем. Урзин кое-что записывал в свой блокнот.

— Ты отцу ничего не говори. Дверь в мою комнату не закрыта, а в столе возьмешь деньги. Можешь истратить сколько нужно. Иисус Христос недовольным не будет, ибо и Он готовится к встрече со Своей Невестой.

— Конечно, Никуша.

Затем Урзин сообщил Никуше, кого он назначил евангелистами в Подграде и что об этом уже есть договоренность. Это Никушу очень обрадовало.

— Мирослав, а о Степане я и не вспомнил, так как он мне показался достаточно обученным Богом.

— Он и там будет всем в благословение. И если к тому, чему Господь его научил, добавится еще соответствующее образование, то можно себе представить, каким орудием благодати он будет в руках Божьих.

— Это верно, и мы с Аурелием можем почитать за честь, что мы в этом деле могли быть орудиями Господа.

Так друзья беседовали еще некоторое время. Позже в Горке все узнали об этом и были согласны с таким решением.

— Я бы сам хотел передать дяде эту весть, чтобы узнать, что он на это скажет, — заявил Адам.

— Это очень хорошо с вашей стороны, дорогой Урзин, что вы пану Коримскому хотите оказать эту услугу, — поддержал пан Николай. — Жаль только, что мы вас теряем. Скажите Манфреду, что Господь меня, по милости Своей, очень щедро одарил, даровав мне дорогого внука, но что и ему, Манфреду, подарена дочь, о которой он не смел мечтать.

— Вы так добры, Мирослав, — сказала и Маргита. — Мы скоро приедем в Орлов и в Подград. Тамара обещала погостить у меня подольше, и Никуша тоже может отдохнуть в Орлове, и вы тогда каждый день можете приходиться к нам. Это будет прекрасно!

Адам приказал заложить лошадей. Перед отъездом маленькая община опустила на колени. Даже молодого ученого коснулись слова, которыми Урзин их всех предал под защиту и охрану Господа.

«Он в своем деле совершенно уверен, — подумал Адам. — Все же хорошо иметь такую крепкую веру, такое кроткое доверие».

Аурелий хотел проводить друга до станции, но тот не согласился.

— Никуша тоже захочет поехать с тобой, а ему нельзя долго быть на жаре.

— Тогда с Богом, брат мой!

Мирослав наклонился еще раз из повозки и обнял Николая на прощание.

— С Богом, Маргита!

Он поцеловал руку молодой женщины, помахал всем шляпой.

И те самые горячие кони, которые однажды в зимний вечер привезли Маргиту со станции, когда она на мосту впервые увидела Урзина, которого пожалела, потому что он в такую плохую погоду и в такой плохой одежде шел пешком, унесли его на станцию. Та картина так живо предстала перед ее глазами, что она не могла удержаться и рассказала о ней своим братьям. Долго смотрели друзья вслед повозке, пока она не скрылась из виду.

— Он к нам пришел пешком, — сказал Никуша, — пришел бедняком к нам, как казалось. Но он принес нам, нищим, такое великое богатство.

«А теперь, — думал Аурелий, — он идет к человеку, от которого он по обещанию своему никогда ничего не хотел принимать. Он с радостной вестью идет к нему, и я уверен, что Коримский в своей радости не вспомнит о своих намерениях относительно него. Но я с Коримским об этом еще поговорю! Это дело откладывать нельзя».

Мирослав приехал на железнодорожную станцию, когда поезд уже стоял. Вагон оказался пустым, что его обрадовало. Никто ему не мешал размышлять и делать заметки в своей записной книжке. На станции он взял дрожки, чтобы пораньше приехать домой.

— Пан провизор вернулся! — раздалось вскоре по всей аптеке, и все прибежали приветствовать его.

Генрих чуть не плакал от радости, а Ферко прыгал от восторга. Пани Прибовская поспешно начала собирать для него ужин. Каждый хотел ему чем-то услужить. Было заметно, что его везде доставало и что только теперь люди его по-настоящему оценили.

В своем рабочем кабинете сидел за подсчетами пан Коримский. Услышав стук, он нехотя открыл дверь. Но, увидев пришедшего, он обрадовался.

— Урзин, это вы? Но как же так? Ведь ваш отпуск еще не закончился!

— Добрый вечер, пан Коримский! Я приехал раньше, потому что хорошие вести нельзя задерживать.

— Вы несете хорошие вести? Удивительно, что именно вас послали с ними.

Коримский подал Мирославу руку.

— Меня не послали, я сам приехал, потому что знал, что вы сразу же утром поедете в Горку.

— Из-за этих известий? — спросил он удивленно.

— Да, пан Коримский, позвольте передать их вам.

— Тогда присядем. — Аптекарь указал на место возле себя. — Ну, я слушаю.

— Однажды вы хотели знать, что удручает пана Лермонтова. Тайна раскрыта, гнет снят. Из бумаг, которые вручил ему его адвокат, он узнал, что он сын Фердинанда Орловского. При помощи маркиза Орано это дело, которое Аурелий скрывал от своей семьи, раскрылось, и счастливый пан Орловский просит передать вам, что обрел дорогого внука.

— Лермонтов — внук Орловского?! — воскликнул Коримский изумленно. Да, и двоюродный брат Маргиты и Никуши. Они все очень счастливы!

— Тогда вы правы, я поеду к нему!

— Да, конечно! Но я еще не все сказал. — Веселая улыбка осветила лицо Мирослава.

— Пан Коримский, Никуша выздоровел и с каждым днем набирает силы. Вчера он был в Подолине, где даже участвовал в походе, а сегодня утром вернулся счастливым женихом маркизы Тамары Орано. В этом письме вы прочтете подробное

описание счастья, которое Иисус Христос приготовил для Никуши и к которому Он его привел чудными путями.

Прошло некоторое время, прежде чем пан Коримский пришел в себя от этих неожиданных известий.

— Прочтите мне, пожалуйста, — обратился он к Урзину, — я слишком взволнован, буквы пляшут у меня перед глазами.

Прослушав письмо до конца, он быстрыми шагами стал ходить по комнате, едва справляясь с обуревавшими его чувствами. Он оставил провизора одного и ушел в салон. Как камень, свалилось с его души бремя страха за сына.

«Верить в проклятия — это ребячество, — говорил он самому себе. — Мой сын не умрет, нет! Он жив, здоров и женится, и я ему устрою свадьбу в сто раз пышнее моей. Моя невеста была дворянкой, а он женится на маркизе Орано — единственной дочери богатого человека. К чему все эти ненужные опасения? Как исполняются твои пророчества, Боринский? Я вижу обоих своих детей счастливыми».

Весь его вид выражал заносчивое удовлетворение. «Мои поиски были напрасными. Что это хорошо, я вижу только сейчас. Имя Коримских, которое маркиза Орано готова принять, не должно иметь изъяна! Пусть ушедшее в могилу навсегда останется в ней. Ведь я и не так уж виноват: Боринский скрыл его от меня. Я уверен, что мой первенец умер, и если бы он был жив, он не нашел бы места в моем сердце...»

— Позвольте, пан Коримский, — раздался в этот момент голос у дверей. Аптекарь увидел своего провизора. Улыбка нескрываемой благосклонности играла на его устах.

— Что угодно, вестник моего счастья?

Мирослав покраснел.

— Я прошу поручений.

— Каких поручений?

— Позвольте упаковать ваши вещи.

— Ах да, я был бы вам очень признателен.

Коримский передал ему ключи от шкафов. Поклонившись, Мирослав вышел, а аптекарь снова стал ходить по салону.

«Пора, — подумал он, — расстаться с этим хозяйством в аптеке. Николай может прекрасно жить и без нее. Маркиза

Орано не может быть женой или невесткой аптекаря. Хорошо, что я намеревался уступить аптеку Урзину, и хорошо бы это дело сразу уладить».

Однако до этого не дошло. Когда Урзин вернулся, он сообщил Коримскому, какое приятное поручение дал ему Николай, а именно: приготовить дом для встречи невесты. Это дало мыслям Коримского другое направление.

Поручения, которые получил теперь Урзин, были немало-численны. Они касались не только внутреннего устройства дома, но и сада с двором. По-видимому, Коримский намеревался показать Орано богатство Николая.

— У меня к вам просьба, — сказал Мирослав после окончательного обсуждения поручений.

— Нет такой просьбы, которую я для вас не выполнил бы, — ответил Коримский.

— Возьмите с собой пани Прибовскую. Ей обещали, что она сможет навестить свою семью в долине Дубравы, пока господа в Боровце.

— Я не против, но как вы обойдетесь без нее?

— С Божьей помощью обойдемся. И если вы позволите, я попрошу Агнессу Х., чтобы она до вашего возвращения замещала ее.

— Хорошо. Если вы это уладите, сообщите пани Прибовской, чтобы она была готова.

— Благодарю вас! Спокойной ночи!

— Как вы себе это представляете, пан провизор, чтобы сейчас, когда у вас столько работы, я ушла?

Старая пани Прибовская всплеснула руками, когда Урзин передал ей поручение ее господина.

— Тетушка, я Градским уже пообещал, что вы приедете. Или вы хотите, чтобы я нарушил свое слово?

— Но ведь предстоит ремонт всего дома!

— Это ничего. Господь нам с Агнессой даст мудрости сделать все хорошо. Вы будете довольны. Кухню вашу мы не тронем. Когда вернетесь, вы ее сами приведете в порядок.

— Ах, я с удовольствием поеду, — согласилась она наконец. — Я хоть увижу моего Никушу. Кто бы мог подумать,

когда вы пришли к нам, что мы здесь еще сможем принять невесту? Да еще какую! Я все еще вижу ее, как она тогда была на похоронах. Но не слишком ли она знатная дама для нас?

— Она любит Иисуса Христа, а Он учит Своих детей всему необходимому.

Наконец с приготовлениями было покончено, и Коримский вместе со своей экономкой уехал.

— А теперь за работу! — сказал провизор.

Он собрал слуг на утреннюю молитву, распределил поручения, написал открытку и послал Ферко отнести ее Агнессе. Та сразу явилась, и работа закипела.

Дел было немало, если учесть и то, что Коримский поручил провизору привести в порядок и аптеку. С этого он и начал свою работу. Большую часть пришлось выполнять молодому провизору и его двум помощникам, ибо приведение в порядок всех аптечных товаров не каждому можно поручить. Сотни раз приходилось бегать по лестнице вверх и вниз. Но пан провизор и Агнесса помогали им, и молодые ребята даже не чувствовали усталости. За два дня аптека была приведена в полный порядок. Украшенная цветами и декоративными растениями, она могла теперь сравниться с любой аптекой большого города.

Урзин руководил устройством сада. В нем, по распоряжению пана аптекаря, также намечались значительные изменения.

Прежде всего, позаботились о том, чтобы парк до самой террасы был хорошо освещен. В гостиной и в жилых комнатах блестели уже свежевыкрашенные полы. Оставались еще комната Урзина и молитвенный зал, в котором теперь каждый вечер проводились собрания, ибо подградцы хотели наверстать то, что упустили за время отсутствия пана провизора.

Так наступило воскресенье. Для служения в распоряжении Мирослава был весь день. Его лицо сияло, будто он всему миру хотел сказать:

Труд в жизни для Христа радостно свершай,
Ближних люби всегда, слабых подкрепляй!
Время в жизни ты всегда проводи в труде!
Трудись для Иисуса!

Утром он провел час молитвы с домочадцами, затем люди стали собираться на богослужение. После обеда он с группой молодых людей отправился на прогулку к развалине крепости. Урзин разделил с ними взятую с собой простую пищу и поделился своим опытом в служении Господу, воодушевляя их следовать за Христом. Затем он разучил с ними песню: «Спаситель о мне, недостойном, печется, грехи мои кровью Своей Он омыл».

На вечернее богослужение собралось народу как никогда раньше, и немало сердец в этот вечер приняло решение отдаться Господу.

Когда все ушли и пан провизор проводил последних, Генрих заметил, как тот прислонился к двери и закрыл глаза. Лицо его было бледным, на лбу показались капли пота. Когда Генрих озабоченно подошел к нему, Урзин улыбнулся, заверив его, что это пройдет. Он поцеловал Генриха, пожелал ему спокойной ночи и напомнил, чтобы он все запер и везде выключил свет. А сам ушел.

Куда он отправился, Генрих не знал. Возвратился Урзин поздно и сразу же запер за собой дверь своей комнаты.

Глава пятьдесят девятая

Между тем пани Прибовская проводила счастливые дни в кругу родных. Она увидела Никушу не только здоровым, но и рука об руку со своей прелестной невестой. Пани Прибовская была счастлива, что Никуша представил ее своей невесте как добрую, преданную тетюшку, которая всегда, в особенности же во время его болезни, заботилась о нем. Так как маркизе трудно было с ней объясниться, она ласково поцеловала ее в щеку, глаза Тамары светились благодарностью. Сердце пожилой женщины загорелось любовью к молодой маркизе. «Пан провизор прав, — думала она, — Иисус Христос ее всему научит. Она не гордая и очень любит Никушу. С ним она будет счастлива и всем довольна».

Наконец пани Прибовская увидела своих господ счастливыми. Да, это были славные дни, когда все родные и знакомые окружали ее любовью. И все же покоя у нее не было, ее тянуло домой, потому что она постоянно думала о своих обязанностях, которых сейчас было немало.

— Ты знаешь, Степан, — сказала она своему племяннику, — мы пану провизору оставили очень много работы. Я лучше господ знаю, сколько там работы. Я должна ему помочь.

В понедельник после обеда она собралась в путь. Когда пани Прибовская вечером вернулась домой, она всплеснула руками, увидев все сделанное. Однако и для нее оставалось еще много дел.

Во вторник под вечер в подолинском парке прогуливались Коримский, Аурелий и маркиз.

— Дорогой дядя, — сказал Аурелий вдруг, — пан маркиз знает о твоём плане с Мирославом. Я хотел бы знать, сообщил ты уже ему о своих намерениях?

— Урзину? Нет! — аптекарь отрицательно покачал головой. — Я уже хотел это сделать, но не было времени. Но думаю, это дело потерпит еще несколько дней. Я велел ему привести в порядок аптеку. Значит, он сделает это для себя, потому что после нашего возвращения я намерен передать ее ему.

Лицо Аурелия помрачнело. Надменный тон в речи Коримского раздражал его.

— Я полагаю, что было бы лучше не откладывать это дело, — сказал он спокойно.

— Да ведь осталось всего несколько дней, — вмешался маркиз в разговор, — и неожиданность будет еще приятнее, если Урзин получит приготовленную для своего шефа аптеку.

— Я тоже так считаю.

— Пан Коримский, пожалуйста, подойдите ненадолго к нам, и только вы один, — раздался в этот момент из ближайшей беседки голос Тамары.

— А нам нельзя? — спросил Аурелий.

— Нет, только мой отец, — возразил голос Маргиты.

— Тогда позвольте, — сказал Коримский, улыбаясь, и, поклонившись, удалился. Аурелий и маркиз остались одни.

— Он тянет, — сказал Аурелий недовольно, — а вы, ваша светлость, поддерживаете его в этом.

— Не огорчайтесь, Аурелий, — успокаивал маркиз доктора, — у меня тоже есть план, и, я думаю, что все выйдет наилучшим образом.

— У вас план?.. Могу я узнать, какой?

Маркиз кивнул головой.

— Урзин мне доказал, что и благотворительность должна иметь свои законы и правила. А между тем у меня нет возможности действовать по ним. Но так как у меня есть потребность отблагодарить за выздоровление и счастье моей дочери, а также за оказанную мне милость, я подумал о том, чтобы купить для Урзина аптеку по цене ее стоимости. Не смурьтесь. Я знаю, что он не принял бы этого от меня. Но если он хочет ее выплачивать, тогда пусть эти деньги пойдут на благо страждущего человечества, которому он готов помочь. Я бы вам этого не сказал, если бы не хотел попросить вас быть посредником в этом деле. Я не думаю, что такой кроткий человек, как он, не захотел бы служить орудием для возмещения моего долга. С его принципами он, владелец аптеки, станет благодетелем всей округи, и, — добавил маркиз тихо, — таким образом, он от Коримского может ничего не принимать и ни от чего не отказываться.

— О, пан маркиз, какая чудесная идея! — воскликнул Аурелий восторженно. — Нигде вы не могли бы лучше использовать свой капитал, как доверить его ему! Я с удовольствием буду вашим посредником. Теперь мне нужно только поскорее отправиться в Орлов.

Однако до выполнения этого желания утекло еще много воды.

В среду после обеда в горах разразилась сильная гроза. Сверкали молнии, и немало деревьев было вырвано бурей из земли. Маргита смотрела на разбушевавшуюся стихию и думала о страшном времени перед Вторым пришествием Христа. Она стояла на балконе в Горке. Ветер трепал ее золотистые волосы. Вдруг она содрогнулась: а что, если Адам сейчас находится на обратном пути из Подолоина? У него даже не было зонта! А тучи шли такие черные, грозовые... Вот опять где-то ударила молния!

В страхе молодая женщина стиснула руки на груди. Адам не был готов предстать пред Господом, если его поразит молния! О, Господь Иисус Христос, сохрани его! Я пойду к нему, пойду!..

Страх перед разбушевавшейся стихией отступил перед страхом за любимого. Маргита набралась мужества, взяла зонт в шкафу и поспешила, то подгоняемая ветром, то спотыкаясь, через обломанные ветви, вверх по горе в направлении креста.

Сверкала молния, освещая горы в ступившемся мраке, несколько раз молния ударила в деревья. Вдруг ей навстречу из гущи леса выскочил вороной конь Адама... но без всадника!

— Ада-а-м! — закричала Маргита в ужасе.

«Конь испугался и сбросил его», — подумала она. Собрав все силы, она поспешила дальше наперекор буре, которая давно сорвала с ее головы платок, растрепала волосы, так что они развевались на ветру.

«Господь мой, Иисус Христос, помоги мне его найти!» — умоляла она, протянув сложенные руки к небу. Добежав до креста, она остановилась и обвила его руками, прильнув к нему. Она должна была передохнуть, ноги у нее подкашивались, она вся дрожала от волнения и страха.

«Проклят тот, кто не любит нашего Господа Иисуса Христа», — слышалось ей в раскатах грома. Адам Его не любил, на нем все еще лежало проклятие осужденного. Сегодня этот разговор над ним может исполниться — о, ужас!

В этот момент Маргита поняла, что заставило Сына Человеческого страдать и умереть за род человеческий. Все были осуждены, а Он любил всех, как жених любит свою невесту — как она любила Адама. Она бы тоже умерла, чтобы его спасти.

— Боже мой, пусть лучше я умру, только не дай ему погибнуть! — воскликнула она в отчаянии. — Адам, Адам! — со слезами на глазах звала она своего любимого, но только эхо в горах отвечало ей.

Но этот зов, очевидно, был сильнее всех электрических разрядов, раздававшихся вокруг него, и достиг слуха в глубоком раздумье шагавшего Адама.

«Что это было?.. Во сне или наяву? Ведь это голос моей любимой Маргиты! Зачем она здесь в эту непогоду?!»

Конь Адама рванулся с места, испугавшись грозы, но Адам успел соскочить с него, и поэтому шел сейчас пешком. Грозы он не боялся. Он не раз уже переживал бури на море. Но теперь ему вдруг стало страшно: а вдруг Маргита где-то в этой буре!

— Адам! Адам!.. — раздалось снова совсем близко.

Невыразимый страх стиснул сердце молодого человека. И в самом деле, это был голос Маргиты! Гром грохотал, не

переставая, и сверкала молния, прорезывая огненным зигзагом черные нависшие тучи. Он побежал и с душераздирающим криком упал на колени у креста. На земле лежала Маргита, наполовину прикрытая сорвавшейся с дерева большой ветвью.

— Маргита, моя Маргита! — закричал он, поднимая свою любимую жену.

Ее голова бессильно свисала, а со лба на платье капала кровь, с которой уходила ее молодая жизнь. Он стоял и держал на руках свой рай, о котором он когда-то сказал, что другого ему не надобно. «Что бы ты сделал, если бы меня не стало?» — вспомнил он слова любимой, сказанные ему однажды ею.

— Боже мой, не забирай ее у меня! — крикнул Адам в отчаянии, почувствовав в этот момент непосредственную близость этого живого Бога, в Которого верила Маргита, для Которого жила, от Которого он сам хотел уйти. Он хотел обойтись без Него. Но теперь он просил Его помощи, ибо он не был в силах ни остановить кровь, ни привести в чувство Маргиту, а от креста до Горки было далеко. Он завязал рану своим носовым платком, но кровь быстро просачивалась. Тогда он взял ее на руки и побежал, невзирая на бурю и непогоду, спотыкаясь об обломанные сучья.

«Господи, помоги мне!» — беспрерывно стучало у него в голове, хотя уста его молчали.

Наконец он достиг парка и, положив ее рядом с водопроводом на скамью, стал унимать кровь. Ему даже удалось привести ее в сознание. На одно мгновение она открыла глаза, но они сразу снова закрылись.

— Господь Иисус Христос, помилуй меня, — стонал он в отчаянии.

Он снова взял ее на руки и, прижимая к себе, понес в дом.

— Адам, что случилось? — услышал он из комнаты.

— Аурелий, Маргиту ранило в лесу!

— Маргиту? Невозможно! Что она там делала?

Молодой врач склонился над своей кузиной.

— Не знаю, я нашел ее около креста. На нее упала большая ветка. Мне только в парке удалось остановить кровь. Теперь она хоть дышит, но она без сознания.

— Уложим ее скорее!

Через несколько секунд Маргита уже лежала на диване. Аурелий осмотрел ее голову.

— Рана неглубокая, — проговорил он наконец, — и кровь остановилась. Пусть она отдохнет. Я позову горничную и прислугу, чтобы они уложили ее в постель. Мужайся, Адам!

Молодой ученый молча подчинился всем требованиям врача. Девушки раздели Маргиту, и Адам сам отнес ее в спальню и сел около нее, чтобы дождаться, когда она откроет глаза.

Доктор делал ей холодные компрессы и попытался привести в сознание. Однако он добился лишь того, что она глубоко вздохнула, не шевелясь.

— Маргита, наша золотая Маргита! — воскликнул Аурелий, сжимая руками голову.

— Кто бы мог подумать!? Еще недавно она играла и пела для нас с дедушкой, а теперь... И как она попала туда? Она жива, но если поврежден мозг, она погибла. Бедный Адам! А кто скажет об этом дедушке, Николаю Коримскому?

Да, много воды утекло еще в Боровскую долину, прежде чем маленькая компания могла отправиться в Орлов. Горка, которая еще час назад от очарования, исходившего от Маргиты, была центром счастья, стала местом невыразимого горя и скорби.

Маргита пришла в себя и начала говорить, но это был бред, так как ее сильно лихорадило. Из ее слов Адам и все остальные узнали, зачем она отправилась в лес, кого она искала. Они узнали, как она любила своего мужа.

«Пусть лучше я умру, — повторяла она, — только помилуй его, не дай ему погибнуть! Теперь я знаю, мой Господь Иисус Христос, как сильно Ты возлюбил людей! Ты пошел на смерть, чтобы нас спасти!»

Кто мог описать, что происходило в душе Адама? Это были ужасные минуты, в которые Дух Божий говорил с ним. И Дух Божий говорил не напрасно. Адам понял, что того рая, который умрет вместе с Маргитой, для него недостаточно. Он осознал, что должна быть вечность, в которой это благородное, любящее сердце, эта прекрасная душа должна жить и получить награду за счастье и свет, которые она дарила на земле в течение своей короткой жизни. Да, Господь говорил с ним...

А Коримский? Кто опишет состояние его души, когда он стоял у постели дочери? Он видел ее, как она сегодня пришла к нему с полным передничком цветов, с сияющим от счастья лицом. Он вспомнил, как она прильнула к нему, говоря о будущих планах для Николая, о своей мечте вместе с Адамом, Тamarой и Николаем совершить далекое путешествие на родину Тамары. «Отец, жизнь слишком прекрасна, она не может так продолжаться. Должна быть и борьба, потому что не может быть христианина без креста», — говорила она ему.

Коримский чувствовал, что этот несчастный случай с его дочерью был ответом на его надменные слова: «Ну что твои предсказания, Боринский! Дети мои счастливы... И если бы жил мой первенец, он не нашел бы места в моем сердце...» Ужасный, непреходящий страх сжимал сердце мужчины, но милости оно не просило.

В те дни, когда каждая душа жителя Боровской долины принимала искреннее участие в судьбе молодой хозяйки Горки, появилась другая яркая звездочка. Тамара со своими компаньонками пришла ухаживать за любимой сестрой. Она, которой раньше, во время ее болезни, сочувствовала вся округа, оказалась ярким светом в эти мрачные дни скорби, несмотря на то что она переживала вдвойне: как подруга Маргиты и как невеста Николая.

Как верная сестра, она помогала Адаму, поддерживала дедушку своей любовью и молитвами, старалась утешить отца Маргиты, хотя ей это плохо удавалось. Кем она была для Николая в эти дни, знал только он один. Аурелий готов был носить ее на руках в благодарность за тот свет и утешение, которые она дарила всем.

Сама она получала подкрепление от Степана Градского. Он приходил два раза в день, чтобы осведомиться о здоровье дорогой сестры в Господе, за которую в долине Дубравы постоянно молились.

Глава шестидесятая

В субботу вечером маркиз Орано повез пана Николая в Подолин. Аурелий надеялся, что он там скорее найдет покой.

Маркиз старался отвлечь и утешить старика, но ему это не удавалось.

Именно потому, что пан Николай был вдали от своей любви, в тишине одинокого замка перед ним часто всплывали картины короткого счастья его внуков. О, какой печальной будет жизнь Адама, если Маргита умрет!

— Весь мой дом вымирает, — плакал он, — я остаюсь одиноким и покинутым! Мой старший сын Адам умер с женой, моя дочь Наталия умерла, мой сын Фердинанд, который мог быть счастливым отцом, умер в беде и горе. И теперь еще Адам овдовеет!..

Затронув самое больное место своего сердца, он снова и снова жалобно повторял:

— О, Фердинанд, сын мой, почему я не умер вместо тебя! Но ты умер, а я все еще здесь!..

Скорбными были слова старика. Он не замечал внутренней борьбы маркиза Орано, стоящего у его постели на коленях, не слышал его молитвы. Он даже не обратил внимания на то, что маркиз быстро поднялся и ушел в свою гардеробную комнату, где он умылся, вынул из потайного ящика богатое польское платье и надел его. Пан Николай пришел в себя только тогда, когда рядом на польском языке прозвучали слова:

— Отец, прости своего несчастного Фердинанда!

Старик ошеломленно умолк, а затем из его груди вырвался крик:

— Фердинанд, сын мой!

— Я жив, отец!

Пан Николай словно окаменел. Перед ним стоял, хотя и сильно постаревший, его сын и говорил с ним на польском языке, но голосом маркиза Орано:

— Отец, это я, твой Фердинанд, который тебе однажды поклялся либо вернуться владельцем Подолина, либо никогда. Я действительно жив, в этом ты можешь убедиться. Я только перед тобой снял одежду маркиза Орано. На этот час я встал из могилы забвения, но только на этот час. Мне несдобровать, если меня кто-нибудь таким увидит. Но я хотел успокоить тебя любой ценой. Я хотел из твоих уст услышать прощение. Дай мне его, отец мой, и твой Фердинанд снова уйдет в могилу!

Чувства, которые овладели в этот момент отцом и сыном, описать невозможно! Когда первое волнение улеглось, старик ласкал своего сына, как когда-то в детстве. Оба плакали.

— Мой родной Фердинанд! Теперь ты мне все расскажешь, не правда ли?

— Да, отец. Как ты знаешь, Хельмар и я на корабле заболели. Перед смертью он отдал мне свои документы и попросил вместо него отправиться в Каир. У нас не было другого свидетеля, кроме Бена, а он нас обоих любил. После долгой борьбы я, наконец, согласился и пообещал вместо него отправиться в Египет. Бен достал раствор, при помощи которого мое лицо приобрело темный оттенок. Хельмар долгие годы был на чужбине, и можно было предположить, что никто не заметит подмены. Так и случилось. Когда мы, похоронив его как Фердинанда Орловского, прибыли в Каир, моя внешность никого не удивила. У него была невеста, но ее родители не знали его в лицо. Его невеста стала моей женой, и я вступил во все владения и права. Вся моя жизнь была сплошным обманом. Я жил словно на вулкане, но никогда не бывало так, как теперь, когда я уступил своей дочери и приехал сюда, куда тянуло меня мое сердце, особенно с того момента, когда я узнал, что ты жив. Здесь я нашел своего отвергнутого сына, перед которым я не могу открыться, ибо Фердинанд Орловский не может воскреснуть из могилы, если не хочет запятнать память Хельмара Орано ужасным скандалом. Я поднялся слишком высоко. Вот, отец, я все тебе рассказал. А теперь я прошу тебя, не плачь больше о своем сыне, который, хотя и жив с Богом, скорей хотел бы лежать под песком пустыни, где уже много лет покоится маркиз Орано. Ты, наверное, удивился, что я, не задумываясь, отдал свою дочь Коримскому. Он ведь сын нашей любимой Наталии! И если Тамара выйдет за него замуж, она никогда не попадет в те круги, в которых ее отец жил в обманчивой роли. В день свадьбы она сложит с себя имя и звание, которые она носить не вправе. Богатство ее пусть останется, так как княгиня Вернинг была моей женой и ее матерью и оставила свои владения ей. А другую часть подарил мне Хельмар. Не обманным путем я завладел им, так что проклятия на моем богатстве нет, а мое незаконное имя уйдет со мной в холодный, роскошный склеп семьи

Орано. Родная земля не покроеет тело несчастного беженца. Не плачь, отец, наказание за мои тяжкие грехи не так уж велико. На небесах у нашего Небесного Отца мы однажды все будем дома!

На другой день в Горке, после возвращения пана Николая, все должны были бы заметить изменения, произошедшие с ним. Но когда он пришел, там царила неопишная радость: Маргита пришла в сознание! Кризис ночью миновал, и жизнь ее была спасена. Когда Тамара в восторге прильнула к бабушке, он так крепко прижал ее к своему сердцу и расцеловал, что Тамара в недоумении посмотрела на него. «Этот порыв его радостных чувств связан с Маргитой», — объяснила себе Тамара.

— Я всем вам доставила так много забот и хлопот, — смущенно сказала Маргита, — простите меня.

О, с какой радостью они ее простили! Как все старались показать ей свою любовь! Адам носил ее на руках из одной комнаты в другую.

— Не бойся, — говорил он ей, — я не опечалю тебя больше своим неверием, ты умерла бы не напрасно. Теперь я знаю, что рай может быть в нас, ибо я чувствую, что он мой. Однако наше сокровище должно быть выше, у сердца Иисуса Христа. За всю свою жизнь я не смогу Его отблагодарить за то, что Он мне снова тебя подарил! Ведь за мое неверие Он меня по праву мог бы наказать одинокой безрадостной жизнью, другого я не заслужил.

Это для Маргиты было лекарством. В такой атмосфере она быстро стала поправляться, как напоенный росой цветок. По ее желанию было намечено в следующую субботу собрание в Орлове. Об этом решении дали знать людям в аптеке и в Орлове.

В среду Маргита получила красивый букет цветов в дорогом футляре, на котором золотыми буквами было написано:

«Добро пожаловать к новой жизни!

Твой отчим Райнер».

От такой неожиданности у Маргиты выступили слезы на глазах. А почта принесла ей еще и другой букет, свитый из цветов священной поэзии.

Это было коротенькое письмецо, в котором Урзин приветствовал Маргиту с выздоровлением и просил у Отца Небесного полноту благословений для ее дальнейшего пути. Сочиненное им стихотворение и подписанное просто именем — Мирослав, было таким глубоким и наполненным святой любовью, что Маргита долго его перечитывала и прижимала к губам. Затем она закрыла глаза и заснула, убаюканная чувством счастья от окружающей ее любви.

В пятницу пан Николай пригласил гостей в Горку, чтобы отпраздновать выздоровление Маргиты. В парке он велел устроить большую беседку, украшенную снаружи и изнутри еловыми ветками. Вечером, когда солнце уже садилось, неожиданно для всех появилась Маргита уже без повязки. Ее белое, богато украшенное кружевами платье еще больше подчеркивало ее бледность. Она остановилась. На лестнице стояли Адам и Аурелий, прикрепляя гирлянду с надписью «Маргита». Никуша подавал им необходимое, дедушка держал Аурелию лестницу, а отец подавал Адаму недостающие зеленые ветки.

«Жизнь так прекрасна, — подумала Маргита, — особенно теперь, когда и Адам наш». В этот момент ее заметили. Отец первым поспешил к ней и заключил в свои объятия, Адам также быстро спрыгнул сверху, чтобы поскорее быть рядом с ней. Он только хотел ее пожуричь, что она так рано вышла, как вдруг послышался топот копыт и стук колес. Из кареты вышла Тамара, одетая также в белое платье, в сопровождении отца и компаньонки. Затем приехали семья Зарканых и управляющий. После этого поехали за паном Галем и его супругой. Из долины Дубравы пришли Степан, Петр и Маришка, одетые в красивые народные костюмы.

Вечер удался на славу. Маргита лишь пожалела, что ей нельзя было самой ухаживать за гостями. Но это делал сегодня Адам, причем с исключительной ловкостью и любезностью.

— Чуть не забыл, пан Коримский, — сказал во время ужина пан Вилье. — Я был на почте и привез всю корреспонденцию, поступившую на ваше имя, но до сих пор не отдал.

Он достал журнал и два письма. Журнал был адресован пану Николаю, одно письмо — пану Коримскому, другое — Николаю.

— А, от Мирослава! — обрадовался Николай.

— Наверное, он сообщает, что все готово к приему, — заметил Коримский и сунул письмо в карман.

— Ты позволишь, Тамара? — обратился Николай к своей счастливой соседке.

— Конечно, читай. Я также хочу узнать что-нибудь о пане Урзине.

— Ты не находишь, — сказал в этот момент Аурелий Адаму, — что у дедушки появилась большая симпатия к пану Орано. Посмотри только, как он на него смотрит!

— Да, я вижу, но мне сдается, что эта симпатия появилась только с субботы. Маркиз поддержал его в те ужасные часы страха за Маргиту, и он ему теперь благодарен за это.

— Наверное, ты прав. Однако болезнь Маргиты сильно подействовала на дедушку.

— Никуша, что пишет Мирослав? — допытывалась Тамара, когда все встали из-за стола и группами разбрелись по парку.

Тамара взяла Никушу под руку, и они удалились вглубь парка.

— О, Тамара, это печальная весть.

Девушка испуганно посмотрела в лицо своему жениху.

— Пан Урзин тебя опечалил?

— Да, любовь моя. Он пишет так хорошо, как только он умеет писать. Каждое слово у него — луч любви и света. Но в конце он мне сообщает, что обстоятельства вынуждают его оставить Подград и наш дом. Он благодарит меня за всю любовь, которой, как он пишет, я его осчастливил. Последний абзац очень печален, заметно, что ему было тяжело его писать. Я не могу дождаться, чтобы отец прочел свое письмо. Может быть, в нем объяснение намерения Мирослава.

— Так пойди к нему, Никуша, отзови его в сторону. Нет, лучше я его попрошу сюда. Пан Урзин не должен от нас уйти. Ведь он еще не знает, что должен принять аптеку.

Тамара провела рукой по лицу Никуши, посмотрела еще раз в его глаза и исчезла.

— Что ты хотел, Никуша? — спросил Коримский через некоторое время, обнимая сына.

— Отец, ты уже прочел письмо Мирослава?

— Нет, а что?

— Тогда прочти его, пожалуйста.

Коримский удивленно развернул письмо. В нем было еще одно, адресованное Аурелию. Затем он начал читать, держа письмо так, чтобы и Никуша мог читать.

«Многоуважаемый пан Коримский!

Все приготовления закончены. Дом убран так, что в нем в любой час может состояться семейное торжество. Аптеку мы по Вашему желанию сразу же привели в порядок. На все медикаменты мы наклеили новые этикетки. В присутствии Генриха я открыл новую книгу. В нее все заносится точно, и неясности исключены. Мы привели также в порядок и лабораторию, с врачом я просмотрел все счета.

Таким образом, моя работа у Вас, пан Коримский, закончена. По контракту я обязан заявить об уходе за два месяца, однако обстоятельства вынуждают меня оставить Вас уже теперь. Простите меня за это, но проблем из-за моего увольнения у Вас не будет. Замену Вы легко найдете, если Генрих Вас не устроит. Я же дольше оставаться не могу.

Бог с Вами, пан Коримский! Да благословит Вас Господь во всем! Живите счастливо и примите за все сердечную благодарность от уважающего Вас и преданного Вам Мирослава Урзина».

— Что это значит, отец? — повернулся Николай к Коримскому.

— То, что он пишет глупости, — ответил Коримский, нахмурившись. — А что он тебе написал?

— И со мной он тоже прощается.

— Не беспокойся, Никуша, из этого ничего не выйдет. Он не знает, что мы завтра приедем. Я с ним поговорю, и у него пройдет желание оставить нас и искать новое место, — успокаивал Коримский сына.

— Завтра утром я ему дам телеграмму, чтобы он нас встретил. И если он уже упаковал чемоданы, то пусть распакует. Ему это, наверное, не так трудно сделать, как это было бы нам, — пошутил он.

— Не говори так, отец, мне больно это слышать.

— Какой ты странный, Николай! Ты не понимаешь, что и его чемодан будет полнее, когда он станет владельцем «Золотой лилии»?

Коримский опять перешел на свой надменно-веселый тон, но у Никуши так болела душа, что он с трудом мог улыбаться. Отец еле уговорил его вернуться к остальным. Позже Коримский присоединился к старшим и с непринужденным видом принял участие в общем разговоре.

В это же самое время Аурелий, уединившись, читал свое письмо.

«Дорогой Аурелий!

Из твоих рук я зимой принял аптеку, поэтому я теперь хочу и вернуть ее тебе. Пусть Генрих тебе все покажет. И, пожалуйста, возьми за евангелизацию в Подграде. У тебя достаточно образования и сил нести Благую Весть и великим людям мира сего. А нам, людям малым, Благая Весть особенно нужна, чтобы было чем утешиться в бедности, скорбях и одиночестве.

Я надеюсь, что и Никуша не будет молчать. Однако ты подай ему пример, тебе это будет легче. Очень хотелось бы еще поговорить с тобой, и мне тяжело уходить, не простившись со всеми вами. Но о чем я говорю! Вы все бедному Мирославу оказали много любви. Да вознаградит вас Бог за это! Бог с тобой, доколе свидимся!

Твой Мирослав».

Аурелий смял письмо. «Что за странные мысли! Ты хочешь убежать от нас? И так как ты не пишешь куда, легко может случиться, что мы потеряем твой след, и тогда действительно мы свидимся у ног Христа. Но из этого ничего не выйдет, мой бедный Мирослав. Дядя заслужил, конечно, чтобы ты удрал от него, и он навеки остался бы твоим должником! Однако ты в нужде. Об этом говорят мне твои слова „чтобы было чем утешиться в бедности, скорбях и одиночестве“. Но подожди еще немного, и все это хорошо закончится для тебя».

Аурелий нашел маркиза, и долгий разговор между ними закончился к удовлетворению обеих сторон.

Глава шестьдесят первая

Солнце зашло, заалела вечерняя заря. Прекрасный день, обрадовавший немало сердец, клонился к исходу. Лучами заходящего солнца он посылал также свой прощальный привет блуждающим во мраке людям.

На станции остановился скорый поезд. Проводник открыл дверь вагона первого класса и с интересом смотрел вслед группе людей, вышедших из него. Господа с вниманием и заботливостью сопровождали дам к ожидавшим их экипажам.

— Это Орловские, — шепталась стоящая вокруг публика. Другие, заметив чернокожего слугу, добавляли:

— А это чужие из Подолина.

Через несколько секунд дрожки унесли прибывших от любопытной толпы. Один экипаж около города свернул в сторону, взяв направление к аптеке. Сидевший в нем аптекарь Коримский помахал остальным на прощание шляпой. Вечерняя заря освещала его дом, сказочной красотой сверкали окна. Дверь аптеки была уже заперта, и когда Коримский зашел в дом, он услышал музыку и пение. Коримский, облегченно вздохнув, улыбнулся. «Это лучшее доказательство того, что он ждал меня», — пробормотал он вполголоса.

Он пошел на эти звуки и пришел в наполненный людьми зал.

Коримский сел у дверей так, чтобы тяжелый красный занавес скрывал его от глаз присутствующих. Но никто и не обернулся: одни пели от всей души, другие внимательно слушали.

Тебя зовет Спаситель Сам:

«Стою у двери и стучу,

В твоём Я сердце жить хочу.

Могу ль войти к тебе в твой храм?»

Несет прощенье Он грехам,

И хочет мир в тебе излить.

Он просит дверь лишь отворить:

«Могу ль войти к тебе в твой храм?»

На Коримского эта песня своим текстом и печальной мелодией произвела неприятное впечатление. Он нахмурился. Пропели третий куплет:

Не вечно будет умолять
Тебя к себе Его принять.
Внимай же, друг, Его словам:
«Могу ль войти к тебе в твой храм?»»

Урзин, которого Коримский до этого момента не видел, подошел к столу, чтобы помолиться. И когда он опустился на колени, отблеск вечерней зари осветил его. Коримский не мог оторвать глаз от его лица. Ему казалось, что он такое лицо уже когда-то где-то видел.

На молитву молодого человека он не обращал внимания, но текст, который Урзин сначала прочел, ему запомнился, так как он был очень краток: «Ко Мне обратитесь, и будете спасены, все концы земли».

— Мои дорогие друзья! — начал Урзин, окинув всех присутствующих взглядом. — В необычный час мы собрались, ибо завтра у меня уже не будет возможности с вами говорить. Так как я еще сегодня ночным поездом намерен оставить Подград, я хотел проститься с вами и передать предложенную мне Господом весть. Все время, которое мы могли проводить вместе вокруг Слова Божьего, я вас непрестанно просил: примиритесь с Богом! И о том же я вас и сегодня хочу просить. Но есть здесь и такие, к которым я сегодня обращаюсь в первый и в последний раз. Их я прошу выслушать меня внимательно, ибо это мои последние слова к ним.

В собрании среди присутствующих возникло движение, слышался шепот, но вскоре все успокоилось. Коримский, неприятно удивленный, смотрел на своего провизора, и лицо его становилось все мрачнее. «Значит, он всерьез намеревается уйти! Но я не хочу, чтобы он ушел, ему нельзя уходить!» Сначала он так был занят этими мыслями, что и не слышал слов проповедника, но потом прислушался.

— Обратитесь к Иисусу! Я пришел сказать вам, что Он вас любит. Нет нигде — ни на небе, ни на земле — другого средства

спасения от греха. Не думайте, что вы сами можете что-то исправить. Никакой грех не исправляется! И если он не прощен, он влечет за собой целые горы новых грехов. Поэтому обратитесь к Нему. Он вас исцелит.

Серьезно и проникновенно звучали слова молодого проповедника. Он указывал на свет и на мрак, на путь к спасению и на путь к гибели.

— Я знаю, — говорил он, — что многие из вас еще не примирились с Богом, что вы и сегодня не примиритесь с Ним, и это мне причиняет боль, ибо вы идете в погибель, хотя и для вас приготовлены венцы славы. Я вам все сказал, что мне было поручено. Тем самым работа моя закончена. Я указал вам на Спасителя и на спасение, на губителя и на погибель. Теперь выбирайте сами. Бог с вами!

В зале поднялся плач, и Коримский уже не мог больше слушать.

— Когда все уйдут, — сказал он стоявшему в дверях Ферко, — пусть пан провизор поднимется в мою комнату.

Юноша поклонился, и хозяин дома пошел по коридору. Он с трудом узнал свой собственный дом в его новом убранстве. Он открывал комнаты, в которых царил красота и чистота. Никто Коримскому не мешал, так как вся прислуга была в зале. Наверное, поэтому Ферко стоял у входа, чтобы никто не мог незамеченным подняться в дом.

Осмотрев все, Коримский пошел в аптеку. От изумления он остановился — так чисто и уютно выглядело все вокруг! Ничего не было нового, но все казалось новым, красивым. «Хорошо ты здесь устроил все, — проговорил он вполголоса, — а теперь хочешь уйти? Очень любопытно, какую причину ты найдешь, чтобы оправдать свое глупое намерение?»

Проходя мимо комнаты провизора, он открыл дверь. И снова его гордое лицо помрачнело. В комнате царил полный порядок, но все в ней казалось чужим и нереальным. На столе не было больше книг, и на стене не висело больше изречение «Прощайте, и прощены будете!» Недалеко от дверей стоял уже старый упакованный чемодан, на нем лежал такой же старый сложенный плед, зонтик, перчатки и шляпа. Все это, казалось, говорило надменному

человеку: «Я ухожу, да, да, я ухожу!» Коримский отвернулся и ушел в свою комнату. Там он беспокойно зашагал из угла в угол.

Наконец в коридоре послышались знакомые легкие шаги, дверь отворилась, и перед ним появился его провизор.

— Я хочу вас спросить, — сказал Коримский после короткого приветствия, — по какой причине вы хотите оставить мой дом?

Коримский говорил холодным тоном. Перед своим провизором он не хотел унижаться.

— С вами кто-нибудь поступил несправедливо в моем доме?

— Нет, но, поверьте мне, пан Коримский, я вынужден уйти, — возразил юноша спокойно.

— Может быть, у вас и есть причины настаивать на своем, — начал тот снова со снисходительной приветливостью, — однако и у меня есть причины, чтобы вас не отпустить.

Урзин поднял глаза на него. В них было что-то очень странное.

— Вы едете к своим родным?

— У меня никого нет, пан Коримский.

— Вы нашли более доходное место в другой аптеке?

Урзин отрицательно покачал головой.

— Ну, тогда вы никуда не уйдете от нас уже по той лишь причине, что мы, Коримские, не хотим оставаться у вас в долгу... Николай вас любит. Он не может так просто расстаться с вами, как и вы с ним. С согласия моего сына и дочери я отдаю вам аптеку. Не отступайте, не бледнейте! Это не милостыня и не подарок, которые вы в своей гордости не приняли бы, нет. Вы выплатите мне за нее частями, потому что мы желаем, чтобы вы оставались у нас и стали членом нашей семьи. Так что все остается по-старому, с той лишь разницей, что пан аптекарь Урзин займет комнаты около зала. Ну-ну, Урзин, не окаменейте только, — добавил он в своей добродушно-надменной манере.

На дворе наступила ночь. Коримский не мог видеть лица неподвижно стоявшего провизора. Коримский положил ему руку на плечо.

— Мирослав!

Урзин вздрогнул. Выражение бесконечной благодарности легло на его лицо. Он схватил руку Коримского и прижал ее к своим губам.

— О, я благодарю вас за милость, которую вы мне хотите оказать! — произнес он дрожащим от волнения голосом. — Да вознаградит вас Христос во веки вечные за то, что вы обо мне заботитесь, что вы даже готовы принять меня! Да воздаст вам Господь за это, но принять этого я не могу — поздно!

— Что вы сказали? — Коримский превозмог сильное желание обнять юношу. — Вы не принимаете нашего предложения?

— Я его не презираю, поверьте мне, но теперь поздно.

— Вынуждают ли вас обязательства перейти на другое место? — спросил оскорбленный в своей гордости Коримский.

— Да, я должен поступить на другое место. Позвольте мне объяснить вам, только не сердитесь, пожалуйста! — попросил Мирослав.

— И этот договор вы заключили за нашей спиной, без нашего ведома? О, как позорно вы нас обманули своим лицемерием! Мы поверили в любовь, которой в вашем сердце не было!

— Позвольте, пан...

— Мне извинения не нужны. Я не намерен выслушивать ваши лживые доводы! Зачем все эти слова? Пришлите мне со своего нового места ваш адрес, чтобы я знал, куда вам выслать долг. А теперь идите, но сейчас же, ибо я не желаю, чтобы мой сын встретился с вами и стал вас упрашивать остаться.

Повелительное движение рукой — и Урзин вышел, но, не доходя до дверей, он обернулся.

— Пан Коримский, — сказал он голосом, каким, наверное, люди будут говорить друг с другом там, в непосредственной близости от Бога. — Если вы когда-нибудь пожалеете о своих словах и о том, что вы сейчас сделали, тогда вспомните, пожалуйста, что я вас простил и ушел от вас с молитвой и благими пожеланиями.

После того как дверь закрылась, Коримский постоял еще некоторое время, борясь со своими чувствами. Потом он вдруг услышал взволнованные, обличающие слова:

— Пан Коримский, вы с этим молодым человеком обошлись крайне несправедливо, этого он не заслужил!

— Доктор Раушер! — воскликнул Коримский, пораженный. — Вы здесь? Когда вы приехали?

— К началу ваших переговоров. Я спешил сюда, так как я только что узнал о вашем прибытии. Я спешил сюда, чтобы вас просить, любой ценой удержать Урзина в своем доме, и вот я вижу, как вы его выгоняете, не дав ему даже возможности объяснить, почему теперь уже поздно! Вы обвинили его в том, что он вас обманул! Он вас обманул?! Эта самоотверженная непонятая душа? То, что вы не дали ему объяснить, я вам сейчас вместо него объясню. Завтра будет как раз три недели, как он приходил ко мне, чтобы попросить меня осмотреть его и узнать, сколько ему еще осталось жить. Результаты осмотра ошеломили меня, и я вынужден был сказать ему правду, что он проживет не больше трех недель...

Коримский судорожно прижал руки к груди.

— А что с ним?

— Порок сердца, наверное, с детства. Он сказал, что родился преждевременно, и на пятнадцатом году жизни с ним случилось что-то очень тяжелое, что продолжалось до восемнадцатилетнего возраста и значительно ухудшило его здоровье. Этот молодой человек уже много страдал, и он переносил все страдания с удивительным терпением. Для него опасно любое волнение. Около года назад врач сказал, что жить ему осталось не больше года. Но у вас он слишком много работал. Кроме того, его сердце страдало вместе с вами, а это ему было вредно. Он погубил себя у вас, и в благодарность за это вы ему теперь указываете на дверь! Мне жаль, что приходится так с вами говорить, пан Коримский, но я скажу одно: вы должны признаться, что никому не причинили большего зла, чем этому молодому человеку. Однако позвольте мне присмотреть за ним.

— Доктор Раушер, то, что вы мне сейчас сказали, действительно правда? — проговорил Коримский с трудом.

— Правда.

— А если вы это знали, почему же вы мне не сказали об этом?

— Я хотел было сказать вам, но он попросил меня не делать этого. А потом случилось несчастье с вашей женой... В то время я вам не хотел об этом писать и ждал, когда вы приедете... Теперь пустите меня к нему! Или вы действительно хотите, чтобы он, уйдя таким взволнованным, где-то по дороге умер?

— Удержите его и просите от моего имени остаться. Я не могу сейчас идти к нему, но я приду, — простонал Коримский.

Доктор поспешил вниз по лестнице. Когда он открыл дверь в комнату провизора, то увидел картину, которую не забудет всю жизнь. Около дивана, склонив голову к груди пожилой женщины, стояла молодая девушка. Обе тихо, но горько плакали. Возле дивана стоял на коленях плачущий мальчик. На диване лежал Урзин. «Теперь все сделано, и мне ничего не нужно», — говорило выражение его лица. Он находился на земле в своем последнем сне, от которого его уже не разбудит жестокое слово.

— Мирослав! — раздался в комнате крик ужаса.

Сильные руки отодвинули доктора Раушера в сторону.

— Что с ним, доктор? — Аурелий Лермонтов взял свисающую руку, пощупал пульс и приложил ухо к его сердцу. — Агнесса, Генрих, пани Прибовская, что с ним случилось?

— Ах, доктор Лермонтов, мы не знаем, — ответила пани Прибовская сквозь слезы. — Ферко прибежал за нами, и мы нашли его таким. Мы послали за доктором Раушером, но он все не шел. А вас Сам Господь привел сюда.

— Ему уже не поможешь, он умирает, а Никуши нет! — Как подкошенный, доктор Лермонтов упал на колени, омывая своими слезами руки друга. — Зачем ты оставляешь нас, дорогой мой друг! Генрих, пустите меня, я поддержу его голову. Вот так, брат мой, у сердца моего заверши свой земной путь, если ты от нас уходишь!

Аурелий поцеловал влажный лоб умирающего.

В этот момент длинные ресницы Мирослава поднялись, и его взгляд, полный любви, устремился сначала на друга, а потом на собравшихся. Все стояли, затаив дыхание и ожидая, что сомкнутые уста еще раз раскроются, но... Уставшая душа после долгой победоносной борьбы молча простилась со всеми, идя в дом Отца, чтобы принять венец славы. Неземным светом осветилось его лицо и оставалось таким, пока земля не покрыла его. Едва заметный вздох, тихий стон, подобный стону ребенка во сне, — и грудь его больше не вздымалась.

Его земная жизнь была позади. На руках доктора Лермонтова покоился богатый наследник Неба, но земля понесла потерю.

Где теперь найти такое сердце, которое умеет любить людей, помогать нести им тяжести, утирать их слезы, нести им свет Истины, не ожидая признания?

А что чувствовал Коримский, стоявший у двери рядом с доктором Раушером, когда угас свет этой жизни?

— Он умер? — выдавил он в глухом отчаянии.

— Умер, пан Коримский. Но смерть его была прекрасной. Он жил, как святой, поэтому Бог даровал ему такую смерть. Он был необычайно добрым парнем.

Стараясь скрыть свои слезы, доктор оставил комнату умершего и этот дом. Его чувства к Коримскому в этот момент нельзя было назвать добрыми. У себя дома он вспомнил тот день, когда Урзин неожиданно пришел к нему.

— Что вас привело ко мне в такой поздний час? Или у вас опять есть больной, которого вы скрываете?

— Нет, пан доктор, я сам пришел к вам. Простите, пожалуйста, за поздний час.

— Вы сами? Да вы такой бледный! Что с вами стряслось? Руки ваши горят, пульс с перебоями. Вы хотите, чтобы я вас осмотрел?

— Да, я за этим и пришел. У меня порок сердца. Врач сказал, что жить мне осталось около года, а теперь уже прошло полгода. Но жизнь моя очень быстро идет к концу, я это чувствую. Поэтому я прошу вас, скажите мне как врач, сколько я еще протяну?

— Если побережете — два-три месяца, а так — едва четыре недели.

Доктор Раушер вспомнил, как юноша, подперев голову рукой, посидел немного, а потом, поблагодарив его, протянул ему руку. Он уже собрался было уйти, но вдруг у него случился сердечный приступ... Теперь страдания его закончились. Коримский своей жестокостью сократил его жизнь.

Между тем по аптеке молниеносно распространилась весть о смерти пана провизора. «Умер... умер...» — слышалось в коридорах и во дворе, словно и стены повторяли это слово. А в зале на коленях стояла молодая, громко плачущая девушка.

— Ты нам еще не все сказал, — взывала она к умершему. — Что мы без тебя будем делать?

Глава шестьдесят вторая

Через несколько минут в открытые ворота сада Коримского въехали два экипажа.

К изумлению соседей, сад озарился сказочным светом. Аурелий, по своем прибытии сюда, дал слугам соответствующие указания. Приготовления Мирослава были не напрасными. Сверкающий блеск и красочные украшения приветствовали невесту Николая. «Да благословит Господь твой приход, Тамара!» — светились слова над аркой в середине парка. А над другой аркой приехавшие читали: «Добро пожаловать, Маргита, к новой жизни!» Вверху, на скале, светились огненные буквы: «Иисус — победа, свет, исцеление и благословение. Аллилуйя!»

«Какая красота!» — невольно восхищались все. Тамара прислонилась головой к плечу Николая, любуясь освещенным садом, напоминавшим ей восточную сказку. Ей казалось, что даже в раю не может быть лучше. Никуша разделял ее чувства.

— Добро пожаловать, любимая Тамара, в мой отчий дом! О, дал бы Иисус Христос, чтобы жизнь твоя уподобилась этому саду и чтобы ты никогда не пожалела, что пришла ко мне.

Она обняла его и прильнула к нему.

— Не говори так, Никуша! Или ты не знаешь, что мы равные с тобой? Разве мы не дети одного Отца? Разве у нас нет Небесного Брата, у Которого записаны наши имена? Какая же разница между нами? Если у тебя только хватит терпения, я от всего отвыкну, что не соответствует нашим обстоятельствам. Иисус Христос поможет мне. Он пришел на землю, потому что Он нас любит. Но зачем все эти слова? Мы с тобой любим друг друга; ты — мой, я — твоя. Мне так хорошо, что я могу прислонить голову к твоей груди. Никуша, я не поменялась бы своей судьбой ни с одной царской невестой!

Поцелуй молодого человека запечатлел все то, что словами не скажешь, но что нужно засвидетельствовать всей жизнью.

Николай почувствовал необходимость снять шляпу. Держа свою невесту в объятиях, когда она с такой любовью и полным доверием прильнула к нему, наполняя его сердце блаженством,

он снова предал себя вместе с ней Господу. Счастье для него было слишком большим, чтобы удержать его своими слабыми руками, поэтому он положил его в сильные руки своего Господа. Тамара видела, что ее любимый молится, и также устремила взор ввысь с тихой мольбой: «Услышь его, Господи!»

— Адам, там написано, что Иисус — Победитель? — слышался вопрос из другой кареты.

— Да, Маргита.

— Значит, ты действительно веришь в Него и принимаешь Его, как своего Господа?

— Он — Победитель, а побежденные должны быть Его слугами.

— Адам, дорогой, только по принуждению?

Он вздрогнул и прижал ее крепче к себе.

— Не пугайся, сокровище мое! Чувства моего благодарного сердца к моему и твоему Господу я никогда не смогу выразить, но Он меня понимает. Посмотри, там приветствует и тебя рука любви в новой жизни. Собственно, там и мое имя должно стоять, так как и я вступаю в новую жизнь и из старой ничего не взял с собой, кроме любви к тебе, но и она преобразилась, став чище, священной. Я благодарю тебя, дорогая моя Маргита, за твою большую любовь, которую ты ко мне сохранила, несмотря на то что мы стояли на разных берегах и между нами была пропасть. Как велика она была, я вижу только теперь, когда ее больше нет. Удивительно и непонятно изменение во мне! Я держу тебя в своих объятиях, чувствую, как бьется твое сердце, ощущаю твое теплое дыхание, и мне кажется, что мы одно целое, которое никто и ничто уже не может разделить.

Она не сразу ответила, потому что чувствовала то же самое. «Так и души наши должны быть связаны со Христом, так же тесно и неразрывно, тогда и мы сможем сказать: „И уже не я живу, а живет во мне Христос“».

В то же время в Орлове пан Николай и маркиз Орано молча сидели в библиотеке. Вдруг пан Николай встал, запер дверь и обнял своего гостя.

— Фердинанд!

Маркиз приподнялся, вздрогнув.

— Отец, что ты делаешь? Зачем ты вызываешь своего сына из могилы? Зачем ты меня искушаешь? — воскликнул он скорбно.

— Мы ведь одни здесь, нас никто не слышит, — возразил старик печально, почти по-детски. — Ах, хоть немного, на короткое время будь моим сыном!

— О, отец мой, как меня угнетает эта маскировка! Я тебе не должен был открываться! Прости мне мою слабость.

— Не говори так! Я хочу помочь тебе нести это бремя. Только мне страшно становится, когда подумаю, какие чувства тобой овладевали, когда ты перешагнул порог Орлова! Наверное, ты в ту ночь снова вспомнил мою жестокость.

— Знаешь, отец, что я чувствовал? Невыразимую тоску и желание умереть у тебя, как наша Наталия.

— Фердинанд!

— Да, отец, мне было бы так хорошо в могиле, где нет больше обмана. Дай мне выплакаться! О, как эти слезы меня давили! Как я рад, что наши дети ушли, и я еще раз имею возможность быть твоим сыночком, хотя голова моя уже поседела.

— Мой Фердинанд! — Старик гладил щеки сына, как он это делал в дни его детства. — Велико и тяжело горе твое, но Бог милостив, Он поможет тебе его нести.

— Я верю, отец, что если Он меня не отверг, несмотря на мои великие и тяжкие грехи, то Он и смилуется надо мной и поможет терпеливо нести заслуженное наказание. Однако, отец, переоценивать мои силы — это значит играть с огнем. Поэтому не удивляйся, если я тебе скажу, что в следующем месяце уеду. Я обязан там, где прежде жил язычником, жить как христианин и воздать честь Иисусу Христу.

— Ты хочешь вернуться в Египет?.. И так скоро?

— Да, я обязан, отец, не задерживай меня! Тамаре я это сам объясню, она меня поймет. А когда на нашей родине настанет зима, отправь ко мне Тамару и Никушу, Маргиту и Адама. Ты один не останешься, я тебе оставляю моего Аурелия вместо себя. О, отдай всю свою отеческую любовь ему! Сделай это ради меня!

— Фердинанд, дорогой мой, подожди хотя бы детей!

— Не могу, отец. Не плачь и не задерживай меня! Я не могу, — убеждал маркиз старика. — У меня нет больше сил скрываться от сына. Ведь ты знаешь, что Аурелий Лермонтов никогда не может быть сыном маркиза Орано, а Фердинанд Орловский никогда не может встать из могилы. Если бы я ему открылся, то пришлось бы ему нести со мной вместе бремя моей маскировки. Достаточно того, что ты его несешь. Но ты стар, и мы с тобой скоро уйдем за Наталией, а он молод. Было бы грешно омрачить его жизнь. Он счастлив от сознания, что его родители соединены на небе. И когда он придет к Господу, он узнает истину. Я не думаю, что он уйдет раньше меня. Сердце мое противится разлуке, но разум и чувство долга повелевают мне ясно: «Иди туда, где ты грешил, чтобы жить там, как велит тебе Христос. И если ты ничего уже не можешь исправить, ты можешь хотя бы свидетельствовать об Истине, что без Иисуса Христа нет ни света, ни счастья». Единственное, что меня поддерживает в моем горе, это то, что я ясно вижу задачу моей жизни. Ты не помешаешь мне, отец, не правда ли?

— Нет, сын мой. Иди, куда зовет тебя Дух Божий. В работе горе забывается. Мы оба до сих пор Богу не служили. В конце своей жизни я уже не могу Ему так служить, как хотел бы. Но ты еще полон сил, жизнь еще перед тобой. О, посвяти ее Господу без остатка! Оставаться здесь означало бы играть с огнем и переоценивать свои силы, и пользы от этого никому не было бы. Поэтому будет хорошо, если мы расстанемся. Ведь уже недолго до чудной, бесконечной вечности, где Господь сотрет все слезы с наших очей.

— Я благодарю тебя, отец. И так как я не знаю, выпадет ли нам еще такой момент, прошу тебя благословить меня. Когда-то я с твоим проклятием ушел отсюда, оно разрушило все мое счастье, а теперь я прошу твоего благословения — оно принесет мне большую пользу.

— Да благословит тебя, дорогой сын мой, Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, чтобы тебе жить и умереть с Божьим благословением. Аминь.

— А теперь, отец, посмотрим еще раз на Орлов. Я еще раз хочу увидеть мой отчий дом и вспомнить все те счастливые дни, которые я прожил здесь с Адамом и Наталией, когда мы еще

были твоими маленькими детьми и ничего не знали о бурях жизни. Пройдем с тобой по всему Орлову, прошу тебя. К этому времени, наверное, и наши дети вернутся, и с ними Урзин, которого я едва могу дожидаться, ибо кем бы я был сегодня без него? И что бы со мной было в вечности?

— Да, что бы с нами всеми было?

Глава шестьдесят третья

— А теперь, Генрих, расскажите мне, как это случилось? — обратился Аурелий Лермонтов к юноше, когда первый порыв горя прошел. — Кроме вас мне никто ничего не сможет рассказать.

— О, пан доктор, я вам все скажу, что мне известно, но знаю я мало и объяснить вам ничего не смогу. Пан провизор сказал нам вчера вечером, что уезжает. Он назначил на сегодня прощальное собрание. Но мы все думали, что вы и молодой пан не отпустите его, когда приедете. До обеда у него было еще много дел, так как устанавливались арки в саду. Временами он был очень бледен, и было видно, что он сильно устал. Когда я после обеда зашел к нему, он лежал на диване. Наверное, у него были боли, потому что он улыбался с трудом. Руки его были ледяными, а щеки горели огнем. Затем мы вместе уложили все его вещи. При этом он подарил мне все свои лучшие вещи из одежды. Свои книги и картины он тоже разделил между мной и Ферко. Некоторые он отложил в сторону для Агнешки и Степана Градского. Когда Ферко сказал, что у него самого ничего не останется, если он нам все отдаст, он возразил, улыбаясь, что на дорогу у него все есть, а там, где он потом будет, ему все дадут. Когда мы закончили укладываться, он умылся, причесался и оделся в чистое белье и в свою лучшую одежду. Пани Прибовская принесла ему поесть. Она только посмеялась, потому что была уверена, что он напрасно готовится в дорогу. Ей он также подарил книгу и попросил отдать его вещи после стирки какому-нибудь бедному человеку. Есть ему не хотелось. Он нам дал еще разные добрые наставления. Когда мы ушли от него, он писал в своем дневнике. Наступил вечер. Перед закрытием аптеки он еще

зашел и приготовил лекарство для какого-то больного. Потом он осмотрел еще раз сад и зашел в зал, когда мы все уже сидели на своих местах. После собрания Ферко позвал его к хозяину. О, как мы ждали его возвращения! Вскоре он вернулся в свою комнату, такой бледный и печальный, что мы перепугались. Он сел на стул около двери. Когда мы подошли к нему и опустились рядом с ним на колени, он прижал нас к себе, прислонил свою голову ко мне и заплакал, горько заплакал. На вопрос Ферко, действительно ли он нас оставляет, он, перестав плакать, сказал: «Я должен уйти, здесь нет больше места для меня». Затем он встал, подошел к столу и положил свои часы в футляр. Он намеревался стоя написать несколько слов, но вдруг покачнулся, и, если бы мы не подскочили, он упал бы на пол. Наверное, у него были сильные боли, он так стонал! Мы его уложили на диван. Я приподнял его голову, Ферко побежал за пани Прибовской. Но прежде чем она с Агнессой успела прийти, я услышал его последние слова: «Совершилось! Аллилуйя!..» Со слезами я просил его сказать нам еще что-нибудь, но он только шевелил губами и блаженно шептал: «Иисус!» Это слышали и остальные. Потом вы пришли, пан доктор, и все было кончено.

— А раньше вы никогда не замечали, что он был болен? — допытывался доктор, с трудом удерживая слезы.

— Замечали. Особенно с тех пор как он вернулся из Боровской долины. Нам всем казалось, что его оставляют последние силы. Но он никогда не жаловался. В ночь со среды на четверг он не мог спать, и сердце мне подсказало пойти к нему. Дверь его была закрыта, но крючок был слабенький и поддался. Я нашел его полуодетым на диване. Щеки его горели. Он стонал во сне и был очень благодарен, когда я его разбудил. На мои расспросы, болен ли он и не нужно ли чего, он ответил только, что Иисус Христос его скоро уже исцелит. Когда я в четверг и вчера пытался открыть его дверь, она была крепко заперта. Я думаю, что у него уже давно было большое сердце.

— Почему вы так считаете? — спросил врач.

— Однажды мы готовили лекарство для одного сердечника, и Ферко не захотел отнести его, я тоже думал, что люди сами придут за ним. Тогда он так грустно посмотрел на нас и сказал: «Если бы

вы знали, какие это боли и как такой больной нуждается в успокоительном лекарстве, вы бы поторопились доставить ему облегчение». «А от этого лекарства ему будет лучше?» — допытывался Ферко. «О, конечно, это очень хорошее лекарство! Оно унимает боль, и больной сможет заснуть». А вчера вечером я видел такое же лекарство на его столике, и рядом лежал кусочек сахара. Значит, он его принимал. Больше я ничего не могу сказать.

— И не нужно, мне этого достаточно.

Аурелий печально опустил голову.

— Господа едут! — доложил в этот момент запыхавшийся заплаканный слуга, напомнив Аурелию, что кроме умершего друга на свете есть еще кто-то, кто нуждается в его участии больше, чем ушедший в небесную обитель Мирослав.

— Аурелий, Аурелий! Этого не может быть! Скажи, что это неправда! Невозможно, чтобы Мирослав умер и оставил нас!

— Аурелий, скажи, что это не так! — наперебой умоляюще повторяли молодые голоса.

— Объясни нам, как это случилось!

— Этого я не могу, дорогие мои! Я так же опоздал и кроме последнего взгляда его милых глаз, я уже ничего не получил от него. Господь отозвал Мирослава внезапно. Он его отозвал, Никуша... Идемте и убедитесь сами, что я говорю правду. Глядя на его преображенное лицо, вы не будете так горевать.

— Ты нас оставил, и мы даже не могли поблагодарить тебя, даже руку твою не пожали на прощание! О, Мирослав, зачем ты это сделал! — послышались вскоре возгласы и плач в его комнате.

— Ты теперь уже в Новом Иерусалиме, — сказал Адам, — теперь все, о чем ты говорил, принадлежит тебе, теперь ты богат и навеки возвышен.

— Но мы тебя даже не отблагодарили, — рыдала Тамара.

— Только теперь я понимаю твой прощальный привет, — плакала Маргита.

— Я выздоровел и остался жив, а ты умер, — горевал Николай. — Меня ты вымолил у Господа, а сам ушел. Нам бы теперь только трудиться вместе, но ты уже достаточно потрудился!

Когда плач утих, пани Прибовская доложила, что в зале все готово, чтобы положить Мирослава в гроб. Слуги принесли

носилки, но господа не позволили им прикоснуться к своему дорогому другу. Они сами положили его на носилки, и Аурелий с Адамом перенесли его в зал. Маргита расчесала его волосы, Тамара начала украшать его цветами. Никуша держал его за руку, будто он все еще не мог понять, что его нет уже в живых.

Когда все было готово, Маргита вдруг вспомнила, что нет ее отца, и это для нее было ударом. Она побежала искать и нашла его в комнате: он лежал на диване, уткнувшись лицом в подушки. Маргита не удивилась — очевидно, он был глубоко потрясен.

— Отец, мы уже пришли, — сказала она, целуя его. — Но что ожидало нас здесь! О, кто бы мог подумать!

От ее слов он вздрогнул и хотел было подняться, но потом снова зарылся лицом в подушки.

— Отец, не печалься так, — утешала его Маргита, плача. — Мирослав ушел к Иисусу Христу.

— Да, — последовал глухой ответ, — он ушел, чтобы обвинить меня.

— Тебя обвинить? Почему же? Не думай так, отец, дорогой! Даже если у Мирослава на это была бы причина, он был слишком добр, чтобы кого-нибудь обвинять.

— Да, он был добрым, а я? О, Маргита, если бы ты знала! Оставь меня, я тебя прошу!

— Но ведь Тамара пришла, отец, и никто ее не приветствовал здесь.

— Тамара?

Коримский, вздрогнув, вскочил с дивана, и дочь увидела его до неузнаваемости изменившееся от душевных мук лицо. Она даже испугалась и больше ни о чем его не стала спрашивать.

Все заметили, что Коримский был глубоко потрясен. Никто его ни о чем не спрашивал. Тамара решила побыть с ним и утешить. Маргита пошла к пани Прибовской, чтобы с ней и с Аурелием обсудить дальнейшие действия, так как отец ее не был в состоянии это сделать. Адам с печальной вестью поскакал в Орлов, а Никуша зажег свечи вокруг гроба и остался наедине со своим другом.

Когда он в своей невыразимой печали склонился к нему, чтобы немного пригладить костюм умершего, он заметил, что

карманы его были наполнены бумагами. «Там ему это уже не понадобится», — вздохнул Никуша и выложил все из карманов: два трактата, два Новых Завета, небольшой кошелек и книжечку в черном переплете — дневник. Последнее, вместе с кошельком, Никуша взял себе, остальное он положил на фисгармонию. Долго он еще сидел около своего умершего друга, и никто ему не мешал.

Глава шестьдесят четвертая

Насколько прав был декан Юредкий, сказав недавно, что «бедные ценят его очень высоко». Молниеносно распространилась в Подграде весть: «Пан провизор умер!» Люди приходили и уходили, говоря: «Для меня он то-то сделал, а для меня это; мне он то-то подарил», и так далее. И это продолжалось несколько дней.

Многим людям пан провизор свидетельствовал о Господе. Если число пришедших к Христу и было небольшим, то все, познавшие Его, знали доброту Урзина и за его благодеяния чувствовали себя обязанными ему. Люди просили позволения хотя бы до полуночи быть около него, в чем им не отказывали.

Когда приехали пан Николай и маркиз, около гроба собралось уже много людей. Они видели, как пан Орловский поцеловал пана провизора, и слезы катились по щекам.

Прибывший с ним иностранец также поцеловал руку провизора и долго не мог оторвать взгляд от лица усопшего. Барышни, бывшие с ним, также плакали. Затем господа уехали в Орлов, в доме остались только пан аптекарь, который никому не показывался на глаза, и Николай Коримский.

Отчизна моя в небесах, к ней стремится и рвется душа:
Там святые в бессмертных лучах, там струится живая вода.
В небесах, в небесах, отчизна моя в небесах!
Господь меня ждет в небесах; Он готовит обитель Свою,
Отдых мирный на злчных лугах в Его светлом, блаженном раю.
В небесах, в небесах, отчизна моя в небесах!
Уж скоро мне быть в небесах, скоро кончится путь мой земной;

Там мне встретятся в райских вратах те, что верою жили святой.
В небесах, в небесах, отчизна моя в небесах!

Слышалось пение по всему дому, даже в той комнате, где взад и вперед ходил Коримский. Он подозревал, какие мучения вынес тихий и скромный Урзин, перед тем как наступила его неожиданная, хотя и предсказанная смерть. Кто знает, как чувствует себя душа, которая в таком случае сознает себя виновной в случившемся? «Я ничего не мог сделать, он сам виноват, — говорил себе Коримский. — Почему он мне сразу не сказал о своем состоянии? Я бы дал ему возможность лечиться, если бы он мне написал в своем письме: „Я болен, поэтому ухожу из аптеки“. Я послал бы его на курорт. Но он все скрывал от нас. Раушер ему был ближе. Он виноват, что я унился перед этим человеком».

Таким образом, Коримский старался заглушить обвиняющий его голос, твердивший ему: «Он работал у вас до изнеможения, а вы выгнали его из дома».

У источника спасенья будешь ли меня встречать?
Там, во славе наслажденья я смогу ль тебя обнять?
Там другие в звуках пенья будут мне привет слагать.
У источника спасенья будешь ли меня встречать?
Да, я встречу, где источник, да, тебя я встречу там,
Где течет живой источник, да, тебя я встречу там.

Под звуки этой песни Николай читал дневник своего умершего друга, и перед ним еще полнее раскрылась его душа. Из этих записей он узнал о том, какую работу Урзин проводил. Вдруг Николай Коримский прочитал такое, от чего нельзя было не вздрогнуть.

«Сегодня я был у доктора. Моя болезнь достигла своей высшей точки. Врач сказал мне, что я проживу едва ли год. Господи, я еще так мало сделал и так мало времени осталось мне служить Тебе! О, я прошу Тебя, дай мне силы быть Тебе верным до конца и сделай этот мой последний год благословенным годом, чтобы я еще многим душам мог указать путь к спасению».

«Едва полгода прошло с тех пор, — подумал Николай. — Значит, доктор ошибся. Стало быть, Мирослав знал, когда он пришел к нам, что жить ему оставалось недолго». С волнением Никуша читал дальше. Сердце его сильно забилось, когда он прочел следующее:

«О, что я сегодня узнал! Какая печальная весть. Николай отравился! Господа, рассказывавшие об этом друг другу, очевидно, не подозревали, кто слышит их разговор и что от этого кровью обливалось сердце брата. Мой Никуша, о, мой Никуша! И у меня нет возможности поспешить к тебе! Все сейчас в такой горе, а я не могу им помочь! А так ли это? Им нужен провизор, а я здесь освобожусь только в ближайшие дни. Может быть, пан Коримский взял бы меня? Но пойти к нему в услужение? О, это больно!

Тихо, душа моя, что это за мысли? Ведь таким образом я попал бы к Никуше! И, может быть, я мог бы свидетельствовать перед ним о Господе? Но это самопожертвование, это ежедневное волнение, а я так болен... Но кто принесет им Свет, если я этого не сделаю?»

По щеке Никуши скатилась слеза. Он на мгновение закрыл глаза, а потом стал читать дальше.

«Слава Господу, мое прошение принято. Я пишу уже в дороге.

После трудной борьбы мне снова светит свет мира. Да, я за все воздам любовью. Я не нарушу моего обещания, дедушка. Я тебе обещал никогда ничего не принимать от Коримского, но я не обещал никогда ему ничего не давать. Так как он мне не позволил всю жизнь быть ему любящим сыном, я хочу хотя бы как подчиненный послужить ему из последних моих сил. Ведь он никогда не узнает, кто жил под его крышей. Мой позор я и дальше понесу один».

Со страхом и удивлением Николай стал пролистывать книжку и искать между изложениями мест из Священного Писания и текстами песен замечания, относившиеся лично к нему или Мирославу. Их было трудно найти, потому что он мало писал о себе.

«Я видел Никушу. О, какой красивый у меня брат, хотя он сейчас так болен! Он так страдает, а тебе, душа моя, твои страдания иногда кажутся невыносимыми! Что они в сравнении с его страданиями? Верно, ты страдаешь от рождения, но те неожиданные, внезапно появившиеся страдания сильнее. О, если бы я мог умереть вместо Николая, чтобы любимый сын остался с отцом! Как он его любит! И Никуша достоин этой любви. О, если бы я мог добиться хотя бы немного благосклонности от него! Но меня он почти не замечает. И все же я рад его видеть и служить ему! Я видел Маргиту... Бедная моя сестричка! Господи, приведи Ты Сам все в порядок, дай, чтобы они могли соединиться. Для людей многое невозможно, но для Тебя нет преград».

Перед внутренним взором Николая вставали картины недавнего прошлого. В них было многое, о чем он не знал. С какой заботливостью и радостью было описано, как свет начинал светить в сердцах всех тех, перед кем Мирослав свидетельствовал о Господе. Записано было у него каждое доброе слово, каждое, даже самое малое доказательство любви к нему. Как они ему были дороги и как мало их было!

Николай дочитал до того места, где речь шла о болезни его матери. Книжка выпала у него из рук.

«Это была ужасная ночь! Слава Тебе, Господь мой, что она кончилась. Но я прошу Тебя, пусть подобные ночи не повторятся для Твоего несчастного дитяти! Я вчера очень взволновался. Я благодарю Тебя, Господь, что обошлось без сердечного приступа, хотя для меня это, наверное, было бы лучше, потому что я не знаю, как сегодня выйду на улицу. Но я живу уже не для себя: несчастная женщина нуждается во мне. Никуша перепоручил ее мне. Но то, что мне вчера пришлось сказать ей правду... Теперь мне кажется, что каждый видит на моем челе печать позора. О, не могла бы эта боль миновать меня? Разве я такой гордый, что нуждаюсь в таком ужасном унижении? О Господи, помилуй и утешь меня! Мне надо провести собрание, но как я его проведу с таким раненым сердцем? О моей вчерашней жертве я не жалею, Господи, нет! Эта несчастная, дорогая душа должна была выйти из своего заблуждения, даже если бы

мне это стоило жизни. Я не хотел, чтобы она мать мою подозревала и дальше в таком ужасном грехе — тебя, моя бедная матушка! Но кому бы эта несчастная дама больше поверила, чем мне — Людмиле Боринской и ее сыну? Нет, я не жалею об этом, только мне теперь кажется, что каждый может прочитать на моем челе эти ужасные слова: „Незаконный сын К-го“.

Надо бы посмотреть за ней, но не могу. О, Господи, я желал бы, чтобы ее глаза никогда больше не смотрели на меня!

Зачем я все это пишу? Зачем я трогаю свою рану? Разве Господь моей матери и мне не оказал великую милость тем, что Урзин, не смотря на то что знал о ее положении, смиростивился над ней, взял ее и великодушно дал ей и мне свое доброе имя? Помогите мне, Господь, быть достойным Твоей милости и носить дарованное мне имя с достоинством до конца моих дней!»

Прочитав эти слова, юноша сидел, словно пораженный молнией. Ах, как часто слово человеческое сильнее электрической искры! А раскрытая тайна всегда поражает.

Эта тайна, которая так давила на Урзина, поразила Николая Коримского, как удар. Под ее тяжестью он упал на пол и закрыл лицо руками, потому что чистые ланиты сына загорелись от позора его павшего отца.

Теперь весь мрак исчез. Бедная его мать, к которой он часто бывал таким несправедливым, обвиняя ее в жестокости, оправдана в могиле. Дальнейшего разъяснения не требовалось: Николай знал теперь все.

Когда он через какое-то время вошел в зал, собравшиеся уже пели:

Верной защитой Он будет,
Бремя твое понесет;
Он никогда не забудет,
Слезы с очей Сам отрет.
Видит твои Он скитанья,
Все удалит вздыханья,
Плач прекратит и стенанья,
Все слезы с очей Сам отрет.

Все видели, как Николай Коримский подошел к гробу усопшего друга. Склонившись у его головы, он ласково провел рукой по его лицу, словно хотел что-то стереть с него. Все видели его волнение, слезы катились по его щекам. Но никто не знал и не подозревал, о чем Николай в тот момент думал. Только теперь Николай узнал о любви брата к нему, которую тот даровал ему ценой своей собственной жизни. Он понял, что такой любовью его ни один человек никогда больше любить не будет. Он понял это, только когда эта любовь ушла туда, где было ее начало, — в сердце Бога.

Николай молился. Хотя глубокая рана в его груди кровоточила, он все же благодарил Господа за то, что узнал правду о своем брате, хотя и после его смерти. Он благодарил также за его освобождение, так как понял, что с этим жалом в сердце у него на земле нигде счастья не могло быть. От этого жала только смерть могла его освободить.

Николай поднялся. Извинившись, он попросил людей удалиться и оставить его с братом наедине. Все присутствовавшие оставили зал. Николай немного проветрил помещение. Поглядев с тоской на звездное небо, он закрыл окна, двери и потушил все лампы, кроме свечей, горевших вокруг гроба. После этого он снова достал ту книжечку — единственное завещание своего дорогого брата, и, время от времени глядя на его тихое, преображенное лицо, стал читать дальше. Он нашел и те отрывки, которые Аурелий не мог забыть.

«Состояние мое сильно ухудшилось, — писал Мирослав в тот радостный для Николая вечер. — Я поспешил уйти из Подолына, потому что мне было очень плохо. Когда вернусь, пойду к доктору Раушеру. Хотя прошло всего полгода, но у меня такое ощущение, что скоро могут разорваться все сосуды моего сердца. Я чувствую приближение конца. О, Иисус мой, неужели я так скоро увижу Тебя? Мне не верится, что освобождение мое так близко и странствование мое на чужбине скоро закончится!»

Затем следовали записи о его разговоре с маркизом и молитва о его спасении. В конце дневника была запись о первом воскресенье, которое он снова провел в Подграде.

«Вчера со мной случилось несчастье. Когда я поднимался по лестнице, я почувствовал, что она закачалась, и, хотя Господь сохранил меня от падения, я все же ударился, и сегодня мне очень трудно ходить и сидеть. Я очень устал. Слава Богу, что работа в основном закончена. Сегодня я смогу весь день провести в служении Господу. Это для меня такая радость!

Ночь. Я был у доктора. Предчувствие мое было верным. Осталось две недели. Что мне делать? Деньги мои закончились. Пойти к пану барону умирать и быть ему в тягость я не могу. Если бы долина Дубравы была подальше от Боровце, братья и сестры охотно приняли бы меня на эти дни. А так мне ничего другого не остается, как идти в больницу. Ах, не волнуйся, душа моя. Спаситель твой умер на кресте. Ведь не так уж важно, где человек уснет, важно, где он проснется. А я, у которого на земле не было родины, как и у Тебя, мой Спаситель, проснусь, наверное, дома. Мало я успел сделать, но я благодарю Тебя, мой Господь, что Ты, по великой милости Своей, дал мне увидеть хоть немного плодов. Я молю Тебя, возьми Подград под Свою защиту, пока вернется Степан.

Побуди братьев свидетельствовать о Тебе. О, если бы Никуша захотел, он с помощью Аурелия мог бы продолжить здесь дело евангелизации! Побуди, Господи, их к этому, я на Тебя надеюсь. Не оставь спасенные души, а также пробужденных. Ты их всех знаешь по имени. Тебя ведь не огорчает, что я хочу домой, не правда ли? Ты знаешь, сколько я уже не сплю, так как боли или жестокие сны мучают меня. Я так устал. Как бы я хотел положить свою голову Тебе на колени и выспаться, прежде чем начнется новая жизнь!»

В дневнике была еще запись событий одной недели. Первая ее часть содержала молитвы за Маргиту и благодарение за ее выздоровление. Было приложено также письмо, которое она ему послала в ответ на его братский привет, а из дальнейшей записи Николай узнал о борьбе, которую Мирослав вынес, до того как он написал те три письма.

«Мне надо уходить, пока они не пришли, потому что болезнь может настичь меня неожиданно, — писал Мирослав. — Они так добры ко мне и не отпустили бы меня, и я уже не мог бы противостоять

их любви. И тогда я нарушил бы обещание, данное дедушке, — никогда ничего не принимать от Коримского. До сих пор я каждый кусочек хлеба сам себе зарабатывал, а тогда это уже было бы невозможно. К тому же мною часто овладевает тоска, которую нужно пре-возмочь. Вчера только снилось мне, что я лежал в постели, а Аурелий ухаживал за мной и Никуша поправлял мне подушки, будто все на-вещали меня. Маргита принесла цветы и поцеловала меня, а потом пришел он и склонился надо мной.

„Как дела, сын мой?“ — спросил он меня точно так же, как спрашивал Никушу. Я словно был в Елиме. Но Елим — не рай, и тот сон никогда не будет действительностью. Он меня никогда не назо-вет своим сыном, никогда! А большее всего мне, Господь мой, оттого что я перед ним еще никогда не мог свидетельствовать о Тебе. Про-сти меня, если я был виноват, мне это очень больно, ибо, пока он не покается, Ты не можешь его помиловать. Ты попытался склонить его, но он противостоял Тебе. О, если необходимо, сломи его, только не допусти, чтобы он погиб навеки! Я получил телеграмму от него, в которой он велит мне подождать его до вечера. О, душа моя, почему ты так боишься этой последней встречи с ним? Но как мне не боять-ся? Все они приедут в Орлов, а оттуда сюда. Я все приготовил для приема дорогой Тамары. Кто осудил бы меня за то, что я хотел бы увидеть своего брата счастливым?

Если он со мной приветливо заговорит, я не смогу противостоять и останусь; если же он рассердится на меня за то, что я хочу уйти, и скажет мне недоброе слово, мне будет очень больно.

Что мне заботиться! Я скажу ему, что я болен, и попрошу его отпу-стить меня, потому что не хочу омрачать радость Никуши. Он благо-роден, он поймет и отпустит меня, и я уйду. Ах, когда закончатся все эти заботы? Когда я увижу Господа моего? Как я хочу домой!

Маргита, Никуша, Аурелий! До встречи там, в славе Небес! Свидимся у ног Христа!»

— Теперь ты дома, брат мой, и заботы твои кончились, — зарыдал Никуша. — Закончилась твоя борьба с жизнью, пол-ной лишений. Но ты был прав: Елим не был раем, и твой сон не стал действительностью — он тебя никогда не называл своим сыном. Но он не был достоин того, чтобы прижать тебя к своей

груди. Он совершил такой грех, а мы его считали страдальцем и восхищались им! Но теперь, когда все твои скорби позади, он узнает, кто ему служил и кому он хотел передать свою аптеку на откуп. Ты бы мне этого никогда не позволил, дорогой брат мой. Но Бог — не только любовь, Он еще и справедливость.

Николай поцеловал милое, застывшее лицо Мирослава, которого ни боль, ни злой сон уже не могли разбудить. Затем он удалился. Но, когда Никуша закрыл за собой дверь, он болезненно вздрогнул от слов: «Николай, это ты? Что ты здесь делаешь? Куда ты идешь?»

— К тебе, отец, — ответил он серьезно, снова открыл дверь и впустил Коримского.

— Зачем ты проводишь здесь всю ночь, сын мой? — спросил аптекарь озабоченно, и его гордый взгляд едва коснулся умершего провизора. — Ты можешь себе повредить, а ему уже ничто не поможет.

— Да, моего доброго родного брата я уже не могу вернуть к жизни. Ему моя помощь уже не нужна. Когда он нуждался в ней, никто из нас ему ее не оказал.

Холод в голосе сына неприятно задел Коримского.

— Отец, я хотел бы знать, предлагал ли ты Мирославу аптеку?

— Да, — ответил Коримский глухо.

— И что он тебе ответил?

Коримский хотел возмутиться и обойти прямой ответ, но это ему не удалось. Глаза сына неумолимо смотрели на него, а рядом был живой свидетель — доктор Раушер. Коримский в довольно мягкой форме передал сыну тот разговор и последние слова провизора. Он хотел еще добавить, что виновна в этом деле, главным образом, неискренность Мирослава, но сын с такой мольбой и болью протянул руки к нему, что он испугался.

— Нет для тебя извинения, отец, — сказал он чужим голосом. — Не тебе обвинять его в неискренности, только не тебе!

— Николай!

— Нет, — повторил сын огорченно, — ты нас всех обманывал и не покаялся в этом. Отец, посмотри на это прекрасное, чистое чело! — Со слезами на глазах молодой человек гладил лицо умершего. — Ты никогда не пожалел о том, что запечатлел

его печатью позора? Тебе сердце твое никогда не говорило, кто к тебе пришел, чтобы служить тебе?

— О, ужас! Что ты говоришь, Николай? — застонал Коримский, закрыв лицо руками.

— Правду, отец! Посмотри, здесь лежит мой родной брат, которого я никогда не забуду, замученное сердце которого всегда будет стоять между мной и тобой! Здесь лежит твой отвергнутый, брошенный сын — сын бедной Людмилы Боринской! Я нашел у него дневник, содержание которого мне все объяснило. Прочти его, а потом рассуди, есть ли для тебя на земле оправдание и вправе ли ты обвинять.

Словно пораженный молнией, Коримский упал в кресло. Голова его поникла. Он слышал, как Николай ушел и оставил его наедине с покойником. Трудно себе представить состояние такого отца! Это самый ужасный суд на земле, когда родной сын, уважавший и любивший отца больше всего на свете, по праву осуждает его.

Коримский был один. Вокруг царила тишина. Он слышал свое дыхание, стук своего сердца. Изредка вспыхивала свеча... И в то же время Коримскому казалось, что он слышит многоголосое пение, которое он когда-то слышал на этом месте.

Радостно, радостно шествую в путь,
В вечный покой, где могу отдохнуть.
Хоры спасенных навстречу поют,
Радостно к вечному дому зовут.
Скоро окончу я путь свой туда,
Где позабуду невзгоды труда.
Чуждым не буду скитаться душой:
Радостно встречу я отдых святой.
Там все друзья пред Иисусом стоят,
Пламенем вечного счастья горят
И воспевают в восторге души:
Радостно, радостно к нам поспеши.
Сладкого пения голос звучит,
Сердце стремлением к небу живит.
Звуки чудесные радостны мне,

Радостно шествовать к дивной стране.
Смерти оковы меня не страшат,
Встретит ее мой бестрепетно взгляд;
Смерти закон был Христом побежден,
Радостно мне, и не страшен мне он.
Вечности утро там ярко взойдет,
Смерти не будет, и горе пройдет.
Дивному Богу тогда воспою
Радостно в вечном прекрасном раю.

Страдания Мирослава закончились. Людям он послужил, для него наступил вечный день и мир. Тот, кого Господь принял, когда он был одиноким и брошенным, не видел теперь отчаянную боль человека, не слышал его душераздирающие жалобы, не чувствовал его поцелуи, которыми он осыпал его. Он ничего не чувствовал — было поздно!

Когда слуги на другое утро в коридоре встретили своего господина, они увидели согбенного человека с потухшим взором, которого едва можно было узнать. Словно буря сломала дерево, которое не хотело согнуться.

Трудно описать, какое впечатление произвела эта внезапная перемена на всю семью. Это был ужасный момент, когда вчера еще столь гордый Коримский в присутствии всех признался, кто умер вчера у него в доме, к чему пораженный Аурелий добавил еще некоторые пояснения. Нет, такие моменты описать невозможно ни пером, ни словами, зато они остаются в сердцах тех, кто их пережил.

На третий день молодого провизора похоронили в саду Коримского под старой стеной. Место было очень красивое, специально освященное пастором из Раковиан для этой цели.

На похороны приехал также барон Райнер. У могилы Мирослава Урзина впервые Коримский и Райнер подали друг другу руки. Когда украшенный цветами гроб опускали в могилу, все плакали. Все присутствующие были его вечными должниками.

В похоронах участвовал также капеллан Ланг. Когда уже все разошлись, он еще долго стоял у могилы «мечтателя», размышляя о его жизни и смерти. Невольно вспомнились ему

слова, сказанные когда-то умершим: «Никто на свете вам не может помочь, кроме Иисуса Христа».

«Если бы у нас была эта уверенность, которая была у него!» — подумал он печально.

После похорон Николай Коримский в присутствии всех подградцев, полюбивших Господа, сообщил священнику Н., что и в дальнейшем алчущие души будут собираться в его доме для разбора Слова Божьего. И господин пастор не осмелился возразить. Они мирно разошлись, хотя Николай представил ему и Степана, сообщив пастору о своих планах насчет него. Маргита воспользовалась присутствием свидетелей и сообщила священнику еще раз о своем переходе в евангелическую церковь.

Этим закончились похороны Мирослава Урзина, которого в Подграде еще долго будут помнить.

Глава шестьдесят пятая

«Орлов, 1 декабря 19... г.

Многоуважаемый пан маркиз!

Где-то под пальмами Египта Вы радуетесь теплу. У нас же дуют холодные ветры. Сейчас точно такая погода, как в тот день, когда неузнанный сын впервые переступил порог отчего дома, когда Свет в образе Мирослава пришел к нам.

Мы в Подолине. Все заняты приготовлениями к путешествию.

А мне поручено сообщить Вам о времени прибытия. К сожалению, я с ними ехать не могу: дедушка нездоров, и мы не можем оставить его одного — это первая причина. Во-вторых, моя врачебная практика так расширилась, что я не могу сейчас оставить моих больных. И, в-третьих, не можем же мы оставить свое собрание.

Хотя я Никушу заменить не смогу, так же как он не может заменить Мирослава, однако нужно свидетельствовать, и я рад, что могу это делать.

О, как я рад, что и Вы, Ваша светлость, свидетельствуете о Христе, и я признаюсь, что хотел бы Вас видеть в Египте христианином и представителем Истины Божьей. Но самоотречение — тоже завет нашего Господа.

Наша дорогая Тамара уже радуется, что сможет показать Никуше свою родину. Ему перемена климата, скорее всего, пойдет на пользу. Но если бы Вас там не было, они, наверно, охотнее остались бы дома, потому что они здесь начали хорошее дело.

Тамара привезет с собой Илону Зарканую — будущую жену пана Вилье.

Адам очень рад, что Маргита едет с ним. Однако я думаю, что они в Египте больше займутся исследованием Истин Божьих, чем египетских древностей. Маргита интересуется, прежде всего, выходом израильтян из Египта. Они хотят побывать также в священной стране. Они вместе с Тамарой и Николаем положили начало добрым делам. И все это они оставляют под моим прищотром!

Не слишком ли много почетных поручений?!

Вчера я был в долине Дубравы. Скучно там без Степана и Петра. Мариша ведет воскресную школу, и у нее уже довольно много учеников. Слово Божье преподает им теперь дедушка Градский. И хотя это не захватывающие проповеди Степана, все же заметно, что Дух Божий говорит устами этого старца и благоприятно действует на души детей.

С кафедры в М. все еще мечут громы и молнии против бедных „мечтателей“, однако ни один еще не был поражен! Наш господин пастор Н. более осторожный человек — он с нами подружился.

При встречах мы по-дружески пожимаем друг другу руки. Несколькo раз он был даже на наших собраниях. После проповеди Николая он молился. Но отчего мы сейчас такие хорошие друзья, я Вам напишу в конце.

От Степана и Петра мы получили письма, которые нас очень обрадовали. Петр немного жалуется на тоску по родине, а Степан, у которого дома невеста осталась, полон святого воодушевления: „Как хорошо, что Иисус Христос нам помогает и дает каждый день возможность через самоотречение все более уподобиться Ему и стремиться к совершенству“. Его учитель пишет о нем: „Этот юноша всем своим соученикам настоящее благословение. Он совершенно свободен от собственного „я“, кроток, трудолюбив и полон любви в словах и в хождении, прекрасный характер“.

Я рад слышать такое о нашем воспитаннике.

Относительно дяди Коримского писать особенно нечего. Хотя состояние отчаяния у него прошло, но, думаю, пройдет еще много времени, прежде чем он обретет мир. Однако мы все верим и молимся, чтобы это совершилось. Он теперь снова сам работает в аптеке — не знаю, возложил ли он это на себя как наказание или делает потому, что Мирослав там все так хорошо устроил. Ах, если подумать, то и это благоустройство стоило ему частицы жизни. По утрам и вечерам дядя часто часами стоит у могилы Мирослава, но это теперь уже напрасно. Но я рад, что возникший между ним и Николаем разрыв, перешедший было и на Маргиту, благодаря стараниям Тамары постепенно сглаживается. Это меня и не удивляет. Дети Коримского сильно ошиблись в своем отце. Он был очень несправедлив к тому, кто нам всем был дорогим благодетелем.

И последнее сообщение. Большое волнение вызвало в Подграде и его окрестностях известие, что Орловские перешли в евангелическую церковь. Они открывают теперь школу, а Коримский ту часть парка, где находится могила Мирослава, отдал для устройства кладбища. Оно уже освящено церковью.

Однако я думаю, что лучшим его освящением было то, что мы похоронили там останки чада Божьего. О, спи спокойно, дорогой брат! После того, что ты, ценой своей жизни, пробудил нас от греховного сна, мы решили оживить мертвую евангелическую церковь, для которой ты был только презренным „мечтателем“.

Ты однажды увидишь, что жил и умер не напрасно.

Мы знаем, что в глазах мира, что бы мы ни делали, всегда остаемся „мечтателями“.

Но это ничего. Слава Богу, что ночь заблуждения у нас кончилась, и в наших сердцах засиял свет правды — Иисус Христос.

Ему предает и Вас, пан маркиз, любящий Вас

Аурелий Лермонтов-Орловский».

*«Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя,
истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа».*